

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (106)

Гуманитарные науки

2018

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Ph D, Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2018, № 1 (106) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Ганжуров А.И. <i>Мировоззрение и отношение к республиканскому прошлому в творчестве Аммиана Марцеллина</i>	5
Дубровко Е.Н. <i>Вопрос о статусе Восточной Галиции в англо-польских отношениях в 1919–1923 гг.</i>	10
Жихарев С.Б. <i>Инверсионно-мультипликативная модель железнодорожного строительства в России в 1860-е гг.</i>	17
Кривуть В.И. <i>Развитие системы народных сельскохозяйственных школ на территории Западной Беларуси в межвоенный период</i>	21
Попов А.В. <i>Создание волостных земств на территории белорусских губерний (февраль–октябрь 1917 г.)</i>	27
Старовойтов М.И. <i>Теоретико-методологическое и историографическое обоснование исследования белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы</i>	33
Степанчук Ю.С. <i>Особенности взглядов Богдана Хмельницкого относительно функций общего казацкого совета в современной украинско-польской историографии</i>	40
Усовіч К.С. <i>Навуковая канцэпцыя дзяржаўнага музея Францыска Скарыны (праект, скарачаны варыянт)</i>	44

Филология

Афанасьев И.Н. <i>Правда танков: Воронежское сражение 1942 года в свидетельствах военкоров</i>	49
Гомонова И.Г. <i>Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий</i>	54
Козлова Р.М. <i>Реконструкция микросистемы *Vъrb-</i>	59
Ляшчынская В.А. <i>Сімволіка фразеалагізмаў з кампанентам шапка ў беларускай мове</i> ..	64
Малиновская М.Ю. <i>Новейшая русская литература и теория трёх родов: эпическое в поэзии Ф. Сваровского</i>	71
Ничипорчик Е.В. <i>К вопросу о границах паремиологии и системности паремиологических единиц</i>	75
Паўлавец Д.Д. <i>Важкі ўклад у вывучэнне гісторыі беларускай літаратурнай мовы</i>	83
Пантелеева И.В. <i>Функционирование дискурсивных маркеров во французской учебной лекции</i>	87
Солодкая О.И. <i>Девербативы инструментального значения с суффиксом -в- в русском языке</i>	94

Станкевіч А.А. <i>Сінтаксічныя сродкі звязнасці і вобразнасці ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны</i>	100
Тимошенко Е.И. <i>О внутренней форме номинаций со значением уступки в русском и других славянских языках</i>	105
Фань Чжи. <i>К вопросу об эквивалентности перевода китайской электроэнергетической терминологии на русский язык</i>	110
Хазанова К.Л. <i>Агіяграфічныя элементы ў міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны</i>	115
Цімашэнка Н.П., Бобрык У.А. <i>Сінтаксічная катэгорыя аб'ектнасці ў мове беларускіх народных песень пра каханне</i>	120
Цыбакова С.Б. <i>Вредоносная магия в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка»</i> ..	125
Ясюк І.В. <i>Канон як літаратуразнаўчая праблема: розныя погляды і падыходы</i>	130
ФИЛОСОФИЯ	
Дубравина А.М. <i>Социальные иллюзии: проблема классификации</i>	136
Калмыков В.Н. <i>Концепция информационного общества как этап развития теории постиндустриализма</i>	143
Одиноченко В.А. <i>Время культуры как проблема</i>	150
Соколова Э.А. <i>К вопросу о сходстве и различиях экзистенциальных и психологических проблем</i>	156
Цацарин В.В. <i>Тропология Х. Уайта: спорные моменты</i>	162
Черниенко О.В. <i>Визуализация идентичности в информационном обществе</i>	167

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2018, № 1 (106) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.I. Ganjurov. <i>World outlook and attitude to the republican past in the works of Ammianus Marcellinus</i>	5
E.N. Dubrovko. <i>The question of the status of Eastern Galicia in Anglo-Polish relations in 1919–1923</i>	10
S.B. Zhyharev. <i>Inversion and multiplicative railway construction model in Russia in 1860-th ..</i>	17
V.I. Kryvut. <i>Development of the system of folk agricultural schools in the territory of Western Belarus in the interwar period</i>	21
A.V. Popov. <i>The creation of volost zemstvos in the territory of the Belarusian provinces in February–October 1917</i>	27
M.I. Starovoitov. <i>Theoretical-methodological and historiographical substantiation of the study of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderlands in the 1920s–1930s</i>	33
Yu.S. Stepanchuk. <i>The features of Bohdan Khmelnytsky's views concerning functions of the General Cossack Council in the modern ukrainian-polish historiography</i>	40
K.S. Usovich. <i>The scientific concept of the State Museum of Francisk Skaryna (project, abridged version)</i>	44

PHILOLOGY

I.N. Afanasiev. <i>Truth of tanks: the Voronezh battle of 1942 in the documents of military correspondents</i>	49
I.G. Gomonova. <i>Reduction as one of the ways of discursive realization of paremia</i>	54
R.M. Kozlova. <i>Reconstruction of the microsystem *Върб-</i>	59
V.A. Lyashchynskaya. <i>The symbolism of phraseology with component hat in the Belarusian language</i>	64
M.Y. Malinovskaya. <i>Russian contemporary literature and the three modes theory: the epical in F. Svarovsky's poetry</i>	71
E.V. Nichiporchik. <i>To the question of the boundaries of the paremiology and the systemativeness of the paremiological units</i>	75
D.D. Pavlovets. <i>Significant contribution to the study of the history of the Belarusian literary language</i>	83
I.V. Pantsialejeva. <i>Functioning of discourse markers in French academic lecture</i>	87
O.I. Solodkaya. <i>Deverbatives of instrumental value with the suffix -б- in Russian language</i> ..	94
A.A. Stankevich. <i>Syntactic means of connectivity and imagery in calendar songs of Gomel region</i>	100
E.I. Timoshenko. <i>On the internal form of nominations with the meaning of assignment in Russian and other Slavic languages</i>	105

Fan Zhiyi. <i>To the issue of the equivalence of translation of electric power terminology from Chinese into Russian</i>	110
K.L. Hazanova. <i>Hagiographic elements in mythological stories of the Gomel region</i>	115
N.P. Timoshenko, U.A. Bobrik. <i>The syntactic category of object in the language of the Belarusian folk songs about love</i>	120
S.B. Tsybakova. <i>The harmful magic in the story of Anatol Kozlov «The Unbroken Candle»</i> .	125
I.V. Yasyuk. <i>Literary canon as a problem: different views and approaches</i>	130
PHILOSOPHY	
A.M. Dubravina. <i>Social illusions: the problem of classification</i>	136
V.N. Kalmykov. <i>The concept of the information society as a stage in the development of the theory of post-industrialism</i>	143
V.A. Odinochenko. <i>The time of culture as a problem</i>	150
E.A. Sokolova. <i>The issue of similarities and differences of existential and psychological problems</i>	156
V.V. Tsatsarin. <i>H. White's tropology: controversial issues</i>	162
O.V. Chernyenko. <i>Visualization of identity in the information society</i>	167

История

УДК 94(37).08+94(37)(093.3)

Мировоззрение и отношение к республиканскому прошлому в творчестве Аммиана Марцеллина

А.И. ГАНЖУРОВ

Исследуется отношение Аммиана Марцеллина к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э., завершившимся установлением монархического режима принципата. Анализируются параллели автора между республиканским периодом, принципатом и доминатом в Древнем Риме.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Римская республика, гражданские войны, гражданская свобода, монархия, принципат, демократия, социальные стереотипы, христианство.

The attitude of Ammianus Marcellinus to the civil wars in Rome in the first century BC, culminating in the establishment of the monarchical regime of the Principate is examined. The author's parallels between the Republican period, the Principate and the Dominate in Ancient Rome are analyzed.

Keywords: Ammianus Marcellinus, the Roman Republic, civil wars, civil liberties, monarchy, Principate, democracy, social stereotypes, Christianity.

Время жизни Аммиана Марцеллина (ок.330 – ок.400 гг. н.э.) [1, с. 32], [2, с. 121], характеризуется переломным моментом для европейской цивилизации, когда новая идеология христианства сумела захватить сознание большого количества жителей империи и к концу его жизни практически окончательно утвердился на государственном уровне, включая императоров. Среди интересующейся науками элиты еще оставались люди, не поддавшиеся распространению новой идеологии. И таких подданных было немало, включая самого Марцеллина, Евтропия, Аврелия Виктора. Однако малообразованные императоры-«солдаты» после Юлиана (361–363 гг.н.э.) уже все были христианами. Таким образом, сам Марцеллин принадлежал к последним «островкам» свободомыслия, уже не играющим существенной роли в становлении и мировоззрении общества [3, с. 5]. Аммиан родился в Антиохии Сирийской [3, с. 18]. По всей видимости, его семья была местного знатного греческого происхождения, так как сам себя называл «человек благородного звания» (*insuetus ingenuus*) и греком [4, с. 176], [5, с. 223]. По мнению А. Уоллеса-Хэдрилла, его антиохийская семья принадлежала к сословию куриалов [6, р. 14]. О происхождении Аммиана можно судить и по его негативному отношению к популярным в Риме «незнатным и никому не известным проходимцам» (*subditicios ignobiles et obscuros*), а также по явно имеющим автобиографический характер жалобам на отсутствие в столице достойного отношения к «новому человеку благородного сословия» (*honestus advena*) [4, с. 37]. Именно по причине своего благородного происхождения Аммиан Марцеллин смог получить хорошее образование [7, с. 435], [8, с. 1551], включая глубокое изучение Цицерона, которого он называет по имени 34 раза [8, с. 1553], что и позволило ему в будущем стать последним крупным выдающимся античным писателем-историком. Его критические отзывы эпохи напоминают сатиру и еще более – Лукиана [8, с. 1554].

К 353 г. Аммиан был протектором-доместиком [3, с. 18]. Протекторы входили в элиту позднеримской армии и были близки к императору, что позволило Аммиану находится в курсе всех важнейших государственных дел. Вероятно, Аммиан имел возможность обращаться и к различным официальным документам из государственных архивов [9, с. 149]. Как бывалый военный Аммиан неоднократно хладнокровно рассказывает о случаях каннибализма и наведения ужаса на врага с помощью употребления крови из горла еще живого поверженного противника [4, сс. 347, 385, 386, 523], [2, с. 124]. Как для римского воина периода

доминанта для Аммиана было характерно, что хотя он по своему происхождению являлся греком, но был римским патриотом, сторонником усиления могущества империи во всех ее проявлениях и формах любой ценой, даже путём поголовного и беспощадного уничтожения враждебных народов [4, сс. 111, 126, 132, 139]. Таким образом, расширение римской империи виделось Аммиану одной из важнейших задач существования государства.

В оценках Аммиана гражданских войн I века до н.э. и в целом демократии мы видим синкретичность взглядов автора «Деяний», нормально относящегося как к демократии, так и к доминанте [7, с. 433], [8, с. 1554], [2, с. 124], которые он обосновывает этапами развития государства. Его личные симпатии принадлежат скорее ушедшей эпохе принципата. Пользуясь метафорами, автор сравнивает римскую историю с периодами детства, «подростка», юношей и мужей, и старости [4, с. 35–36]. К детству Аммиан относит почти 300-летний период, от царей и начальный период демократии до взятия Рима галлами Бренна, т. е. пока «римский народ выдерживал войны вокруг стен города». К «подростковому» периоду относится выход за обе границы полуострова с захватом Сицилии и Галии. Период юношей и мужей для Рима характеризуется как «стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в круг земной». И наконец, к старости Рим обратился к «более спокойной жизни». Таким образом, демократический период описывается Аммианом как промежуточное состояние между детством и юношеством. К этому же периоду он относит и получение «основы свободы». Примечательно, что к гражданским войнам I века до н.э. отношение Аммиана Марцеллина базируется на позициях принципата и оценивается как добрые и разумные события, приведшие к управлению Цезарей [4, с. 35–36]. Законы Суллы об обысках «хотя бы и кровавых», при оскорблении священной особы императора защищаются и называются разумными при исключении их массового применения. Здесь хорошо видно, что известный закон о стремлении к царской власти, принятый на заре республики [10, с. 200], который давал право каждому без предварительного суда и следствия убивать подозреваемого человека, уже не упоминается и звучит призыв всеми силами граждан империи защищать императора. «Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами,» – утверждает Аммиан [4, с. 185].

Интересен взгляд Аммиана с позиции отношения жителей провинций к Риму. Будучи урожденным сирийским греком, он полагает, что повсюду «чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа», несмотря на то, что «трибы давно бездействуют, центурии успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия» [4, с. 36].

Известный случай с Кинеасом, послом Пирра, который сравнивал римский сенат с множеством царей в республиканский период, используется Аммианом Марцеллином с осуждением императора при описании приезда Констанция в Рим и его пренебрежительного отношения к сенату, разительно отличного от Кинеаса [4, с. 97–98], [10, с. 491]. При описании неудавшегося покушения на Констанция захваченные его вещи Аммианом прямо называются царскими [4, с. 182]. Не чужды Аммиану положительные оценки фигур Сципиона Эмилиана и Помпея времен республики, в которых он защищает Помпея от клеветы в стремлении к царской власти [4, с. 133], а также консула Квинкция Цинцинната, имевшего славу бедняка [4, с. 248]. Марий и Цинна представлены с некоторым осуждением за предоставление домов проскрибированных граждан на разграбление римской черни и этому противопоставляется нежелание простого народа воспользоваться возможностью ограбления [4, с. 484].

Значительное влияние оказал на мировоззрение Аммиана Марцеллина неоднократно упоминаемый им Цицерон, который тоже был «новым человеком» своего времени. Это сказалось и на религиозных взглядах, в которых решающие события приписываются богам и человеческой глупости, неверно истолковавшей божьи знамения, а также допускается научность астрологии [1, с. 216]. Цитирование в данном контексте Цицерона предполагает ответственность богов за смену государственного устройства. Хорошо знаком Аммиан и с трактатом Цицерона «О государстве», выдержку из пятой книги, которого он приводит [4, с. 472–473], [11, с. 78]. В отношении Юлия Цезаря Аммиан, следуя мнению Цицерона, планы Цезаря стать царем считает «нечестивыми и гибельными», не приносящими счастья, а действия

жестокими, проводя при этом аналогию с изгнанником Камиллом, который был счастливее, чем его современник Манлий, спаситель Капитолия, даже если бы он смог стать царем [4, с. 240]. Глазами Цицерона он смотрит и на Брута, отмечая, что «с похвалой о Бруте отмечает Туллий... он [Брут – Г.] ничего не допускал в угоду кому-либо, однако все его действия были угодны всем», что, безусловно, шло вразрез с интересами Цезаря и Августа [4, с. 397].

Синкретизм наблюдается у Аммиана и при описании правления Юлиана, которого он дважды именуется принцепсом, достигшим власти без потерь для государства, и один раз царем [4, сс. 214, 245, 286]. Отправление консульства Валентинианом и Валентом обозначается как высший сан, перешедший на следующий год Грациану и Дагалайфу, а после смерти Иовиана гражданские чины вместе с военными командирами уже ищут «на царство» достойного человека [4, сс. 374, 355–356]. Когда же его нашли в лице Валента, также описывается его царское достоинство [4, с. 437]. Не чуждо Аммиану и использование термина «тиран» к событиям своего времени [4, с. 389]. Мы наблюдаем наложение, казалось бы, взаимоисключающих социальных стереотипов, влияние которых на сознание людей было известно самому автору, описывающему силу явления подражания и запечатления на примере нисхождения в массы нравов двора императоров. Так, он сообщает о дворе Юлиана: «Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений» [4, с. 247–248]. Аммиан высказывает сомнение в целесообразности описания массовых казней за колдовство, так как опасается показать в своей книге читателям пример подражания подобным действиям, но считая, что он пишет во время «высшей нравственности», полагает, что времена религиозной «инквизиции» уже не вернутся [4, с. 406–407].

Не менее важным, чем политический, представляется и религиозный синкретизм в работе Аммиана, причем как его личный, так и общегосударственный. Исходя из концепции, что новые идеологии, в данном случае христианство, распространяясь в обществе, многое изменяют в самом обществе, в т. ч. с помощью издания новых законов, можно на основе «Деяний» рассмотреть взаимопроникновение монотеистического христианства с политеистическими воззрениями античности.

Из религиозно-философских учений ближе всего Аммиану был неоплатонизм, в чем можно согласиться с исследователем В.С. Дуровым [2, с. 125]. Веру в языческих богов Олимпа у историка сменила вера в высшее божество, управляющее миром, к которому свободно мог обращаться любой человек. При этом неоплатонизм не отделен от любви к традиционной языческой культуре. Данная позиция однозначно показывает влияние монотеистического христианства на политеистическое население империи в сторону синкретичности религиозных воззрений. Аммиан в целом толерантно относится к христианству [2, с. 124]. Советский исследователь Удальцова З.В. видела двойственность отношения Аммиана к христианству, однако о двойственности можно говорить лишь с позиции современных взглядов и воспитания, в которых нет места вере в римских богов [12, с. 43], [7, с. 433]. Источник предмета христианского культа Аммиан видел в египетских «знаниях», из книг которых черпал Иисус свои идеи, будучи соперником Юпитера. При этом он свидетельствовал, вопреки Библии, что Иисус никогда не был в Египте [4, с. 276]. Достаточно трезво Аммиан описывает действия и мотивы служителей христианского культа. А описывая время правления Юлиана, он указывает, что, несмотря на просьбы императора предать забвению свои распри между различными епископами и их паствой, Юлиан расчетливо усугублял эти распри, дав свободу трактовки веры каждому епископу, так как «знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях» [4, с. 249].

Описывая борьбу Дамаса и Урсина за папское кресло в Риме, он указывает на кровавые бунты народа, который разделившись на партии, в борьбе доходил до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Сами волнения христиан упоминаются неоднократно. После победы Дамаса, в базилике христианского культа Сицинина, было найдено 137 трупов убитых людей, «и долго пребывавшая в озверении чернь лишь исподволь и мало-помалу успокоилась». Префект города паннонец Вивенций, обеспечивавший город изобилием продуктов, был вынужден удалиться из города, не имея возможности ни исправить христиан, ни смягчить [4, с. 384]. А префекту города Претекстату пришлось успо-

каивать его жителей от волнений, которые вызвали раздоры христиан [4, с. 396]. Мотивы занятия папского кресла тоже видны Аммиану со стороны, как человеку не заинтересованному: «Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол» [4, с. 385]. Также пользуясь религиозностью императора Констанция ватаги епископов бесплатно разъезжали туда и сюда за счет государственной почты, чем причинили ей «страшный ущерб» [4, с. 241]. Само же христианство, не содержащее в своем учении ни слова о демократии и описывающее только реалии монархии, продолжило распространение, как на умы людей, так и на общественное устройство.

В текстах Аммиана Марцеллина бросается в глаза обилие фактов казней с помощью сожжения. Самих упоминаний о сожжении около 20, и неоднократно Аммиан рассказывает о приговорах тяжких казней, без упоминания каких именно. Сожжением казнят за посягательство на императорский трон, колдовство, к которому относят в т. ч. астрологию, разврат и прелюбодеяние, дезертирство. Само по себе сожжение в республиканский период и при первых императорах применялось редко, например Нерон, казнивший часть христиан сожжением по обвинению в устройстве пожара Рима, о чем нам сообщает Тацит [13, с. 388]. А по приказу императора Валентиниана, наблюдается вариант казни побитием камнями и убийство царя Армении за способность превращения в оборотня с помощью культа Цирцеи [4, сс. 447, 466]. Есть и казни с отсечением руки [4, с. 455]. Уже практикуются добровольные массовые сожжения своих личных библиотек «по всему Востоку» империи из страха обвинения в колдовстве и сожжение книг по приговору суда, хотя это были в основном книги по свободным наукам или же относились к праву [4, сс. 442, 441]. А самой науки, по мнению Аммиана Марцеллина, некоторые люди стали бояться как яда. [4, с. 421]. Сам Аммиан, склоняющийся к политеизму [2, с. 125], описывая одно из расследований, использует термин «дьявольский следователь» [4, с. 408]. В двух законах Константина I от 319 г. смертная казнь за колдовство и астрологию уже четко прописана, и осуществлялась, как правило, через сожжение, а в «Кодексе Феодосия» 438 г. сожжение уже рядовое явление [14, с. 169–170]. Колдовство, астрология и другие оккультные практики, в которые верило большинство населения [15, с. 466], претерпевали жестокие гонения от христианства, борového с этой стороной политеистической культуры [14, с. 166–174].

Будучи сам верующим человеком, Аммиан кратко упоминает атеистов своего времени, говоря, что многие из римской знати, непосредственно в Риме, отрицали существование высшего божества на небе, но были приверженцами астрологии [4, с. 423]. Для самого Аммиана (как и у других людей того времени) одной из главных сил, управляющими миром, является судьба (или счастье – *fortuna*) [7, с. 433].

В заключение можно сделать вывод, что Аммиан Марцеллин спокойно относился к изменению государственного устройства Рима в результате гражданских войн I века до н.э., считая это естественным ходом событий. Мы видим синкретичность взглядов автора «Деяний», нормально относящегося к демократии, принципату и доминату, которые он обосновывает цикличностью, этапами взросления и развития государства. У Аммиана просматривается религиозное и астрологическое объяснение смены государственных устройств. Как протектор-доместик он входил в элиту римской армии, был в окружении императора и таким образом являлся частью государственной системы. Завоевательная политика виделась Аммиану одной из важнейших задач империи. Конкретно к гражданским войнам I века до н.э. отношение строится с позиций принципата и оценивается как добрые и разумные события, приведшие к установлению правления цезарей, хотя жестокие действия самого Цезаря осуждаются. Однако выделяется и отличие от историков принципата, проявляющееся в повышении сакрализации фигуры императора, воплотившееся в призыв всеми силами граждан империи защищать императоров от оскорблений и посягательства на их жизнь. Уже заметна выросшая роль христианства, которое для Аммиана рассматривается равнозначно с его политеистическими воззрениями через сравнение Иисуса как соперника Юпитера. Аммиан в целом толерантно относился к христианству, причем более лояльно, чем историки периода

принципата. Как эрудированный человек Марцеллин принадлежал к последним «островкам» свободомыслия, уже не играющим существенной роли в становлении и мировоззрении общества. Значительное влияние на свободомыслие Аммиана оказала приверженность Цицерону и изучение его трудов. Его социальные стереотипы, впитав в себя, как демократию вместе с принципатом и доминатом, так и политеизм с христианской культурой, отражали объективную составляющую мировоззрения человека из слоя образованной элиты IV в.

Литература

1. Дмитриев, В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии / В.А. Дмитриев // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2007. – Вып. 1. – С. 32–42.
2. Дуров, В.С. Художественная историография Древнего Рима / В.С. Дуров. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. – 144 с.
3. Лукомский, Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его время / Л.Ю. Лукомский // Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб. : Алетейя, 1996. – С. 5–21.
4. Марцеллин, А. Римская история / А. Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 1996. – 594 с.
5. Каждан, А.П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе / А.П. Каждан // Вестник древней истории. – 1972. – № 1. – С. 223–232.
6. Wallace-Hadrill, A. Introduction / A. Wallace-Hadrill // Ammianus Marcellinus. The later roman empire (a.d. 354–378). – London : Penguin Books, 1986. – P. 13–35.
7. Соболевский, С.И. Историческая литература III–V вв / С.И. Соболевский // История римской литературы. – М. : АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 420–437.
8. Михаэль фон Альбрехт. История римской литературы: в 3-х т. / Михаэль фон Альбрехт. – М. : Греко-латинский кабинет, 2005. – Т. 3. – 2001 с.
9. Банников, А.В. Можно ли доверять Аммиану Марцеллину? / А.В. Банников, Г.А. Шмидт // Античный мир и археология. – 2013. – Вып. 16. – С. 148–163.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания / Плутарх. – М. : Правда, 1987. – Т. 1. – 590 с.
11. Цицерон. Диалоги / Цицерон. – М. : Наука, 1966. – 224 с.
12. Удальцова, З.В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина / З.В. Удальцова // Византийский временник. – М. : Академия наук СССР, 1968. – Т. 28. – С. 38–59.
13. Тацит, Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. / Публий Корнелий Тацит. – М. : Ладомир, 2003. – 986 с.
14. Марей, А.В. Колдовство в законодательстве поздней империи / А.В. Марей // Вестник древней истории. – 2012. – № 2. – С. 166–175.
15. Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира / А.Х.М. Джонс. – Ростов на Дону : Феникс, 1997. – 576 с.

УДК 94:327(410+438):94(477)"1919-1923"

Вопрос о статусе Восточной Галиции в англо-польских отношениях в 1919–1923 гг.

Е.Н. ДУБРОВКО

Статья посвящена выявлению содержания англо-польских отношений по вопросу о статусе Восточной Галиции в 1919–1923 гг. Сделан вывод о том, что Великобритания в указанный период неоднократно пыталась использовать право на участие в определении статуса Восточной Галиции для реализации собственных внешнеполитических интересов в отношениях с Польшей, а в марте 1923 г., поддержав передачу региона Польше в обмен на благоприятную позицию последней в условиях Рурского кризиса в Европе, наконец сняла его с повестки дня.

Ключевые слова: Восточная Галичина, Великобритания, Польша, статус, дипломатия.

The article is devoted to the content of Anglo-Polish relations on the status of Eastern Galicia in 1919–1923 revealing. It is concluded that the United Kingdom during this period repeatedly tried to use the right to participate in determining the status of Eastern Galicia for the realization of its own foreign policy interests in relations with Poland. In March 1923, having supported the transfer of the region to Poland in exchange for a favorable position of the latter in the conditions of the Ruhr crisis in Europe, it finally removed the question from the agenda.

Keywords: Eastern Galicia, United Kingdom, Poland, status, diplomacy.

В начале 20 столетия в украинских землях процесс национально-государственного строительства шёл в условиях острой социально-политической борьбы. Она привлекала неустанный интерес западноевропейских держав, в частности, Великобритании, выстраивавшей свою восточноевропейскую политику в условиях складывания новой расстановки сил на международной арене. Соседние же государства, в частности, польское, переживавшее этап государственно-территориального оформления, приняли в этой борьбе активное участие. В этих обстоятельствах любые территориальные вопросы приобретали не только локальное, но и региональное и даже международное звучание. Это в полной мере характерно для вопроса о статусе Восточной Галиции – части Речи Посполитой, присоединённой Австрией в 1772 г. и имевшей преимущественно восточнославянское население, но ставшей объектом территориальных притязаний Польши после Первой мировой войны.

В историографии начиная с 1920-х гг. до сегодняшнего времени, несомненно, находит отражение содержание англо-польских отношений после Первой мировой войны. Наибольший интерес к этой проблематике проявили польские учёные [1], [2], [3]. Очевиден и их интерес к британской политике в отношении иных восточноевропейских регионов, история которых тесно связана со становлением Польши после Первой мировой войны, например, к политике Великобритании в украинском вопросе [4]. Для английской историографии лишь со второй половины 20 в. характерно проявление интереса к политике Великобритании в польском вопросе [5]. В советской исторической науке в рамках изучения истории интервенции рубежа 1910–1920-х гг. закрепился тезис о том, что державы Антанты передали Польше западную Украину в 1919 г. в качестве вознаграждения за борьбу с Советской Россией [6, с. 237–238]. Из современных российских историков можно отметить К.Н. Колмагорова, рассматривавшего политику Великобритании в польском вопросе в 1914–1921 гг., но оставившего за рамками исследования период борьбы Польши за международное признание её восточных границ [7]. Понимание тесной связи украинской и польской истории и сближение Украины с Европейским союзом способствовали росту исследовательского интереса украинских историков к отдельным аспектам англо-польских отношений межвоенного времени и появлению соответствующей тематики диссертационных работ [8]. Однако следует признать, что в историографии до сих пор не подвергались отдельному анализу англо-польские отношения по вопросу о статусе Восточной Галиции в 1919–1923 гг. Поэтому в представленной статье сделана попытка выявить содержание англо-польских отношений по указанному вопросу.

В ходе Парижской мирной конференции, закрепившей итоги Первой мировой войны, вопрос о судьбе Восточной Галиции оказался на повестке дня в связи с обсуждением потенциальных границ польского государства на юго-востоке. 29 января 1919 г. польский делегат Роман Дмовский говорил о необходимости включения в состав Польши территорий до реки Ушицы (приток Днестра) [9, s. 45–56.], тем самым заявив польские претензии на восточногалицийские территории. Там же на конференции британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж высказывался против передачи Восточной Галиции Польше. Он упрекал последнюю в стремлении захватить нефтеносные районы, пренебрегая этнографическим принципом [9, s. 129–130], [10, p. 408–412]. Помимо этого, в Великобритании было известно, что лидеры антибольшевистских сил – А.В. Колчак, А.И. Деникин – также претендовали на вхождение Восточной Галиции в состав России [11, с. 368] и в периоды наибольших успехов антибольшевистских сил в гражданской войне в России с конца 1918 до середины осени 1919 г. – их притязания очевидно принимались в расчёт. Известны также заявления британских делегатов о необходимости выслушать территориальные претензии украинцев, но их можно рассматривать лишь как дань популярному лозунгу «права наций на самоопределение». Украина не рассматривалась в Великобритании как самостоятельный субъект международных отношений. Летом 1919 г. в английской внутриведомственной переписке отмечалось, что «правительство Его Величества всегда считало Украину интегральной частью России». В силу событий конца 1917–1918 гг. украинское национальное движение не вызывало особого доверия английских политиков, существовали подозрения его в связи с Германией, подпитывавшиеся соответствующей польской пропагандой [12, s. 104–105], [13, p. 426], [14, s. 167–168].

Военные действия между польскими и украинскими войсками в Восточной Галиции вызывали протесты Великобритании. Так, в середине мая 1919 г. член британской делегации Эсме Ховард на организованной им встрече с Р. Дмовским настаивал на польско-украинском перемирии, так как оно могло улучшить военное положение Польши «на случай войны с Германией» [15, s. 311–312]. То есть, опасаясь отказа Германии подписать мирный договор и нового развязывания военных действий, Великобритания не исключала необходимость использования польских войск для противостояния ей. С другой стороны, британские дипломаты были хорошо осведомлены о том, что передача Польше восточногалицийской территории с большинством крестьянского украинского населения могла привести к росту социальной напряжённости и конфликтов в регионе. По мнению британского премьера, такое развитие событий могло не «создать барьер на пути большевизма в Европу», а вызвать его распространение [16, p. 3–5], [17, p. 29], [15, s. 324]. Вдобавок к перечисленному выше, присоединение к Польше Восточной Галиции, где поляки не составляли большинства, могло создать прецедент, существенный и даже опасный в условиях отсутствия полного урегулирования вопроса о польско-германской границе. Это отмечали как германские, так и британские политики [18, с. 146], [15, s. 312]. Однако 18 июня глава английского внешнеполитического ведомства Артур Джеймс Бальфур представил мирной конференции меморандум о Восточной Галиции. В нём предлагалось допустить **временную оккупацию** Восточной Галиции польскими войсками с назначением туда комиссара Лиги Наций и при условии проведения там в дальнейшем плебисцита по вопросу о статусе региона [11, с. 257–258]. В соответствии с этим предложением 25 июня конференция приняла решение о временной оккупации Восточной Галиции польскими войсками [15, s. 346–353].

Предложение А.Дж. Бальфура последовало после того, как обсуждение доклада Комиссии по польским делам 17 июня показало, что Великобритания в вопросе определения линии границы в Восточной Галиции оказалась в оппозиции и Франции, и США, и Италии [19, p. 775–792], [20, s. 159–161]. Тупиковая ситуация, которая вызывала недовольство польской стороны и могла вызвать её активные военные действия, была на тот момент недопустима, поскольку сохранялось убеждение в готовящемся развязывании Германией военных действий [21, s. 206–207]. В то же время Красная армия подходила к границе Восточной Галиции. Её активное продвижение на запад в условиях существования Венгерской и появления Словацкой советских республик, а также нестабильности в Германии могло вызвать обострение социально-политической ситуации

во всей Европе. В этих условиях Великобритания, чтобы создать барьер на пути движения Красной армии, выдвинула проект польской оккупации Восточной Галиции, при этом настойчиво оговаривая её временный характер и проведение в скором времени плебисцита.

Очевидно, что предложение А.Дж. Бальфура было вызвано лишь сложившимися на тот момент военно-политическими обстоятельствами. Это подтвердили дальнейшие действия британских политиков. Так Д. Ллойд Джордж, продолжая подчёркивать несправедливость и опасность польского проникновения в Восточную Галицию, в декабре 1919 г. согласился с решением не вводить постановление о 25-летнем сроке польской оккупации Восточной Галиции в действие, оставив этот вопрос для более позднего рассмотрения [15, s. 375–376]. Поскольку по условиям Сен-Жерменского договора Австрия отказалась в пользу союзных держав от всех прав на Восточную Галицию [22, p. 173–304], по итогам Парижской конференции Великобритания, по сути, получила возможность использовать своё **право на участие в определении статуса Восточной Галиции** для будущей дипломатической игры. Таким образом, в англо-польских отношениях на руках у Великобритании оказалась своеобразный козырь – «восточногалицийская карта».

Зимой 1920 г. реализация любых военных планов Польши по продвижению в восточном направлении рассматривалась британским премьером как крайне нежелательная и даже вредная. Эта позиция проявилась в ходе его встреч с польским министром иностранных дел Станиславом Патеком. Д. Ллойд Джордж ссылаясь на линию польских границ, предложенную мирной конференцией в Париже, и заявлял, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва мира станет попытка удержать территории восточнее неё [23, p. 803–805]. Слова британского премьера означали, что Польша не могла рассчитывать на помощь Великобритании в случае входа советских войск на территорию Восточной Галиции, так как последняя формально не входила в границы польского государства. Эта же позиция проявилась в ходе первой после Версаля конференции союзников в Лондоне, проходившей с 12 февраля по 10 апреля 1920 г. В ходе её было решено, что, если какое-либо из политических образований, граничащих с Советской Россией и де-факто признанных, обратится к союзникам за советом, они ответят, что не берут на себя ответственность советовать ему продолжение войны. При этом отмечалось, что, если Советская Россия нападёт на эти образования в пределах их законных границ, союзники предоставят им возможную поддержку [24, p. 144–153].

В конце апреля 1920 г. в Лондон пришли сведения о польско-украинском соглашении, в котором Польша признала Украину независимым государством, а последняя отказалась в её пользу от Восточной Галиции и части Волыни [25], и вскоре началось польское вооружённое наступление в Украине. Эти шаги Польши не вызвали официальной реакции английского кабинета. Как отмечал А. Марголин, правительство ожидало результатов польско-украинского наступления [26, с. 218]. Очевидно, что веры в успех этого наступления не было: в разгар польского наступления, когда Киев уже был занят поляками, британский кабинет министров принял решение, что в будущем торговое соглашение с Советской Россией войдёт и территория Украины [4, s. 292].

По мере развёртывания советского наступления возникала угроза вторжения в «законно признанные границы» Польши и, следовательно, необходимости оказания ей помощи против Советской России. Потенциальный захват Восточной Галиции Красной армией не обязывал Великобританию помогать Польше, т. к. эти земли не входили в территорию последней, но он был бы равносителен вызову, брошенному союзным державам. Однако в конце июня Политбюро приняло решение об «осторожной политике, охраняющей независимость Восточной Галиции». Было решено отказаться от немедленной аннексии Восточной Галиции в пользу более осторожного пути распространения там советской власти, т.е. через создание Галицийского ревкома, организацию восстания и т. д. [27, с. 126–127] Таким образом, советская сторона избавила Великобританию от формальной необходимости немедленного вмешательства в вооружённый конфликт.

В июле 1920 г. в условиях дальнейшего наступления советских войск с инициативой более тесного вовлечения Великобритании в польско-советский конфликт выступила уже польская сторона. 6 июля Ст. Патеком встретился по этому поводу с британским премьер-министром и другими британскими политиками в бельгийском городе Спа, где проходила

международная конференция. Британский премьер подчёркивал в ходе конференции ошибочность восточногалицийской политики Польши и необходимость учёта воли населения этой территории при решении её судьбы [28, р. 502–506]. На тот момент даже отстаивать право Польши на военную оккупацию Восточной Галиции Великобритания не была намерена: на совещании 10 июля Д. Ллойд Джордж, ссылаясь на то, что большевистские войска уже вошли на территорию Восточной Галиции, предложил, чтобы они просто остановились на линии, которой достигнут к моменту перемирия. Это предложение было принято и вошло в итоговое соглашение, подписанное Польшей [28, р. 524–530]. Одновременно премьер-министр Великобритании предложил провести в Лондоне под контролем союзников конференцию между Советской Россией, Польшей, Литвой, Латвией, Финляндией и с участием представителей Восточной Галиции и П.Н. Врангеля для урегулирования конфликта [28, pp. 513–518, 524–530]. Эта конференция могла стать отличной площадкой для разыгрывания «восточногалицийской карты». Можно было попытаться решить вопрос о её статусе в максимально выгодном для Великобритании ключе. Однако, как известно, советское правительство отказалось от посредничества Великобритании [29, с. 47–53], а начало польского контрнаступления и военные успехи поляков вообще изменили политическую ситуацию и уменьшили возможности Великобритании влиять на польские действия в восточногалицийском вопросе.

Осенью 1920 г. в поисках международной поддержки своих территориальных требований Польша сделала ставку на Францию: было известно, что французское правительство готово на признание за ней Восточной Галиции при условии доступа в регион французского капитала [30, с. 130]. Советская же сторона к концу сентября в условиях военных успехов Польши и П.Н. Врангеля заявила об отказе от Восточной Галиции и готовности идти на значительные территориальные уступки, о чём было сделано заявление ВЦИК [29, с. 204–206]. В названных обстоятельствах британское правительство воздерживалось от значительной политической активности в восточногалицийском вопросе. Попытки украинских национальных деятелей найти помощь в Великобритании оказывались безрезультатными [4, с. 301–306]. Вопрос о Восточной Галиции был пока оставлен на разрешение Советской России и Польше, в результате чего по договору о прелиминарных условиях мира в октябре 1920 г., Восточную Галицию получила Польша [29, с. 245–256].

Оценка сложившейся ситуации в британском ведомстве иностранных дел способствовала постепенному утверждению мнения о необходимости оставить восточногалицийский регион в составе Польши при условии предоставления ему автономии [31, pp. 127–129, 138, 268–271]. Его распространение и преобладание определялось рядом обстоятельств. Во-первых, вопрос о Восточной Галиции мог быть использован в переговорах с Францией о судьбе Верхней Силезии: можно было больше уступить Польше в Восточной Галиции, чем в Силезии [31, р. 92–97]. Это должно было вызвать меньшие международные проблемы, так как в отличие от Германии, Советская Россия, подписав Рижский мирный договор, сама отказалась от спорной территории. Во-вторых, утвердилось мнение, что любые иные варианты, в том числе реализация национальных устремлений непопольского населения региона, потребуют военных действий [31, р. 268–271]. В-третьих, за передачу Польше Восточной Галиции выступало румынское правительство, так как это увеличивало польско-румынскую границу, что было важно и с военной, и с экономической точки зрения [32, р. 651–652]. Как видно, в Великобритании во второй половине 1921 г. довольно активно анализировалась возможность использования права на участие в определении статуса Восточной Галиции путём передачи её Польше в собственных внешнеполитических интересах.

Начало 1922 г. ознаменовалось активной подготовкой Великобритании к проведению международной конференции в Генуе с участием Советской России. В этот период в Форин офис был подготовлен меморандум по проблеме договоров с Россией, в котором указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вполне вписывалось признание Рижского мирного договора 1921 г. между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Украиной, с другой. Оно позволяло сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, так как предполагало передачу её Польше, против которой никто возражать не стал бы [33, р. 288–296]. Соответственно, Форин офис сообщило польским пред-

ставителям в Лондоне, что Генуэзская конференция могла стать «хорошим случаем для признания Рижского мира». Это позволило бы избежать отдельного рассмотрения вопроса о Восточной Галиции, так как он, по сути, оговорен в тексте Рижского договора [34, s. 92–115]. На начальном этапе конференции английский премьер-министр по вопросу о статусе Восточной Галиции также указал на отсутствие иных альтернатив, кроме передачи её Польше при условии сохранения автономии, что должно было положить конец национальным конфликтам в регионе [33, p. 565–571]. Таким образом, в канун Генуэзской конференции и в её начале Великобритания, заинтересованная в польской поддержке своей политики по нормализации отношений с Советской Россией, прогнозировала его благоприятное для Польши решение. Однако далее возможность окончательно разыграть «восточногалицийскую карту» оказалась не реализована в связи со срывом конференции [35, с. 78–83].

На протяжении 1922 г., заявляя об «отсутствии реального политического интереса», Форин офис не исключало возможности использовать эту «карту» в своей политике. Именно поэтому попытка Лиги Наций обратиться к вопросу Восточной Галиции была воспринята с недовольством [31, p. 575–576]. Возможность представилась уже осенью 1922 г. Толчком к этому стали события на Ближнем Востоке, где активное контрнаступление турецкой армии, приближавшейся к району проливов, поставило вопрос о возможности турецко-английского столкновения и вынудило Д. Ллойд Джорджа к поиску союзников [36, s. 71–73]. В Великобритании росло опасение, что англо-турецкая война может спровоцировать европейский конфликт с вовлечением Советской России и, возможно, Германии. Великобритания, стремясь к его локализации, рассматривала Румынию как союзника при обороне проливов и пыталась «выторговать» у Польши «обеспечение Румынии свободы рук на Балканах» в обмен на признание за Польшей Восточной Галиции [37, ss. 169–172, 176–179], [38, s. 65–69]. То есть Польша должна была занять решительную позицию в отношениях с Россией, чтобы Румыния могла использовать свой контингент в районе проливов. С другой стороны, передача Польше Восточной Галиции должна была стимулировать к активным действиям и Румынию, являвшуюся активной сторонницей такого варианта [37, s. 161–163], [39]. Однако осторожность Польши, считавшей такую сделку невыгодной, и британского правительства, которое должно было учитывать общественное мнение и позицию Канады, ставивших вопрос о защите прав украинского и еврейского населения Восточной Галиции, затянули переговоры [37, ss. 83–92, 100–102, 176–179], [40, s. 170–190]. Остановка турецкого наступления и подписание перемирия сняли вопрос о возможной политической сделке и «восточногалицийская карта» вновь осталась не разыграна.

В начале 1923 г. развитие событий в Европе, где занятие Францией района Рура до крайности обострило обстановку, на фоне сохранявшейся неурегулированности отношений с Турцией, в частности вопроса о принадлежности Мосула, толкало Великобританию к большей активности в европейских делах. В стране возросли опасения, что пассивная политика Эндрю Бонар Лоу угрожала изоляцией островной державы [41, s. 66–67]. Более того, существовали в Великобритании опасения относительно возможного развития событий в Европе после оккупации Рура. В частности, не исключалось, что Франция санкционирует мобилизацию Польши против Германии, что, в свою очередь, могло быть рассмотрено Советской Россией как акт агрессии и могло повлечь широкомасштабный кризис [41, s. 45–109]. В этих обстоятельствах удовлетворение польских притязаний на Восточную Галицию было призвано в определённой степени «умиротворить» Польшу. Кроме того, как признавал глава Форин офис лорд Керзон, по этому вопросу правительство Великобритании осталось в меньшинстве и, не имея средств навязать свою позицию Франции и Италии, вынуждено было искать такую формулу, чтобы не подорвать свой авторитет в стране и за её пределами [31, p. 794–795]. В итоге, 15 марта 1923 г. при участии английского представителя Эрика Фиппса было подписано решение Конференции послов в Париже о признании восточных границ Польши. Это означало признание польского суверенитета над Восточной Галицией.

Таким образом, в марте 1923 г. вопрос о статусе Восточной Галиции в англо-польских отношениях оказался решён следующим образом: Великобритания реализовала своё право на участие в определении статуса Восточной Галиции, поддержав передачу её Польше в обмен на благоприятную для британских интересов позицию последней в условиях Рурского кризиса в Европе.

Литература

1. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 444 s.
2. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
3. Baumgart, M. Wielka Brytania a odbudowa Polski, 1914–1923 / M. Baumgart. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 1990. – 214 s.
4. Regina-Zacharski, J. Sprawa ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917–1923 / J. Regina-Zacharski. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 398 s.
5. Davies, N. Lloyd George and Poland, 1919–1920 / N. Davies // *Journal of contemporary history*. – 1971. – Vol. 6, № 3. – P. 132–154.
6. Лихолат, А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.) / А.В. Лихолат. – М. : Госполитиздат, 1954. – 654 с.
7. Колмагоров, К.Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / К.Н. Колмагоров ; Калининградский гос. университет. – Калининград, 2004. – 240 л.
8. Чаїнський, Ю.О. Політика Великої Британії і Франції щодо територіальних меж Польщі у 1918–1923 роках: автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.02. / Ю.О. Чаїнський ; НПУ імені М.П. Драгоманова. – Київ, 2011. – 19 с.
9. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek – Warszawa, 1965. – T. 1. – 644 s.
10. Papers relating to the foreign relation of the United States. 1919. The Paris peace conference : in 13 vol. / Department of state. – 1943. – Vol. 4. – 880 p.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И.А. Хренов [и др.] – М. : Изд-во АН СССР, 1964–1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – М., 1964. – 689 с.
12. Archiwum akt nowych w Warszawie (AAN). – Zespół 322. – Sygn. 5068a.
13. Komarnicki, T. Rebirth of the Polish Republic. A study in the diplomatic history of Europe, 1914–1920 / T. Komarnicki. – Melbourne : William Heinemann LTP, 1957. – 776 p.
14. AAN. – Zespół 322. – Sygn. 5091d.
15. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. – Warszawa, 1967. – T. 2. – 483 s.
16. Minutes of a meeting of the war cabinet, November 14, 1918 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/details/D7652226?uri=D7652226> – Date of access : 08.12.2011.
17. Headlam-Morley, J. A memoir of the Paris peace conference 1919 / J. Headlam-Morley. – London : Methuen & Co Ltd., 1972. – 230 p.
18. Эрцбергер, М. Германия и Антанта. Воспоминания бывшего германского министра финансов / М. Эрцбергер. – М. : Петроград : Гос. издательство, 1923. – 358 с.
19. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser./ ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1947. – Vol. 1. – 970 p.
20. AAN. – Zespół 322. – Sygn. 1480.
21. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego: w 6 t. – Wrocław [etc.], 1974. – T. 2: 1919–1921 / red. H. Janowska. – 700 s.
22. A history of the Peace conference of Paris : in 6 vol. / ed. by H.W.V. Temperley. – London : Henry Frowde and Hodder&Stoughton, 1921. – Vol. 5. – 483 p.
23. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1949. – Vol. 3. – 910 p.
24. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by R. Butler [etc.]. – London : His Majesty's stationary office, 1958. – Vol. 7. – 744 p.
25. Ukrainian Independence. Agreement with Poland // *The Times* [Electronic resource]. – 1920. – 24 April. – Mode of access: <http://archive.timesonline.co.uk/>. – Date of access: 01.09.2008.
26. Марголинъ, А. Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина) / А. Марголин. – Берлинъ : Издательство С. Ефронъ, 1921. – 397 с.
27. Польско-советская война. (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2 ч. / редкол.: И.И. Костюшко [и др.]. – М. : РАН, 1994. – Ч. 1. – 216 с.

28. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1958. – Vol. 8. – 892 p.
29. Документы внешней политики СССР : в 21 т. – М.: Гос. изд. полит. литературы, 1957–1977. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Г.А.Белов [и др.]. – 1959. – 702 с.
30. Ольшанский, П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.) / П.Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1969. – 260 с.
31. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – 1026 p.
32. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1961. – Vol. 11. – 748 p.
33. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : His Majesty's stationary office, 1974. – Vol. 19. – 1138 p.
34. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 59.
35. Дубровко, Е.Н. Вопрос о восточных границах Польши и позиция Великобритании на генуэзской конференции 1922 г. / Е.Н. Дубровко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. / Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»; рэдкал.: Р.Р. Лазько (галоўны рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2013. – Вып. 2. – С. 78–83.
36. Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939, zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wyd-wo literackie, 2001. – 574 s.
37. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 61.
38. AAN. – Zespól 503. – Sygn. 438.
39. Memorandum by Mr. Chamberlain of a conversation with the roumanian charge d'affairs, Monday 18th September, 1922, at 3.30 p.m. // Conferences of Ministers on miscellaneous matters. – Vol. II [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-36.pdf> – Date of access : 21.04.2017.
40. AAN. – Zespól 463. – Sygn. 60.
41. AAN. – Zespól 322. – Sygn. 5068b.

УДК 94(470)"186":625.1

Инверсионно-мультипликативная модель железнодорожного строительства в России в 1860-е гг.

С.Б. ЖИХАРЕВ

В 1860–1870-е гг. государственная власть в России инициировала новую попытку осуществления форсированной экономической модернизации. В качестве драйвера развития страны на этот раз был выбран железнодорожный транспорт – наиболее инновационная отрасль раннеиндустриальной эпохи. В статье представлен самый общий принцип функционирования инверсионно-мультипликативной модели в частном железнодорожном строительстве России, ставшей следствием экзогенной, догоняющей по отношению к раннеиндустриальным странам модернизации.

Ключевые слова: железнодорожное строительство, инверсионно-мультипликативная модель железнодорожного строительства, проект, правительство, раннеиндустриальная модернизация, экзогенная модернизация, догоняющая модернизация.

The most general principle of functioning of inversion and multiplicative model in private railway construction of Russia, the turned out to be a consequence exogenous, catching-up in relation to the early industrial countries modernization is presented in the article.

Keywords: railway construction, inversion and multiplicative railway construction model, project, government, early industrial modernization, exogenous modernization, catching-up modernization.

Впервые понятие «мультипликатор» появилось в теоретических исследованиях Р.Ф. Канна и Д.М. Кейнса [1, с. 131]. Сформулировав так называемую «логическую теорию мультипликатора» и выявив факторы, влияющие на мультипликационные процессы в экономике, ученые смогли вскрыть существование глубоких взаимосвязей между инвестициями, занятостью, уровнем безработицы, экономической активностью, производством и потреблением, а также уровнем доходов как в отдельных странах, так и во всем мире в целом. Знание закономерностей в функционировании мультипликатора и практическое применение его принципов открывало перед правительствами дополнительные возможности по управлению экономическими процессами и госрегулированию экономикой.

Научная трактовка значения мультипликативного эффекта, закрепившаяся в кейнсианстве, отнюдь не означает, что до Кейнса ни в одной стране мира не пытались добиться аналогичных результатов, действуя интуитивно или основываясь на известном методе «проб и ошибок». Подобные эксперименты со стороны правительств не во всем были удачны, а зачастую крайне дорого обходились рядовому налогоплательщику. В этом отношении показателен пример Российской империи, где во второй половине XIX в. государственная власть взялась за реализацию грандиозного модернизационного проекта, важнейшей составляющей которого стала беспрецедентная программа железнодорожного строительства, на реализацию которой были направлены гигантские государственные инвестиции. Ставка делалась на достижение множительного эффекта в развитии смежных с железнодорожным транспортом отраслей и сфер российской экономики. К 1881 г. стоимость постройки сети российских железных дорог протяжённостью 22000 верст составила 2,5 млрд. рублей. Например, в США по сведениям на 1870 г. 60000 верст железных дорог обошлись в 2,1 млрд. руб. [2, с. 56]. К 1880 г. из 2 млрд. рублей всей заграничной задолженности России около 1,6 млрд. приходилось исключительно на иностранные железнодорожные займы [3, с. 50].

С воцарением Александра II Россия вступила в полосу системных реформ, которые были призваны сократить прогрессирующее отставание от ведущих западноевропейских держав. Запускающим механизмом экономической модернизации и одновременно одним из ключевых факторов форсированного перехода России на раннеиндустриальную стадию развития должен был стать, по мысли реформаторской элиты, железнодорожный транспорт, который для огромной континентальной империи с разобщенными регионами выступал ре-

шающим условием обновления. В то же время, разработанная в середине 1860-х гг. в правительственных сферах стратегия частного железнодорожного строительства в экономическом отношении была стратегией «опережающего типа». Необходимость в ней возникла, во-первых, не столько из-за невозможности дальнейшего развития народного хозяйства страны, сколько в силу необходимости обеспечить лучшие условия для активизации процесса ее индустриализации, а также интеграции экономических районов России в единый внутренний рынок, и во-вторых, при разработке механизма ее осуществления учитывался как иностранный опыт, так и конкретные образцы, заимствованные в процессе международной конкуренции [4, с. 356–357], [5, с. 241–242].

При этом практическая реализация железнодорожной стратегии в 1860–1870-е гг. в России имела свою специфику, обусловленную взятым здесь на вооружение сценарием догоняющего развития по отношению к странам раннеиндустриальной модернизации. Частные железные дороги в России проектировались и строились с расчетом, что размеры производства и потребления в районах действия железных дорог (пространство в 50–60 верст, с которого дорога притягивает к себе грузы) [6, с. 231], и интенсивность обменов между этими районами будут возрастать по мере экономического развития страны. Следовательно, при такой модели железнодорожного строительства, – назовем ее *инверсионной моделью* (от англ. *inversion* – перестановка, изменение нормального порядка на обратный), – важнейшие показатели, определяющие эффективность вводимой в строй железнодорожной линии, не имели решающего значения. Размеры ожидаемого при открытии железных дорог движения и величина их доходности отодвигались на отдаленную перспективу.

Отсутствие чистого дохода от эксплуатации частных железных дорог перекрывалось системой предварительного страхования предпринимательских рисков за счет средств государственного бюджета (обеспечение минимальной, как правило, 5 %-й государственной гарантии на вложенный капитал). А издержки бюджета по гарантии строительного капитала частных железнодорожных компаний (состоял из акций и облигаций, размещавшихся в России и за рубежом) перекладывались на финансовые излишки от экспортных операций, формируемых благодаря активному платежному балансу, в достижении которого железным дорогам отводилась ключевая роль. Таким образом, на смену существовавшим ранее в России традиционным путям сообщения, способным поддерживать по выражению Л.В. Милова лишь «вялый режим торговли» [7, с. 567], с постройкой разветвленной железнодорожной сети приходил форсированный вывоз массовых сырьевых товаров в экспортные порты на Балтике и Черном море для их дальнейшей транспортировки морским путем и реализации в странах Западной Европы.

Проиллюстрируем обозначенные тенденции на примере Белостокско-Пинской (Литовской) железной дороги. Несмотря на то, что проект ее постройки с помощью частной акционерной компании не был воплощен в жизнь, это не стало причиной отказа от попыток модернизации транспортной инфраструктуры Полесья в дальнейшем. Созданная государством в 80-е гг. XIX в. система Полесских железных дорог функционально повторила нереализованные частные проекты 1860–1870-х гг., подтверждая тем самым их жизнеспособность и актуальность.

Изучение предпосылок и обстоятельств, определивших появление проекта Литовской железной дороги, имеет принципиальное значение для понимания сущности модернизационных процессов в западных губерниях Российской империи, их динамики и особенностей, обусловленных трудностями складывания капиталистически-рыночного хозяйства в условиях многоукладности местной экономической структуры. Анализ содержания большинства выявленных в архивах Украины и Беларуси документов, конституировавших создание акционерной компании (положения проекта концессии, проект устава акционерного общества Литовской железной дороги и дополнительные рекомендации по ее созданию) [8, л. 2–3], [9, л. 23–37], [10, с. 287], говорит о наличии в регионе сложной хозяйственной системы, действующей в экономически неоднородной среде с разными механизмами хозяйствования. Из текстов ходатайств местных предпринимателей в официальные инстанции, пояснительных записок учредителей, заключений о возможном экономическом эффекте в результате сооружения Литовской железной дороги и др. [8, л. 1–6 об.], [9, л. 13–16], [11, л. 15–26] [12, с. 78–

84] следует, что Белостокско-Пинская линия была призвана обеспечить сбалансированное развитие экономики региона при доминирующем значении рыночных отношений и нарождающегося индустриального уклада. Этим объясняется усилившееся в начале 60-х гг. XIX в. внимание частных лиц к проблеме постройки железной дороги Белосток-Пинск, что вызвало попытку создания акционерного общества Литовской железной дороги.

Таблица 1 – Финансово-экономические параметры железнодорожной линии Белосток-Пинск [9, лл. 17 об. – 19 об.]

длина всех участков	общая стоимость постройки	создание мультипликативного эффекта в экономической жизни района действия ж.д.	капитал формируется:	
			на основе акций	
		Инвестиции в хозяйственный рост края	первая эмиссия	вторая эмиссия
(верст)	(тыс. руб.)	(руб. серебром на 1 версту)		
		35000+20 % (10000)	24.04.1863 г.	осень 1863 г.
1	2	3	4	
226	7910 (8000)	45000	1,5 млн. руб.	остальная сумма

В таблице 1 (столбец 3) показана величина финансовых вложений акционерного общества Литовской железной дороги в наращивание промышленного, сельскохозяйственного и лесного производств в районах западных губерний, примыкающих к железной дороге. По мысли авторов проекта, увеличение производства в названных отраслях должно интенсифицировать товарное движение по линии Белосток-Пинск, а значит, будет способствовать формированию ее прибыли [9, лл. 15 об.–16]. Учитывались расходы на создание посреднической инфраструктуры (постоянные железнодорожные станции, конторы, комиссионерства), обеспечивающей рыночный обмен между производителями края и потребителями их продукции в отдаленных губерниях. В планы акционерного общества Литовской железной дороги входило даже основание пароходства на Припяти [9, л. 18].

Из этого можно заключить, что в основу экономической стратегии учредителей акционерного общества Белостокско-Пинской железной дороги была положена *инверсионно-мультипликативная модель (1)*, направленная в первую очередь на искусственное формирование цепочки развития в хозяйственной жизни региона, а затем только на получение коммерческой прибыли от эксплуатации данной железной дороги. В чисто экономическом смысле эта модель основывалась на инверсионной логике, характерной для политики правительств и финансово связанных с ними квазипредпринимательских структур стран догоняющей, экзогенной модернизации. В странах авангардной модернизации (Англия, Франция) сложилась классическая органичная модель строительства и эксплуатации железных дорог, логически вытекавшая из всего хода их экономического развития, где частным железным дорогам отводились функции обеспечения транспортных услуг с целью получения коммерческой прибыли, но не формирование спроса на грузовые и пассажирские перевозки в районе действия самих железных дорог, как это наблюдалось в Российской империи – стране второго эшелона модернизационного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Инверсионно-мультипликативная модель железнодорожного строительства* – сложная, а с чисто экономической точки зрения не во всем рациональная и не избавленная от внутренних противоречий теоретическая конструкция. Она позволяла при ее последовательной практической реализации такой огромной стране, как Российская империя, обладавшей высоким экспортно-сырьевым потенциалом и при этом низким уровнем внутренних накоплений, только наметившимся переходом на стадию раннеиндустриального развития промышленности и многоукладной хозяйственной системой, благодаря формирующемуся множительному эффекту и идущей от железнодорожного транспорта цепочки развития в другие

отрасли экономики за короткий промежуток времени вырваться из отсталости и в конечном итоге повысить качественный уровень и конкурентноспособность всей системы. Самые общие теоретические основы данной модели были заложены министром финансов М.Х. Рейтерном в его программной записке «О финансовом положении России» (сентябрь 1866 г.), а дальнейшее свое развитие она получила в так называемой «Системе Витте» в 1890-е гг.

Литература

1. Кейнс, Джон Мейнард Общая теория занятости, процента и денег. Избранное; вступ. статья Н.А. Макашевой / Джон Мейнард Кейнс. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
2. Чупров, А.И. Из прошлого русских железных дорог / А.И. Чупров. – М. : Издательство М. и С. Сабашниковых, 1909. – 304 с.
3. Гиндин, И.Ф. Госбанк и экономическая политика царского правительства / И.Ф. Гиндин. – М. : Госфиниздат, 1960. – 414 с.
4. Шенк, Ф.Б. IMPERIAL INTER–RAIL: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России / Ф.Б. Шенк // *Imperium inter partes: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст.* / Ред. М.Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер [и др.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 354–380.
5. Алексеева, Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) / Е.В. Алексеева. – М. : Росспэн, 2007. – 386 с.
6. Борзов, И. К вопросу об экономическом районе и доходности проектируемых дорог / И. Борзов // *Сборник Института инженеров путей сообщения Императора Александра I.* – Выпуск L. – СПб. : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1899. – С. 224–256.
7. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М. : РОССПЭН, 2001. – 574 с.
8. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). – Ф. 2227 (Коллекция документов Виленского музея). – Оп. 1. – Д. 63. Проект Устава и дополнительные рекомендации по созданию общества Литовской железной дороги. – Лл. 1–7.
9. ЦГИА Украины. – Фонд 442 (Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора). – Оп. 39. – Д. 63. Дело о строительстве железной дороги между Белостоком и Пинском Обществом Литовской железной дороги. – Лл. 1–74.
10. Литовская железная дорога // *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния.* Составил член Императорского русского географического общества Генерального штаба подполковник П. Бобровский. – Ч. 1. – СПб. : Типография департамента Генерального штаба, 1863. – С. 287–288.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 1286. Дело о строительстве железных дорог от города Белостока через Пружаны в город Пинск и далее на Вольнь. – 38 лл.
12. Прощение пинских купцов минскому губернатору о проведении через Пинск железной дороги // *Белоруссия в эпоху капитализма / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории АН БССР ; Сост. З.Е. Абезгауз, Н.Л. Рябцевич.* – Мн. : Навука і тэхніка, 1990. – Т. 2. – С. 78–84.

УДК 94(476-15)

Развитие системы народных сельскохозяйственных школ на территории Западной Беларуси в межвоенный период

В.И. КРИВУТЬ

Исследуется процесс создания системы народных сельскохозяйственных школ и особенности их развития на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Подробно анализируется правовая база данного направления агротехнического просвещения, ее основные организационные недостатки. Характеризуется влияние народных сельскохозяйственных школ на распространение агротехнических знаний, а также главные причины их неудачного развития в западно-белорусском регионе. **Ключевые слова:** Западная Беларусь, межвоенный период, сельскохозяйственные школы, агротехническое просвещение.

The process of creating a system of the popular agricultural schools and the features of their development in the territory of Western Belarus during the interwar period is studied. The legal base of this direction of agrotechnical education and its main organizational shortcomings are analyzed in detail. The influence of the popular agricultural schools on the dissemination of agricultural knowledge is described, as well as the main reasons for their unsuccessful development in Western Belarus.

Keywords: Western Belarus, the interwar period, agricultural schools, agrotechnical education.

Важной частью молодежной политики является подготовка молодого поколения к будущей трудовой деятельности. В полной мере это относилось и к официальной молодежной политике польских властей на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Одним из направлений этой деятельности стало создание и развитие системы народных сельскохозяйственных школ, которые должны были осуществлять профессиональную подготовку молодых крестьян. К сожалению, данная проблематика не нашла должного отражения в отечественной историографии. Более подробно различные ее аспекты освещены в работах польских исследователей [1]–[3]. Однако основное внимание в них уделяется развитию системы народных сельскохозяйственных школ на непосредственно польских территориях и фактически не затрагиваются особенности развития сельскохозяйственного просвещения в западно-белорусских воеводствах межвоенного польского государства. Целью данной статьи является на основе анализа ряда документальных материалов и материалов польской историографии дать характеристику особенностей создания и развития системы народных сельскохозяйственных школ на территории Западной Беларуси в 1920–1930-х гг. как неотъемлемой части официальной молодежной политики. Это будет способствовать формированию более объективной картины не только деятельности властей по развитию системы профессиональной подготовки молодого поколения, но и общественно-политической жизни региона в межвоенный период в целом.

Следует отметить, что около 70 % молодого поколения межвоенной Польши проживали в сельской местности. В западно-белорусских воеводствах этот процент был еще большим – около 85 % [4, с. 18]. Также известно, что Западная Беларусь являлась по преимуществу аграрным регионом. Согласно данным официальной переписи населения 1931 г., в сельском хозяйстве было занято: в Виленском воеводстве – 73 %, в Новогрудском воеводстве – 83,1 %, в Полесском воеводстве – 81,3 % жителей [5, с. 238]. При этом сельскохозяйственное производство Польши находилось на достаточно низком уровне. Средняя урожайность зерновых культур в 1926–1930 гг. составляла 10 центнеров с гектара, в то время как в Бельгии – 23,4 центнера, в Чехословакии – 16,2 центнера, в Германии – 16 центнеров [1, с. 180]. Если говорить о западно-белорусских воеводствах, то, по подсчетам советских исследователей, урожайность зерновых тут была ниже, чем в среднем по Польше, иногда более, чем на 40 % [6, с. 54]. И это касалось не только зерновых культур. Так, по официальным данным на 1927 г., в Виленском воеводстве сборы льна составляли 16,5 центнера с гектара, общепольские же насчитывали в среднем 27,8 центнера, в то время как в Германии урожайность льна достигала 50 центнеров с гектара [5, с. 248].

Среди важнейших причин такого положения польские власти считали низкий уровень культуры сельскохозяйственного производства и слабое распространение агротехнических знаний среди населения. В связи с этим делались попытки изменить ситуацию. Одной из таких попыток стало создание системы народных сельскохозяйственных школ.

Основой для создания и развития данной системы стал изданный 9 июля 1920 г. «Закон о народных сельскохозяйственных школах». Эти школы имели своей целью «профессиональную подготовку самостоятельных сельских хозяев и хозяек, а также осознающих свои обязанности граждан страны» [7, с. 237].

Народные сельскохозяйственные школы делились на публичные и частные. Первые из них содержались государством, поветовыми коммунальными союзами или сельскохозяйственными палатами. Вторые – частными лицами. Первоначально верховный надзор над публичными и частными народными школами осуществлял министр сельского хозяйства [7, с. 237]. В дальнейшем, в 1932 г., данные школы были переданы под надзор Министерства религиозных вероисповеданий и публичного просвещения [8, с. 869].

Согласно закону 9 июля 1920 г., планировалось, что на протяжении 20 лет в каждом повете будет создано, как минимум, две публичные народные сельскохозяйственные школы: мужская и женская. Государство обязывалось предоставить необходимые земельные участки, а также ассигнования для строительства и организацию публичных народных сельскохозяйственных школ. Также государство оплачивало работу учительского персонала [7, с. 237–238]. Кроме того, помимо денежного содержания, для руководителей и учителей публичных народных сельскохозяйственных школ предусматривалось выделение за государственный счет: жилплощади (для одиноких – 1 комната, для семейных – 2 комнаты и кухня), дрова или уголь для отопления, бесплатное электричество или керосин для освещения, определенное количество продуктов (ежегодно 150 кг пшеницы, 300 кг жита, 50 кг ячменя, 900 кг картофеля и т. д.) [9, с. 503]. В дальнейшем, в 1936 г., натуральные выдачи были заменены денежными выплатами – 30 злотых ежемесячно [10, с. 203].

Директора и учителей публичной народной сельскохозяйственной школы утверждал министр сельского хозяйства по предложению содержащих данную школу поветовых коммунальных союзов или сельскохозяйственных палат. Курс обучения в сельскохозяйственных школах должен был продолжаться не менее 11 месяцев. Обучение включало теоретические лекции и практические занятия в пришкольных хозяйствах. Программу обучения Министерство сельского хозяйства разрабатывало совместно с Министерством религиозных вероисповеданий и публичного просвещения. В школы принимались юноши с 16 лет и девушки с 14 лет. Все кандидаты на поступление должны были иметь свидетельство об окончании всеобщей школы. Во время обучения учащиеся должны были проживать в платных школьных интернатах [7, с. 238].

Для управления публичными народными сельскохозяйственными школами в повете, организованными коммунальными союзами или сельскохозяйственными палатами, создавались специальные поветовые школьные комиссии. В состав этих комиссий входили: три делегата, избранные поветовым сеймиком, представитель Министерства сельского хозяйства, школьный инспектор всеобщих школ и руководитель сельскохозяйственной школы (с правом совещательного голоса) [7, с. 239]. Комиссии должны были осуществлять: опеку и надзор над правильным функционированием школы и ведением пришкольного хозяйства (строительство, мелиорация, обеспечение учебными пособиями и т. д.), представлять бюджет школы поветовым властям, выдвигать кандидатов на стипендии среди малообеспеченных учеников, предоставлять сеймику или палате ежегодный отчет о работе школы. Комиссия должна была проводить, как минимум, четыре заседания в год. При этом не менее чем одно из этих заседаний проводилось на территории школы [11, с. 1150].

Действие закона о народных сельскохозяйственных школах было распространено на территорию Новогрудского и Полесского воеводств, а также Гродненский и Волковысский поветы Белостокского воеводства летом 1921 г. [12, с. 1155]. На Виленщине это произошло еще позднее – в сентябре 1922 г. после официального присоединения Виленского края к польскому государству в апреле того же года [13, с. 1387].

Местные власти уделяли значительное внимание распространению агротехнических знаний, связывая с этим возможность повышения уровня сельскохозяйственного производства. Так, в одном из циркуляров руководства Виленского школьного округа отмечалось: «Трудности нашей экономической и общественной жизни имеют своей причиной сильную отсталость нашей деревни. Сила общества и его внутренняя сплоченность зависит не от высокого культурного и интеллектуального уровня единиц или небольших групп, а от высокой средней культуры всего населения. Поэтому заботой всех мыслящих общественными категориями должно быть стремление к как можно более быстрому повышению культуры сельского населения, самого многочисленного в государстве». Эту задачу планировалось решить, в том числе, и при помощи народных сельскохозяйственных школ. Именно поэтому тот же циркуляр обращал внимание учителей на необходимость объяснения населению значения сельскохозяйственных школ и привлечения молодежи к поступлению в них [14, с. 5].

Однако необходимо отметить, что с самого начала система народных сельскохозяйственных школ имела ряд недостатков. Например, программа обучения была слишком велика, чтобы ее можно было освоить за 11 месяцев. Обычно она состояла из таких предметов, как земледелие, животноводство, огородничество, садоводство, пчеловодство, организация личного хозяйства. Обучение было тесно связано с практическими занятиями в пришкольном хозяйстве. Помимо профессиональных знаний предусматривалось и изучение общеобразовательных предметов [15, с. 540]. Всего на изучение специальных дисциплин выделялось 579 часов, на общеобразовательные предметы – 522 часа. Кроме того, учащиеся должны были самостоятельно поддерживать порядок в интернате и учебных помещениях, работать в пришкольном хозяйстве [1, с. 141]. Определенные трудности с усвоением программы были связаны и с низким образовательным уровнем учащихся. Так, первоначально планировалось, что кандидаты на поступление в народную школу должны были предварительно окончить 7 классов всеобщей школы. Но уже в середине 1920-х гг. от этого принципа пришлось отступить, начали приниматься юноши и девушки, окончившие только 4 класса всеобщей школы [16, с. 6]. Именно с этим было связано то, что значительное место в программах занимали общеобразовательные предметы.

Еще одним недостатком системы народных сельскохозяйственных школ была их стоимость. Формально само обучение было бесплатным. Но учащийся должен был оплачивать проживание в интернате и питание. Например, в 1920/21 учебном году плата за проживание и содержание составляла 3 850 марок, также учащийся должен был продукты: 200 кг жита, 50 кг пшеницы, ячменя 100 кг и жиров 18 кг [9, с. 503]. В середине 1920-х гг. средняя плата составляла около 30 злотых ежемесячно [16, с. 7]. В конце 1930-х гг. учащиеся народных сельскохозяйственных школ на территории Виленского школьного округа платили за содержание 20 злотых ежемесячно. Кроме того, они выплачивали 5 злотых при поступлении в школу [17, с. 7]. Кроме того, крестьяне неохотно посылали своих детей в сельскохозяйственные школы не только из-за высокой платы за содержание, но и из-за того, что им приходилось на год лишаться работника в своем хозяйстве. Поэтому в середине 1920-х гг. среднее количество учащихся в одной школе составляло 30 человек при планируемом максимуме 40 – 60 учащихся [16, с. 7].

При составлении 20-летнего плана развития народных сельскохозяйственных школ польские власти не учли своих финансовых возможностей. В результате этого данный план так и не был реализован. На момент издания «Закона о народных сельскохозяйственных школах» на территории Польши уже существовало 52 такие школы (1 182 учащихся). До 1931 г. их количество увеличилось до 128 (5 238 учащихся). Но в связи с экономическим кризисом рост остановился [1, с. 140]. Характерно, что в 1931 г. Министерство сельского хозяйства из-за бюджетных трудностей не только приостановило строительство новых школ, но и вынуждено было временно сократить срок обучения в уже существующих [18, с. 328].

В дальнейшем строительство сети сельскохозяйственных школ продолжало развиваться без какого-либо плана. Школы появлялись только в тех поветах, где для этого были условия. К 1939 г. число народных сельскохозяйственных школ достигло 173, это при том, что к 1940 г. их должно было быть 482. Но даже и при самом лучшем стечении обстоятельств народные сельскохозяйственные школы могли охватить лишь 10 % сельской молодежи [1, с. 182]. Уже в 1929 г. на официальном уровне признавалось, что огромные массы сельской молодежи «остаются за скобками сельскохозяйственной школы» [19, с. 145].

Особенно тяжелая обстановка в данной сфере складывалась в северо-восточных воеводствах Польши, т.е. на территории Западной Беларуси. Главными причинами этого были бедность местного населения и слабость общественных структур. Даже после окончания кризиса, в период относительно благоприятной экономической конъюнктуры, например, в 1938/39 финансовом году в бюджетах Виленской и Полесской земледельческих палат, охватывавших территорию Западной Беларуси, вообще не предусматривалось расходов на сельскохозяйственные школы. Для сравнения Варшавская земледельческая палата выделила на эти цели 84 517 злотых, а Поморская – 218 454 злотых [20, с. 23]

Именно поэтому на территории Западной Беларуси создавались в основном государственные сельскохозяйственные школы, а у польского государства на это хронически не хватало средств. Хотя первоначально планы развития системы сельскохозяйственного просвещения были достаточно амбициозные. Так, например, в Новогрудском воеводстве планировалось уже к 1931 г. создать по две сельскохозяйственные школы в каждом повете (во всей стране этого уровня предполагалось достичь лишь к 1940 г.) [21, с. 3]. Но экономический кризис нарушил эти планы. Известно, что к концу 1930-х гг. в воеводстве действовало только 6 народных сельскохозяйственных школ [22, с. 4].

Как показала практика, народные сельскохозяйственные школы не решали поставленной перед ними задачи. В Западной Беларуси их было катастрофически мало, чтобы охватить значительную часть молодежи. Это было хорошо видно на примере школ, действовавших на территории Виленского школьного округа. В данный округ входили Виленское и Новогрудское воеводства (по 8 поветов) и 4 повета Белостокского воеводства (Волковысский, Гродненский, Августовский и Сувалский). Количество сельского населения на этой территории к середине 1930-х гг. составляло около 2 356 тыс. человек. К этому времени на 20 поветов школьного округа приходилось 13 народных сельскохозяйственных школ (8 мужских и 5 женских). Ежегодно они могли выпустить около 500 человек. При этом известно, что в округе каждый год родительские хозяйства перенимали около 20 000 молодых крестьян. Таким образом, существовавшие народные сельскохозяйственные школы могли обеспечить подготовку только 2,5 % этих сил [23, с. 2]. К концу межвоенного периода положение на территории Виленского школьного округа не особо изменилось. В январе 1939 г. тут действовало 14 сельскохозяйственных школ и приравненные к ним государственные земледельческо-огородничьи курсы в Гродно [17, с. 7].

Не лучшей была ситуация и в Полесском воеводстве. Там в середине 1930-х гг. существовало 6 народных сельскохозяйственных школ (на 8 поветов) [24, с. 10]. Кроме того, Полесскому школьному округу подчинялись две аналогичные школы на территории Белостокского воеводства [25, с. 393].

Несмотря на бесплатное обучение, официальные источники отмечали низкую посещаемость школ: часто кандидатов было меньше, чем мест. Такое положение объяснялось властями «отсутствием среди сельскохозяйственного населения понимания необходимости обучения». Одновременно отмечалось и то, что большие трудности встречали учеников после окончания школы. Использовать на практике полученные знания часто препятствовало недоверие окружающих, консерватизм сельского окружения. Отрицательным моментом было и то, что часто выпускники-юноши призывались в армию, не успев использовать знания в своем хозяйстве. Авторы официального отчета признавали, что на первом этапе своего существования сельскохозяйственные школы не дали ожидаемого результата [23, с. 6]. Впрочем, и в дальнейшем, как мы видим, этот результат не был достигнут. Поэтому для решения задач по распространению агротехнических знаний польские власти взяли курс на развитие конкурсной акции в рамках т. н. Сельскохозяйственной подготовки (СП). Она требовала значительно меньших затрат и опиралась, в первую очередь на проправительственные молодежные организации. Хотя с самого начала акции СП сельскохозяйственные школы принимали активное участие в ней. На первоначальном этапе развития СП практически вся ее деятельность в поветах велась при помощи и непосредственном участии учителей сельскохозяйственных школ [26, с. 22].

Нельзя говорить и о полной безрезультативности деятельности непосредственно самих народных сельскохозяйственных школ. Несмотря на все свои недостатки и финансовые трудности, они в определенной мере все же способствовали распространению агротехнических

знаний. И не только путем подготовки своих учеников. Очень часто школы становились «образцовыми» хозяйствами, оказывавшими влияние на окружающие деревни. Так, народная сельскохозяйственная школа в Опсе Браславского повета содействовала распространению отборных пород скота и домашней птицы. Также в школьном хозяйстве местные крестьяне могли приобрести посевной материал. Учителя школы проводили регулярные лекции и консультации для населения [27, с. 26], [28, с. 6].

Народные сельскохозяйственные школы Виленского школьного округа объединились и создали т. н. Соседский союз. В задачи данного объединения входило не только развитие системы сельскохозяйственных школ и поддержание связи с их выпускниками, но и «распространение и углубление в обществе осознания значения сельскохозяйственных школ и сельскохозяйственного просвещения вообще». Вся территория Виленского школьного округа была разделена на своеобразные зоны ответственности отдельных школ. Чаще всего одна школа «отвечала» за несколько поветов [29, с. 338–339]. Однако в связи с серьезными финансовыми трудностями школы могли распространять свое влияние в реальности лишь на ближайшие окрестности.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в межвоенный период польские власти в целях распространения агротехнических знаний и профессиональной подготовки сельской молодежи предприняли попытку создания системы народных сельскохозяйственных школ, в том числе и на территории Западной Беларуси, входившей в состав польского государства. Однако с самого начала эта система имела ряд организационных недостатков, что снижало ее эффективность. Но главной причиной срыва планов по развитию народных сельскохозяйственных школ стал недостаток финансовых средств. Именно поэтому в западно-белорусском регионе данные планы не были реализованы. Тем не менее, народным сельскохозяйственным школам удалось оказать некоторое, пусть и небольшое, влияние на повышение уровня агротехнических знаний и повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

Литература

1. Wiczorek, T. Historia szkolnictwa rolniczego w Polsce / T. Wiczorek. – Warszawa : Skrypty szkoły głównej gospodarstwa wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawie, 1980. – 288 s.
2. Grabińska, J. Zarys rozwoju oświaty rolniczej w Polsce / J. Grabińska // Skice Podlaskie. – 2004. – № 12. – S. 81–86.
3. Małolepszy, E. Kultura fizyczna i turystyka w szkołach rolniczych oraz w działalności Wiejskich Uniwersytetów Ludowych w II Rzeczypospolitej / E. Małolepszy // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Pedagogika. – 2013. – Tom XXII. – S. 467–478.
4. Młodzież sięga po pracę. Załącznik, tablice / Kom. red. : H. Kołodziejski, K. Kornilowicz, L. Landau. – Warszawa : Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1938. – 88 s.
5. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол. : А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
6. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 110 с.
7. Ustawa z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych szkołach rolniczych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1920. – № 20. – S. 237–240.
8. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 21 maja 1932 r. o ustanowieniu urzędu Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1932. – № 51. – S. 869.
9. Rozporządzenie Ministra Rolnictwa i Dobr Państwowych z dnia 16 marca 1921 r. w przedmiocie uposażenia kierowników (czek) i nauczycieli (ek) publicznych ludowych szkół rolniczych oraz ustanowienia opłat uczniów i uczennic publicznych ludowych szkół rolniczych za koszty utrzymania w internatach szkolnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 38. – S. 502–504.
10. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 21 stycznia 1936 r. o dodatkach w naturze dla nauczycieli państwowych ludowych szkół rolniczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1936. – № 9. – S. 203–204.
11. Rozporządzenie Ministra Rolnictwa i Dobr Państwowych z dnia 7 września 1923 r. w przedmiocie powiatowych komisji szkolnych dla publicznych ludowych szkół rolniczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1923. – № 97. – S. 1149–1150.

12. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 19 lipca 1921 r. w przedmiocie rozciągnięcia na województwa: nowogródzkie, poleskie i wołyńskie i powiaty grodzieński, wołkowyski i białowiejski województwa białostockiego mocy ustawy o ludowych szkołach rolniczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 66. – S. 1155.
13. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 4 września 1922 r. w przedmiocie rozciągnięcia na Ziemię Wileńską mocy obowiązującej ustawy z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych szkołach rolniczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1922. – № 78. – S. 1387.
14. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 17 grudnia 1932 r. do Panów Inspektorów Szkolnych i Kierowników Szkół Powszechnych w Okręgu w sprawie skierowywania młodzieży do szkół rolniczych // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1933. – № 1. – S. 5.
15. Ludowe szkoły rolnicze // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1933. – № 11. – S. 540–542.
16. Ludowe szkoły rolnicze w Polsce // Wychowanie i Życie. – 1927. – № 6–7. – S. 5–9.
17. Szkoły rolnicze w okr. szkolnym wileńskim // Głos ziemi. – 1938. – № 48. – S. 7.
18. Zmiany w niższym szkolnictwie rolniczym // Tygodnik Rolniczy. – 1931. – № 27–28. – S. 328.
19. Kobyliński, Z. Oświata rolnicza na wsi w Polsce / Z. Kobyliński // Polska oświata pozaszkolna. – 1930. – № 3. – S. 143–146.
20. Jędrzejowski, B. Ilustracja cyfrowa stanu prac nad podniesieniem rolnictwa w Polsce / B. Jędrzejowski // Życie Rolnicze. – 1938. – № 35. – S. 22–30.
21. Szkolnictwo rolnicze na terenie województwa Nowogródzkiego // Życie Nowogródzkie. – 1927. – 5 listopada. – S. 3.
22. Szkoły rolnicze w Nowogródzczyźnie // Kurjer Wileński, Nowogródzki, Grodzieński, Suwalski, Poleski i Wołyński. – 1938. – 19 listopada. – S. 4.
23. Wychowankowie szkół rolniczych o swojej pracy, życiu i dążeniach w okręgu szkolnym Wileńskim / S. Łukaszewicz [i in.]; red. S. Łukaszewicz. – Warszawa : Państwowy Instytut Naukowy Gospodarstwa Wiejskiego, 1937. – 122 s.
24. Rühle, E. Ziemie Wschodnie w cyfrach i kartogramach / E. Rühle // Rocznik Ziem Wschodnich. – Warszawa : Wydawnictwo Zarządu Głównego Towarzystwa rozwoju Ziem Wschodnich, 1938. – S. 5–21.
25. Wyzyskanie szkół rolniczych w Okręgu Szkolnym Brzeskim // Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Brzeskiego. – 1936. – № 9. – S. 393.
26. Grabowski, J. «Przysposobienie rolnicze» w szkołach rolniczych / J. Grabowski // Życie Rolnicze. – 1936. – № 5. – S. 21–23.
27. Opisa // Tygodnik Rolniczy. – 1929. – № 3–4. – S. 24–26.
28. 10-lecie Szkoły Rolniczej w Opsie // Głos ziemi. – 1937. – № 9. – S. 6.
29. Związek sąsiedzki Szkół Rolniczych męskich i żeńskich Okręgu Szkolnego Wileńskiego // Tygodnik Rolniczy. – 1933. – № 31–32. – S. 338–339.

Создание волостных земств на территории белорусских губерний (февраль–октябрь 1917 г.)

А.В. Попов

Рассматривается проблема законодательного оформления, практической реализации и итогов волостной земской реформы на территории белорусских губерний весной-осенью 1917 г. Представлен историографический анализ проблемы. Автором показана степень интегрированности волостных земских органов в структуру местного самоуправления Беларуси в условиях революционных преобразований, раскрывается их место и роль в общественно-политических процессах на региональном уровне.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, крестьянство, волостные земства, земская реформа, самоуправление, избирательная кампания.

This article presents the problem of codification, implementation and results of the volost zemstvos reform on the territory of Belarusian provinces from spring to autumn of 1917. Historiographical analysis of the problem is also included in the article. The author shows the level of integration of volost zemstvos bodies into the Belarusian local government structure in the context of revolutionary transformations. Their place and role in the politico-social processes on the regional level is considered.

Keywords: February revolution, Provisional government, peasantry, volost zemstvos, zemstvo reform, self-governance, electoral campaign.

Введение. События Февральской революции 1917 г. получили детальное освещение в отечественной, российской и зарубежной историографии. Вместе с тем, проблема создания и деятельности органов волостного земского самоуправления на территории белорусских губерний, отношения к ним различных категорий населения до настоящего времени изучена недостаточно, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Основная часть. Начало изучению истории создания волостных земств в России было положено еще в дореволюционный период современниками событий. В частности, проблеме законодательного оформления земской реформы посвящена работа П.П. Гронского «Земская реформа в Государственной думе» [1]. Несмотря на длительное обсуждение проблемы создания волостных земств, данная реформа так и не получила практической реализации. В связи с этим в условиях Февральской революции 1917 г. вопрос о создании волостного земского самоуправления вновь был поставлен на повестку дня. В целях придания ему широкого общественного резонанса было выпущено немало работ пропагандистско-разъяснительного характера, в которых освещалась история русского земского самоуправления, роль и значение земств в общественной жизни, а также объяснялась необходимость введения волостного земского самоуправления. Среди прочих можно отметить брошюры профессора права М.Д. Загряцкого «Закон о волостном земстве. Предисловие, содержание закона и примечания к нему» и «Земство и демократия: зачем земство нужно народу?» [2], [3].

Определенный вклад в изучение реформы волостного земского самоуправления внес эсер В.В. Руднев. В статье «Земское и городское самоуправление в 1917 году» автор проанализировал состояние структуры местного самоуправления накануне Февральской революции 1917 г. и его последующей эволюции в условиях революционных преобразований. В.В. Руднев отмечал, что земское и городское самоуправление – это «форма участия народа в организации местной власти» [4, с. 120]. Автор также сделал вывод о том, что внутренняя политика Временного правительства в области самоуправления требует взвешенной и объективной оценки.

Изучением волостной земской реформы занимался крупный специалист по истории земства Б.Б. Веселовский. В работе «Земство и земская реформа» он отметил, что меры Временного правительства в области реформирования местного самоуправления носят переходный характер, способствуя демократизации существующих органов земского и городского управления через пополнение их цензового состава представителями местной демократии (комитетов, союзов) [5, с. 28].

В советской историографии проблема реформирования структуры органов государственного и местного управления и самоуправления в феврале-октябре 1917 г. освещалась преимущественно в контексте борьбы за власть между советами и Временным правительством.

В работе Л.Д. Троцкого «История русской революции» признавалось, что волостные земства являлись институтом самоуправления крестьянства и одним из органов аграрной революции в деревне, но вместе с тем, автор утверждал, что последние «туго прививались» [6, с. 26]. Следует отметить, что в работе содержатся ценные сведения о проведении выборов в волостные земства на территории белорусских губерний [6, с. 27].

В 1927 г. был опубликован сборник документов «Крестьянское движение в 1917 году», в котором содержались документальные материалы о ходе региональных выборов в органы волостного самоуправления, в том числе и в белорусских губерниях [7].

Взаимоотношению волостных земств и крестьянских советов посвящена статья П.Н. Абрамова «Волостные земства» [8]. В ней автор рассматривает волостные земства как институт борьбы за власть в деревне, который противостоял крестьянским советам и земельным комитетам. По его мнению, эта борьба отражала две линии развития революции: буржуазно-демократическую и социалистическую [8, с. 29–30]. Волостные земства, по мнению П.Н. Абрамова, поддерживало зажиточное крестьянство и, следовательно, они относились к буржуазно-демократической линии, а земельные комитеты и советы – беднейшее [8, с. 29]. Определяя социальный состав волостных земств, автор утверждал, что прочные позиции в них были заняты кулаками, которые с их помощью пытались решить земельный вопрос в свою пользу [8, с. 31]. Также в своей статье автор выделил три этапа взаимоотношений между волостными земствами и советами крестьянских депутатов. **На первом этапе (с конца февраля до мая–июня 1917 г.)** контрреволюция пыталась ликвидировать волостные советы крестьянских депутатов и не допустить создание новых. Именно с этой целью и был издан закон от 21 мая 1917 г. [8, с. 30]. **На втором этапе (май–июнь 1917 г. – 25 октября 1917 г.)** взаимодействия советов и волостных земств последние перешли от открытой борьбы к тактической. Отличительной особенностью второго этапа является стремление волостных земств подчинить советы своему влиянию [8, с. 30]. **На третьем этапе (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.)** зажиточное крестьянство не пошло на блок с помещиками, но при этом оно стремилось ограничить революцию буржуазно-демократическими рамками и не допустить социалистических преобразований [8, с. 31]. Если на начальном этапе преобразований кулаки поддерживали волостные земства, то позже, осознав, что они непригодны для ликвидации помещичьего землевладения, пошли на признание советов. Выразилось это со стороны волостных земств в попытках «влияться» в советы [8, с. 31–32].

Обстоятельно изучены вопросы преобразования волостных земств в работе Г.А. Герасименко «Земское самоуправление в России». Данная монография содержит отдельные данные о проведении волостной земской реформы Временного правительства на территории белорусских губерний, а также о ходе выборов в волостные земства и их итогах [9].

В отечественной историографии проблема создания волостных земств не получила комплексного освещения. В работах историков проблема создания и деятельности волостных земств затрагивалась косвенно в контексте рассмотрения событий Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на территории белорусских губерний. Основное внимание уделялось роли и исторического значения земельных комитетов [10], [11]. В современной белорусской историографии продолжают преобладать те же тенденции [12].

С первых дней своего существования Временное правительство рассматривало земства как свою политическую опору. Это вполне закономерно, учитывая, что в состав нового правительства входили видные земские деятели, среди которых: государственный контролер И.В. Годнев, глава Временного правительства первого состава Г.Е. Львов, министр земледелия А.И. Шингарев и другие [13, с. 80], [14, с. 196–197], [15, с. 359–360].

Именно земства активно включились в организацию новой вертикали власти на местах. Инициатива при этом исходила снизу при формально-юридическом нахождении у власти губернаторов и вице-губернаторов, которые законодательно были отстранены от власти только через несколько дней после падения монархии. Так, 3 марта 1917 г. в Минске состоялось собрание, созванное по инициативе председателя Минской губернской земской управы и Военно-промышленного комитета Б.Н. Самойленко, избранного «гражданским комендантом» города Минска, а 6 марта Временным правительством было издано постановление об устранении от власти губернатора и вице-губернатора [11, с. 108–110].

К разработке реформы волостного самоуправления Временное правительство приступило в конце марта 1917 г. 26 марта 1917 г. было создано Особое совещание при министерстве внутрен-

них дел, которое занялось подготовкой реформы самоуправления [5, с. 28]. В его состав вошли видные деятели городского и земского самоуправления, юристы, экономисты. Среди них были Б.Б. Веселовский, Д.Д. Протопопов, Н.М. Тоцкий, В.Н. Твердохлебов и другие. Совещанием было создано 17 комиссий, проведено 129 заседаний [9, с. 111]. Н.Н. Авинов был назначен председателем комиссии по волостным земствам и введению поселкового управления [4, с. 130].

Представители Совещания стояли перед сложной задачей выработки системы гармоничного существования органов государственной власти с органами местного самоуправления при предоставлении последним широких полномочий. При этом предполагалось, что центральная власть будет осуществлять контроль за законностью действий земств при помощи своих губернских и уездных представителей, а также при содействии местных органов администрации и юстиции [4, с. 130].

21 мая было принято постановление Временного правительства о волостном земстве. Оно распространялось на 43 губернии, в которых насчитывалось 9500 волостей [2, с. 8]. На территории Беларуси действие постановления распространялось на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии [16, с. 215]. Такое решение Временного правительства объясняется разделенностью белорусских губерний линией фронта и частичной их оккупацией немецкими войсками.

Согласно реформе волостного земства волостные сходы, существовавшие ранее, заменялись волостным собранием. Последнее формировалось путем всеобщих, прямых, свободных, тайных выборов, с участием всего населения волости в возрасте от 20 лет. При этом, согласно законодательству, права голоса были лишены монахи, осужденные, а также лица, признанные сумасшедшими или глухонемыми [2, с. 8–9].

Выборы проводились по мажоритарной системе. Избиратели должны были подавать записки с указанием числа гласных, которое нужно избрать в округ. Избранным в волостные земские гласные считалось лицо, получившее более половины всех записок. На каждую волость полагалось избрать от 20 до 50 гласных в зависимости от числа проживающих в ней людей [5, с. 34–35]. В особых случаях разрешалось проводить выборы по пропорциональной системе [5, с. 35].

Волостные земские гласные составляли волостное земское собрание, которое под руководством избранного из своего состава представителя решало вопросы хозяйственного характера (о школах, больницах, дорогах). Решения волостного земского собрания приводились в исполнение волостной земской управой во главе с председателем [5, с. 35].

Подготовка к выборам волостных земских гласных началась 11 июня 1917 г. с появлением «Наказа о производстве выборов волостных земских гласных». Всего планировалось избрать около 300 тысяч гласных. В избирательной кампании оказались задействованы губернские земские управы, общественные исполнительные комитеты, советы. Определяющую роль при проведении земской реформы играли комиссары Временного правительства, так как они контролировали и направляли работу всех организаций и лиц, вовлеченных в проведение реформы [9, с. 118–119].

Организация выборов в волостные земства осложнялась из-за несогласованности действий Временного правительства, которое параллельно проводило подготовку к созыву Учредительного собрания. Постоянное смещение даты выборов в Учредительное собрание влекло за собой сокращение сроков по организации выборов в волостные земства. В июле 1917 г. по губерниям была разслана телеграмма от товарища министра внутренних дел Н.Н. Авинова, согласно которой из-за назначения даты выборов в Учредительное собрание на 17 сентября 1917 г., сроки проведения выборов в волостное земство сокращались с 42 до 31 дня [17, л. 6]. В связи с этим выборы в волостные земства на территории Могилевской губернии решено было провести 13 августа вместо ранее назначенного срока – 20 августа [7, л. 6].

30 сентября 1917 г. Министерством внутренних дел была составлена сводка о сроках выборов в волостные земства на основании сведений, поступивших из 404 уездов. Эти сроки колебались между 1 августа и 10 октября. Только в 3 губерниях выборы откладывались до первой декады октября. В 9 губерниях они проходили в августе, а в остальных губерниях – в сентябре [8, с. 28].

Несогласованность в процедуру избирательной кампании внесло постановление Временного правительства «О порядке выборов волостных гласных на основе пропорциональной системы», принятое 26 июля 1917 г. Суть его заключалась в том, что уездная земская управа могла самостоятельным решением принять за основу одну из двух процедур голосования – пропорциональную или мажоритарную. В течение июня–июля 1917 г. готовились к выборам по мажоритарной системе, согласно которой избиратели должны были вписывать в бюллетени столько фамилий, сколько депутатов следовало избрать от данного округа. Глас-

ными становились лица, за которых голосовало более половины избирателей. Пропорциональная система выборов предполагала голосование не за отдельных лиц, а за списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями, союзами, объединениями или группами населения и больше соответствовала всеобщему принципу [9, с. 124–125].

По мнению Г.А. Герасименко, пропорциональная система голосования импонировала интересам сельской буржуазии, хуторян и интеллигенции, то есть тем категориям населения деревни, которые не входили в сельское общество и не могли рассчитывать на то, что их фамилии крестьяне укажут в своих бюллетенях. Для крестьян, в свою очередь, было выгодно сохранение мажоритарной системы. Именно благодаря ей крестьяне сохраняли принцип словности и могли влиять на результаты голосования. Попытка поддержать принцип всеобщности будущих земств через пропорциональные выборы только усилила социальное напряжение в деревне и отодвинула сроки начала голосования [9, с. 125–126].

Важным вопросом организации выборов было их финансирование. Осуществлялось оно из государственного бюджета. Под ответственность уездных земств правительство выделяло ссуду в размере около 500 рублей на волость под 6 % годовых [17, л. 6]. По данным П.Н. Абрамова, 43 губернии, в которых планировалось ввести волостные земства, насчитывали 456 уездов и 9305 волостей [8, с. 28]. Следовательно, примерные расходы на проведение выборов составляли 4652500 рублей.

Говоря о предвыборной кампании, нельзя не отметить активную вовлеченность в нее прессы. На предвыборном этапе на страницах газет публиковались различные статьи пропагандистского характера, объясняющие важность создания «волостного земства для хозяйственной и культурной жизни народа», сообщающие о ходе и итогах выборов [18], [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25], [26], [4], [27]. В публикациях отмечалось, что выборы в органы волостного земского самоуправления демонстрируют права народа на установление демократии в хозяйственной и культурной жизни, говорилось, что результат работы земств будет напрямую зависеть от выбранных в их состав лиц [22, с. 3–4]. Волостные земства назывались «любимым детищем крестьянства», а участие в выборах считалось «революционным крещением» [27, с. 4]. К числу основных задач волостных земств относили задачу организации и развития народного образования в деревне [22, с. 3–4]. Отмечалось, что волостные земства должны не только организовать школьное дело, но и заниматься просвещением. В частности, волостным земствам рекомендовалось создавать в деревне условия для работы кинематографа и театра [19, с. 3]. Вовлекать в просветительскую работу в деревне предлагалось образованных горожан при гарантии им «полной свободы действий и достойной оплаты труда» [24, с. 2].

Вместе с тем, многие статьи были не лишены некоторой гротескности. К примеру, можно привести мнение публициста М. Макарьиной, считавшей, что волостные земства смогут привести русское общество к такому уровню развития, что вместо больниц будут построены здания, пахнущие не медикаментами, а цветами [23, с. 3].

Однако, несмотря на широкую пропаганду, выборы в волостные земства в белорусских губерниях проходили с большими сложностями. Большинство сельского населения отнеслось к выборам равнодушно, по подсчетам современных исследователей абсентеизм достигал 60–90 % [12, с. 479].

Так, в Могилевском уезде выборы в волостные земства проходили активно только среди населения местечек и тех сравнительно крупных населенных пунктов, где велась соответствующая пропагандистская работа. В остальных населенных пунктах отмечалось безразличное отношение населения к выборам [18, с. 4]. Среди партий наиболее активную агитацию вели эсеры, призывая крестьян-бедняков опасаться влияния кулаков в деревне и «держаться тех, кто начертал на своих знаменах: «Земля и воля»» [20, с. 4].

При выборах в Добрушское волостное земство, проходивших 20 августа 1917 г., из 2300 крестьян, внесенных в избирательные списки, в голосовании не участвовало 1400 человек или 60,8 % избирателей. Позже решением Гомельской уездной земской управы в тех округах, где выборы ранее не состоялись, 27 августа они были проведены повторно [19, с. 4].

В некоторых волостях выборы были провалены по причине путаницы и неправильного заполнения бюллетеней со стороны малограмотных и неграмотных крестьян-избирателей [25, с. 4].

Ряд инцидентов был зафиксирован в Минской губернии. Так, 8 сентября при выборах в Заславское волостное земство Минского уезда был арестован председатель управы князь Друцкий-Любецкий за то, что уничтожил списки кандидатов своих противников [7, с. 302–303].

В Пережирах Раковской волости Минского уезда 5 женщин сорвали выборы, изъяв избирательный ящик и доставив его к коменданту местечка Раков [7, с. 303]. В селе Першай во время выборов был арестован комендант подполковник Соколов и его помощник поручик Манчевский, ксендз Врублевский и землевладелец Циммерман. Двое последних были избиты толпой [7, с. 303].

Сорвали выборы волостного земства и в селе Гарутишки Койдановской волости Минского уезда, где председатель избирательной комиссии Харитонов также был избит, а некоторые участники выборов призывали к еврейскому погрому [7, с. 303]. Во время выборов в Самохваловичское волостное земство Минского уезда был избит член выборной комиссии Высоцкий, отказавшийся принять бюллетень от невнесенной в списки избирателей женщины. Председатель избирательной комиссии учитель Грантовин также был избит. Толпа при этом кричала, что «все зло от помещиков» [7, с. 303]. В селе Малево Слуцкого уезда во время выборов в волостное земство было убито 3 человека [7, с. 303].

В Мозырском уезде был зафиксирован отказ от участия в выборах целых избирательных округов. Гласными волостного земства были избраны лица, дающие населению невыполнимые обещания. К интеллигенции и землевладельцам отношение было отрицательным [7, с. 304].

В итоге в Минском уезде выборы волостных гласных в пяти волостях прошли полностью, в пяти частично и в пяти были сорваны, а в Витебской губернии в некоторых волостях имели место случаи полного отказа населения от участия в выборах волостного земства [7, сс. 304, 306].

Безразличие, а в отдельных случаях, агрессивное поведение крестьян в ходе избирательной кампании объяснялось их усталостью от нерешенности социально значимых проблем, недоверием к новым волостным органам самоуправления [26, с. 1].

В ходе выборов в волостные земства в белорусских губерниях ни один из партийных списков не набрал большинства голосов. В политическом отношении выбранный состав волостных гласных был слабо дифференцирован, однако, если партийная принадлежность все же фиксировалась, то преимущественно это были представители эсеров [12, с. 480]. Подобное преобладание эсеров в волостных земствах нам представляется вполне закономерным, учитывая популярность партийной программы социализации земли среди населения.

Г.А. Герасименко указывает, что по итогам выборов большинство мест получили представители крестьян, но из-за преобладания среди гласных зажиточных крестьян и хуторян можно говорить о сдвиге волостных земств вправо [9, с. 143–144]. Например, по Минской губернии из 84 земств, предоставивших сведения по составу избранных гласных, насчитывалось 2322 землевладельца, 142 торговца, 17 фабричных рабочих, 50 учителей и 18 представителей духовенства [9, с. 144].

Если говорить о завершении организационного оформления волостных земств на территории белорусских губерний, то следует отметить длительность данного процесса. В Витебской губернии 2 волостных земства было оформлено в августе, 70 – в сентябре, 18 – в октябре, 12 – в ноябре и 1 – в декабре 1917 г. Всего 103 земства по губернии [9, с. 150]. В Минской губернии в сентябре – 31 земство, в октябре – 47, в ноябре – 3, в декабре – 2. Всего 83 земства по губернии [9, с. 150]. В Могилевской губернии: в августе – 3 земства, в сентябре – 53, в октябре – 29, в ноябре – 5, в декабре – 4. Всего 94 земства по губернии [9, с. 150].

Большинство волостных земств на территории белорусских губерний, как показывают вышеприведенные данные, приступило к работе только в сентябре–октябре 1917 г. и существенного влияния на изменение кризисной ситуации оказать не смогли.

Заключение. Проблема создания и деятельности волостного земского самоуправления на территории белорусских губерний требует комплексного изучения. На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что волостная земская реформа не нашла активной поддержки со стороны большинства крестьянства на неоккупированной немцами территории Беларуси. Этому способствовало отсутствие практического опыта всесословного административно-хозяйственного крестьянского самоуправления на волостном уровне, непродуманными действиями со стороны Временного правительства, выразившихся в отсутствии детальных инструкций, а, следовательно, хаотичной и плохо организованной процедуре организации выборов. Слабая поддержка органов волостного земского самоуправления со стороны крестьянства на территории белорусских губерний привела к тому, что волостные земства не смогли одержать победу в борьбе за интересы сельскохозяйственного труженика, стать их проводником, и вынуждены были уступить инициативу набравшим популярность крестьянским советам.

Литература

1. Гронский, П.П. Земская реформа в Государственной думе / П.П. Гронский. – Петроград : Тип.акционерного общества «Слово», 1916. – 32 с.
2. Загряцков, М.Д. Закон о волостном земстве. Предисловие, содержание закона и примечания к нему / М.Д. Загряцков. – М : Начало, 1917. – 80 с.
3. Загряцков, М.Д. Земство и демократия. Зачем земство нужно народу? / М.Д. Загряцков. – М. : Начало, 1917. – 47 с.
4. Руднев, В.В. Земское и городское самоуправление в 1917 году / В.В. Руднев // Год русской революции (1917–1918 гг.) : сб. статей. – М. : Земля и воля, 1918. – С. 120–149.
5. Веселовский, Б.Б. Земство и земская реформа / Б.Б. Веселовский. – Петроград : Товарищество О.Н. Поповой, 1918. – 48 с.
6. Троцкий, Л.Д. История Русской революции : в 2 т. / общ. ред. Н. Васецкого ; примеч. : В. Иванова. – М. : Терра, 1997. – Т.2 : Ч. 2 Октябрьская революция. – 400 с.
7. Крестьянское движение в 1917 году / Центрархив, [Архив Октябрьской революции]; подг. к печати: К.Г. Котельников, В.Л. Меллер ; с предисл. Я.А. Яковлева. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1927. – 442 с. – (1917 год в документах и материалах / под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева).
8. Абрамов, П.Н. Волостные земства / П.Н. Абрамов // Исторические записки. – 1961. – Т. 69. – С. 27–45.
9. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 264 с.
10. Игнатенко, И.М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.) / И.М. Игнатенко. – Минск : Изд-во мин-ва высш., средн. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 498 с.
11. Игнатенко, И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 344 с.
12. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2007. – 519 с.
13. Голостенев, М.Е. Годнев Иван Васильевич / М.Е. Голостенев // Политические деятели России 1917 : биографический словарь / глав. ред. П.В. Волобуев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 80.
14. Голостенев, М.Е. Львов Георгий Евгеньевич / М.Е. Голостенев // Политические деятели России 1917 : биографический словарь / глав. ред. П.В. Волобуев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 196–198.
15. Голостенев, М.Е. Шингарев Андрей Иванович / М.Е. Голостенев // Политические деятели России 1917 : биографический словарь / глав. ред. П.В. Волобуев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 359–360.
16. Сборник указов и постановлений Временного правительства : Вып. 2; 5 мая – 24 июля 1917 г. – Ч. 1. Отд. I–VIII / сост. Управлением Кодификационной частью. – 1918. – VII. – 799 с.
17. Телеграмма губернским и уездным земским управам и уездным комиссарам губерний // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). – Ф. 2084. – Оп. 1. – Д. 102. Дело о разработке инструкций порядка выборов в городские и волостные органы самоуправления.
18. Выборы в волостное земство // Голос народа. – 1917. – 16 сент. – С. 4.
19. Выборы в Добруше в волостное земство // Голос народа. – 1917. – 25 авг. – С. 4.
20. Злотников, В. Бойтесь (О выборах в волостное земство) / В. Злотников // Голос народа. – 1917. – 13 окт. – С. 4.
21. Климовичи // Голос народа. – 1917. – 7 октября. – С. 4.
22. Макарына, М. Задачи волостного земства / М. Макарына // Голос народа. – 1917. – 3 авг. – С. 3–4.
23. Макарына, М. Задачи волостного земства / М. Макарына // Голос народа. – 1917. – 4 авг. – С. 3.
24. Макарына, М. Задачи волостного земства / М. Макарына // Голос народа. – 1917. – 23 авг. – С. 2.
25. Околица Железники (выборы в волостное земство) // Голос народа. – 1917. – 25 окт. – С. 4.
26. Покровский, Г. Старое и новое земство / Г. Покровский // Голос народа. – 1917. – 30 сент. – С. 1–2.
27. Хейфиц, Е. Воззвание / Е. Хейфиц // Голос народа. – 1917. – 9 авг. – С. 4.

УДК 930.1(476+470+477«192/193»:94:314.1(476+470+477)«192/193»

Теоретико-методологическое и историографическое обоснование исследования белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы

М.И. СТАРОВОЙТОВ

Дается теоретико-методологическое и историографическое обоснование выбора белорусско-российско-украинского пограничья как модели исследования для адекватной историко-сравнительной характеристики демографических и этносоциокультурных процессов в составе населения Беларуси в контексте аналогичных процессов в соседних пограничных территориях. Автор впервые в современной историографии установлены основные этапы формирования в межвоенный период белорусско-российско-украинского пограничья и предложено его определение.

Ключевые слова: Белорусско-российско-украинское пограничье, теоретико-методологическое и историографическое обоснование, историко-сравнительный анализ.

The theoretical-methodological and historiographical justification for the choice of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland is considered as a model of research for an adequate historical and comparative description of the demographic and ethno-sociocultural processes within the population of Belarus in the context of similar processes in neighboring border areas. The author for the first time in modern historiography establishes the main stages in the formation of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland in the interwar period and proposes its definition.

Keywords: Belarusian-Russian-Ukrainian borderland, theoretical and methodological and historiographical justification, historical and comparative analysis.

В современном научном и политическом лексиконе, как на постсоветском пространстве, так и за рубежом понятие «регион» стало одним из ключевых после развала СССР. Разрушение единой социально-экономической и политической системы реанимировало старые споры между новыми независимыми государствами о пограничных территориях. К счастью, в белорусско-российско-украинском пограничье (БРУП) этого не произошло. Беларусь, Россия и Украина в этом регионе унаследовали границы от Советского Союза. Их новый статус в разной степени, но коренным образом теперь, отличается от досоветских прозрачных губернских административно-территориальных границ и советских прозрачных областных и межреспубликанских границ до 1992 г.

В историческом развитии этого региона можно условно выделить три больших периода. Первый период – с конца XVIII и до 1917 г. В этот период сформировался историко-этнокультурный полиэтничный регион западной окраины Российской империи с прозрачными губернскими границами. Второй период – с 1918 г. и до 1991 г. В нем следует выделить главный этап: 1920–1930-е гг., когда БРУП стало оформляться как политико-административный регион с его прозрачными областными и межреспубликанским/межгосударственными границами. Это способствовало развитию свободной экономической (маятниковой) миграции населения соседних областей, свободным семейно-бытовым и культурным контактам и др. В конце 1930-х годов в исследуемом регионе было введено областное деление. Эти крупные административные, хозяйственные и культурные единицы (области) и взяты за основу для исследования БССР в контексте с соседними пограничными территориями. В ходе советского национально-государственного строительства на основе этнофедерализма и экономического районирования сформировался регион с прозрачными межреспубликанскими границами.

Третий период – с 1992 г. Особенность этого постсоветского периода БРУП заключается в том, что его этнокультурные и административные контактные зоны разделены государственными границами, имеющими разный статус границ, что обуславливает не только особенности и специфику, но и совершенно новые формы экономического, политического и гуманитарного взаимодействия и сотрудничества между населением и органами управления

соседних областей, входящих в разные суверенные государственные образования. Например, граница между Республикой Беларусь и Украиной оформлена по международному стандарту функционирования межгосударственных границ.

Нахождение Беларуси в центре Европы создало ей такое уникальное положение, когда она исторически имеет отношение, как к западной, так и к восточной цивилизациям. На белорусских землях постоянно соприкасались и взаимодействовали различные этнокультурные направления и процессы. Еще более уникальным в этом отношении является белорусско-российско-украинский пограничный регион, который в результате изменений в территориально-административном устройстве соседних республик сложился к концу 1930-х гг. как устойчивая территория проживания различных этнокультурных общностей с их национально-культурной спецификой как титульных этносов (белорусов, русских, украинцев), так и национальных меньшинств. Историческое соседство территорий, внутренняя миграция населения, общность черт традиционного хозяйствования и быта сельского населения, относительная схожесть природно-климатических условий, социальноэтнической структуры, однотипность административно-территориального устройства предопределили наличие ряда контактных этнокультурных зон теперь уже трех современных государственных образований – Беларуси, России, Украины. Данный пограничный этнокультурный регион – это своеобразный центр восточнославянских народов в Европе. В условиях глобализационных процессов здесь пока еще сохраняется своеобразие, уникальность и аутентичность восточнославянских народов и их культур.

Белорусско-российско-украинское пограничье – это выделенный регион, состоящий из группы областей, представляющие крупные административно-территориальные единицы БССР, РСФСР и УССР. В досоветский период губернии этого большого региона оказались своеобразным разделом между Востоком и Западом, через них проходила «черта оседлости», они делились на земские и не земские, были прифронтовой полосой в годы Первой мировой войны. В советский межвоенный период в регионе поэтапно проходил переход от губернского к областному делению, большая часть его входила в широкую погранполосу СССР. Все это оказало существенное влияние на демографические и этносоциокультурные процессы в составе полиэтничного при абсолютном преобладании восточнославянского населения. В ходе советского национально-государственного строительства на основе этнофедерализма и экономического районирования сформировался регион с полностью прозрачными межреспубликанскими границами. В регионе в 1939 г. проживало более 17,5 млн. человек, из которых 97 % в своих этнических территориях составляли русские, 83,5 – белорусы и 84,1 – украинцы, а в среднем на долю восточнославянских народов приходилось 86,7 % [1, с. 24–25, 65–71]. Общий исторический путь развития восточнославянского населения и нацменьшинств региона дает основание для корректных научных исследований.

Предложенная нами модель/конструкт позволяет, на наш взгляд, адекватно охарактеризовать изменения в составе социума БССР в 1920–1930-е гг. и доступнее объяснить демографический и этносоциокультурный облик населения и, прежде всего, титульного этноса – белорусов в контексте с аналогичными процессами в соседних пограничных территориях РСФСР и УССР с абсолютным большинством восточнославянского населения. Национальный состав населения («этнический фактор») сыграл главную роль при I и II укрупнениях БССР и установлении административных границ с РСФСР, когда было доказано абсолютное преобладание белорусов в возвращаемых/присоединяемых территориях. Постановка вопроса о передаче БССР 5 уездов из РСФСР в 1928 г. не имела доказательной базы. Это своеобразный этап подтверждения восточной границы БССР после II укрупнения. Неизменной она осталась при оформлении областного деления в РСФСР и БССР в 1937–1938 гг. Несмотря на дискуссионность, решение спорных вопросов о территории БССР в первой половине 1920-х гг. носило мирный характер. Между населением приграничных районов сложились добрососедские отношения. Вышеизложенное позволяет дать такое определение БРУП. БРУП – это уникальный этносоциокультурный межгосударственный регион, сформировавшийся в 1920–1930-е гг. в результате национально-государственного строительства на основе советского этнофедерализма в условиях общесоюзного и местного районирования и административно-территориальных преобразований/реформ и являющийся центром восточнославянского населения в Европе, который с 1992 г. развивается в новом формате разноуровневого трансграничного сотрудничества.

Научнообоснованное политическое решение установления восточной границы БССР имеет положительные результаты по сегодняшний день. На состоявшейся в марте 2015 г. конференции «Минский диалог» первый заместитель главы МИД РБ А. Михневич заявил, что Беларусь стала единственным государством Восточного партнерства, в котором отсутствуют территориальные споры с соседями [2]. Такая оценка касается и восточных, и западных границ суверенной Республики Беларусь.

Изучение проблем становления и поэтапного развития региона и его населения в эти большие периоды может быть предметом самостоятельного исследования. На наш взгляд, очень важным этапом становления и развития БРУП являются 1920–1930-е гг., когда были заложены основы политического, экономического и культурного сотрудничества братских славянских народов. Именно единство, проверенное Великой Отечественной войной, и сотрудничество послевоенного советского периода сделали традиционными встречи белорусов, русских и украинцев у Монумента Дружбы трех братских народов. Традиция прервана несколько лет назад.

С учетом возможного объема публикации, предлагаем теоретико-методологическое и историографическое обоснования правомерности выделения белорусско-российско-украинского пограничного региона как конструкта/модели. Это не разработка автохтонной модели исторического исследования, а предложение модели для системного, комплексного, историко-сравнительного изучения и установления национальной специфики в демографических и этносоциокультурных процессах развития населения в условиях советской мобилизационной модернизации в 1920–1930-е гг.

При изучении функционирования самого «региона» или «пограничья» именно как социокультурного феномена важно учитывать модернизационные процессы, происходившие в СССР и союзных республиках в обозначенный период. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.В. Алексева, который считает, что «модернизация в идеале должна вести к выравниванию стартовых уровней, экономико-технологической, политической и социокультурной унификации и универсализации. ...Региональное развитие, напротив, ведет к фиксации и развитию территориального разнообразия, закреплению региональных самоидентификаций, этнокультурного своеобразия, самобытных традиций. Показательно, что модернизация практически постоянно сопровождается перераспределением региональных ролей и изменением региональной структуры. Следовательно, модернизация и региональное развитие разворачивались параллельно и в значительной степени во взаимодействии друг с другом» [3, с. 11].

Методологический вакуум после развала СССР привел к отходу от «единственно правильного» материалистического понимания истории, стал постепенно заменяться новыми подходами и принципами «неклассической историософии», отказом от аналитических исследований и теоретических обобщений, переходом к западноисториографическому нарративу. Такое отношение историков к теории во многом породило многочисленные философско-исторические концепции, схемы, формально применяемые к многообразной исторической реальности. Из существующих теоретических подходов в изучении границ и регионов выделим наиболее приемлемые к решению проблем БРУП.

В условиях «познавательного плюрализма», отмечал И.Д. Ковальченко, необходимо идти не путем провозглашения нового и отбрасывания старого, а путем синтеза идей, анализирующих и обобщающих исторический процесс [4, с. 25–26]. В.В. Согрин считает использование методов междисциплинарного исследования актуальной проблемой и их должны использовать в своей работе историки [5, с. 5]. Особенность перехода отмечает А.А. Аникеев: «Переход от монистической к плюралистической интерпретации истории создаёт особую методологическую ситуацию, в рамках которой... идёт поиск новых методологических ориентиров... наблюдается мобилизация всего предыдущего исследовательского потенциала минувших эпох и иных культур» [6, с. 134]. Если история представляет собой исследовательское поле различных мнений, дискурсов и дисциплин, то переход к плюралистической, многоаспектной историко-познавательной модели действительно необходим. Мы придерживаемся мнения, что речь надо вести об обоснованном интегрировании накопленного отечественного теоретико-методологического опыта и многочисленных новаций в сфере исторического познания для

применения к конкретному исследованию. Вместе с тем, трудно не согласиться с мнением Э.А. Позднякова о том, что «отдельной от конкретных научных исследований общезначимой методологии попросту не существует и существовать не может» [7, с. 524].

В 1928 г. М. Блок установил, что в многочисленных исследованиях «авторы в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающие процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований...» [8, с. 28–29]. Главной методологической основой в изучении и представлении процессов в БРУП в нашей исследовательской и учебной практике является компаративный подход. В 1960–1970-е гг. в связи с ослаблением позиций национально ориентированной истории интерес к компаративистике значительно вырос. Известный немецкий историк Ю. Кока отмечает, что «начиная с 60-х гг. большое распространение получила также сравнительная история или историческая компаративистика», которую он называет королевским методом исследования [9, с. 19]. Однако исторических работ практически нет. Нам представляется, что это связано как с объективными (трудности в выявлении документов для исследований такого рода), так и субъективными причинами (необходимость скрупулезной работы по созданию оригинальной источниковой базы). М. Блок увязывал зависимость ценности сравнительных исследований от хорошо документированных фактов. Он считал, что ограниченность человеческих сил не позволяет надеяться на появление трудов «из первых рук» широкого географического и хронологического охвата и поэтому сравнительный анализ неизбежно всегда будет уделом лишь малой части историков, т.к. такое исследование не из легких и требует скрупулезности. Размышляя о проведении сравнительных исследований, главное, полагал он, как отвести им место в университетском образовании, не говоря уже о том, что *лекционные программы и экзаменационные вопросы ограничиваются исключительно проблемами национальной истории (выделено нами)*. Эта мысль не потеряла актуальность и сегодня. М. Блок отмечал, что даже авторы монографий «в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающими процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований, отличающимся по национальным либо политическим условиям от тех, которые изучают они сами». «Дух сравнительной истории писал М. Блок, привел в движение локальные исследования, без которых она не может ничего, но которые, в свою очередь, без нее не ведут ни к чему. Пора перестать вести бесконечные разговоры «о своей» национальной истории, не понимая, по существу, друг друга» [8, с. 29].

В начале 1950-х гг. советский этнограф П.И. Кушнир предложил развернутую теорию этнической границы, указав на ее отличие от государственных или административных границ в том, что она, как правило, представляет собой более или менее широкую приграничную полосу, заселенную переходной в этническом отношении группой людей [10, с. 12]. Этим самым он указал на проблемы, возникающие при определении этнической границы при отсутствии четко определенной государственной границы. Одной из попыток разрешить данную проблему являются идеи норвежского антрополога Ф. Барта, выводящие на первый план в формировании культурных/этнических границ самосознание. Он внес большой вклад в самоидентификацию человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью) [11, с. 7].

Существенные дополнения в методологию изучения пограничья как региона внесли российские историки. В 1970-е гг. М.А. Барг и Е.Б. Черняк при вычленении региона как типологической единицы предложили, что регион может быть «конструирован» как из сплошной территории, так и из «частей», более или менее удаленных друг от друга [12, с. 40]. Д.И. Ковальченко и Л.И. Бородкин дополнили и конкретизировали широко применяемый метод типологизации – это районирование. «Его суть состоит в выделении территориально единых совокупностей административных единиц, обладающих определенным сходством в природных условиях, историческом и экономическом развитии... других явлений общественной жизни (демографических, культурных и т. д.) ...будет решать проблему типизации только в том случае, если регионы будут объединять действительно внутренне однотипные единицы (уезды, губернии и т. п.). Для вполне обоснованного заключения о сходстве или различии здесь необходим многомерный анализ, который будет учитывать все основные в рассматриваемом плане признаки объектов» [13, с. 59–60].

Совершенство количественные методы, Л.И. Бородкин обосновал необходимость применения таблиц и динамических рядов при многомерном статистическом анализе в исторических исследованиях [14]. Используя в исследовании демографического и этносоциокультурного облика населения БРУП значительный цифровой материал, мы руководствуемся методикой Д.И. Ковальченко и Л.И. Бородкина. Нельзя не согласиться и с мнением историка Б.Н. Миронова. Он отмечает, что «с цифрами спорить труднее..., они убедительнее любых умозрительных конструкций и интерпретации фактов... социальные, политические, экономические проблемы можно и нужно изучать с привлечением статистики и массовых источников. После их обработки... можно делать адекватные выводы. В этом методологическая особенность моих работ» [15, с. 18].

Для адекватных оценок демографических процессов в БРУП необходимо расширять источниковую базу исследования, использовать рассекреченные данные статистики, выявлять новые документы. Вот пример. Автор уже писал о смертности населения БРУП в 1932–1933 гг. Новые архивные документы позволяют внести дополнения и уточнения в данные об этой людской трагедии. При анализе данных о естественном движении городского населения в 1933 г. по гендерному признаку нами установлены следующие новые факты. Смертность у мужчин оказалась выше, чем у женщин. Так, смертность у мужчин городских поселений БССР превысила рождаемость на 529 чел., хотя общий показатель по обоим полам дал прирост 1 510 чел. В Западной области среди городского населения (оба пола) смертность превысила рождаемость на 2 515 чел. Только в БССР, Карельской АССР, Ленинградской и Московской областях в городах наблюдался небольшой прирост городского населения за счет более низкой смертности у женщин. В целом по СССР смертность среди всего городского населения превысила рождаемость на 374 539 чел., в т. ч. в УССР – на 116 594 чел. Смертность превысила рождаемость не только в Витебске и Гомеле (об этом автор уже писал), но и в Могилеве – на 259 чел. [16, лл. 11,12,13, 16, 18, 20]. Анализ данных показал, что в БРУП, как и в целом по СССР, наблюдалась общая тенденция: смертность мужчин в городах превышала рождаемость мужского населения. В Западной области это имело место в Смоленске, Брянске, Бежице. Нами впервые установлено, что количество умерших мужчин в Москве было выше количества родившихся мальчиков на 598 чел., а в Ленинграде – на 626 чел. [17, лл. 39, 40].

Изменения геополитического положения в мире резко актуализировали исследования региональной проблематики. Признание и широкое применение регионального подхода научным сообществом в исторической ретроспективе подтвердил и МКИН (г. Осло, август 2000 г.) [18]. В условиях глобализации и в связи с распадом СССР возрос интерес обществоведов к изучению этносоциокультурных процессов на постсоветском пространстве. Особенно актуальным направлением изучения таких процессов становятся исторические исследования на региональном уровне. В 2000 г. А. Каппелер предположил: «при сравнении с другими нациями становится заметным общее и особенное, что придает эксклюзивной национальной интерпретации глубину и резкость», методологически политическая, этносоциокультурная истории все больше будут обращаться к истории Российской империи, а региональный подход в будущем «станет особенно инновационным» [19, с. 20, 31.]. С полным основанием это можно отнести и к истории СССР. В 2008 г. в ходе дискуссии предлагалось дать новые оценки национальным, социальным и культурным процессам. По ее итогам А.Н. Медушевский констатировал, что исторические аспекты региональной и межрегиональной проблемы «становятся одним из приоритетных направлений современной российской историографии» [20, с. 3]. Недавно А.О. Чубарьян высказал идею «перейти к согласованным оценкам советского периода нашей истории в целом» [21].

Работают над проблемой и украинские историки. Теоретико-методологическое обоснование нового междисциплинарного направления в Украине дано в монографии Я.В. Верменич [22]. По этой проблеме она защитила в 2005 г. докторскую диссертацию [23]. Опубликована совместная работа, в которой рассматривается административно-территориальное устройство Украины [24]. Непосредственно теоретическому обоснованию пограничья в социологическом и культурологическом плане посвящена ее статья [25]. Из белорусских историков следует отметить совместную работу А. Кравцевича, А. Смоленчука, С. Токтя, где Беларусь

рассматривается как нация Пограничья, но в большей степени они освещают проблемы нациостроительства в Беларуси в XIX – начале XX вв. [26]. Заслуживают внимания совместное исследование белорусских и российских этнографов [27] и монография философа Н.Н. Беспмятных [28] по пограничной проблематике, хотя сюжетно и хронологически авторы решают другие задачи. На основе междисциплинарного и регионального подхода, выделяя белорусскую этнографическую специфику, рассматривается белорусская традиционная культура, архитектура и другие проблемы в работах известных белорусских этнографов А.И. Лакотко, В.С. Титова и др.

Уже стали проявлять определенный интерес к проблемам белорусско-российско-украинского пограничья белорусские, российские и украинские историки, что показала Международная научная конференция в Брянске в сентябре 2008 г. [29]. Однако обозначенная нами межрегиональная проблема в современной историографии еще не получила должного освещения. Определенный вклад в постановку проблемы, исследования ряда аспектов БРУП внес и автор этих строк. О необходимости исследования демографических и этносоциокультурных процессов в составе населения БРУП в первые два десятилетия Советской власти нами было высказано предложение на международных конференциях в 2003 г. в Брянске и 2006 г. в Чернигове. Этот аспект и ряд историографических проблем автор представил в докладах на международных конференциях в Минске [30], в Чите [31], в Новозыбкове [32]. В них сделан вывод о том, что в межрегиональном плане проблема демографического измерения и этносоциокультурной динамики населения БРУП в российской и украинской историографии практически не исследована и в настоящее время находится в начале становления и разработки.

Таким образом, предложенное теоретико-методологическое обоснование БРУП позволило, на наш взгляд, дать определение этому региону. Недостаточная разработанность истории населения пограничья в российской и украинской историографии, начало комплексного изучения ее в Беларуси дает основание обозначить БРУП как новое научное направление в белорусской историографии, что актуализирует научную и практическую значимость разностороннего его исследования.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
2. Конференции «Минский диалог» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.tut.by/archive/>. – Дата доступа : 27.03.2015.
3. Алексеев, В.В. От централизации к дезинтеграции России / В.В. Алексеев // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. – М. : Наука, 2000. – С. 8–25.
4. Ковальченко, И.Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития (замечки о необходимомти обновлённых подходов) / И.Д. Ковальченко // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. – 1995. – Вып. 1 (119). – С. 19–29.
5. Согрин, В.В. История исторической мысли XX века / В.В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 3–12.
6. Аникеев, А.А. Методологическая подготовка в области истории при многоуровневой структуре обучения студентов: опыт и проблемы / А.А. Аникеев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 129–139.
7. Поздняков, Э.А. Что такое история и нужно ли её знать? / Э.А. Поздняков. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 608 с.
8. Ястребицкая, А.Л. Блок М. Апология сравнительной истории европейских обществ (Реферат) / А.Л. Ястребицкая // XX век: Методологические проблемы исторического познания : сб. обзоров и рефератов : в 2 ч. / РАН ИНИОН ; Редколл. : А.Л. Ястребицкая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 14–29.
9. Кока, Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире / Ю. Кока // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 17–20.
10. Кушнир, П.И. Этническая территория и этнографические границы / П.И. Кушнир // Труды Института этнографии АН СССР. – М., 1951. – С. 3–128.
11. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. – М. : Новое изд-во, 2006. – 199 с.

12. Барг, М.А. Регион как категория внутренней типологизации классово-антагонистических формаций / М.А. Барг, Е.Б. Черняк // Проблемы социально-экономических формаций. (Историко-типологические исследования). – М., 1975. – С. 39–49.
13. Ковальченко И.Д. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) / И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 59–95.
14. Бородкин, Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / Л.И. Бородкин. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 188 с.
15. Миронов, Б.Н. Оцифрована революция / Б.Н. Миронов // Родина. – 2017. – № 11. – С. 15–25.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 16.
17. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18.
18. Регионы и регионализм в странах Запада и России: сборник / Редколл. : Р.Ф. Иванов (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИВИ РАН, 2001. – 260 с.
19. Каппелер, А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги / А. Каппелер // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 15–32.
20. Медушевский, А.Н. Региональная история в глобальном измерении / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 315.
21. От оценок революции нужно перейти к анализу периода СССР. Интервью А.О. Чубарьяна корреспонденту Sputnik А. Стефанову [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik.by/opinion/20170424/1028471302/ekspert-ob-otsenke-revolutsii-1917-goda.html>. – Дата доступа : 03.12.2017.
22. Верменич, Я.В. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні / Я.В. Верменич. – Київ : ПУ НАН України, 2003. – 516 с.
23. Верменич, Я.В. Історична регіоналістика в Україні: теоретико-методологічні проблеми : автореф. дис. ... док. іст. Наук : 07.00.01 / Я.В. Верменич ; НАН України, ін-т іст. України. – Київ, 2005. – 32 с.
24. Верменич, Я.В. Зміни адміністративно- територіального устрою України XX – XXI ст. / Я.В. Верменич, О.В. Андрощук. – Київ : ПУ НАН України, 2014. – 182 с.
25. Верменич, Я.В. Пограниччя як соціокультурний феномен: просторовий вимір / Я.В. Верменич // Регіональна історія України : зб. навк. статей. – Київ, 2012. – Вип.6. – С. 67–90.
26. Кравцевич, А. Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 212 с.
27. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: монография / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М. : Изд-во РУНД, 2005. – 378 с.
28. Беспаятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспаятных. – Мн. : РИВШ, 2007. – 404 с.
29. Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы международной науч.-практич. конф., Брянск, 18–20 сентября 2008 г. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – 295 с.
30. Старовойтов, М.И. Белорусско-российско-украинское пограничье 1920–1930-х гг. в новейшей отечественной историографии / М.И. Старовойтов // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: матер. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / Нац. Акад. наук Беларуси. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 653–657.
31. Старовойтов, М.И. Население Белорусско-Российского пограничного региона в 1920–1930-е гг.: новейшие историографические исследования / М.И. Старовойтов // Пограничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: матер. междунар. науч. конф.: в 3 ч. / Забайкал. Гос. ун-т ; Гл. ред. Е.В. Дроботушенко. – Чита : ЗабГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 83–87.
32. Старовойтов, М.И. Население Белорусско-Российско-Украинского пограничья в 1920–1930-е гг.: историко-культурные исследования / М.И. Старовойтов // Актуальные проблемы российской провинции: вызовы современности: матер. междунар. науч. конф., Новозыбков, 10–11 октября 2017 г. / Под ред. В.В. Мищенко [и др.]. – Брянск : ООО «Аверс», 2017. – С. 115–122.

УДК 930(477+438)"20":94(477)"1648/179":929*Б.Хмельницкий

Особенности взглядов Богдана Хмельницкого относительно функций общего казацкого совета в современной украинско-польской историографии

Ю.С. СТЕПАНЧУК

Исследуются роль и значение общего казацкого совета до начала Украинской национально-освободительной революции середины XVII в. Анализируется современная украинско-польская историография мотивов отказа Б. Хмельницкого и его ближайшего окружения от общих систематических казацких сборов для решения общегосударственных дел.

Ключевые слова: Б. Хмельницкий, общий казацкий совет, старшинский совет, Украинская национально-освободительная революция, украинские историки, польские историки.

The role and importance of the General Cossack Council prior to the beginning of the Ukrainian national liberation revolution of the mid-17th century are examined. The modern Ukrainian-Polish historiography of the motives for B. Khmelnytsky's refusal and his immediate surroundings from the general systematic Cossack fees for solving nationwide affairs is analyzed.

Keywords: B. Khmelnytsky, General Cossack Council, elders council, Ukrainian national liberation revolution, Ukrainian historians, Polish historians.

К середине XVII в. высшим органом казацкого самоуправления был общий совет. Собирался он регулярно в точно определенные дни – 1 января и 1 октября каждого года. Казацкий совет собирался и в другие сроки, когда на то была воля «товариства». На советах решались все важнейшие вопросы жизни Запорожской Сечи: объявлялась война и заключался мир, определялось время военных походов, судили злостных преступников, делили между куренями земли, реки, озера, леса, звериные и рыбные промыслы, избиралась и смещалась казацкая старшина [1, с. 177].

Каждый казак на совете мог выступать и голосовать. Принималось решение, которое поддерживалось большинством казаков. Такие демократические принципы в разные историографические периоды по-разному оценивались отечественными и зарубежными исследователями. Например, советская историография, ссылаясь на определение Карла Маркса, что Запорожская Сечь – это «христианская казацкая республика», восхваляла казацкий совет как единственную институцию по реализации естественных прав рядового казачества.

С началом и развитием Украинской национально-освободительной революции роль и значение общего казацкого совета постепенно приходят в упадок. Объективные причины этого процесса рассматриваются ниже.

Цель данной статьи в том, чтобы на конкретном историографическом материале показать мотивы нежелания Б. Хмельницкого и его ближайшего окружения регулярно сзывать общий казацкий совет, и определении последствий отстранения совета от управления общегосударственными делами.

Специальных исследований, посвященных данному вопросу, кроме общих трудов Л. Окиншевича [2], крайне мало. Однако, этот вопрос тесно переплетается с проблемой становления монархической формы правления Б. Хмельницкого. Значительный вклад в разработку этой темы сделали современные украинские и польские историки В. Смолий, В. Степанков [3], О. Струкевич [4], В. Брехуненко [5], В. Горобец [6], Т. Чухлиб [7], Ю. Мыщик [8], Я. Качмарчик [9], [10], П. Кроль [11], Т. Кшонстек [12], В. Серчик [13], [14], М. Франц [15], [16] и др.

Приход Б. Хмельницкого к власти был традиционным. На общем казацком совете 19 апреля 1648 г. все Войско Запорожское единодушно и единогласно признало его своим гетманом. Как отмечает украинский летописец, в этот же день, по получении Хмельницким гетманской булавы, собрался «частный совет» у кошевого атамана, после чего приказано было опять сзывать казаков на общий совет. Запорожцам огласили распоряжение Хмельницкого о начале войны против поляков и численности казацкого войска, которое двинется в Украину [17, с. 59]. Свыше тридцати тысяч казаков единодушно поддержали эти решения [18, с. 156].

Польский историк М. Франц убежден, что оформив таким образом легитимность своего гетманства, Б. Хмельницкий с этого времени все дела в отношениях с польской стороной вынужден был решать только с согласия казацкого совета. Безусловно, он понимал, что в глазах казаков гетман Войска Запорожского должен быть лишь послушным исполнителем казацкой воли [13, с. 277].

Известный исследователь событий украинской истории середины XVII века В. Степанков предостерегает от идеализации «республиканской» формы правления Запорожской Сечи. Демократический принцип выборности на общих советах своих старшин, по его мнению, со временем развился в никем и ничем неограниченное всевластие (а следовательно, и своеволие) этих советов. Ведь руководство «христианской казацкой республики», по существу, было заложником воли, минутной вспышки позитивных или негативных эмоций казацкой общественности, и постоянно чувствовало угрозу потери не только должности, но и жизни [19, с. 16].

О непростых отношениях между гетманами и казацким советом свидетельствует французский инженер и картограф Г.Л. де Боплан, «гетманы очень строгие, но ничего не делают без военного совета. Недоверие, которое может испытать гетман, заставляет его быть чрезвычайно осмотрительным в военном походе. Потому что когда случится ему выявить свое малодушие, то его убивают как изменника и сразу же избирают другого гетмана. Управлять ими и вести их в поход – нелегкое дело, и несчастный тот, кто неудачно это сделает. За семнадцать лет, которые я провел в этом крае, все, кто занимал эту должность, трагически закончили свои дни» [20, с. 67].

В первые месяцы Украинской национально-освободительной революции общий казацкий совет продолжал считаться главным органом власти Войска Запорожского. После победы возле Корсуня в Белой Церкви состоялся общий совет при участии 20 тыс. казаков. Этот совет рассматривал вопрос перемирия и переговоров с польским правительством. Следующий общий совет состоялся в конце июня в 1648 года в Чигирине. Он также решал актуальные политические вопросы отношений с Польшей и Крымом [21, с. 233].

Украинские и польские историки свидетельствуют, что общие казацкие советы проходили очень бурно и шумно. Решение радикально настроенных участников совета могло быть не всегда прогнозируемым для старшины. Угодническая политика в вопросе переговоров с Польшей всегда воспринималась враждебно. Рядовое казачество требовало немедленного продолжения войны с поляками [13, с. 214].

Однако, через частичную неподконтрольность и непрогнозируемость общий совет стал неудобным инструментом санкционирования предварительно выработанных решений. На наличие у казацкой старшины ассоциаций между общим советом и социальным бунтом непосредственно указывает О. Струкевич [4, с. 287].

В течение июля–августа в 1648 г. Б. Хмельницкий отказывается от созыва общего совета, ограничиваясь совещаниями со старшиной. Уже после Корсунской победы Хмельницкий совещался только со своей старшиной и Тугай-беєм по поводу большого количества взятых пленных [17, с. 73]. На этот новый аспект политической деятельности гетман обратил внимание послов А. Киселя: «Не так у нас теперь делается, как это было издавна в Войске Запорожском, потому что я с чернью не советуюсь и с ней не общаюсь». По свидетельству шляхтича Кордиша, пленные казаки сообщили, что теперь с чернью Б. Хмельницкий совета не имеет, «чего перед этим не было, потому что всегда чернь добивалась того, что с ней советовались, а теперь лишь с самой своей старшиной имеет совет» [19, с. 19].

Деятельность старшинских советов – отдельная страница истории Гетманщины. В состав старшинского совета входили в первую очередь полковники и генеральная старшина. Иногда на ней присутствовали сотники и «все казацкие урядники», «председатели сел и городов». И. Крипякевич перечисляет свыше 20 известных ему старшинских советов, которые провел Б. Хмельницкий в период с 1648 по 1657 гг. [21, с. 325].

О. Струкевич считает, что переориентация политической элиты Гетманщины с общего совета на старшинский совет является следствием исторической закономерности монополизации власти в обществе старшинской элитой [4, с. 291].

Следовательно, Б. Хмельницкий все реже обращается к общему совету как к органу высшей власти в Украине. Он не только ограничил полномочия, но и взял курс на ее ликвидацию. Хотя, повторимся, формально вся полнота власти принадлежала казацкому совету. Зато альтернативой выработки и принятия решений становится более узкий старшинский совет. В его компетенцию входили военно-политические вопросы, осуществление административных перестановок, ведение хозяйственных дел, внешнеполитические отношения [10, с. 286].

Я. Качмарчик замечает, что и старшинский совет во главе с гетманом не стал постоянной институцией выработки и внедрения в жизнь тех или других решений и не превратился в политическую форму правления Украинского государства [10, с. 289].

В последние годы жизни гетман созывал старшинский совет все реже, и не выносил все важные вопросы на его рассмотрение. Так, переяславский полковник П. Тетеря в августе 1657 г. жаловался в Москву, что гетман бесконтрольно ведет финансовые дела, и требовал, чтобы московские бояре побудили его «собрать полковников, есаулов, всю старшину и сделать совет» [21, с. 336].

Как отмечает В. Степанков, со второй половины в 1648 г. в политическом развитии казацкой Украины четко определилась тенденция к отказу от созыва общего совета и укрепления прерогатив гетманской власти. Так, на созываемом казацком совете под Замостьем Б. Хмельницкий мог уже заявить: «Господа полковники! Здесь на войне мой один голос – всем приказ! К послушенству все и ждать моих приказов!» [19, с. 20].

По существу, гетман сосредоточил в руках неограниченную власть и осознавал себя полноправным правителем казацкого государства. Начинается явный процесс возрождения идеи украинского монархизма. Об этом сохранилось немало свидетельств. В 1649 г. московским послам Б. Хмельницкий говорил: «Повелением Божиим последнему среди людей мне велено над Войском Запорожским и над Белой Русью в войне сей начальником быть и над ляхами и над Литвой победу иметь». Послам Речи Посполитой Киселю и Смяровскому он прямо заявил в январе 1649 г., что есть «единственно властителем и самодержцем» Руси [22, с. 84]. От подчиненных Б. Хмельницкий требовал соответствующего к себе отношения. О.П. Рееент и И.А. Коляда, на основании источников, заверяют, что в октябре 1653 г. в Чигирине Хмельницкий собственноручно «вынул саблю и изрубил черкасского полковника Сьска» за неуважение, выявленное к гетману» [22, с. 68].

Таким образом, современные украинские и польские исследователи отмечают жесткую политику Б. Хмельницкого по отношению к общему казацкому совету. По их мнению, невзирая на значительное сопротивление рядового казачества и отдельных старшин, ему удалось укрепить гетманскую власть. В последующие годы это привело к ряду негативных последствий и повлияло на политическую стабильность государственности Украины – Гетманщины.

Литература

1. Таций, В.Я. История государства и права Украины / В.Я. Таций, А.Й. Рогожин. – К. : Издательский Дом «Ин Юре», 2000. – Т. 1. – 648 с.
2. Окиншевич, Л. Центральные учреждения Украины-Гетманщины XVII–XVIII ст. / Л. Окиншевич // Труды комиссии для изучения истории западнорусского и украинского права. – К. : Академия Наук, 1930. – Т. 8. Ч. 2. : Совет старшины. – 352 с.
3. Смолий, В.А. Богдан Хмельницкий. Социально-политический портрет / В.А. Смолий, В.С. Степанков. – К. : «Льбидь», 1995. – 624 с.
4. Струкевич, О.К. Политико-культурные ориентации элиты Украины-Гетманщины (интегральный взгляд на вопрос) / О.К. Струкевич. – К. : НАН Украины. Ин-т истории Украины, 2002. – 532 с.
5. Брехуненко, В.А. Московская экспансия и Переяславская Рада 1654 года / В.А. Брехуненко. – К. : НАН Украины. Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского; Научное общество им. Шевченко в Америке, 2005. – 368 с.
6. Горобец, В.М. Элита казацкой Украины в поисках политической легитимности и отношения с Москвой и Варшавой, 1654–1665 / В.М. Горобец. – К. : Институт истории Украины, 2001. – 536 с.
7. Чухлиб, Т.В. Гетманы и монархи. Украинское государство в международных отношениях 1648–1714 гг. / Т.В. Чухлиб. – Киев–Нью-Йорк : Институт истории Украины НАН Украины, 2003. – 520 с.

8. Мыщик, Ю. Полководцы Войска Запорожского. Исторические портреты / Ю. Мыщик // Казацкое наследие. – К. : Институт истории Украины НАН Украины, 2004. – Кн. 2. – 184 с.
9. Kaczmarczyk, J. Bohdan Chmielnicki / J. Kaczmarczyk. – Kraków, 1988. – 267 s.
10. Качмарчик, Я. Гетьман Богдан Хмельницький / Я. Качмарчик. – Перемишль–Львів, 1996. – 386 с.
11. Кроль, П. Польсько-українські відносини після Берестечка, за Богдана Хмельницького / П. Кроль // Берестечко 1651 в історії Польщі та України. – Луцьк-Прушків, 2013. – С. 137–165.
12. Кшонстек, Т. Керівники та командири у битві під Берестечком / Т. Кшонстек // Берестечко 1651 в історії Польщі та України. – Луцьк–Прушків, 2013. – С. 95–137.
13. Serczyk, W. A. Na płonącej Ukrainie, Dzieje Kozaczyzny 1648–1651 / W.A. Serczyk. – Kraków : Avalon, 2009. – 384 s.
14. Serczyk, W.A. Historia Ukrainy / W.A. Serczyk. – Wyd 4. – Wrocław–Warszawa–Kraków : Ossolineum. – 444 s.
15. Franz M. Idea państwa kozackiego na ziemiach ukraińnych w XVI–XVII wieku. – Toruń: Adam Marszalek, 2005. – 421 s.
16. Franz, M. Wojskowość Kozaczyzny Zaporoskiej w XVI–XVII wieku. Geneza i charakter / M. Franz. – Toruń : Adam Marszalek, 2002. – 255 s.
17. Величко, С. Летопись / С. Величко. – К. : Академия Наук, 1926. – Т. 1. – 268 с.
18. Яворницький, Д. Історія запорожських казаків / Д. Яворницький. – Львов : Изд-во «Мир», 1991. – Т. 2. – 391 с.
19. Степанков, В.С. Проблема становлення монархической форми правління Богдана Хмельницького (1648–1657 гг.) / В.С. Степанков // Український історический журнал. – 1995. – № 4. – С. 14–32.
20. Боплан, Г.Л. Описание Украины / Г.Л. Боплан. – Львов, 1990. – 467 с.
21. Крипякевич, І.П. Богдан Хмельницький / І.П. Крипякевич. – Львов, «Мир», 1990. – 408 с.
22. Реснт, О.П. Все гетманы Украины. Легенды, мифы, биографии / О.П. Реснт, І.А. Коляда. – Харьков, «Фолио», 2007. – 415 с.

Винницький державний педагогічний
університет ім. М. Коцюбинського

Поступила в редакцію 13.10.2017

УДК 069:929*Ф.Скарына

Навуковая канцэпцыя дзяржаўнага музея Францыска Скарыны (праект, скарочаны варыянт)

К.С. УСОВІЧ

Падаецца скарочаны варыянт праекта навуковай канцэпцыі будучага дзяржаўнага музея Францыска Скарыны.

Ключавыя словы: асвета, беларускі народ, вялікі сын беларускага народа, канцэпцыя, кнігадрукаванне, культура, культурная спадчына, музей, музейны фонд, Рэспубліка Беларусь, Францыск Скарына, скарыназнаўства, экспазіцыя.

A shortened version of the draft scientific concept of the future state museum of Francisk Skaryna is given.

Keywords: Belarusian nation, great son of the Belarusian people, book printing, concept, culture, cultural heritage, museum, museum fund, education, Republic of Belarus, Francisk Skaryna, skorinovedenie, exposition.

Музеі нашай рэспублікі – гэта важнейшыя спецыялізаваныя ўстановы матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага народа і дзяржавы. Створаныя на строга навуковай і аб'ектыўнай аснове, яны вылучаюць, вывучаюць, захоўваюць і шырока прапагандуюць рэчы, дакументы, матэрыяльныя носьбіты інфармацыі і саму інфармацыю, іншыя самых розных відаў і родаў экспанаты, якія наглядна паказваюць паступальны рух у развіцці матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага народа, на прыкладзе лепшых устаноў, сыноў і дачок беларускага народа вучаць цяперашняе і будуць вучыць наступныя пакаленні жыхароў Рэспублікі Беларусь найбольш правільнаму і хуткаму руху па шляху прагрэсу, прывіваюць любоў да сваёй Радзімы, гордасць за свой родны край, сваіх лепшых землякоў.

Мінулы год прайшоў пад засенню 500-годдзя беларускага кнігадрукавання, пачатага вялікім сынам беларускага народа Францыскам Скарынам. Побач з ранейшымі юбіляямі і самога Ф. Скарыны, і беларускага кнігадрукавання гэты яшчэ больш узвысіў нашага першадрукара, усе мы яшчэ паўней і глыбей зразумелі яго ўклад у развіццё важнейшых аддзелаў культуры беларускага народа – і адукацыі, і навукі, і мовы, і літаратуры, і мастацтва, і ў цэлым усёй культуры. Асоба Скарыны ў нашых вачах стала яшчэ больш светлай і велічнай.

Неабходнасць стварэння дзяржаўнага музея Ф. Скарыны намі ўпершыню была пастаўлена яшчэ ў 1996 г. [1, с. 3]. Розныя іншыя пытанні стварэння і ўдасканалення музея-лабараторыі Ф. Скарыны ГДУ імя Ф. Скарыны аўтарам у розны час таксама падымаліся ў друку [2], [3].

Каб наглядна, поўна, аб'ектыўна, правільна і шырока адлюстраваць жыццёвы і творчы шлях Ф. Скарыны, палітычныя, культурныя і бытавыя ўмовы і фон, у якіх пралёг яго гераічны і самаахварны шлях, неабходна навуковая канцэпцыя. Важнасць і неабходнасць такіх канцэпцый выпрацавала шматвяковая сусветная практыка арганізацыі і стварэння музеяў. Першая наша спроба стварыць такую канцэпцыю для Скарынаўскага музея была зроблена ў 2011 г. [2, с. 62]. З больш поўным варыянтам нашай канцэпцыі чытачоў газеты творчай інтэлігенцыі Рэспублікі Беларусь «Літаратура і мастацтва» 27 снежня 2017 г. пазнаёміла яе карэспандэнт Дар'я Чарняўская [4, с. 5].

Як правіла, навуковая канцэпцыя музея складаецца з наступных раздзелаў: I. Аналітычная частка; II. Навуковая прапрацоўка праблемы: аналіз калекцыйнага, помнікавага і навукова-гістарычнага патэнцыялу музея; забяспечанасць будучай экспазіцыі прадметным матэрыялам; месца экспазіцыі сярод экспазіцый той жа профільнай групы і ў музейнай сетцы рэгіёна, рэспублікі, свету; III. Праектная частка: абгрунтаванне тэмы экспазіцыі; мэты, задачы, асноўныя прынцыпы і метады яе пабудовы; IV. Структура, мяркуемая аўдыторыя музея; V. Асноўныя патрабаванні да мастацкай канцэпцыі.

I. Аналітычная частка.

Як раней пісалася, «развіццё беларускай і ўсходнеславянскай культуры атрымала, дзякуючы Ф. Скарыну, новае паскарэнне. Ён праславіў беларускі народ перад усім светам, зрабіў тагачасную беларускую мову мовай кнігадрукавання, трывала замацаваў сінтаксічныя, марфалагічныя, фанетычныя, лексічныя і арфаэпічныя нормы, надаў ёй большую ўстойлівасць у грамадскім жыцці. Скарына ў пантэоне сыноў беларускага народа займае самае ганаровае месца. Іншымі словамі, ён – самая значная постаць сярод усіх беларусаў усіх часоў. Ён з’яўляецца славай і гонарам усяго нашага народа» [2, с. 62].

У культурнай грамадскасці нашай рэспублікі ўжо даўно вітае ідэя аб неабходнасці па вартасці, яшчэ больш поўна ацаніць жыццёвы подзвіг першадрукара – адкрыць яму самы галоўны і відовішчы помнік – дзяржаўны музей. У рэспубліцы шмат самастойных музеяў вялікіх нацыянальных герояў (пісьменнікаў і мастакоў, дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў). Большасць з іх пакінулі вялікі след у 1–2 галінах дзейнасці. Дык чаму няма такога музея чалавеку, які, па сутнасці, стаяў ля вытокаў многіх галін жыцця нашага народа? Скарына стаў самай красамоўнай візітнай карткай нашай дзяржавы. Ён увекавечаны ў мастацтве (мастацкай літаратуры, выяўленчым і дэкаратыўна-прыкладным мастацтве), у навуковай літаратуры, яму ўстаноўлена нямаля помнікаў, яго імем названы вуліцы, установы і арганізацыі, у Рэспубліцы Беларусь устаноўлены 2 дзяржаўныя ўзнагароды (медалі і ордэн Францыска Скарыны).

У гэтым пераліку фактаў увекавечання памяці Ф. Скарыны няма, па сутнасці, самага галоўнага факта – сапраўднага, дзяржаўнага музея Ф. Скарыны (музей-лабараторыя нашага ўніверсітэта і на 10 % не замяняе такога музея). Якімі цяжкімі ні былі б цяперашнія фінансавыя і эканамічныя праблемы нашай рэспублікі, але яны не могуць быць прычынамі для эканоміі на музеі нашага вялікага культурнага і гістарычнага дзеяча. Як бы добра і поўна не была ўвекавечана памяць Ф. Скарыны, а толькі дзяржаўны музей яго зробіць гэтае ўвекавечанне ў цэлым здавальняючым. Скарына мільён разоў варты таго, каб наша дзяржава па поўнай вартасці ацаніла яго і выразіла яшчэ і такім фактам яму вялікую сваю ўдзячнасць і прызнанне.

З мэтай паскорыць прыход гэтага шчаслівага моманту мы і прапануем вашай увазе свой праект навуковай канцэпцыі дзяржаўнага музея Ф. Скарыны.

II. Навуковая прапрацоўка праблемы.

У наш час значэнне кнігі вельмі вялікае. Яно не адразу стала такім, а паступова ўзрастала на працягу 9 стагоддзяў. Зразумела, што рост значэння кнігі залежаў ад адносін вышэйшага дзяржаўнага і царкоўнага кіраўніцтва, а таксама народа ў цэлым да гэтага вынаходства чалавецтва, ад узроўню эканамічнага развіцця дзяржавы і стану яе навукі і адукацыі (знешнія фактары) і ад якасці і колькасці кніг (унутраныя фактары).

Значэнне і велічнасць здзейсненага Скарынам у першай палове XVI ст. найбольш яскрава выяўляецца на фоне гісторыі Еўропы, Вялікага княства літоўскага, рускага і жамойцкага (ВКЛРЖ), гарадоў Полацка, Вільні, Кракава, Падуі, Прагі і іншых. Паколькі Скарына бываў ці не ў дзесятку гарадоў і ў столькі ж краінах, дык музейная экспазіцыя павінна адлюстраваць і ўзаемаадносіны гэтых краін паміж сабой і асабліва з ВКЛРЖ. Усё гэта павінна быць адлюстравана ў экспазіцыі прапарцыянальна: у найбольш агульным і кароткім плане: культурнае і палітычнае становішча Еўропы і еўрапейскага Адраджэння, гарадоў Падуі, Познані, Кёнігсберга; у больш шырокім і падрабязным плане: становішча ВКЛРЖ, узаемаадносіны апошняга з польскім каралеўствам і рускай дзяржавай; чэшскага каралеўства, прускага герцагства, гарадоў Кракава і Прагі; больш поўна і падрабязна – г. Полацка. Напрыклад, у паказе становішча гэтага горада трэба адлюстраваць карыстанне ім магдэбургскім правам, якое было ўведзена тут у 1498 г. Магдэбургскае права – гэта сістэма юрыдычных норм, якія прадастаўляюць гораду права на самакіраванне і стварэнне ўласных органаў улады і суда і вызначае прававое становішча гараджан.

Аналіз калекцыйнага, помнікавага і навукова-гістарычнага патэнцыялу музея.

У Рэспубліцы Беларусь, Расійскай Федэрацыі, рэспубліках Украіна і Польшча, у Чэшскай і Літоўскай рэспубліках маецца дастаткова калекцыйнага, помнікавага і навукова-гістарычнага патэнцыялу будучага музея, які ў Скарынаўскім музеі будзе прадстаўлены ў арыгіналах або копіях, муляжах, планшэтах і інш.

Забяспечанасць будучай экспазіцыі прадметным матэрыялам.

Акрамя кнігі і артыкулаў, у якіх імя Ф. Скарыны ў любой форме выкарыстоўваецца ў загаловах, у экспазіцыі павінны быць прадстаўлены і кнігі і артыкулы, дзе назвы выданняў, імя ці фота гравюрнага партрэта самога Скарыны ці яго выданняў выкарыстоўваюцца толькі ў тэксце [5, с. 200–207], [6, с. 194], [7, с. 54–55].

Прадстаўленне фотаздымкаў, даступных твораў у копіях і арыгіналах, біяграфічных звестак: а) вялікіх папярэднікаў Скарыны: Арыстоцеля, І. Гутэнберга, Ібн Рушда і іншых (намі выяўлена 47 персаналій), б) сваякоў і сяброў Скарыны (Я. Бабіча, Б. Онкава, Ю. Адверніка, М. Адвернік, бацькі Лукі і брата Івана, сына Сімяона і пляменніка Рамана), в) сучаснікаў і настаўнікаў Скарыны (Г. Венрайха, С. Герберштэйна, М. Каперніка і інш – 41), г) паслядоўнікаў (Ю. Даманеўскага, П. Святаполка, М. Чаховіца, В.М. Гарабурды, П. Мсціслаўца, І. Фёдарова і інш. – 30), д) мастакоў, скульптараў і мастацтвазнаўцаў, якія тварылі пра Скарыну (Э. Агуновіча, А.В. Александровіча, Э.Б. Астаф'ева, І.О. Ахрэмчыка і інш. – 65), е) мовазнаўцаў (У.В. Анічэнкі, А.С. Будзіловіча, А.М. Булькі, П.У. Уладзімірава, А.І. Жураўскага і інш. – 24), ж) пісьменнікаў, паэтаў і літаратуразнаўцаў (С.Х. Александровіча, П.А. Аляксеева, М.А. Багдановіча, З. Бядулі і інш. – 150), з) гісторыкаў, філосафаў і кнігазнаўцаў (М.А. Алексютовіча, Арыстоцеля, Э. Гендарсана і інш. – 57), і) работнікаў іншых галін і напрамкаў творчай дзейнасці (П.М. Захарчанкі, П.І. Кешпена, А.М. Курбскага і інш. – 33), к) 53-х вядомых дакументаў пра Скарыну (фрагмента метрыкі кракаўскага ўніверсітэта за 1504 г. са старонкай спісу першакурснікаў, актавага запісу гэтага ж універсітэта аб прысваенні Скарыну вучонай ступені бакалаўра за 1506 г., актавага запісу Падуанскага ўніверсітэта аб дапушчэнні Скарыны да экзамена на вучоную ступень доктара медыцыны за 1512 г. і інш.).

Месца экспазіцыі сярод экспазіцый той жа профільнай групы і ў музейнай сетцы рэгіёна, рэспублікі, свету. Экспазіцыя Скарынаўскага музея будзе займаць выключнае месца, паколькі гэта будзе адзіны ў свеце сапраўдны музей Скарыны.

ІІІ. Праектная частка.

Абгрунтаванне тэмы экспазіцыі.

Найбольш правільнай тэмай экспазіцыі бачыцца наступная: «Жыццёвы і творчы шлях беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара і асветніка Францыска Скарыны». Для гэтай тэмы не патрабуецца абгрунтавання, таму што яна, па нашым перакананні, адназначна ахоплівае самую галоўную сутнасць праблемы, што павінна быць адлюстравана ў будучым музеі, і ўтрымліваецца ў шматлікай навуковай і навукова-папулярнай і даведачнай літаратуры. Адны толькі энцыклапедыі чаго значаць [3], [8].

Мэты, задачы, асноўныя прынцыпы і метады яе пабудовы.

Галоўнымі мэтамі стварэння дзяржаўнага музея Ф. Скарыны з'яўляюцца: а) збор у адно месца ўсіх матэрыяльных носьбітаў, якія адлюстроўваюць увесь комплекс скарыназнаўства, раскрываюць выключна важную і карысную для беларускага народа шматгранную кнігавыдавецкую, навуковую і асветніцкую дзейнасць Ф. Скарыны на шырокім геаграфічным, сацыяльным, палітычным, айчынным і міжнародным фоне; б) захаванне і прымнажэнне іх для будучых пакаленняў; в) шырокая і шматгранная яе прапаганда; г) выхаванне на прыкладзе Скарыны высокаадукаваных, культурных і патрыятычна настроеных грамадзян Рэспублікі Беларусь, дружалюбных да беларускага народа прадстаўнікоў іншых народаў; д) увекавечанне памяці Ф. Скарыны; е) засведчанне ўдзячнасці беларускага народа свайму найвялікшаму сыну.

Задачи музея вынікаюць з адлюстраваных мэт – збіраць, захоўваць і прымнажаць матэрыялы творчай спадчыны Ф. Скарыны, прапагандаваць яе, дапамагаць асветніцкай сістэме РБ выходзіць высокаадукаваных і самаадданных работнікаў усіх сфер жыцця і дзейнасці беларускага народа.

Прынцыпы пабудовы музейнай экспазіцыі [9].

Адным з асноўных з'яўляецца сапраўдная і агульнапрызнаная навуковая канцэпцыя яе пабудовы. Экспазіцыя павінна быць пабудавана і на аснове такіх чатырох прынцыпаў, як: прынцып навуковасці, прынцып прадметнасці, камунікатыўна-інфармацыйны прынцып і прынцып канцэнтрычнасці. Прадстаўленая інфармацыя ў экспазіцыі павінна быць аб'ектыўнай, навукова выверанай і абгрунтаванай; асноўнымі экспанатамі і асноўная іх колькасць павінны быць разнастайныя прадметы, якія і самі па сабе з'яўляюцца прадметам музейнай экспазіцыі; прынцыпы даходлівасці і ўніверсальнасці.

Прынцып навуковасці. Асновай стварэння музейнай экспазіцыі з'яўляецца навуковая канцэпцыя. У ёй фармулююцца мэты стварэння экспазіцыі, навуковае значэнне, цікавасць экспазіцыі для наведвальнікаў, апісанне экспазіцыі і памераў неабходных плошчаў, апісанне музейных прадметаў з уласнага збору ці магчымых запазычанняў з іншых музеяў, неабходныя затраты, патэнцыяльныя крыніцы фінансавання і падтрымкі, прыкладныя тэрміны стварэння экспазіцыі.

Прынцып прадметнасці. Музейны прадмет (экспанат) – гэта аснова ўнікальнасці кожнай экспазіцыі. Менавіта ад падбору музейных прадметаў залежыць пазнавальная каштоўнасць экспазіцыі, а таксама яе эмацыянальная накіраванасць. Такі экспазіцыйны паказ забяспечыць наведвальнікам магчымасць непасрэднага азнаямлення з музейнымі прадметамі.

Прынцыпы даходлівасці і ўніверсальнасці. Пры пабудове экспазіцыі як сродку масавай камунікацыі выкананне гэтых прынцыпаў з'яўляецца абавязковым. Значную дапамогу ў гэтым акажа шматпланавасць падачы экспазіцыйных матэрыялаў. На першы план будуць вылучаны вядучыя экспанаты, астатнія як бы «прыглушацца», будуць адведзены на другі план і нават у «скрыты» план, змесцяцца ў гарызантальнай вітрыне, турнікеце, альбоме, на высоўным шчыце і т.п. Будзе выкарыстана таксама спалучэнне «аблегчаных», агульнаступных зал, разлічаных на «сярэдняга» наведвальніка, і асаблівых зал, у якіх будуць створаны ўмовы для паглыбленай самастойнай работы наведвальнікаў. Для большай дасягальнасці экспазіцыі распрацуецца сістэма тэкстаў, фоназапісаў, а таксама наглядных навукова-дапаможных матэрыялаў. Вялікае значэнне будзе мець своеасаблівае эстэтычнае асяроддзе ва ўсёй экспазіцыі [4].

IV. Структура, мяркуемая аўдыторыя музея.

I. Структура.

1. Перадумовы для ўзнікнення кнігавыдавецкай і асветніцкай дзейнасці Ф. Скарыны.
2. Дзяцінства і юнацтва Скарыны, бацька і брат Іван.
3. Вучоба ў Кракаўскім (Ягелонскім) універсітэце.
4. Кнігавыдавецкая і асветніцкая дзейнасць Скарыны: у Празе, у Вільні.
5. Скарына ў паслякнігавыдавецкі перыяд (у Вільні, Пазнані, Кёнігсбергу, Празе).
6. Папярэднікі, сучаснікі і паслядоўнікі Ф. Скарыны.
7. Помнікі, мемарыяльныя дошкі Ф. Скарыны; вуліцы, арганізацыі, установы і дзяржаўныя ўзнагароды імя Ф. Скарыны;.
8. Вобраз Ф. Скарыны ў выяўленчым, дэкаратыўна-прыкладным і народным мастацтве, у навуковай і мастацкай літаратуры, музыцы і кіно.
9. Гісторыкі, філосафы, філолагі, псіхолагі, мастакі, пісьменнікі, паэты, драматургі і інш., якія стварылі шэдэўры інтэлектуальнай думкі пра Ф. Скарыну.
10. Фотаздымкі і кароткія біяграфічныя звесткі дзеячаў сусветнай і беларускай культуры, узнагароджаных ордэнамі і медалямі Францыска Скарыны.
11. «Скарына і сёння служыць свайму народу».

2. Мяркуемая аўдыторыя.

Наведвальнікамі музея будуць жыхары і грамадзяне Рэспублікі Беларусь і іншых краін. Гэта: студэнты і навучэнцы, школьнікі, работнікі разнастайных сфер і прадпрыемстваў культуры, навуковыя работнікі і вучоныя, інтэлігенцыя, усе работнікі разумовай працы, найбольш адукаваныя і патрыятычна настроеныя рабочыя і сяляне, вясцоўцы і гараджане. Па сутнасці – увесь беларускі народ і прадстаўнікі іншых усходне-славянскіх, славянскіх і неславянскіх народаў. Недахопу наведвальнікаў музей ніколі мець не будзе, таму што яго аўдыторыяй будзе, па сутнасці, увесь беларускі народ і прадстаўнікі суседніх і ўсіх славянскіх народаў.

V. Асноўныя патрабаванні да мастацкай канцэпцыі.

На выпадак размяшчэння такога музея ў нашым універсітэце мастацкая канцэпцыя ўжо існуе.

У мастацкай канцэпцыі акрамя мастацкага эскіза памяшкання і экспазіцыйнага абсталявання ёсць і чарцяжы для вырабу іх. Кожны экспанат будзе ў мастацкай форме падпісаны, маляўніча аформлены раздзелы экспазіцыі, у жывапіснай ці графічнай форме ўзноўлены адсутныя ў фондах музея творы выяўленчага і дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Асабліва недасягальныя будуць прадстаўлены ў муляжах. Усе кнігі Скарыны будуць прадстаўлены ў факсімільных выданнях, надрукаваных у Рэспубліцы Беларусь у год 500-годдзя беларускага кнігадрукавання. Будуць у мастацкай форме выкананы плакаты, стэнды, графікі, геаграфічныя карты, асноўныя архітэктурныя будынкі тых гарадоў, у якіх Скарына жыў, працаваў ці бываў па сваіх справах; распрацаваны і аформлены розныя падстаўкі і таблічкі ў залежнасці ад таго, якія экспанаты будуць выбраны для размяшчэння ў экспазіцыі.

Абгрунтаванне павышэння статусу музея-лабараторыі Ф. Скарыны.

У выпадку, калі дзяржавай не будзе прынята рашэнне аб будаўніцтве і арганізацыі Беларускага музея Францыска Скарыны, неабходна павысіць статус музея-лабараторыі Ф. Скарыны хоць бы да абласнога, назваўшы яго «Гомельскі абласны музей-лабараторыя Францыска Скарыны», і арганізаваць у ім сапраўдную музейную скарынаўскую экспазіцыю. У фондах цяперашняга музея-лабараторыі маецца мастацкая канцэпцыя, чарцяжы тагачаснага друкарскага станка, шмат перавыданых кніг Скарыны, шматлікая навуковая і мастацкая літаратура, творы выяўленчага і дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Для афармлення новай экспазіцыі музея-лабараторыі можна выкарыстаць дапамогу і матэрыялы Беларускага самадзейнага майстра Ліхадзедава Уладзіміра, які асвоіў тэхналогію скарынаўскага кнігадрукавання, вырабіў аналаг скарынаўскага друкарскага станка, асвоіў выраб такой паперы, на якой друкаваў Скарына, і надрукаваў поўныя аналагі некалькіх кніг Скарыны.

Адкрыццё дзяржаўнага музея (ці, яшчэ лепш: музея-лабараторыі) Францыска Скарыны стане (на завяршэнне паўтोरый) самым лепшым помнікам нашаму першадрукару, гэта ўстанова ўсяго толькі праз 1 год свайго існавання стане сусветным цэнтрам скарыназнаўства [10, с. 11–14] і нават своеасаблівай візітнай карткай нашай дзяржавы. Ён стане і высокім гонарам Рэспублікі Беларусь!

Літаратура

1. Усовіч, К. Музею-лабараторыі Ф.Скарыны – дзяржаўны статус / К. Усовіч // Гомельскі ўніверсітэт. – 1996. – 8 кастрычніка. – С. 3.
2. Усовіч, К.С. Да навуковай канцэпцыі музея-лабараторыі Ф. Скарыны // К.С. Усовіч, І.І. Талецкая-Кавальчук // «Музей і традыцыйная культура Беларусі»: мат. Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Гомель, 17–18 мая 2011) / рэдкал. : С.В. Разанаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2011. – 92 с.
3. Франциск Скорина и его время: энциклопедический справочник / Белорус. Сов. Энциклопедия; Редкол. : И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 631 с.: ил.
4. Чарняўская, Д. Натхнёныя першадрукаром : Якім мог бы быць музей Францыска Скарыны? / Д. Чарняўская // Літаратура і мастацтва. – 2017. – 29 снежня. – С. 5.
5. Владимиров, Л.И. Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век / Л.И. Владимиров. – М. : Книга, 1988. – 312 с.
6. Йончев, В. Книга през вековете / В. Йончев. – Първо издание. – София : Български художник, 1976. – 415 с.
7. Книжные сокровища мира: Из фондов Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина / Сост. Е.И. Левит. – М. : Книжная палата, 1989. – Вып. 1. – 223 с. (на знешніх пашыраных палях артыкула Алега Мрамарнава «Кніжнік» XVII ст. змешчаны: на с. 54 – фота «Малой падарожнай кніжкі», на сс. 54 – 55 – кароткія звесткі пра Ф. Скарыну).
8. Франциск Скарына : энцыклапедыя / рэдкал. : У.У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2017. – 568 с.: іл.
9. Принципы построения музейной экспозиции // Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://mydocx.ru/10-59574.html>. – Дата доступа : 07.08.2017.
10. Усовіч, К. Каб стаць сусветным цэнтрам скарыназнаўства / К. Усовіч // Кантакты і дыялогі : інфармацыйна-аналітычны і культуралагічны бюлетень МАБ і Беларускага таварыства дружбы і культурнай сувязі з замежнымі краінамі. – 1998. – № 5. – С. 11–14.

Филология

УДК 821.161.1–94:929*А. И. Лизюков

Правда танков:
Воронежское сражение 1942 года в свидетельствах военкоров

И.Н. АФАНАСЬЕВ

Анализируются публикации и архивные материалы советских писателей-военных корреспондентов, посвященные сражению 1942 г. под Воронежем. Сделан вывод о большом значении этих материалов, которые позволяют восстановить объективную картину исторического события и его участников.

Ключевые слова: Воронежское сражение, военный корреспондент, мемуары, архивный источник.

The publications and archival materials of Soviet writers-military correspondents dedicated to the battle of 1942 near Voronezh are analyzed. The conclusion is made about the great importance of these materials, which allow us to restore the objective picture of the historical event and its participants.

Keywords: Voronezh battle, military correspondent, memoirs, archival source.

Сразу после выхода в 1964 г. в «Воениздате» книги А.Ю. Кривицкого «Не забуду вовек: Записки военного корреспондента», в которую был включен очерк «Воронежские страницы», посвященный боям 5-й танковой армии под Воронежем в июле 1942 г., на эту работу собрата по фронтовой «Красной звезде» откликнулся К.М. Симонов: «...мне хочется выделить в книге то самое лучшее, что есть в ней, на мой взгляд. Лучшие ее страницы, по-моему, связаны с возникающим перед нами очень интересным, цельным, драматическим образом генерала Лизюкова. С одной стороны, хочется тут сказать автору на будущее: “Так держать”, а с другой стороны, мне представляется, что эта работа о Лизюкове могла бы, при дальнейшем расширении темы и материала, превратиться в самостоятельную и очень интересную книгу» [1].

Когда Симонов писал эти строки, он, безусловно, чувствовал особую человеческую подоплёку фронтовых событий, в центре которых был командующий 5-й танковой армии, гвардии генерал-майор Александр Ильич Лизюков и по воле случая оказался Кривицкий. Драматургия истории открывала заманчивые перспективы темы, связанной с образом крупного, талантливого военачальника. Задачи человековедения призывали для своего решения возможности большой литературы и, вроде бы, делали рекомендованное Симоновым «дальнейшее расширение темы» неизбежным. Однако они же и устанавливали жесткие границы, сочетая несочетаемое, обуздывая литературное, писательское свободомыслие зависимостью от мнения живых людей. То и другое выплескивалось в уклончивом полунамеке, сопровождавшем в книге Кривицкого конфликт заместителя командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова и командира 2-го танкового корпуса Лизюкова, согласно Директиве Ставки от 15 июля 1942 г. сложившего полномочия командарма. По приказу Чибисова, дважды подтвержденному, Лизюков сел в танк и без прикрытия резервной бригады, дожидаясь которой ему не позволили, 23 июля ушел в бой, откуда не было возврата: «Может быть, не повезло Лизюкову в июле 1942 г. на старшего начальника? Обоих давно уже нет в живых, и не мне спустя столько лет, за могильной чертой, решать их давний спор» [2, с. 236].

В результате расширения текста не произошло. Наоборот, в одном из последующих книжных переизданий исчезло упоминание о телеграмме Лизюкова Сталину от 16 июля 1942 г., в которой Александр Ильич возражал против Директивы Ставки о расформировании 5-й танковой армии: «Родной товарищ СТАЛИН, очень прошу временно приостановить расформирование 5 танковой армии. У Вас односторонняя информация. Боевые действия войск определяются не количеством пройденных километров, а результатом боев. Прикажите на месте проверить все операции нашей армии. А. Лизюков» [3]. Телеграмма была обнаружена Кривицким в фондах 5-й танковой армии в ЦАМО и, по замечанию автора «Воронежских

страниц», была оставлена Сталиным «без внимания» [2, с. 234]. Сейчас нам известно, что это заблуждение, до сих пор бытующее. Сталин быстро ответил командарму и, не бросив Лизюкову никаких обвинений в якобы «неумелом» руководстве, спокойно объяснил мотивы своего решения: «Т. Лизюкову. Считаю невозможным отменить решение о расформировании танковой армии. В настоящее время целесообразнее действовать отдельными танковыми корпусами. Сталин» [3]. Спустя еще несколько дней Верховный Главнокомандующий, прислушавшись к доводам Лизюкова, отменил приказ о расформировании 5-й танковой армии, хотя Лизюков, к несчастью, дожить до этого решения не успел: он погиб в танковом бою.

Кривицкий не мог тогда знать о позиции Сталина и невольно переводил образ Лизюкова из исторического в литературный. На «Воронежских страницах» возникал портрет человеческого отчаяния, нарисованный под впечатлением первой встречи с командармом 8-го июля 1942 г. и нескольких последующих: «...я увидел Александра Ильича и сначала не узнал его в человеке с серым усталым лицом, но возбужденном какой-то сидевшей в сердце занозой» [1, с. 226]. Предполагаемое безразличие Сталина к Лизюкову отправляло такой образ командарма в скорое трагическое будущее полководца. Образ Лизюкова, терпящего поражение, знающего об этом, существующего на грани неминуемого срыва, закреплялся в истории надолго. Свидетельства командира 1-го танкового корпуса М.Е. Катуква, который ссылаясь на тех, кто видел Лизюкова в труднейшие дни воронежских боев и говорил, что «внешне он оставался спокойным» [4, с. 163], или сослуживцев Александра Ильича, отмечавших хорошее настроение Лизюкова в день выезда на последнее в жизни боевое задание, в расчет не принимались.

Минута, замершая в картине мастера, становилась больше всей жизни героя, о котором инженер-капитан 5-й танковой армии Н. Цветанович, хорошо знавшая Лизюкова, скажет: «Вообще при сложной обстановке ничего бытового уже не замечал, весь поглощенный работой. Был храбр и смел, но не безрассудно, а как-то сознательно. Знал, что нужно сделать, нужно добиться, и эта необходимость занимала его целиком, захватывала больше, чем все остальное» [5]. Безысходность остановленного в «Воронежских страницах» мгновения поглощала и судьбу безутешной вдовы Анастасии Кузьминичны Лизюковой: «Она тяжело заболела в 1953 г. ... <...> Она умерла, так и не прочитав, не увидев своими глазами подтверждения того, что Александр Ильич был чист, незапятнан и погиб как герой» [2, с. 238]. Литератор побеждал историка, который, не уменьшив трагический накал чувств любящей женщины, покусился бы на законы художественного жанра. Сюжет о неизвестной судьбе героя меркнул перед канцелярским слогом решений Совнаркома и Президиума Верховного Совета СССР в январе и июле 1943 года, где официально говорилось о «погибшем на боевом посту Герое Советского Союза генерал-майоре А.И. Лизюкове». (Постановление Совнаркома определяло размер единовременного пособия вдове героя и ее пожизненной пенсии, а Указ Президиума Верховного Совета СССР присваивал имя Лизюкова 1-му Саратовскому Краснознаменному ордену Красной Звезды танковому училищу).

Случайно ли Кривицкий отказался от притягательных литературных побед в новых переизданиях «Воронежских страниц»? Чем руководствовался, когда расширению темы в очерке предпочел ее сжатие, исключив выигрышные повороты сюжета, сократив упоминание о вдове и ее безуспешных обращениях к Сталину с одним-единственным вопросом: «... где и как погиб мой муж и где остался его труп?..» [2, с. 238].? Кто знает... Таинство творчества свято оберегает помыслы художника. И все-таки расширение темы происходило, но по-другому: в тонкой ученической тетради в косую линейку, куда Кривицкий делал выписки из боевых документов 5-й танковой армии. Документалистика войны выстраивалась в сюжет похлеще литературного и одновременно проводила охранную черту, разделявшую автора и участников «давнего спора». Перейти эту черту Кривицкий не мог. И не только в силу личного выбора.

Сцена, что на глазах Кривицкого разыгралась 8-го июля на КП и в штабе 5-й танковой армии, «давала немного: по крайней мере один корпус армии плохо решал свою задачу» [2, с. 229]. Реплика Лизюкова «Где командир корпуса? Где Попов?» [2, с. 228], услышанная писателем на КП корпуса, в «Воронежских страницах» еще повисала в воздухе, электризовала общую атмосферу тех дней. Но в выписках Кривицкого она обретала плоть и кровь, превращала историческую драму в драму человеческих отношений, всего-то вбрав в себя четкую боевую характеристику невыдуманного персонажа: «История с 11 ТК Попова. Приказ получен 6

июля. Заявки Попова на авиацию. Лизюков считал неспособным к-ра 11 танкового корпуса. 6 и 7 июля по вине Попова были потеряны» [6]. Витиеватый рисунок боевых донесений, докладов, отчетов сплетался в липкую паутину. В тексте книги она напоминала о себе фразой офицера связи («Там такая каша... Командующий наводит порядок. Вроде начинаем продвигаться...» [2, с. 229]).

15 сентября 1966 г. «Литературная газета» опубликовала статью военного корреспондента М.Г. Брагина «Сущность подвига» о книге Кривицкого «Не забуду вовек». Брагин по-настоящему знал танковое дело и любил танкистов, портрет Лизюкова у Кривицкого считал «одним из лучших в литературе о Великой Отечественной войне» [24, с. 3], разделяя мнение Симонова. «Я хорошо знал Александра Ильича Лизюкова, честного, горячего, самоотверженного, храбрейшего танкиста...» [7, с. 3] – подчеркивал Брагин свое личное отношение и к судьбе генерала, и к работе Кривицкого, которую оценивал в сплаве воинской профессии героя и его психологии, его чувств. «Для того чтобы размышлять вместе со своим героем, надо знать тайное тайных его мышления, его дела, ибо жизнь человека есть деяние, как сказал Горький. В этом смысле раскрытие образа военачальника – одна из труднейших задач в литературе, – писал Брагин. – Любовь, ревность, ненависть, коварство и благородство – эти чувства всем понятны, особенно если герои действуют в привычных житейских сферах. Читателю неизмеримо трудней сопереживать военачальнику, думающему о своих профессиональных задачах, хотя от их решения зависит жизнь и смерть десятков тысяч людей и самого военачальника. Проблема жизни и смерти – острейшая в литературе – уходит для командира как бы на задний план, закрывается главной проблемой: победа или поражение» [7, с. 3].

В ученической тетради Кривицкого, расчерченной косыми линиями прописей, столкновение двух великих и страшных истин войны происходило «в лоб».

Вначале быстрым почерком в тетрадь внесен «Приказ 11-го танкового корпуса от 11 июля 1942 г.», под которым вместо прежнего командира, генерала Попова, стоит подпись нового – полковника Мальцева: «Темпы продвижения преступно медленные. Вместо того, чтобы энергично, на высшей передаче выбрасываться вперед и тащить за собой пехоту и артиллерию, бригады разворачиваются на каждый выстрел и почти стоят на месте. Приказываю: невзирая на огонь танков и противотанковых орудий энергично на высшей передаче продвигаться вперед, командирам не плестись в хвосте, а равняться по впереди идущим. К 11.00 занять Землянк. На оставшиеся в тылу любые части противника внимания не обращать. Действовать быстро и энергично. Прекратить нудные подготовки артиллерийских данных на топоснове (*топографической основе*. – И.А.) – мы сегодня не в обороне, а во встречном наступательном бою. Командир 11 ТК Мальцев» [8].

Однако предпоследняя страница записей немилосердно возвращает в прошлое, которое и рождало, и губило надежды на успех. Три дня «Воронежских страниц», с 8-го по 11-е июля, вмещаются в несколько чернильных строк: «Командование 11 ТК в лице ген. Попова доносило, что танковые бригады продвигаются вперед. На самом деле этого не было. Когда за этот обман генерал-майор был отстранен, то его начальник опер. отдела подполковник Н. (*фамилия не названа мною по этическим соображениям*. – И.А.) в своем письменном и устном указании командованию бригад, действуя якобы от имени командира корпуса, отменил приказ о наступлении, данный новым командиром корпуса полковником Мальцевым» [9].

Не обнаруживая себя для суетного взгляда, жестокое столкновение двух миров войны придавало физически ощутимое напряжение диалогам, репликам, жестам собеседников писателя в кульминационных эпизодах «Воронежских страниц», а Брагину позволяло делать вывод о том, что «писатель победил здесь журналиста» [7, с. 3]. Узнав о трудностях танковой армии и отсутствии привычной журналистской фактуры, которая на фронте предпочитает не поражения, а победы, Кривицкий, по тонкому наблюдению Брагина, остается у Лизюкова. Остается с человеком, который не приемлет утешения, не ждет сочувствия, не ищет истину в «горькой» («... в ней правды тоже нету. Лично проверял» [2, с. 233]), но с достоинством принимает бремя полководческого выбора, в котором «победа или поражение» всё-таки начинаются с «жизни и смерти».

У танкистов для этого начала есть имя: темпы. Военный комиссар Первой Гвардейской Московской дивизии Мешков, называя Лизюкова «природным танкистом», не забыл его совет 1941 г.: «... мы, моторизаторы, должны изучать маневренность дивизии» [10]. В июле 1942-го потеря темпов танкового наступления стала человеческой трагедией в настоящем и обретением литературы в будущем, когда писатели овладевали навыком извлекать соль вещей из военных сводок.

Брагин ценил эту правду танков у Кривицкого: «Люди сведущие знают, что за потерей темпов кроется остановка наступления, даже поражение наступающей армии, напрасная смерть тысяч и тысяч людей, позор для военачальника, чувство вины перед Родиной, перед подчиненными и перед командованием, страстная мечта попытаться всё переиграть, повторить наступление, доказать, что ты был прав, а при невозможности этого – сознание напрасно прожитой жизни. Правда наступления танковых армий – в их массировании и стремительности, а эта правда не восторжествовала... Кто из читателей будет соперничать Лизюкову, не понимая значения фразы – “правда в темпах”?» [7, с. 3].

Однако накал соперничества посягал на литературные устои образа. Под грузом обнаружившегося предательства отчаяние минуты превращалось в долгую, холодную решимость, в то самое внешнее спокойствие, которое в последние дни Лизюкова всем бросилось в глаза. Правда танкиста, «моторизатора» превосходила правду человека, ибо изначально не укладывалась в привычный аршин. В отличие от литературы, война не оставляла открытого финала. Ее тяжелая длань суд Божий и человеческий вершила по-своему. «Тайное тайных» имело там смысл лишь постольку, поскольку от него зависела жизнь и человека, и человечества. Жизнь тех, кто принимает решения, и тех, кто тяжесть этих решений испытывает на себе.

Подполковник, который обманом отменил наступление, был расстрелян...

Война изобилует примерами и с нашей, и с противоположной стороны, которые и могли бы приглушить боль, да каков прок в утешении? Легче ли от того, что заградотряды в вермахте появились задолго до сталинского приказа № 227? Снимет ли камень с нашей души немецкий граф Шпонек, приговоренный к расстрелу за не согласованный с германским командованием приказ об отступлении своего корпуса в Крыму? Или пагубно как раз сомнение в беспощадности фронтовой злобы дня, которой рождены строки «Боевого приказа № 021», изданного Катуховым 23 июля 1942 г. в разгар боев под Воронежем: «Предупреждаю командиров бригад, что за повторение преступной медлительности в действиях, за “оглядывание назад”, за несвоевременность донесений и плохую связь буду немедленно отстранять от должности и предавать суду» [11].

Эмоция войны – состояние особое. Кто не был там, права на рассуждение о ней не имеет. Разве что вдове сердце подскажет нужные слова. Из воспоминаний Анастасии Кузьминичны Лизюковой о муже: «Бывает человек суровый, иногда сердитый, злой. Он никогда ни суровым, ни злым не был, хотя говорят, что он в бою на фронте злой, но там и ангел будет злым...» [12]. И беззлобная, понятная фронтовику шутка долетит до вдовы командарма вдогонку тому, что бесповоротно свершилось: «Мне рассказывали, с Калининского фронта: как только услышим где-нибудь, что генерал едет в часть, так все ждут, радуются и хотят его видеть, как отца. Приедет, бывало, кого выругает, кого пожалеет или похвалит, а иногда кому-нибудь скажет: “Смотри, еще раз что-нибудь подобное, сам приеду и расстреляю”. Пожмет руку и уедет» [13].

Особенно жаркими танковые бои были с 11 по 14 июля 1942 г., «экипажи находились в танках по 16–18 часов непрерывно при температуре 50–60 градусов» [14]. В «Очерках о танковых войсках и танкистах» Брагин так передает ощущения экипажа в бою: «Выстрелов экипажи танков, как обычно, почти не слышат. В танке стоит грохот и звон ответных оружейных ударов, шум мотора, лязг гусениц. Экипаж танка, как обычно, совершает свой трудовой процесс. Под ним качается земля, на подъемах показывается полоса неба, видны рядом идущие, стреляющие свои танки и видно, как все чаще и ближе фонтаны земли, вздымаемые снарядами противника. От их близких разрывов иногда содрогается корпус танка, разлетаются оптические прицелы, лопаются приборы, слепнет могучая машина, а люди, преодолевая обморочное состояние, продолжают свой боевой труд. <...> Они первые идут в бой, они первые открыто смотрят смерти в глаза» [15].

Строчка из «Записной книжки» Брагина летом 1942 г. о «южных стремлениях» немцев, наших танковых возможностях и Лизюкове разрасталась в очерках писателя до гигантской панорамы всемирного побоища и переселения народов. Тысячи машин, подвод и телег с семьями, тракторов с прицепами армейских тылов; крик, плач, рев моторов над колоннами, «ползущими к переправам» в надежде на спасение за Доном и Волгой. Переправы пропускали 20–30 машин в час из тысячи, которые подходили каждый день: «Они переправлялись на восточный берег неделями, у переправ веерами скапливались на десятки километров машины, люди, кони, и немецкие танки прорывались к ним, чтобы, прижав к реке, уничтожить» [16]. Немцев сдерживали танковые войска.

В книге «Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Стратегический и тактический обзор» английский военный теоретик Дж. Фуллер назвал сражение за Воронеж «одним из самых роковых» для немцев «за время всей войны» [17, с. 244], будучи несомненно уверенным, что

русские войска, сосредоточенные к северу от Воронежа, прибыли вовремя и спасли русским всю кампанию [17, с. 245]. (В таком случае глупо отрицать, что танковая армия Лизюкова сыграла в подготовке стратегического краха германской военной машины на южном направлении важнейшую роль). Другой англичанин – журналист Александр Верт, который годы войны провел в Советском Союзе, выезжал на фронт, жил жизнью советской столицы и соотносил собственные оценки со стратегическим мышлением страны, – в итоге написал книгу «Россия в войне 1941–1945», где тоже есть свои «воронежские страницы». Излагая стратегический план немецкого командования на 1942 г., Верт первой причиной, по которой в изначальный замысел были внесены «роковые изменения», впоследствии стоившие Германии победы, тоже называет остановленное наступление под Воронежем [18, с. 290]. В общей, по оценке англичанина, весьма мрачной обстановке провал попытки немцев прорваться под Воронежем имел очень существенное значение [18, с. 291]. Со слов Верта, военные наблюдатели в Москве, в числе которых журналист выделяет французского военного атташе генерала Пети, близкого к высшему советскому военному руководству, придавали этому провалу «величайшее значение» [18, с. 291] и рассматривали его как ликвидацию серьезнейшей угрозы Москве.

Не исключено, что вездесущий военкор Ю.А. Жуков воспользовался информацией из тех же кругов, когда начал свою статью 1942 года о войне на южном направлении с общей стратегической оценки происходящего. Но первые две страницы его рукописи были твердо вычеркнуты цензором с вопросом на полях: «Откуда всё это известно автору?» [19].

История только намеревалась сказать свое слово о Воронежском сражении и его истинных героях...

Литература

1. РГАЛИ. – Ф. 1814. – Оп. 9. – Д. 459. – Л. 29.
2. Кривицкий, А. Воронежские страницы / А. Кривицкий // Не забуду вовек. Записки военного корреспондента. – М. : Воениздат, 1964. – С. 168–240.
3. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 60. – Л. 39.
4. Катуков, М.Е. На острие главного удара / М.Е. Катуков. – М. : Воениздат, 1974. – 429 с.
5. ОПИ ГИМ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 78.
6. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 8.
7. Брагин, М. Сущность подвига / М. Брагин // Литературная газета. – 1966. – 15 сентября. – С. 3.
8. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 4.
9. РГАЛИ. – Ф. 3126. – Оп. 1. – Е. х. 43. – Л. 9.
10. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 1. – Оп. 12. – Д. 15. – Л. 12.
11. ЦАМО РФ. – Фонд 1тк. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 51.
12. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 4. – Оп. 1. – Д. 238. – Л. 15.
13. ОПИ ГИМ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 61об.
14. Научный архив ИРИ РАН. – Ф. 2. – Разд. 1. – Оп. 117. – Д. 2. – Л. 8.
15. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 589. – Л. 52–53.
16. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 589. – Л. 13.
17. Фуллер, Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг.: стратегический и тактический обзор / Дж. Фуллер. – М. : Иностранная литература, 1956. – 550 с.
18. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М. : Прогресс, 1967. – 774 с.
19. РГАЛИ. – Ф. 618. – Оп. 2. – Е. х. 133. – Л. 105.

Условные сокращения

- ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий

И.Г. ГОМОНОВА

Рассматривается редукция паремиологических единиц как типичный способ реализации паремий в дискурсе. На материале данных Национального корпуса русского языка выявляются варианты редукции, которые различаются формальной организацией, степенью сокращения и характером презентации содержания паремий.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, редукция, трансформация.

The reduction of paremiological units as a typical way of realization of proverbs in discourse is considered. According to the Russian National Corpus the variants of reduction that differ in formal organization, in degree of reduction and in nature of representation of proverbial content are revealed.

Keywords: proverb, paremiological unit, reduction, transformation.

Многочисленные исследования реализации паремиологических единиц в дискурсе, особенно активизировавшиеся в последнее время, свидетельствуют о всё возрастающем интересе лингвистов к процессам воспроизводства, переосмысления и трансформации паремий. Одним из самых типичных видов преобразования паремиологических единиц является сокращение их состава (в других терминах – усечение, редукция, эллипсис, импликация), характеризуя которое исследователи обращаются к концепции А.А. Потебни, говорившего о «сгущении мысли» при движении от басни к пословице и от пословицы к поговорке (= фразеологизму) [1, с. 520]. Рассуждая о сжатии пословицы, А.А. Потебня имеет в виду процесс фразеобразования (*Старого воробья на мякине не проведешь* → *старый воробей*; *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает* → *собака на сене* и т. п.), однако значительная часть его наблюдений может быть отнесена к редукции паремий вообще. А.А. Потебня указывает на то, что пословица представляет отношения между абстрактными величинами, которые обычно конкретизируются в тексте. Характер отношений, зафиксированный в пословице, при этом сохраняется.

В.Л. Архангельский считает, что при сокращении устойчивой фразы возникает явление фразеологической антиципации, когда по фрагменту предвосхищается значение целого. Вычленение фрагмента, по мнению исследователя, не только не мешает процессу коммуникации, но и способствует ему за счет экономии протяженности речи [2, с. 75–96]. Сказанное в полной мере относится к анализируемым в данной статье случаям сжатия паремий, реализованного в структурах *«поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...»*. Исследование осуществляется на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3], из текстов которого извлечен 341 контекст, содержащий такие структуры (из них 202 – с компонентом *поговорка*, 113 – с компонентом *пословица*, 26 – с компонентом *народная мудрость*). Обращение к электронному корпусу текстов позволяет получить репрезентативный языковой материал и его количественные характеристики, в результате чего появляется возможность выявить разные варианты сокращения паремий в рамках заданного структурного типа и определить перечень паремиологических единиц, которые подвергаются такому виду трансформации (в том числе обнаружить среди них те, которые активно редуцируются с использованием структур *«поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...»* и, соответственно, входят в активный паремиологический запас русского языка).

Отметим, что в текстах НКРЯ отсутствует дифференциация устойчивых выражений, подвергшихся рассматриваемому виду редукции. В частности, одна и та же паремиологическая единица может сопровождаться в анализируемом материале разными метаоператорами – сигналами присутствия паремии в тексте [4, с.47–51]: *поговорка про первый блин – пословица про первый блин*; *поговорка насчет Юрьева дня – пословица о «Юрьевом дне»*; *поговорка о синице в руках и журавле в небе – пословица про синицу в руках и журавля в небе*; *поговорка про карася и щуку – пословица про щуку и карася*; *поговорка про коней и переправу – народная мудрость про «коней и переправу»*; *поговорка насчет сумы и тюрьмы – пословица о тюрьме и суме – народная мудрость про тюрьму и суму, от которых не зарекаются* и др.

Сравн.: *Есть такая поговорка про плохого танцора, мне кажется тут она очень даже к месту* [Учимся водить (2007–2008)] – *И давайте, прежде чем вспоминать старую поговорку про танцора, все же попытаемся понять капитана* [Н. Долгополов. Кубок пока остался в мечтах // Труд-7, 2003.11.22]; *Вся ситуация в целом полностью соответствует распространенной русской поговорке про «чужой монастырь», – говорится в заявлении Долгова* [М. Рябов. Секретариат Ющенко напомнил Лаврову поговорку про чужой монастырь // Новый регион 2, 2008.08.15] – *Пословица про свой устав и чужой монастырь обязательна к исполнению* [М. Егорова. В плену табу и этикета // Известия, 2012.07.25]. В то же время метаоператоры поговорка / поговорка / народная мудрость о (про, насчет)... используются преимущественно по отношению к устойчивым единицам со структурой предложения, которые подвергаются редукции, и только в единичных случаях по отношению к непредикативным сочетаниям слов. Напр.: *Будь в Испании в ходу поговорка про медвежью услугу, ее непременно бы вынесли на первые полосы все испанские спортивные газеты – уж очень все топорно сделано* [И. Тарасенко. Королевская палата. В лазарете мадридского «Реала» – десять игроков основы! // Советский спорт, 2008.12.01] – *медвежья услуга ‘неумелая, неуместная помощь, причиняющая неприятности’* [5, с. 690]; *Так, один из ученых XIX века, решив проверить, верна ли поговорка о слезах крокодилов, стал втирать в крокодилы глаза смесь лука с солью* [Понемногу о многом // «Знание – сила», 2008] – *крокодиловы слезы ‘притворные слезы, неискренние сожаления’* [5, с. 618].

Степень редукции паремий, осуществленной с использованием структур «*поговорка / поговорка / народная мудрость о (про, насчет)...*», может быть разной. Приведем выявленные варианты в порядке уменьшения степени сжатия паремии (от самой высокой к самой низкой).

Самая высокая степень наблюдается в контекстах, где паремиологическая единица представлена субстантивным компонентом – ключевым словом или одним из ключевых слов паремии: *На костюме экономить не стоит: поговорка про одежду не выйдет из моды никогда* [Л. Шамина. Дама высший класс // Известия, 2006.09.04] – *По одежке встречают, по уму провожают* [6, с. 621]; *Такой ответ Шушкевича был красивым, но неубедительным. Кажалось, он не отдавал себе отчета в том, что никакими шуточками ему не отбояриться от серьезнейшего вопроса: глава государства не мог позволить себе отдать рычаги управления армией кому-то другому. Потому маршал уместно напомнил ему поговорку о грузде...* [В. Баранец. Генштаб без тайн (1999)] – *Назвался груздем – полезай в кузов* [6, с. 227]; *Скорпионы, не беритесь за несколько дел одновременно. Хотя поговорка про зайцев тут не актуальна – вы все сделаете. Но вымотаетесь безумно* [П. Глоба. 23 июля // Труд-7, 2008.07.23] – *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* [6, с. 366]. Данный вариант сжатия паремий составляет ~ 6,5 % анализируемого материала, активно не востребован авторами, так как требует высокой степени паремиологической компетенции реципиента.

Следующий вариант характеризуется тем, что паремиологическая единица представлена в контекстах субстантивным словосочетанием, которое (1) является ключевым для паремии либо (2) содержит в себе ключевое слово или одно из ключевых слов паремии в качестве опорного компонента: (1) – *Обычно приход нового руководства связан со сменой команды. Затронут ли перемены нынешний состав НР? – Поговорка про новую метлу? Где бы я ни работал, я продолжал слушать НР. Голоса, которые сейчас звучат в эфире, мне знакомы давно. Убрать людей, которые работают в эфире много лет и стали для аудитории родными?* [А. Певчев. Семен Чайка: «Мне была поставлена задача – обновление» // Известия, 2013.05.28] – *Новая метла по-новому метет* [6, с. 532]; *Вопреки поговорке про первый блин, а также многолетним наблюдениям над такого рода стартапами, фестиваль короткометражных фильмов, завершившийся в Калининграде, удался с первого захода* [Л. Юсипова. «Спаситель» придет с Запада в полном метре // Известия, 2013.08.27] – *Первый блин всегда комом* [6, с. 55]; (2) *А «питерские» уже наделали столько глупостей, что со дня на день наверху должны вспомнить поговорку про услужливого дурака* [Д. Орешкин. О чем молчат олигархи? (2003) // «Московские новости», 2003.04.01] – *Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьет (расшибет)* [6, с. 314]. Для узавания паремий при данном варианте редукции (составляет ~ 23,5 % анализируемого материала) также требуется их вхождение в активный паремиологический запас реципиента.

Достаточно высокая степень сжатия паремий наблюдается и в контекстах, где паремиологическая единица представлена двумя субстантивами, связанными сочинительным союзом *и*. Данный вариант редукции паремий интересен тем, что основывается на паре компонентов, составляющих

паремийный бином (термин Е.И. Селиверстовой) – одну из констант паремиологического пространства [7, с. 67–68]. Компоненты биномов находятся друг с другом в самых разнообразных отношениях: сопоставления, противопоставления, семантического сходства, ассоциативной близости, тематической общности и др. По определению Е.И. Селиверстовой, «связи между предметами, наблюдаемые в мире, окружающем коллективного носителя языка, весьма разнообразны и вряд ли поддаются перечислению» [7, с. 67]. В то же время наличие в контексте паремийного бинома в сопровождении метаоператора *поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)*... делает паремию, как правило, узнаваемой для реципиента. Напр.: *Идеи сезонных распродаж не один десяток лет, а возможно и веков, если вспомнить известную пословицу о санях и телеге* [В. Викторов. Июльский шопинг с январским прицелом // Труд-7, 2008.07.31] – *Готовь сани летом, а телегу – зимой* [6, с. 782]; *Имидж – слабое место у российского народа. Пословица про одежду и ум не работает. Если есть мозги, но на вас страшные сапоги или вы не помыли волосы, успеха не будет* [О. Вандышева. Ирина Хакамада: Плюньте на все, наврите с три короба и получите кайф // Комсомольская правда, 2007.01.19] – *По одежке встречают, по уму провожают* [6, с. 621]; *Все курильщики согласны, что есть люди некурящие и не нужно им доставлять неудобства, но этот закон доходит до абсурда. У нас есть замечательная поговорка про дурака и лоб. Это применительно к закону и его инициаторам* [Ю. Хожателева. Николай Расторгуев: «Лучше бороться не с курением, а за полезную еду!» // Комсомольская правда, 2013.06.10] – *Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьет (расшибет)* [6, с. 314]. В отдельных случаях второй компонент сочинительного сочетания распространяется определением или придаточной частью с определительным значением (при этом уменьшается степень редукции паремии, упрощается ее узнаваемость реципиентом): *Поговорка про дом и стены, помогающие в совершении каких-то дел, в футболе работает отменно. Даже кресла и вешалки в раздевалке, к которым мы успели привыкнуть, – маленький, но важный фактор, помогающий нам добиваться победы* [Л. Слуцкий. Драка поутру // Известия, 2006.03.21] – *В своем доме [и] стены помогают* [6, с. 291]; *Чтобы правительство и госчиновники в своих диверсификационных устремлениях сильно не отрывались от реалий, Виктор Ющенко днями косвенно напомнил им поговорку о колодеце и водичке из него, которую и далее придется пить* [С. Прокопчук. Россию не обойти // Труд-7, 2005.07.22] – *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться* [6, с. 421]. Паремийные биномы, представляющие редуцированную паремию, имеют преимущественно субстантивный характер. Анализируемый материал включает также два контекста с глагольными сочетаниями: *Наши вспоминают известную поговорку про надеяться и не плошать и к перерыву набирают 12 безответных очков* [Е. Шуваев. Главный тренер женской сборной России Павел Барановский: Девочки хотят выходить замуж, рожать детей // Советский спорт, 2013.07.01] – *На Бога надейся, а сам не плошай* [6, с. 62]. Данный вариант сжатия паремий составляет ~ 19 % анализируемого материала.

Невысокая степень редукции характеризует следующий вариант трансформации паремиологических единиц (составляет ~ 14,5 % анализируемого материала), при котором паремия представлена в контексте субстантивом или субстантивным словосочетанием (ключевым для данного устойчивого выражения), распространенным (1) определением, выраженным причастным или адъективным оборотом, либо (2) придаточной частью с определительным значением: (1) *Ведь лучшие и самые мощные порты на Балтике отошли к чужим теперь прибалтийским странам, которые успешно воплощают в жизнь поговорку о дорогом перевозе телушки, купленной за полушку* [В. Костров. Высокое напряжение // Труд-7, 2001.12.07] – *За морем телушка – полушка, да рубль перевоз* [6, с. 554]; (2) *Если вы всецело согласны с поговоркой о телеге, которую нужно готовить зимой, тогда скидки на велосипеды и роликовые коньки для вас* [И. Девятов, К. Барсова. Что будет с ценами в Мурманской области в декабре // Комсомольская правда, 2010.12.01] – *Готовь сани летом, а телегу – зимой* [6, с. 782]; *Зная практику телевизионных ток-шоу, я тоже склоняюсь к версии, что героиня Малахова – банальная подсадная утка. Хотя, возможно, тетя действительно так худела. Помните поговорку про человека, которого заставляют богу молиться?* [Е. Черных. Кремлевская диета: Сколько мяса надо есть, чтобы похудеть // Комсомольская правда, 2007.09.19] – *Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьет (расшибет)* [6, с. 314]. В ряде случаев данный вариант трансформации паремий не сопровождается редукцией, содержание устойчивого выражения передается в полном объеме. При этом (как и в целом в результате трансформации с использованием структур «*поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)*...») осуществляется синтаксическое преобразование паремиологической единицы, которая используется в контексте не изолированно, а вступает в синтаксическую связь с другими членами предложения: *Вот в этом доме какой-то собровец потребовал паспорт на видеомаягнитофон. А когда обнаружилось, что паспорта нет, просто «конфисковал» дорогую вещь. В этом доме таким же спосо-*

бом был «изъят» телевизор, в другом – ковер... Можно вспомнить поговорку насчет паршивой овцы, портившей все стадо. Но вот что обидно: о наказаниях за такой беспредел никто ничего не говорит [В. Хлыстун. Вертолет для Садуллы // Труд-7, 2000.07.14] – [Одна] паршивая овца всё стадо портит (испортит) [6, с. 617]; Некоторые актеры, например, перед ответственным спектаклем невольно пытаются выработать «линию поведения», стратегию, тактику, спрогнозировать реакцию зрителя. Но чем больше они «мусолят» в своем сознании исполнение задуманного, тем хуже все получается! Конечно, это вовсе не значит, что не надо репетировать и тренироваться. Правоту поговорки о рыбке, которую без труда не вынешь из пруда, никто не отменял [А. Дрожженев. Везет же людям... // Труд-7, 2002.10.14] – Без труда не вынешь (не вытянешь, не вытащишь) [и] рыбку из пруда [6, с. 915].

Рассматриваемые варианты трансформации паремиологических единиц характеризуются, как правило, элементами языковой игры, творческого обращения разных авторов с паремиями. Наиболее ярко данная особенность выражена в тех случаях, когда анализируемые структуры («поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...») используются с целью вольной передачи содержания паремии: Впрочем, при голоде, холоде и бессоннице никакая дружба не завязывается, и Дугаев, несмотря на молодость, понимал всю фальшивость поговорки о дружбе, проверяемой несчастьем и бедою [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)] – Друзья познаются в беде (несчастье) [6, с. 305]; Тут-то подтвердилась поговорка о несчастиях, не склонных навещать в одиночку. Вскоре на перевыборах домкома Петр Горбидоныч был провален самым безжалостным образом [Л.М. Леонов. Вор (1927)] – Бедя [никогда] не приходит (не ходит) одна [6, с. 39]; Или это такая избирательная особенность нынешней «диктатуры закона», когда закон не для всех одинаков? А может быть, все намного проще – действует старая народная мудрость про закон, которым можно ворочать, что дышло? [Б. Лебедев. Запрет на право быть русским (2003) // «Советская Россия», 2003.05.15] – Закон что дышло: куда повернул (поворотишь), туда и вышло [6, с. 359].

По-разному проявляется степень редукции паремий при использовании следующего варианта их трансформации, выявленного в рамках структур «поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...». В данном случае содержание паремии передается посредством придаточной части с изъяснительным значением, коррелирующей с метаоператором поговорка / пословица / народная мудрость о том... (про то..., насчет того...). Этот вариант активно представлен в публицистическом и художественном дискурсе (составляет ~ 33 % анализируемого материала). Он позволяет авторам передать содержание паремии в редуцированном виде (Мама очень любила повторять поговорку о том, что по одежке встречают. А потом ведь одежда дисциплинирует человека [В. Князев. Гоша Ярцев и родился с мячом // Труд-7, 2003.10.10] – По одежке встречают, по уму провожают [6, с. 621]; А дальше – все как в пословице о том, что сколько веревочке ни виться... Имея огромное территориальное преимущество, итальянцы все же забивают [А. Бодров. Отыграемся на Лихтенштейне? // Советский спорт, 2005.02.10] – Сколько веревочке ни виться, а конец будет [6, с. 113]); передать содержание паремии в полном объеме (Вы можете оказаться намного удачливее окружающих, если будете почаще вспоминать поговорку о том, что под лежащий камень вода не течет [С. Рогинец. Откажитесь от проектов, связанных с недвижимостью // Известия, 2007.05.04] – Под лежащий камень [и] вода не течет (не бежит) [6, с. 398]); привести вольную интерпретацию содержания паремии (На пляжах всю загорают курортники, и разговоры о снеге, горных лыжах и ледовых стадионах в середине июня здесь воспринимаются с удивлением. Но все-таки не с таким большим, как шубы в магазинчике на одном из сочинских пляжей. А может, так задумано? Кто не знает русскую поговорку о том, в какое время года надо готовить сани... [Г. Бочкарев. «Это будут игры с русской душой» // Советский спорт, 2010.06.11] – Готовь сани летом, а телегу – зимой [6, с. 782]).

Небольшим количеством контекстов (~ 3,5 % от общего числа) представлен в анализируемом материале вариант трансформации паремиологических единиц, при котором объектную позицию при метаоператоре пословица / поговорка про (насчет)... занимает паремия или (в случае редукции) ее фрагмент, выступающие в номинативной функции. При сокращении обычно сохраняется первая часть паремии, по которой реципиент с легкостью восстанавливает в памяти все устойчивое выражение: Старинная поговорка про «закон что дышло» продолжает оставаться актуальной для России. Это в очередной раз подтвердили депутаты

Госдумы на заседании, прошедшем 12 апреля. Уже трижды одобренный парламентариями проект Водного кодекса вновь вернули на рассмотрение [А. Полубота. Байкал потерял зону. Водоохранную // Труд-7, 2006.04.14] – Закон что дышло: куда повернул (поворотись), туда и вышло [6, с. 359]; Это годы изворота всей народной психологии: высмеивается оглядчивая народная мудрость, что быстро хорошо не бывает и выворачивается старинная пословица насчет «тише едешь»... [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ (1958–1973)] – Тихе едешь, дальше будешь [6, с. 906]. Контекстуально обусловленным исключением является редукция первой части паремии: Все понятно, для секретарш, как и для охранников клубов, дресс-код всегда был важен. Но известный певец, самоутверждающийся за счет цвета блузки оппонента, – это уже диагноз. Никакой тебе второй части пословицы про «провожают по уму» [В. Львова. ГлаМУРА, или Властелины Садового кольца // Комсомольская правда, 2006.06.19] – По одежке встречают, по уму провожают [6, с. 621].

Прибегая к редукции паремии, автор рассчитывает на ее узнаваемость, в связи с чем данному виду трансформации подвергаются, как правило, устойчивые выражения, относящиеся к активному паремиологическому запасу русского языка. Приведем те из них, которые в анализируемом материале занимают лидирующие позиции: представлены 8–9 раз и редуцируются в рамках структур «поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...» с использованием разных вариантов: *У семи нянек дитя без глаза (глазу)* [6, с. 609] – варианты редукции: *поговорка о семи нянях / поговорка о семи нянках / поговорка про семь нянек / пословица о 7 нянках / поговорка про семь нянек и дитя без глаза / поговорка про многочисленных нянек и их несчастное дитя / пословица про семь нянек и дитя без глаза / пословица о семи нянках, у которых дитя без глаза; За двумя зайцами погонисься – ни одного не поймаешь* [6, с. 366] – варианты редукции: *поговорка про зайцев / поговорка о двух зайцах / поговорка о погоне за двумя зайцами / поговорка про двух зайцев / пословица про двух зайцев / народная мудрость про то, что бывает, когда охотник гонится за двумя зайцами; Готовь сани летом, а телегу – зимой* [6, с. 782] – варианты редукции: *поговорка о санях / поговорка про сани / пословица о санях и телеге / поговорка о телеге, которую нужно готовить зимой / поговорка о том, в какое время года надо готовить сани.*

Таким образом, редукция паремиологических единиц в рамках структур «поговорка / пословица / народная мудрость о (про, насчет)...» является одним из востребованных коммуникантами способов реализации паремий в дискурсе (прежде всего публицистическом) и характеризуется следующими особенностями: 1) представлена разными вариантами, которым свойственна различная степень сжатия паремий, требующая для их узнавания различной степени паремиологической компетенции реципиента; 2) связана с синтаксическим преобразованием паремий, которые используются в контексте не изолированно, а вступают в синтаксическую связь с другими членами предложения; 3) как правило, представляет собой результат творческого обращения разных авторов с паремиологическими единицами.

Литература

1. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня // Эстетика и поэтика. – М. : Изд-во «Искусство», 1976. – С. 464–560.
2. Архангельский, В.Л. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании / В.Л. Архангельский // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов н / Д., 1968. – С. 75–96.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.09.2017.
4. Даниленко, Л.П. Интертекстуальные реляции паремий / Л.П. Даниленко // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 47–51.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
7. Селиверстова, Е.И. О некоторых константах в паремике / Е.И. Селиверстова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 54. – С. 66–70.

УДК 811.16'373.61

Реконструкция микросистемы **Bъrb-*

Р.М. КОЗЛОВА

Рассматривается реконструкция микросистемы **Bъrb-*.

Ключевые слова: микросистема, антропонимы, онимы, дериваты.

Reconstruction of the microsystem **Bъrb-* is considered.

Keywords: microsystem, anthroponyms, onyms, derivatives.

В «Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачева представлено 5 единиц – глаголы **bъrbati*, **bъrboriti*, **bъrbositi*/**bъrbošiti*, **bъrbotati* и отглагольной субстантив **bъrbotъ*, по генезису – звукоподражания.

Включение в процесс реконструкции славянских древностей собственных названий – антропонимов и иных типов онимов – существенным образом меняет картину. Основа микросистемы **bъrb-* < **bŕb-*, характеризующаяся с точки зрения деривационной структуры как производное с детерминативом *-b-* от и.-е. **bher-* ‘выступ, нечто округлое; высокий’, возглавляется праслав. **bъrbъ*, **bъrba*, **bъrbo*, которые хорошо сохранились в ономастике. Назовем антропонимы: ст.-бел. *Бурба* (в городе Орша) (Тупиков 70), бел. *Бурба* (Бірыла 69), укр. *Бурба* на Волини (СММ 78), *Burba* в регионе Сколе (Чучка 99), болг. *Барба* (Илчев 64), *Борба*, серб. *Барба* (РСА I, 301), польск. *Barb*, *Borb*, *Vorba*, *Vorbe*, *Burba*, *Burbo*, *Vyrba* (SN I, 172, 428, 569, 597) – антропонимы, для некоторых из них обнаруживаются варианты *Brub*, *Bryba* (SN I, 502, 510), претерпевшие метатезы *ur* > *ru*, *yr* > *ry*, и др. < праслав. **Bъrbъ*, **Bъrba*, **Bъrbo*.

Скромнее представлены континуанты названных архетипов в иных классах собственных имен. Ср. бел. *Бербы* мн. – микропоним (лес) возле селения Брухачи Столбцовского района Минской области (МБ 28) < *Бэрбы* < *Бърбы*, *Varba Insel* (вариант *Świtałowy*) – остров на озере Кисайно в Жижицком повете (Leyd. II, 83), *Barben-* в составе *Barbenfliess* – ручей, впадающий в озеро Рось, *Barben See* – озеро, *Barbenwiesen* – луга в регионе ручья *Barbenfliess*, *Barben Bruch* – болото в этом же регионе – все в бассейне реки Писы (Leyd. II, 269), *Барба-Узень* – название реки Учан-су бассейна Черного моря (Семенов II 161), теперь *Барбала-Узень* (СГУ 33), *Бербью* – п. п. реки Жиу в области Крайова на территории Румынии (см. карту, Г-7).

К данному кругу собственных названий при учете частых случаев метатезы звуков следует отнести *Бребу* на правом берегу реки Погэниш в её верховье в Банате, *Бребу* в верховье реки Прохава в области Плоешти на территории Румынии. Из апеллятивов как основы микросистемы правомерно назвать русск. диал. *бурба* ‘брюква’ (ССГ I, 296), укр. диал. *бурба* ‘круглые шишки на растении’, болг. диал. *барба* ‘старый человек’ (БД VII, 206), словен. *b+ba* ‘stiskač, vohljač’ – неясно (Bezljaj I, 39), и др.

Многочисленные суффиксальные дериваты распределяются с учетом их внутренней связи, их вариантности. Среди них выделяется группа деминутивов:

**Bъrbikъ*: *Burbicki* (SN I, 569), *Brabik* (SN I, 460) – антропонимы, последний из которых отражает метатезу *ar* > *ra* (*Barbik* > *Brabik*), и др.;

**Bъrbičъ*: серб. *Брѣић* (РСА I, 130), польск. *Birbicz*, *Borbicz* (SN I, 334, 428) – антропонимы и др.;

**Bъrbъkъ*, **Bъrbъka*: польск. *Berbek*, *Berbeka*, *Brabek* (SN I, 249, 460) – антропонимы, последний из которых толкуется как метатезный вариант уже не фиксируемого **Barbek*, русск. диал. *боробок* ‘человек маленького роста’ (ССГ I, 226), отражающее второе полногласие, и др.;

**Bъrbъсь*: хорв. *Brabec* (составитель грамматики хорватского языка) < *Barbec*, польск. *Berbec*, *Berbecki*, *Berbek*, *Berbiec*, *Berbiec*, *Bierbec* (SN I, 249, 311) – антропонимы, а также *Brabec*, *Brabczyk*, *Brabczyński* (460), свидетельствующие о бытовании исходных для них *Barbec*, *Barbczyk*, *Barbczyński*, и др.

Производные с опорными *x/š* в суффиксах:

**Върбахъ*, **Върбахъ* > **Върбащъ*: ст.-русс. *Барбаша*, *Барбашин* (Веселовский 24), *Барбаш*, *Барабаш*, в котором развился секундарный гласный, подобный корневому гласному, бел. *Барбашын* (БелСЭ 12, 459), *Бѣрбаш* (Бірыла 52), *Барбашоў*, русск. *Барбашев*, *Барбашов*, *Барбашин*, укр. *Барбаш*, *Барабаш* (Тупиков 39), польск. *Barbach*, *Barbachyn*, *Barbachowski*, *Verbasz*, *Verbachowski*, *Bierbasz*, *Bierbasz-Juchnowicz*, *Birbach*, *Birbasz*, *Borbach*, *Borbachowska* (SN I, 171, 249, 311, 428) – антропонимы и др. Судя по структуре, антропонимы закрепились в иных типах собственных имен. Ср. бел. *Бербашы* мн. в Кореличском районе Гродненской области (РапГр 37), русск. *Барбашы* мн. в Псковском, *Барбашино* в уу. Псковской (Пск. 7, 206), *Бурбаш* в Мамадышском у. Казанской (Казан. 64) губерний – ойконимы, к которым с учетом так названного второго полногласия следует присоединить бел. *Барабашыха* – микропоним (полянка в лесу) в Ганцевичском районе Брестской области (МБ 24). Вероятно, из восточнославянского региона перенесен древнечешский антропоним *Varabaš* (Gebauer I, 25). Из апеллятивов ср. русск. диал. *бурбашка* ‘небольшой чурбан’ (ПОС 2, 216), *бурбаша* ‘сапоги из мягкой кожи’ (СРНГ 3, 282);

**Върбеъ*: болг. *Барбѐи* (Илчев 64), польск. *Verbesz* (SN I, 249) – антропонимы и др.;

**Върбоъ*: ст.-русс. *Борбоша* (Тупиков 59) – казак Новгороде Северском, *Борбошев* (Веселовский 45), *Вершины Барбошева* – левый овраг реки Холук в бассейне Северского Донца (МашТДон 52), *Varbošnica* – п. п. Осойницы в бассейне Вардара (Duridanov 173) и др.;

**Върбуъ*: болг. *Барбѹи* (Илчев 64), польск. *Barbuszak*, *Barbuszyński* (SN I, 172) – антропонимы и др.;

**Върбуъ*: бел. *Барбышын*, польск. *Vrobisz* (SN I, 486) < *Borbisz* – антропонимы, *Бурбишки* – микропоним (поле) в Ивьевском районе Гродненской области, *Бурбишки* – 11 поселений в Ковенском у. (СК 9, 10), польск. *Burbiszki* в Сейненском повете (SpisPRL 134) – ойконимы.

Производные с опорными *k/č* в суффиксах:

**Върбакъ*, **Върбакъ* > **Върбащъ*: ст.-бел. *Барбак* (Усціновіч 116), бел. *Барбак*, *Барбакоў*, *Бѣрбачаў* в Жлобинском районе Гомельской области (запись наша), *Барбачэнка* (Бірыла 42), русск. *Борбач*, *Бурбак*, укр. *Бурбак* (Чучка 99), польск. *Barbakowska*, *Barbacz*, *Barbaczewski*, *Barbaczyński*, *Barbacki*, *Bierbacz*, *Brubacka* (SN I, 171, 310, 502; RospSNŠ I, 23) – антропонимы, русск. *Бурбаков* – правый овраг реки Рудницы на правом берегу Оки (Смолицкая 163), *Борбачи*, *Борбачев* в Дубровском районе Брянской области – ойконимы;

**Върбакъ*: бел. *Барбук* (Бірыла 42), болг. *Барбѹков* (Илчев 64), польск. *Vorbucka*, *Brabucka* (SN I, 428, 460) – антропонимы, луж. *Varbuk* (*Барбук*) в регионе Нижней Лужицы, серб. *бѹк* ‘водяной пузырь, глубокое место в реке, водоворот, который сильно бурлит’ (РСА I, 132) и др.

Производные с опорным *l* в суффиксах:

**Върбалъ*, **Върбалъ*: болг. *Бѣрбал*, *Бѣрбалов* (Илчев 64), польск. *Barbala*, *Birbał*, *Burbał*, *Burbalo* (SN I, 171, 334, 569) – антропонимы, бел. *Борбали* в Полоцком, *Борбали* в Режицком уу. Витебской губ. (СпВит 332, 364) – ойконимы, укр. *Барбала* – п. п. приток реки Учансу бассейна Черного моря в регионе Ялты (СГУ 33), болг. *Барбалова* ливада в Севлиевской околии (Заимов 71) и др. Из апеллятивов ср. бел. диал. *бурбалкі*, *бурбалкі* ‘пузыри на воде во время дождя’, *бурбалиць* ‘бурлить’, *бурбалкі* ‘желтые кувшинки’ (СБГ 1, 241, 242), укр. диал. *бурбалки* ‘рябь на воде от быстрого течения’ (Черепанова 37), словен. *brbalo* ‘stiskač, vohljač’ – неясно (Bezljaj I, 39) и др.;

**Върбелъ*, **Върбелъ*: бел. *Барбелка* (Бірыла 42), укр. *Бурбелъ* (Габорк 38), *Борбелъ*, болг. *Барбѐл* (Илчев 64), польск. *Barbel*, *Verbelski*, *Verbeluk*, *Verbiel*, *Burbel*, *Burbela*, *Burbelka*, *Burbelo* (SN I, 172, 249, 569) – антропонимы, бел. *Бербелево* (2 селения) в Невельском у. Витебской губ. (СпВит 262, 275), *Бурбели* (2 селения) в Ковенском у. (СК 10), укр. диал. *бурбелок* ‘вершина горы’ (Черепанова 37), серб. *бѹель* ‘ситно исцейкано дрво’, *брбѹлуша*, семантически идентичное *бѹльвица* (РСА I, 130);

**Върболъ*, **Върболъ*: болг. *Бѣрбол*, *Бѣрболов*, *Барболѹна* (Илчев 64), польск. *Burbol* (SN I, 569) – антропонимы, бел. *Борболово* в Двинском у. Витебской губ. (СпВит 143), русск. *Борболино* в Никольском у. Вологодской губ. (Волог. 214) – ойконимы;

**Върбуль*, **Върбуль*: русск. *Барбуль* (Морошкин 8), болг. *Барбул* (Илчев 64), «Жупан Барбуль» (XV в.) на территории Румынии (Ковачев 367), бел. *Берыбулаў* (Бірыла 52) – форма с развившимся секундарным гласным, серб. *Барбуловић* (РСА I, 303), польск. *Barbula*,

Barbulska, Bierbula, Borbulak, Borbulewicz, Burbul, Burbula, Burbulek, Burbula, Burbulowska (SN I, 172, 311, 428, 569) – антропонимы, бел. *Борбули* в Двинском, *Борбули* в Полоцком уу. Витебской губ. (СпВит 98, 333) – ойконимы, плюральная форма которых указывает на их дериивационную мотивированность антропонимами, бел. диал. *бурбуляваць* («ручэй *барбулюе*, уверх б'е і б'е») (СБГ 1, 242)), *барбулиць* 'бурлить', русск. диал. *барбуля, барабуля* – рыба *Mullus barbatus*, генезис которых не обязательно исчислять из итал. *Barbone*, через новогреческое посредство (Фасмер I, 125), о чем свидетельствует приведенный нами материал, серб. *брбуљач* 'круглый камень' (РСА I, 132) и др.

Следует отметить, что с праслав. **Vьrbulь*, **Vьrbulь* идеально соотносятся *Βαρβωλλας* – топоним в Лидии и малоазийский демотикон *Βαρβουλεος* в Карию, о которых очень скупо упоминал В.В. Шеворошкин [1, с. 152]. Демотикон близок к понятию народ и место его обитания. Представленный нами славянский материал подсказывает мысли о правомерности выделения не только карийского форманта *-ula*, но и лидийского форманта *-ωλα/-ola*, которые идентичны праславянским *-al, -el, -ol, -ul, -ьl*;

**Vьrbьль*: укр. *Борблик, Борбликов* (Кравч. 157), польск. *Barblich, Burblis, Brablik, Brablec, Brableczyk, Brobelc, Broblewska, Broblo* (SN I, 172, 460, 486) – антропонимы, *Борбликов* в Хорольском у. (Полт. 228), бел. *Бурблішкі* в Островецком районе Гродненской обл. (РапГр 42) – ойконимы;

**Vьrbyль*, **Vьrbyла*: укр. *Борбиль*, польск. *Birbilas, Burbyla* (SN I, 334, 569) – антропонимы, *Борбилева Зворуна* – л. п. Боржавы в Закарпатье (СГУ 63), *Бирбилы* в Ковенском у. (СК 6), в основе которых апеллятивы соответствующие ср. русск. диал. *борбыль* 'ком земли' (ПОС 114), укр. диал. *борбиль* 'голяр' и др.

Производные с опорным *n* в суффиксах:

**Vьrbань*: укр. *Бурбан* – антропоним (Дов. I. 98) < *бурбан*, генезис которого не совсем корректно объясняется в виду изоляции от лексического гнезда [2, с. 49], *Брэбан* (Чучка 89) < *Бёрбан*, болг. *Барба̀н, Барба̀нков, Бърбан̀ков* (Илчев 64, 96), польск. *Barban, Barbanek, Barbanowicz, Barbański, Birban, Burban* (SN I, 171, 334, 569) – антропонимы, русск. *Барбаны* в Поречском у. Смоленской губ. (Смол. 294), укр. *Бурбанівка* в Перемышльском районе Львовской области, *Barbane* в Земле Корси, отмеченное в памятниках 1579–1596 гг. на основе которого В. Кипарски поднимал *Kurenfrage, Barban* в Croazia (Каринтия), *Barbanie* – жупа в Хорватии (в документах с 1199 г.) (SSS II, 295), которые, скорее всего, продолжает иллирийское *Barbana* – река в Иллирии (теперь носит имя *Војана*), русск. диал. *барбана* ж. 'толстая лепешка из мороженой и мятой икры' (СРНГ 1, 111) и др.;

**Vьrbень*: болг. *Бърбенов* (Илчев 96), укр. *Бербеничук, Бербениця* (Чучка 57) – антропонимы. П.П. Чучка связывая генезис украинских антропонимов с апеллятивом *бербениця* 'деревянная дежа для молока';

**Vьrbонь*, **Vьrbонь*: польск. *Braboński, Brebion* (SN I, 460, 475) – антропонимы, для которых в качестве исходных бытовали дOMETATEЗНЫЕ *Barboński, Verbion*, ойконим *Burbony* (SpisPRL 134), бел. *Бурубон* – микропоним (ров) возле селения Мерецкое в Глубокском районе Витебской области (МБ 34), в котором развился секундарный гласный у после плавного, укр. *Бурбоня* – п. п. Днестра (СГУ 77), диал. *бурбоніти* 'стремительно течь, течь с шумом', русск. диал. *бурбон* 'бестолковый, упрямый человек' (СРНГ 3, 282), болг. *бурбонкь* ж. 'плод на черница', *бърбонки* мн. 'прыщи, пухляки от укуса насекомых' (БД V, 246, 63) и др.;

**Vьrbунь*, **Vьrbунь*: русск. *барбун, барбуня, барабуня* 'рыба *Mullus barbatus*', болг. диал. *бърбун* 'рыба с красной золотистой луспой' (БД V, 225). Названия рыбы рассматривается как заимствования либо из турецкого, в котором имеется *barbunja*, либо из итал. *barbone* 'Mullus barbatus' (см. Фасмер I, 125).

Производные с опором *r* в суффиксах:

**Vьrbarь*, **Vьrbara*, **Vьrbarь*: бел. *Барбарыч* (Жлобинский район Гомельской области, запись наша), серб. *Барбара* (РСА I, 302), др.-чеш. *Barbara* (Gebauer I, 26), польск. *Barbara, Barbaras, Barbarasz, Barbarczyk, Barbarczuk, Barbarka, Barbaro, Barbarz, Birbarz, Borbarowska* (SN I, 171, 311, 428) – антропонимы, к которым примыкает *Brabarczyk* (SN I, 460), отражающий метатезу *ar > ra*, и др.

Указанные архетипы отражены и другими типами онимов: бел. *Барбары* в Речицком, *Барбароў* в Мозырском районах Гомельской (РапГом 27), *Барбарова* ср. (*Барборово*) в Глусском районе Могилевской (РапМаг 25), *Барбáрычы* в Гродненском районе Гродненской (РапГр 31), *Барбарова* ср. (*Барборово*) в Молодечненском районе Минской (РапМн 30) областей – ойконимы, укр. *Барбáра* – л. п. Гричковой на левобережье Западного Буга (МаштДБ 7; СГУ 34), *Барбара* – л. п. Осиковой на левобережье Самары в системе левобережной Днепра (СГУ 34), *Барбарова Лоза* – микротопоним (урочище) возле села Хорохотии Луцкого района, *Барбарівка* – микротопоним (поле), *Барбарівка* – часть села Павловка Иваничевского района Волини (СММ 29), др.-макед. *Barbaras* – селение в Поречье, близ которого течет *Barbaraška reka* – п. п. Трески в бассейне Вардара (Споменици I, 131; Duridanov 64), западнослав. *Barbarka* – приток Мысли на правобережье Одры (НО 237), *Barbara, Barbary* – притоки Иловницы на правобережье Вислы в её верховье, *Barbara, Barbarka* – притоки Ославицы, *Barbara* – приток Млечки в бассейне Вислока (HW 5, 191, 264) и др., от которых неотделимо *Барбарос* – селение в регионе Текирдага на северо-западе Турции (см. карту Б-2).

Для исследуемых архетипов обнаруживается солидная апеллятивная поддержка: ст.-бел. *барбара* ‘толстая веревка, канат’, ‘приспособление у катов, мучителей’, *барбарь* ‘тиран’ (ГСБМ 1, 193), бел. диал. *барбара* ‘толстый канат из *вітак* с заостренной палкой на конце для торможения плота’ (Янкова 86), *барбара* ‘веревка из больших прутьев для привязи плота к берегу во время стоянки’, ‘кол у плотогонов’ (НС 250), укр. диал. *барбара* ‘нагайка’, *барбара* устар. ‘линва на пороме’, польск. *barbara* ‘длинный, толстый канат’, ‘деревянный крюк для подвешивания котла над огнем’ и др. Как видим, апеллятивная лексика обслуживает самые трудоемкие, сложные сферы хозяйственной деятельности человека. В Приазовье было известно понятие *Барбарский корабль* – военный корабль, строился длиной от 124 до 106 футов, шириной от 24 до 33 футов; имел одну закрытую батарею в 44–36 орудий, две мачты с прямыми парусами, 3-ю – с косыми (ЭС III, 44). Кроме этого, основа *барбар-* нашла отражение в названии кустарника *барбарис*, корни, кора и листья которого используются для препаратов в качестве кровоостанавливающих, гипотензивных и желчегонных средств.

Поскольку этимологическое гнездо **bъrb-* > **Vъrb-* пропущено славянскими этимологами, некоторые единицы выхваченные из его системы, производят впечатления заимствований: укр. *барбара* – «возможно, идетесь про якесь запозичення (з нім. *Bandfahre* ‘паром на линві?’)» (ЕСУМ 1, 140);

**Vъrberъ, *Vъrbera, *Vъrberъ*: болг. *Бербѐров*, польск. *Barber, Barbera, Barberowicz, Barbier, Barbierik, Barbiernik, Barbiero, Berber, Berberich, Berberiusz, Berberz* (SN I, 172, 249) – антропонимы, от которых неотделимо *Broberkowska* (SN I, 486) – фонетическое производное от *Borberkowska* ‘Из иных собственных имен ср. бел. *Барбэраўка* в Стародорожском районе Минской области (РапМн 30) – ойконим, укр. *Берберка* – л. п. Боржавы на правобережье Тисы в системе левобережного Дуная (СГУ 39), болг. *Бербѐрица* – микротопоним около города Панагюрище (Заимов 20, 73) и др.;

**Vъrborъ, *Vъrbora*: серб. *Бѣбор, Бѣбора* (РСА I, 132), др.-чеш. *Barbora, Barborka* (Gebauer I, 26), польск. *Barborak, Barborka, Barbora* (SN I, 172), к которым присоединяются *Brebor, Breborowicz* (SN I, 475), свидетельствующие о дOMETATEЗНЫХ *Berbor, Berborowicz*, и др.;

**Vъrburъ, *Vъrbura*: русск. *Барбурь* (Морошкин 8), болг. *Барбур*, польск. *Barbura, Barburka, Barburski, Barburzyński* (SN I, 172) – антропонимы.

**Vъrbyrъ*: серб. *Барбир*, польск. *Birbirenko* (SN I, 334) – антропонимы.

Производные с опорным *s* в суффиксах:

**Barbasъ*: ст.-русск. *Бирбас* (Веселовский 39), польск. *Barbas, Barbasiewicz, Verbas, Borbas, Burbas* (SN I, 172, 249, 428, 569; RospSNŚ I, 23) – антропонимы, укр. *Барбасов* – населенный пункт в верховье реки Кальмиус, впадающей в Азовское море, *Барбасов* – микротопоним (курган) в этом же регионе, *Барбасівка* – п. п. Кальмиуса – отойконимное производное (СГУ 34) и др. Из апеллятивов следует назвать русск. диал. *барбасон* ‘толстый человек’ (ССГ I, 125) и др.;

**Vъrbosъ*: русск. *барбос*, бел. *барбос* ‘собака, гончая собака’ – слово без этимологии, ст.-бел. «пань *Барбоса*» (1501 г.; АЮЗР, с.411), серб., хорв. *брбосати* ‘всхлипывать’, иллир. *Варβύσης* –

**Vrbusъ*: польск. *Barbus, Barbusiński, Byrbus* (SN I, 172, 597) – антропонимы, бел. *Барбусіна* – микротопоним (сеножать) возле селения Альпень в Туровском районе (ТС 5, 375) и др.

Производные с опорным *t* в суффиксах:

**Vrbatъ, Vrbata*: серб. *Брбатовић* (РСА I, 129), польск. *Bierbat* (SN I, 311) – антропонимы, *Барбата* – город на берегу Кадисского залива Средиземного моря в Испании;

**Vrbetъ*: польск. *Barbet, Burbeto* (SN I, 172, 569) – антропонимы;

**Vrbotъ*: бел. *Барботка, Барботкин* (в селении Филипповичи Рогачевского района, запись наша), *Борботко, Борботько* (село Красная Буда Рогачевского района, запись наша), серб. *Брбот, Бботинац* (РСА I, 132), польск. *Vorbotko* (SN I, 428) – антропонимы;

**Vrbutъ, Vrbotъ*: болг. *Барбутов, Барбутски* (Илчев 64), польск. *Burbutowski* (SN I, 569) – антропонимы, бел. *Борбут* (селение болг. *барбу̀т* – музыкальный инструмент).

Адъективы от **Vrbъ, Vrba, Vrbo*:

**Vrbavъ(-a,-o)*: польск. *Barbawska, Bierbau, Vrabawska* (SN I, 172, 311, 460) – антропонимы, последний из которых отражает метатезу *ap > pa*, и др.;

**Vrbinvъ(-a,-o)*: ст.-русс. *Бибрин* (Тупиков 478) < *Бирбин* < *Бырбинъ*, болг. *Барбин* (Илчев 64), польск. *Barbiński* – антропонимы, бел. *Бурбин* – населенный пункт в Сенненском районе Витебской области (РапВіц 62), *Бурбино* – озеро в бассейне реки Шевинки на правом берегу Западной Двины (БКБ 77), русск. *Барбино* в Вельегонском у. Тверской (Твер. 84), *Барбино* в Рыбинском у. Ярославской (Яросл. 269), *Барбино* в Курском у. Курской (Курск. 19), *Баробинка* – речка в Медынском у. Калужской губ. (Калуж. 97) < *Барбинка/Борбинка*, в котором развился секундарный гласный, укр. *Борбино* в Дубенском у. Волынской (ЭСХ, 211), *Бурбин* в Прилукском, *Бурбино* в Хорольском уу. Полтавской (Полт. 204, 218) губерний – ойконимы, *Борбинський* – микротопоним (лес) возле села *Борбин* в Луцком районе Волыни (СММ 63), польск. *Barbine (woda)* – приток Варты (НО 232) и др.;

**Vrbovъ(-a,-o)*: болг. *Барбов* (Илчев 64), польск. *Burbow, Burbowiecka, Burbowska* (SN I, 569) и их метатезные варианты *Vrabowski, Vrobowicka* (SN I, 486) – антропонимы, укр. *Барбово* – селение в Мукачевском районе Закарпатской области (2, с. 19), *Бурбівське* – микротопоним (поле) села Нехвороша Володимиро-Волынского района Волынской области (СММ 75), *Брабова* – ойконим на правом берегу реки Бербью – п. п. Жиу в области Крайова (см. карту Румынии, Д-5), отражающий метатезу *ap > pa*, и др.

В статье представлены наименования гнезда **Vrb-* > **Vrb-* – ценный вклад в праславянский фонд лексики. Генетическое их истолкование дает возможность утверждать, что исходное **Vrb-*, вокалически развернувшееся в *Барб-*, *Бэрб-* > *Берб-*, *Борб-*, *Бурб-*, *Бырб-* > *Бирб-*, имеет автономный статус, равный остальным детерминативным ветвям и.-е. **bher-*, является исконным, а не заимствованным как полагают большинство славянских этимологов. Греч. *Βάρβαρος* ‘не грек, чужеземец’, *Βαρβαρος* ‘не греческая страна’, *Βαρβαρικών* ‘мир барбаров – негреческий, чужеземный’, *Βαρβαροφάνος* ‘говорящий на негреческом, чужеземном языке’ не насыщались еще в период знакомства греков со славянским населением Причерноморья той негативной семантикой, которая пропагандируется в наше время и могла возникнуть в более позднее время, возможно, византийское, поскольку восточное славянство продолжительное время упиралось против принятия христианства, либо в тот период, когда наши великие предки отправляли все империи – греческую, персидскую, римскую – въ сво я си.

Литература

1. Шеворошкин, В.В. Малоазийские языковые параллели / В.В. Шеворошкин // Этимология. – М. : Наука, 1965. – С. 142–159.
2. Худаш, М. Українські карпатські і прикарпатські назви населених пунктів / М. Худаш. – Львов, 2004. – 534 с.

Сімволіка фразеалагізмаў з кампанентам *шапка* ў беларускай мове

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

На матэрыяле фразеалагічных адзінак беларускай мовы з кампанентам *шапка* выяўляюцца ўласцівыя ім сімвальныя прачытання, характэрныя культурныя канатацыі праз вобразы, унутраную форму, адбор слоў-кампанентаў пры іх утварэнні і перадачу ўстойлівага, рэгулярнага каштоўнаснага зместу культуры народа, яе катэгорый і сэнсаў. Устанаўліваецца ўзаемадзеянне мовы і культуры народа праз абраныя фразеалагічныя адзінкі, што часткова рэпрэзентуюць канцэпт «адзенне–абутак» як адзін са складнікаў фразеалагічнай карціны свету беларусаў у дыяпазоне культурна-нацыянальнай самасвядомасці і яго фразеалагічнай рэпрэзентацыі.

Ключавыя словы: канцэпт, фразеалагізм, кампанент, шапка, культурная інфармацыя, сімвал, эталон, стэрэатып.

In the article on the material of Belarusian phraseological units with the component *hat* the inherent symbolic meanings, characteristic cultural connotations are revealed through images, inner form and selection of word-components at their formation and transmission of a stable, regular, evaluative people's content of culture, its categories and meanings. The interaction between the language and national culture is established through the selected phraseological units, which partially represent the concept «clothes – footwear» as one of the components of phraseological world view of Belarusians in the range of cultural and national self-awareness and its phraseological representation.

Keywords: concept, phraseological unit, component *hat*, dress code of culture, cultural information, symbol, standart, stereotype.

Канец ХХ – пачатак ХХІ стст. характарызуецца бурным росквітам кагніталогіі як элітнай лінгвістычнай дысцыпліны, у межах якой была сфарміравана кагнітыўная фразеалогія. Увага кагнітыўнай фразеалогіі скіравана на вызначэнне ў фразеалагічнай падсістэме мовы неаддзельнай часткі экстралінгвістычнай рэальнасці, на пошук культуралагічнай інфармацыі. Як вядома, фразеалагічны склад кожнай мовы прадстаўляе сабой найбольш самабытную яе частку, а яе адзінкі – фразеалагізмы (выкарыстоўваецца вузкае значэнне гэтага тэрміна) – дазваляюць пранікнуць у далёкае мінулае не толькі мовы, але гісторыі і культуры іх стваральнікаў і носьбітаў, спазнаць перададзены ад пакалення да пакалення і захаваны ў іх вопыт пэўнай лінгвакультурнай супольнасці.

Даследчыкаў трыяды «мова – культура – этнас» цікавяць светапоглядныя (воля, лёс, закон), рэлігійныя (бог, вера, душа, грэх), аксіялагічныя (сваё-чужое, дабро-зло, працагультайства) паняцці, якія адлюстраваны ў фразеалогіі і якія вызначаюцца спецыфічнасцю і культурнай маркіраванасцю. Але і звычайныя бытавыя прадметы ўтрымліваюць культурны складнік, у чым можна пераканацца пры вывучэнні фразеалагічных адзінак (ФА) з кампанентам *шапка*, што тлумачыцца выключнай старажытнасцю, устойлівасцю і шырокай распаўсюджанасцю такога віду галаўнога ўбору, дзякуючы чаму ФА «ўтойваюць» факты матэрыяльнай, духоўнай культуры, светапогляду беларусаў на пэўных этапах іх гісторыі.

Мэта артыкула – выявіць культурную інфармацыю ў канататыўным аспекце значэння ФА з кампанентам *шапка*, крыніцай якіх сталі фразеалагічныя слоўнікі беларускай літаратурнай і дыялектнай мовы (гл. *Спіс крыніц і іх скарачэнняў*), вызначыць створаныя з гэтым кампанентам вобразы, паколькі менавіта вобраз ФА «становіцца тым своеасаблівым правадніком культуры, дзякуючы якому ажыццяўляецца ўзаемапранікненне дзвюх семіятычных сістэм – культуры і мовы» [1, с. 280], і выявіць сімволіку ФА.

Метадам суцэльнай выбаркі выяўлена 34 ФА, кампанентамі якіх з'яўляюцца розныя найменні галаўных убораў – *берэт, каўпак, карона, шапка*, з якіх 28 ФА складаюць ФА з кампанентам *шапка*, а астатнія зафіксаваны ў адзінкавых ФА. Паводле заўвагі Д.К. Зяленіна, «мужчынскія галаўныя ўборы ўсходніх славян вельмі разнастайныя па форме, па матэрыялу і асабліва па назвах, сярод якіх пераважаюць іншамоўныя» [2, с. 251]. Відавочна, іншамоўнае

паходжанне лексем для абазначэння галаўных убораў мужчын тлумачыць абмежаванасць іх пры ўтварэнні вобразаў ФА. А назоўнік *шапка*, які адны лічаць запазычаным ад фр. *chape (chapeau)* (А. Бернекер), другія выказваюць меркаванне аб запазычанні ў рускую мову праз польскае *czapka* (М. Фасмер), як найменне галаўнога ўбору стала самым пашыраным галаўным уборам і, як вынік гэтага, стала асновай пры ўтварэнні вобразаў ФА. Але пры гэтым цікава, што «схавана», крыецца за гэтай дэтальлю касцюмна-рэчавага кода культуры беларусаў, чаму шапка скарыстана ў якасці асновы стварэння з ім вобразаў шматлікіх ФА. І адказ крыецца ў крытэрыях адбору лексем як кампанентаў ФА: лексемы становяцца кампанентамі і цэнтрам вобразаў ФА з прычыны таго, што ў фразеалогіі адлюстроўваецца найбольш важнае, каштоўнае з пункту гледжання ацэнкі; словамі-кампанентамі становяцца толькі тыя, што «ўваходзяць у інфармацыйнае поле лінгвакультурнага канцэпту», ці тыя, што «з'яўляюцца назвамі гэтых канцэптаў» [3, с. 119].

Можна з упэўненасцю канстатаваць, што актуалізацыя лексемы *шапка* як складніка і асновы стварэння вобразаў ФА абавязана ўжыванню гэтай лексемы з прычыны яе выкарыстання ў якасці наймення пэўных сімвалаў, бо для ўсіх ФА з гэтым кампанентам ўласціва агульная метафара «шапка», якая ўжываецца для апісання розных з'яў на аснове семантычных прыкмет, што ўласцівы гэтаму віду галаўнога ўбору чалавека, прыпісаныя яму ва ўяўленні чалавека і могуць паводле пэўнай сваёй якасці ці ўласцівасці прыпадабняцца.

Так, вобраз адной з дзеяслоўных ФА, якіх сярод выдзеленай групы ФА амаль 2/3 ад усіх, створаны на аснове жэставай сімвалізацыі вітання, прынятага паміж мужчынамі альбо на аснове выпрацаванага рытуала здымаць шапку пры ўваходзе ў храм, у дом, за сталом, на пахаванні, пры сустрэчы з пахавальнай працэсіяй і інш. Гэта стала зыходным для метафарызацыі выразу *здымаць / знімаць шапку* і ўтварэння ФА – ‘адносіцца да каго, чаго-н. з глыбокай павагай’ (Л1-2008: 495), дзе здыманне шапкі пры сустрэчы – ці рытуальнае дзеянне чалавека з галаўным уборам у пэўных абставінах прыпадабняецца да выражэння павагі, пашаны. Гэтая ФА праз дзеяслоўны кампанент суадносіцца з антропным кодам культуры – дзеянне выконвае чалавек, а праз кампанент *шапка*, як і ўсе астатнія ФА гэтай групы, – з касцюмна-рэчавым. ФА *здымаць / знімаць шапку* перадае стэрэатыпнае ўяўленне аб пачуцці глыбокай павагі, уважлівых адносін аднаго чалавека да другога.

А вось усведамленне шапкі як наймення яшчэ аднаго сімвала – сімвала абароны чалавека – абрана пры ўтварэнні на аснове метаніміі, дакладней, сінекдахі, калі частка – шапка замяняе цэлае – чалавека, антанімічнай да папярэдняй паводле значэння ФА *шапкі не здымаць* перад кім ‘быць незалежным, самастойным, не ўгоднічаць, не падхалімнічаць перад кім’ (М-К-1972: 302) і антанімічных ёй ФА *шапку зняць* перад кім ‘уніжацца, падхалімнічаць перад кім, пяткі лізаць каму’ (М-К-1972: 302); *знімаць шапку* ‘паводзіць сябе дагодліва, лісліва’ (Ю-1972: 269); *шапку скланяць* ‘прыніжацца, прыслужваць’ (Ю-1977: 197). У аснову вобразаў ФА пакладзена метафара, паводле якой годнасць, раўнапраўе (*шапкі не здымаць*) альбо, наадварот, прыніжэнне, залежнасць, падхалімства аднаго чалавека перад другім (*шапку зняць, знімаць шапку, шапку скланяць*) прыпадабняецца да нездымання ці здымання шапкі. У першым выпадку шапка, якую не здымаюць, – гэта паказчык абароны і незалежнасці, аховы і раўнапраўя з іншымі. А ў вобразах ФА *шапку зняць, знімаць шапку, шапку скланяць* такі рытуальны жэст з шапкай, як выражэнне павагі, пашаны не адпавядае сапраўднасці і служыць толькі прыкрыццём няшчырасці і карыслівых мэт выканаўцы такога дзеяння.

Яшчэ адзін аспект культурнай інфармацыі ФА захоўваецца і даводзіць пра тое, што непакрытая галава чалавека ў выніку здымання шапкі «дае таксама магчымасць выкрыць яго ў якіх-небудзь парушэннях, выявіць доказы для яго абвінавачвання» [4 с. 167]. Інакш кажучы, той чалавек, які не здымае шапкі, ні ў чым не вінаваты, не мае заган, а які здымае шапку перад другім – у чымсьці перад ім вінаваты, характарызуецца якойсьці заганай перад ім, а таму ліслівіць, прыніжаецца, здымаючы шапку. І менавіта гэты скрыты факт сімвалікі лексемы *шапка* ляжыць у аснове негатыўнай канатацыі, якую выражаюць ФА *шапку зняць, знімаць шапку, шапку скланяць* і якая выяўляецца пры ўважлівым «прачытанні» культурнай інфармацыі і мэты стварэння вобразаў (параўн. сінанімічныя ФА *віляць хвостом; гнуцца ў дугу; лізаць боты; поўзаць на каленях* і інш., дзе выразна даводзіцца негатыўная ацэнка праз абраныя вобразы-дзеянні для адлюстравання няшчырасці, ліслівасці, угодлівасці).

Да папярэдніх ФА далучаюцца аднаструктурныя ФА *ламаць шапку* ‘ўніжацца, ліслівіць перад кім-н., паддобрывацца пад каго-н.’ (Л1-2008: 634); *ламаць шапку* ‘вітаць, лісліва паддобрываючыся’ (Ю-1974: 71) і *паламаць шапку* ‘неаднаразова і звычайна працяглы час уніжацца, ліслівіць перад кім-н., паддобрывацца пад каго-н.’ (Л2-2008: 167) з дзеяслоўным

кампанентам *ламаць*, які часткова захоўвае адно са сваіх значэнняў – ‘разбураць, знішчаць што-н. аджыўшае, традыцыйнае, прывычнае’ [5, с. 17–18], ці *паламаць* – ‘парушыць, разбурыць (што-н. прывычнае, традыцыйнае)’ [5, с. 625]. У іх відавочная антропная метафара, паводле якой жэставае сімволіка чалавека звязана з выражэннем пакорнасці і сацыяльнай няроўнасці альбо падпарадкаванасці аднаго другому ў пэўным выпадку ці на працягу доўгага часу. Вобразы ФА суадносяцца з архетыпічнай апазіцыяй «верх – ніз»: шапка на галаве → галава – верх чалавека, зняць, ці «ламаць» шапку – схіліць галаву, падпарадкавацца, быць залежным, прыніжаным, не роўным другому, бо пакінуць галаву без абароны-шапкі.

У выніку ўсе ФА, аб’яднаныя значэннем ‘ліслівіць, паддобрывацца, прыніжацца’, перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра няшчырасць, двудушнасць у адносінах паміж людзьмі ці вымушаную пакорнасць аднаго перад другімі, нават ліслінасць з прычыны залежнасці.

Назоўнікавая ФА *ламанне шапак* (Л-1-2008: 633) як вынік унутрыфразеалагічнага працэсу ўтварэння ад дзеяслоўнай ФА *ламаць шапку* служыць для адлюстравання і найперш для выражэння негатыўнай ацэнкі такога «нябачнага» абстрактнага паняцця, як уніжэнне, ліслінасць перад кім-небудзь, паддобрыванне да каго-небудзь.

Дыялектная ФА *нікому ні ў шапку* ‘не прасіць чыйсьці ласкі, не кланяцца нікому’ (Я-1968: 270), як і ФА *шапкі не здымаць*, выступае поўнай супрацьлегласцю папярэднім дзеяслоўным ФА з замацаваным у іх рытуальным дзеяннем здымання / ламавання шапкі. Тут шапка на аснове метаніміі прадстаўляе чалавека, якому другая асоба не кланяецца, ні перад кім не «здымае» шапку, якая выступае ў ролі мяжы паміж сваёй і чужой прасторай, што зададзена спалучэннем кампанентаў *ў шапку* і займеннікам *нікому* (выяўляецца сувязь са старажытнай архетыпічнай супрацьлегласцю «свой – чужы»), «унутраны – знешні»). ФА *нікому ні ў шапку* даводзіць, што адна ці некалькі асоб не лічаць сябе залежнымі, не ліслівыць, не просяць ласкі ў іншых (*нікому*) з прычыны сваёй самастойнасці, незалежнасці ад іх, бо яны роўныя з імі ці такімі сябе лічаць. ФА выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення пра незалежнасць, непадпарадкаванасць, што дае магчымасць быць самімі сабой, не падладжвацца, не падлізвацца, не прасіць дапамогі.

У гэтых адносінах да папярэдняй дзеяслоўнай далучаецца выклічнікавая ФА *дзякуй/ю ў шапку*, якая не называе дзеяння, а служыць для іранічнага выказвання нягоды з чыёй-н. непрымальнай прапановай (Л-1-2008: 381), што выразна выяўляецца ў кантэксце: – *Ды ціха вы, во людзі! Папярэдняць жа калі што... – Дзякуй табе ў шапку. Я лепш сам сябе папярэджу* (У. Карпаў).

Яшчэ адзін вобраз зафіксаваны ў дзеяслоўнай прастамоўнай ФА *даваць па шапцы* ‘выганяць, праганяць каго-н.; звальняць, здымаць з пасады’ (Л-1-2008: 350), якая даводзіць, што адна асоба, якая надзелена правам, уладай, паўнамоцтвамі, вызваляе, здымае з пасады, выганяе з месца працы з мэтай пакараць, правучыць каго-небудзь за яго правіннасць, невыкананне абавязкаў, злачынства ці штосьці няправільнае, нядобрае. У дыялектных ФА *даць па шапцы* (М-К-1972: 72), *даваць па шапкі* (Ю-1972: 168), *палучаць па шапке* (Ю-1974: 225), акрамя значэння ‘выгнаць, прагнаць, зняць з пасады каго’, уласціва яшчэ значэнне ‘набіць, надаваць каму’ (*Ён усюгда сам улезіць куды ні нада, яму і даюць пы шапкі; Ат Лівынят ты часта палучаў пы шапкі*). Тут маецца на ўвазе, што адна асоба ці група асоб, якая мае перавагу, выдзяляецца паўнамоцтвамі, фізічна ўздзейнічае на другую асобу, каб прымусяць яе падпарадкоўвацца, слухацца, бо хоча выправіць яе паводзіны. У фразеалогіі гэта «ударная» мадэль утварэння ФА адна з прадуктыўных, падрабязна апісаная В.М. Макіенкам на матэрыяле ФА рускай і чэшскай моў [6, с. 56–68]. У нашым выпадку яна вызначаецца кампанентам *шапка* як віду галаўнога ўбору, які на аснове метаніміі (шапка – частка, ці тое месца, на якім яе носіць асоба, – чалавек) з’яўляецца месцам нанясення ўдару (параўн. бел. ФА *даць па зубах; даць па карку; даць па шыі* і інш.). Зразумела, што ўсе ФА, утвораныя па мадэлі ‘*даць / даваць + па + шапка*’, узыходзяць да архетыпічнай апазіцыі «верх – ніз», «свой – чужы», «знешні – унутраны». Праз дзеяслоўны кампанент ФА суадносяцца з антропнымі кодам культуры, дзякуючы чаму праз названае дзеянне ўяўляецца чалавек, яго паводзіны, становішча ў адносінах да другога: той, хто рэгулюе, хто карае, падпарадкоўвае (*даць / даваць*), ці той, хто атрымлівае пакаранне (*палучаць*); праз словаспалучэнне *па шапцы* – з прасторавым кодам як указальнікам месца дзеяння, мяжы прасторы дзеяння, а праз кампанент *шапку* – з касцюмна-рэчавым кодам культуры. Метафара «шапка» выяўляе такую семантычную прыкмету, прыпісаную шапцы, як ‘ахова, абарона’. Справа ў тым, што чалавек у шапцы – гэта не толькі роўня другому, такі ж, як і іншы, на што ўказвае пакрытая шапкай галава, але яшчэ і абаронены ад другога ці іншых, што і

мяркуе мяжу паміж «сваім» і «чужым», паміж унутранай прасторай і знешняй. Шапка на галаве абараняе чалавека, служыць мяжой і «пасрэднікам» удару: галава сімвалізуе розум, інтэлект чалавека, гэта яго галоўная частка, верх, а ўдар па шапцы – гэта на аснове метафарычнага пераасэнсавання ўказанне на дзеянне, якое даводзіцца да розуму для ўспрымання і ўсведамлення чалавеку, якому даюць па шапцы (у адрозненне ад ФА *даць па зубах; даць па карку; даць па шыі*). ФА *даць па шапцы* – метафарычна даць звесткі галаве як унушэнне чалавеку, давядзенне да яго свядомасці аб яго учынках, паводзінах з мэтай задумацца, асэнсаваць тое, што ён робіць, каб спыніць так сябе паводзіць, і вобраз ФА *даваць / даць па шапцы* перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра пакаранне з мэтай правучыць, прывесці да розуму, а дыялектная ФА *палучаць па шапке* – стэрэатып пра расплату, пакаранне за парушэнне.

Шапка з яе сімволікай верху паводле ўспрымання чалавека па вертыкалі ўзята ў аснову ўтварэння яшчэ некалькіх ФА. Так, ФА *кіем / палкаю шапкі не дастаць* ‘не даступіцца (пра непрыступнага)’ (Ю-1974: 42) служыць для выказвання іроніі пра асобу, што вызначаецца сваёй непрыступнасцю з прычыны ганарыстасці, пагардлівасці да другіх, фанабэрлівасці. Мадэль утварэння ФА не новая ў беларускай фразеалогіі: параўн. ФА *крукам / кіем / аршынам / сажнем носа не дастаць*, дзе назіраецца адрозненне ў выбары аб’екта дзеяння – носа. На аснове выкарыстанай метафары «шапка», той семантычнай прыкметы, што прыпісана ва ўяўленні чалавека шапцы як ‘верху; мяжы верху чалавека’, абраны кампанент служыць арыенцірам у арганізацыі прасторы («свая – чужая», «унутраная – знешняя») і ў яе размяшчэнні па вертыкалі («верх – ніз») і можа замяняць на аснове метаніміі чалавека. У аснове вобраза ФА *кіем / палкаю шапкі не дастаць* ляжыць антропная метафара, паводле якой адасобленасць асобы, непадступнасць да яе з боку іншых прыпадабняецца да безвыніковага дзеяння чалавека, які не можа дастаць да шапкі на галаве другой асобы такім «сродкам» дзеяння, як палка ці кій. Варыянтныя кампаненты *кіем* ці *палкай* – гэта яшчэ адно сведчанне непавагі да асобы пры стварэнні вобраза ФА, той адмоўнай ацэнкі фанабэрлівасці, пагардлівасці каго-небудзь да іншых. Увогуле, ФА *кіем / палкаю шапкі не дастаць* перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра ганарліўца, непрыступнага, некамунікабельнага чалавека.

Адваротная семантыка характэрна дыялектнай ФА *шапку збіць* ‘перастаць паводзіць сябе высакамерна, ганарліва’ (Д-2000: 206), дзе сама асоба, што вяла сябе ганарліва і высакамерна, перастае так паводзіць сябе ў выніку пэўных прычын, што прыпадабняецца да збівання шапкі без указання сродку дасягнення дзеяння.

Той жа сімвал – ‘верх; мяжа верху чалавека’, што замацаваны за шапкай і апасродкавана скарыстаны ў папярэдніх ФА, стаў асновай вобраза пры ўтварэнні ФА *аршын з шапкай* ‘вельмі малы, невысокі, нізкарослы’ (Л1-2008: 91). Тут праз спалучэнне назоўнікавых кампанентаў *аршын* і *шапка* з прыназоўнікам з, што азначае ‘разам, усяго’, выяўляецца суаднесенасць ФА з прасторавым кодам культуры, дакладней, вертыкалі яе арганізацыі адносна росту чалавека. Калі ўзгадаем, што аршын як старая мера даўжыні – гэта 71,12 см, то становіцца зразумелым, што чалавек малы, нізкарослы. ФА абавязана выкарыстанню прыёму літоты, ці значнага змяншэння памеру росту, а ў выніку ФА *аршын з шапкай* набыла ролю эталона, той меры для іранічнай характарыстыкі невысокага, малога ростам чалавека.

А вось для вызначэння высокага дрэва ці лесу, у адрозненне ад характарыстыкі чалавека нізкага росту, створана ФА *шапка валицца* ‘вельмі высокі, выгоністы. Пра дрэва, лес’ (Л2-2008: 665), дзе абрана вобразнае вымярэнне адносна яго ўспрымання чалавекам: вышыня дрэва настолькі высокая, што калі чалавек падымае галаву і глядзіць на вяршыню дрэва, то ў яго шапка звальваецца з галавы. Такім прыблізным сродкам вымярэння вышыні і асабліва для выражэння кваліфікацыйнай семы ‘вельмі’ абрана сітуацыя з шапкай, якая выступае ў сваім прамым назначэнні – галаўны ўбор, які завяршае верх чалавека паводле вертыкалі і проціпастаўлення «верх – ніз». ФА *шапка валицца* служыць для перадачы стэрэатыпнага ўяўлення аб выключнасці вышыні дрэва ці лесу адносна вышыні чалавека.

Шапка як завяршальная частка, мяжа прасторы чалавека па вертыкалі ў выніку метаніміі выступае як апазнавальны вобразны знак чалавека паводле яго пэўных асаблівасцей і іх ацэнкі яшчэ ў трох дыялектных ФА. У аснове вобраза ФА *шапка на галаве гарыць* ў каго ‘хто-н. непаседлівы, рухавы, увішны’ (Д-2000: 206) ляжыць, з аднаго боку, метанімія (шапка – частка, яна замяняе цэлае – чалавека), з другога, метафара, паводле якой чалавек з неспакойным характарам, надзвычай рухавы прыпадабняецца да чалавека, на якім

гарыць шапка (параўн. *скура /шкура гарыць /гарэла* ‘хто-н. залішне рухавы, неспакойны, няўрымслівы’ (Л-2008-2: 407); *шкура гарыць* ‘ад збытку сілы, энергіі дурэе, перашкаджае дарослым, свавольнічае хто’ (М-К-1972: 303); *шкура горыць* ‘кручаны, непаседлівы’ (П-2008: 65); <аж> *скура /шкура гарыць /гіжыць* 1) ‘хто-н. вельмі рухавы, няўрымслівы, спрытны, бойкі’; 2) ‘хто-н. адчувае вялікае напружанне ад вельмі клопатных спраў, працы, інтэнсіўных дзеянняў і пад.’ (Д-2000: 24). І ФА *шапка на галаве гарыць* у народным уяўленні набыла ролю эталона ці стэрэатыпа рухавага і ўвішнага чалавека.

А вось ФА *шапка на галаве расце* і *шапка расце* ‘каму-н. становіцца вельмі страшна’ (Д-2000: 206) характарызуюць, па-першае, эмацыянальны стан страху мужчын (параўн. ФА *валасы становяцца дыбам*, што перадае гэты стан незалежна ад полу чалавека); па-другое, суадносяцца з метафарай «шапка» для наймення валасоў на галаве (*шапка валасоў*). Маецца на ўвазе, што валасы ад страху падымаюцца. Як бачым, шапка становіцца настолькі значнай у завяршэнні выгляду чалавека, што атаясамліваецца з самім чалавекам, яго ўсведамленнем (шапка на галаве) і служыць для вобразнай перадачы ўяўлення пра страх, што з нябачнага становіцца бачным. ФА *шапка на галаве расце* і *шапка расце* выступаюць у ролі эталонаў перадачы адчування чалавекам страху і яго вымярэння.

Яшчэ адна семантычная прыкмета метафары «шапка» – ‘завяршэнне, канец чаго-небудзь’ – паслужыла асновай для ўтварэння вобразаў прыслоўных ФА *на разбор шапак; на шапачны разбор* (Л-2-2008: 297); *к шапачнаму разбору* ‘пад самы канец чаго-н., з вялікім спазненнем’ (Л-2-2008: 298); *на /над шапачны разбор* ‘у самым канцы размеркавання’ (Ю-1974: 127). Вобразы названых ФА ўзыходзяць да старажытных архетыпічных апазіцый «пачатак – канец», «рана – позна», што звязана з адзначаным ужо рытуалам, няпісаным правілам пры ўваходзе ў храм, у будынак здымаць мужчынам шапкі, а пасля завяршэння на выхадзе адзяваць іх, і такі момант, калі ўсе апранаюцца і разбіраюць свае шапкі, называецца разбор шапак. У аснове вобразаў гэтых ФА ляжыць метафара, паводле якой завяршэнне, канец чаго-небудзь альбо з’яўленне чалавека куды-небудзь з вялікім спазненнем прыпадабняецца да часу, моманту разбору шапак. Усе ФА суадносяцца з часавым і антропна-дзейнасным кодам культуры праз спалучэнні *к разбору, на разбор, на /над разбор* і выступаюць у ролі стэрэатыпага ўяўлення пра спазненне куды-небудзь, прыход, з’яўлення каго-небудзь на самы канец ці ў завяршальны этап.

Адрозны сімвал і семантычную прыкмету метафары «шапка» даводзяць ФА *шапка Манамаха*, за якой замацаваны два значэнні – ‘галаўны ўбор як сімвал царскай улады’ і ‘адзінае, паўнаўладнае кіраўніцтва дзяржавай’ (Л-2-2008: 665), і *надзець /прымерыць шапку Манамаха* ‘стаць адзіным, паўнапраўным кіраўніком дзяржавы’ (Л-2-2008: 74). Першая ФА, несумненна, запазычана з рускай мовы, пра што сведчыць і яе ўжыванне, як правіла, у творах на гістарычную тэму пра самазванцаў на царскую ўладу ці захоп улады, імкненне да адзінапраўлення, як, напрыклад, у наступных ілюстрацыях: *Хто б мог падумаць, акрамя хіба самога авантурыста Глінскага, што ён, хоць і не ў шапцы Манамаха, а ўсё ж пакірае Масковіяй пры малалетнім цару. Глінскі рупіўся пра такую блізкую зараз шапку манамаха* (А. Петрашкевіч).

Метафарычны вобраз ФА *шапка Манамаха* пралівае святло і раскрывае сэнс другой – ФА *надзець /прымерыць шапку Манамаха* як адзінкі для абазначэння прыходу да ўлады дзяржавы адной асобы ці жадання стаць такім адзіным кіраўніком, параўн.: *Патаемнай жа марай Жыгімонта было самому надзець тую клятую шапку Манамаха* (А. Петрашкевіч); *Хто ведае, можа, і здзейсніцца ягоная даўняя мара – прымерыць шапку Манамах*. (ЛіМ).

Шапка, надзеленая сімволікай ‘улада, кіраўнік’, па-новаму асэнсавана ў ФА *не па сеньку /хомку /юрку шапка* ‘зусім немагчыма, вельмі цяжка (рабіць што-н.)’ (Л-2-2008: 665), якая падразумявае, што каму-небудзь не па сіле, не хапае здольнасці выканаць пэўную работу, быць кіраўніком (параўн. руск. ФА *по сеньке шапка* ‘хтосьці атрымлівае тое, што заслугоўвае’). У аснове метафарычнага вобраза беларускай ФА ляжыць прыпадабненне неадпаведнасці, немагчымасці выканаць, зрабіць што-небудзь да неадпаведнасці паводле памераў шапкі да галавы асобы, што абазначана ўласным імем, тым самым як бы ствараючы ўяўны, больш канткрэтны вобраз. І ФА *не па сеньку /хомку /юрку шапка* выступае эталонам пра неадпаведнасць здольнасцей чалавеку абраным дзеянням, пасадзе і пад.

ФА *закідаць шапкамі* ‘лёгка і хутка перамагчы’ (Л-1-2008: 448), якая ўжываецца для іранічнага выказвання пра любую перамогу, што не патрабуе сіл, энергіі ці інш., мае розныя тлумачэнні паводле яе этымалогіі. Так, яе звязваюць з актывізацыяй выраза і яго іранічнага адцення «ў перыяд руска-японскай вайны (1904–1905); у пачатку вайны чарнасоценна-нацыяналістычная прэса пацяшалася над японскімі войскамі, завяраючы народ, што руская армія лёгка адолее ворага. Аднак непадрыхтаванасць Расіі да вайны і няздольнасць ваенна кіраўніцтва прывялі да паражэння, і тады зварот зрабіўся іранічным азначэннем недарэчнай саманадзейнасці і бравяды рускага ўра-патрыятызму». Альбо маеца меркаванне рускіх даследчыкаў, што «кідаць шапку было на Русі свайго роду нацыянальным звычаем для выражэння і злосці, і разудалай весялосці (напрыклад, перад тым, як пусціцца ў пляс)», і аб сувязі фразеалагізма з «перагаворамі перад кулачным боем, калі праціўнікі стараліся раззадорыць адзін другога», і з «відазмяненнем выразу *закідаць шайкамі* (што рабілася ў банях пад час ўзнікнення там бойкі)» [7, с. 763–764].

З пункту гледжання лінгвакультуралагічнага аналізу, які з’яўляецца асноўным у нашым даследаванні, важна выдзеліць тую культурную інфармацыю, што ўтрымлівае гэты выраз. У аснове вобраза ФА ляжыць антропная метафара, паводле якой перамагчы каго-небудзь у чым-небудзь прыпадабняецца да закідвання шапкамі, г.зн. атрымаць лёгкую і хуткую перамогу, не прыкладваючы вялікіх намаганняў. Праз кампанент *шапкамі* на аснове сінекдахі (шапка як галаўны ўбор чалавека – сам чалавек, форма мн. ліку *шапкамі* – многа людзей) даводзіцца, што тут дзейнічае не адзін чалавек, а мноства, калектыў. ФА *закідаць шапкамі* перадае стэрэатып паводзін, дзеянняў калектыву, згуртавання людзей для перамогі. А назоўнікавая ФА *закіданне шапкамі* – ‘лёгкая і хуткая перамога каго-н.’ (Л-1-2008: 447) як вытворная ад дзеяслоўнай служыць для характарыстыкі і іранічнага адцення ацэнкі такой з’явы, як лёгкая і хуткая перамога над кім-ці чым-небудзь, што асабліва падкрэслівае негатыў адносна лёгкасці.

Для выказвання неадабрэння і нават асуджэння бяздзейнасці чалавека служыць ФА *спаць /драмаць у шапку* ‘не праяўляць рухавасці, энергічнасці, бяздзейнічаць, пасіўнічаць’ (Л-2-2008: 431), ‘бяздзейнічаць, не праяўляць руплівасці, быць абыякавым да чаго, калі трэба неадкладна дзейнічаць’ (М-К-1972: 245). Выбар кампанента *шапку* для вобразнага абазначэння абстрактнага паняцця і яго негатыўнай ацэнкі даводзіць, што ў аснове вобраза ФА ляжыць антропная метафара, паводле якой абыякавасць, пасіўнасць, бяздзейнасць чалавека прыпадабняецца да стану сну, што асацыятыўна ўспрымаецца як бяздзейнічаць (*спаць* – перан. ‘быць пасіўным; бяздзейнічаць’) [8, с. 255], і як не праяўляць актыўнасці. Праз спалучэнне ў *шапку* (форма М. скл.) вобраз ФА суадносіцца з прасторавым і касцюмна-рэчавым кодамі культуры, паколькі выкарыстаная метафара «шапка» ілюструе такую семантычную прыкмету, як ‘адасобленасць, закрытасць’.

І яшчэ адна рыфмаваная дзеяслоўная ФА – гэта *шапку ў ахапку*, што ўтворана шляхам паўтору гукавых комплексаў двух назоўнікаў, якія характарызуюцца фразеалагічнай экспрэсіўнасцю, і абазначае ‘схапіць з сабой свае манаткі’ (Л-2-2008: 666), што вышчае са спалучэння слоў, дзе *ахапак* – ‘такая колькасць чаго-н., якую можна панесці, абхапіўшы дзвюма рукамі; абярэмак’ [9, с. 307], а кампанент *шапку* сімвальна абазначае сваё, уласнае ў адрозненне ад чужога («свой – чужы» і «маё – чужое»). Вобраз ФА суадносіцца з прасторавым (на што ўказвае форма В скл. назоўніка з прыназоўнікам ў *ахапку*) і праз кампанент *шапку* – з касцюмна-рэчавым кодамі культуры. ФА набыла ролю і выступае эталонам хуткага, імклівага знікнення са сваімі рэчамі.

Такім чынам, выдзяленне ФА з кампанентам *шапка* абумоўлена найперш частотнасцю ўжывання гэтага кампанента ў беларускай фразеалогіі (амаль тры дзясяткі), у параўнанні з *берэт, карона і каўпак*, што адзначаны ў адзінкавых ФА. А гэта яшчэ адно сведчанне пра адбор кампанентаў пры ўтварэнні фразеалагізмаў як другасных аднак кожнай мовы з мэтай не столькі наймення, колькі ацэнкі, характарыстыкі, выражэння правілаў арганізацыі жыцця кожнага народа і кожнага яго прадстаўніка, такім чынам захоўваючы і перадаючы ад пакалення да пакалення ўласцівы народу светапогляд, светаадчуванне, сваю нацыянальную культуру, што і служыць адным з паказчыкаў аб’яднання людзей у нацыянальную супольнасць, асобны народ.

Лінгвакультуралагічны аналіз амаль трох дзясяткаў ФА з кампанентам *шапка* падмацоўвае нашу гіпотэзу пра адбор лексем-кампанентаў, якім уласціва замацаваная за імі

сімволіка, што была нададзена і характэрна яшчэ ў дафразеалагічны перыяд іх існавання і якая перадаецца і выконвае адметную культурную функцыю ў складзе фразеалагізмаў – ‘абарона’, ‘мяжа паміж сваёй і чужой прасторай’, ‘верх; мяжа верху чалавека’, ‘вышыня’, ‘пасрэднік’, ‘завяршэнне, канец чаго-небудзь’, ‘улада, кіраўнік’, ‘завяршэнне, канец чаго-небудзь’, ‘адасобленасць’, ‘сродак дасягнення перамогі’, ці сімвалізаваць засваенне маральна-этычных прынцыпаў, поглядаў, правілаў жыццядзейнасці чалавека. А створаныя вобразы фразеалагізмаў з кампанентам *шапка* праходзяць культурную інтэрпрэтацыю ў касцюмна-рэчавым кодзе культуры, знакі якога ўтрымліваюць і даносяць розныя сэнсы, а фразеалагізмы з гэтым кампанентам набываюць функцыі эталонаў, стэрэатыпаў, сімвалаў.

Літаратура

1. Ковшова, М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры / М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.
2. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин ; пер. с нем. К.Д. Цивинной. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 511 с.
3. Ляшчынская, В.А. Крытэрыі адбору слоў як кампанентаў фразеалагізмаў пры іх утварэнні / В.А. Ляшчынская // «Святло душы і таленту Святло...» : зб. навуковых артыкулаў [прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння праф. А.А. Станкевіч] / рэдкал. : А.М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 116–122.
4. Зыкова, И.В. ДАТЬ / реже ДАВАТЬ ПО ШАПКЕ / И.В. Зыкова // Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
5. Глуначальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / Рэд. тома П.М. Гапановіч. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1979. – Т. 3 : Л–П. – 672 с.
6. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
7. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.
8. Глуначальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / Рэд. тома М.П. Лобан. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1 : А–В. – 608 с.
9. Глуначальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / Рэд. тома М.Р. Суднік. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1983. – Т. 5. Кн. 1 : С–У. – 663 с.

Крыніцы і іх скарачэнні

Д-2000 – Даніловіч, М.А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М.А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 267 с.; **Л-2008-1** – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.; **Л-2008-2** – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.; **М-К-1972** – Мяцельская, Е.С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.; **П-2008** – Пашкевіч, М.І. Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік / М.І. Пашкевіч. – Брэст : БДУ імя А.С. Пушкіна, 2008. – С. 53–66; **Ю-1972** – Юрчанка, Г.Ф. І коціца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.; **Ю-1974** – Юрчанка, Г.Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.; **Ю-1977** – Юрчанка, Г.Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.; **Я-1968** – Янкоўскі, Ф.М. Беларуская фразеалогія: Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1968. – 451 с.

УДК 821.161.1+82'13

Новейшая русская литература и теория трёх родов: эпическое в поэзии Ф. Сваровского

М.Ю. МАЛИНОВСКАЯ

Выявляется и обосновывается в соответствии с критериями нарративности эпическое родовое начало в поэзии Ф. Сваровского, что ставит проблему переосмысления теории трёх родов на современном материале и побуждает к расширению имеющегося методологического инструментария теории литературы.

Ключевые слова: эпическое, нарративность, нарратив, нарративное событие, новейшая поэзия, нарративная поэзия, Фёдор Сваровский.

The epic ancestral principle in F.Sharovsky's poetry is identified and substantiated in accordance with the narrative criteria, which raises the problem of rethinking the theory of the three genera on modern material and encourages the expansion of the available methodological tools of the theory of literature.

Keywords: epical, narrativity, narrative, narrative event, contemporary poetry, narrative poetry, Theodor Svarovsky.

Разделение литературы на роды впервые осуществил Платон, разграничив говорение от своего лица, обмен речами героев без участия автора и повествование смешанным способом. С иными акцентами изложил эту теорию Аристотель, а в новое время в связи с открытием автономного субъекта литературные роды стали мыслиться как типы художественного содержания, где лирика референтно интериоризировалась, а эпос экстериоризировался, что позже позволило Гегелю охарактеризовать их с помощью категорий «субъективность» и «объективность» соответственно. В почти неизменённом виде классическая гегелевская схема дожила в отечественном литературоведении до наших дней, несмотря на кризис позитивизма, подорвавший доверие, в частности, к инстанции субъекта, и лингвистический поворот, выдвинувший на её место язык, который, по выражению А. Барзаха, «сам по себе – первейший враг субъекта, его главный разрушитель механизмами риторических ходов (ничейных по определению, хуже: корпоративных, общностных, социальных), риторических инерций» [1, с. 118].

Однако удобство классической теории, рассматривающей спорные случаи как совмещения неизменных родовых начал (к примеру, лиро-эпика), помогло ей в рамках отдельных научных школ пережить и структурализм, и формализм, и смерть субъекта. В частности, именно поэтому застывшая трактовка лирического как субъективного транспонируется на современную русскую поэзию, хотя в подобном значении буквально противоположна её интенциям. Как писал в статье о поэзии Ф. Сваровского И. Кукулин, «для интерпретации новых явлений буквально нет слов – нет терминологического и концептуального аппарата. <...> ... разделение лирики и эпоса к нынешней литературе неприменимо, однако, поскольку новых схем не предложено, они [литературоведы] поневоле пользуются тем, что есть» [2, с. 239].

В отечественном литературоведении существует совокупность лироэпических жанров, традиционно определяемых как пограничные межродовые явления, но вопрос о том, что означает в актуальном теоретико-литературном контексте понятие «лиро-эпика» и как оно отражает свойства современного материала, не ставится. По утверждению И. Кукулина, поэзию Сваровского можно «с равным успехом назвать не только лирико-эпической, но и лирико-драматической» [2, с. 238], чему способствует её специфическая балладность, позволяющая создать «парадоксальную аперсональную лирику» [2, с. 238]. Однако исследователь не проясняет собственного понимания терминов «лироэпическое», «лиродраматическое», «лирическое», хотя его вышеприведённое утверждение о неприменимости разделения лирики и эпоса к новейшей литературе делает это необходимым: очевидно, что при невозможности разделения компонентов, их сращения и корреляции коренным образом меняют свой статус.

Во втором и последнем на сегодняшний день научном исследовании поэзии Ф. Сваровского [8] И. Кукулин по аналогии с англоязычной традицией называет её нарративной. Но оговаривается, что под нарративом понимает именно сторителлинг, т. е. «истории, рассказанные разными людьми и на разные голоса» [3, с. 5], исторически сменившие говорение от первого лица, и этим фактически снимается проблема повествовательности анализируемых текстов, так, по сути, и не будучи поставленной.

В данном исследовании мы придерживаемся классического понимания нарративности как событийности со всеми присущими ей чертами, подробно описанными В. Шмидом и В. Тюпой, что всерьёз ставит вопрос о правомерности употребления данного термина по отношению к поэтическим – исконно лирическим, т. е. перформативным текстам.

Употребление же термина «поэзия» вместо «лирика» мы считаем в данном контексте единственно возможным, так как он, несомненно, шире и в своих рамках потенциально уравнивает нарративное и перформативное начала, тогда как словосочетание «нарративная лирика» (В. Тюпа) даже на синтаксическом уровне (атрибутивные отношения) подразумевает неравноправие компонентов, что обуславливает возможность применения данного термина лишь к случаям инкорпорации нарратива в лирическое.

Целью статьи является обоснование эпического родового начала в поэтических текстах Ф. Сваровского как нарративного, что в будущих исследованиях позволит на примере конкретных структурообразующих признаков проследить его взаимодействие с лирическим (перформативным) родовым началом анализируемых текстов и доказать инновативность этого взаимодействия, а, следовательно, и правомерность выделения современной нарративной поэзии как самостоятельного межродового образования.

По В. Шмиду, «нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [4, с. 10]. Событие было определено Ю.М. Лотманом как «перемещение персонажа через границу семантического поля», «пересечение запрещающей границы» [5, с. 282].

Проанализируем с точки зрения наличия событийности три программных текста Сваровского, относящиеся к 2000-м гг., когда И. Кукулиным отмечается «реактуализация лиро-эпической формы» [2, с. 229] в русской поэзии.

В стихотворении «Монголия» [6, с. 32–41] прослеживаются неоднократные перемещения персонажей через границы семантического поля: топографическую (в старом доме / спрятался репликант / робот похожий на человека [6, с. 33]), этическую (ненамеренное вторжение Рюичи на чужую территорию: «упал / в подвал» [6, с. 38]), психологическую (просьба о помощи, обращённая к ребёнку, в смерти родителей которого герой прямо или косвенно виноват, а также сомнения девочки: «Аико боится / это робот / который стрелял в людей» [6, с. 34]).

В стихотворении «Один на Луне» [6, с. 75–78] пересекается граница между пред- и постапокалиптическими состояниями мира (назовём её лиминальной) – персонаж выжил, хотя не должен был; познавательная (причём и в этом случае позиция субъекта действия пассивна – новое о себе и изменившемся мире он узнаёт поневоле); психологическая (когда Сайфутдинов впервые занимает активную позицию – но делая выбор в пользу собственной смерти), топографическая («проверил баллоны, настроил рацию / вышел» [6, с. 77]), снова лиминальная (умер и воскрес).

В стихотворении «Пилот и Биби Хлотрос» [6, с. 45–50], как и в «Монголии», сначала нарушается топографическая граница («его корабль был сбит ракетой / и вот он – / в Южном Чертаново» [6, с. 45]), а далее – прагматическая (прежде успешный космический исследователь в шкуре пса выпрашивает тухлые овощи), познавательная (знакомство с беглым пилотом), снова топографическая (в начале / второй недели / знакомства / они взяли и улетели [6, с. 47]), психологическая (решение вступить в бой с космическими пиратами – «с тех пор / он уже ничего не боялся» [6, с. 49]), вновь прагматическая (космический исследователь, путешествующий с другом-пилотом на отвоёванном у пиратов линкоре, «стал действительным членом Академии наук Галактической лиги» [6, с. 49], первооткрывателем планет и успешным дельцом) и в финале – опять психологическая (переосознание псом своей судьбы). Нетрудно заметить определённую композиционную симметрию, но это уже следующий этап исследования, которое в рамках данной статьи призвано лишь доказать правомерность нарратологического подхода к изучению структуры выбранных поэтических текстов.

Перемещения персонажей через хронотопические и ментальные границы являются и случайностями (инфаркт Рюичи и его «падение» рядом с домом Аико; выживание Сайфутдинова; уничтожение корабля Биби Хлотроса), так и средствами для достижения цели – (переселение Аико и Рюичи в Монголию, где много кислоты и конфет; самоубийство Сайфутдинова; борьба пса и пилота за жизнь). Соответственно, имеют место описанные ещё Гегелем применительно к эпосу «просто происходящее» и «событие», в котором заключается «исполнение намеченной цели» [7, с. 470].

С *фактичностью* изменений – первым основным условием событийности – у исследуемых текстов отношения особые. Формально она полностью соблюдена: изменения действительно происходят в фиктивном мире, а не в воображении героев. Но в то же время стихотворения Сваровского содержат важнейшую особенность, симптом своего времени (Делёз): нет ничего более мнимого, чем фактичность любого изменения. «В новой “повествовательной поэзии” часто демонстрируется, что описываемая история откровенно условна, что произошедшие события реализуют лишь один из многих вариантов, по которому они могли бы развиваться» [8, с. 247]. Следовательно, фактичность не исчезает, но нивелируется её статус в рамках исследуемого дискурса: изменения, возможно, и осуществились, но то, что первоначально для науки, оказывается неважным для исследуемого ею художественного мира. А наиболее значимыми изменениями становятся ментальные события и пересечения психологических границ – родовые признаки лирики как перформатива.

Соответственно, неразрывность и взаимодействие в исследуемых текстах лирического и эпического начал выявляются одновременно с их наличием, что свидетельствует не о смешении родов, а об их гибридизации. Доказательства этому, как мы видим, начинают появляться ещё до осуществления нарратологического анализа – лишь при попытке обоснования его правомерности.

С фактичностью Шмид связывает *результативность* – второе основное условие событийности, которое также полностью соблюдено во всех трёх текстах. Изменения, образующие события, совершаются до конца наррации даже в «Монголии», где финал не показан, но изображается через фантазию робота.

Кроме того, несмотря на уточнение Шмида, что «изображаемые в нарративном произведении изменения могут быть событийными в большей или меньшей степени» [4, с. 13], в наших примерах соблюдаются и упомянутые им дополнительные критерии событийности. Каждое из происходящих с героями изменений (попадание в новое место, совершение выбора и т. д.) является *релевантным*, т. е. определяющим для развития сюжета. Некоторые события *непредсказуемы* – в первую очередь, для протагонистов, а не для читателя, что особо подчёркивает Шмид (к примеру, Сайфутдинов, проснувшись, обнаруживает себя единственным выжившим после катастрофы). *Консекутивность* (зависимость судьбы героя от принятых им решений и перемен в его мировоззрении) – один из определяющих признаков событийности Сваровского (девочка спасает робота и обретает Другого, робот помогает девочке и очеловечивается; Биби Хлотрос осознаёт необходимость пережитых испытаний). Все ключевые изменения в текстах Сваровского *необратимы* (Аико принимает решение спасти врага и уже в этот момент достигает «духовной и нравственной позиции, которая исключает возвращение к более ранним» [4, с. 19] детским, эгоистическим точкам зрения, то же и с Рюичи, неуязвимо после проверки на человечность для отката к прежнему механическому существованию; мировая война уничтожает всё живое, кроме одного человека). Естественно, что все ключевые изменения также *неповторяемы* (мировая война не случится снова, потому что воевать уже некому; Биби Хлотрос потерял страх навсегда).

Из вышеперечисленного проистекает, что исследуемые тексты удовлетворяют даже максималистскому (В. Тюпа) набору критериев Шмида, и выдвигаемые В. Тюпой «категорически неустраимые (сущностные) характеристики события» [9, с. 15–16] (сингулярность – «однократность, беспрецедентная выделенность некоторой конфигурации фактов из природной неизбежности или социальной ритуальности», фрактальность – «отграниченность рассказываемого отрезка жизни», интенциональность – «неотделимость события от сознания») оказываются заведомо соблюдены. Но с одним важным уточнением.

Интенциональность как актуализация в сознании «свидетеля и судии» смыслообразности происшедшего оказывается в текстах переконцептуализированной, потому что «нарративное сознание (субъективный источник наррации)» [11, с. 149] как ценностный центр в рассмотренных произведениях – образцах постмодернистской эстетики – отменено. Точнее, в связи с отменой ценностного центра отменяется и событийная ценностность изменений: «интенциональность» Тюпы коррелирует с «фактичностью» Шмида. Однако неправомерно, на наш взгляд, говорить в отношении исследуемых текстов о несоблюдении этого критерия. Нельзя говорить о несоблюдении критериев, разработанных в рамках одной эстетической парадигмы, применительно к паттернам другой эстетической парадигмы. Есть возможность, как и в случае с фрактальностью, говорить лишь о смене статуса конкретного условия.

Таким образом, в данном контексте меняется сущность самой событийности, а значит, и нарративности, и, следовательно, эпического, что ясно показывает неправомерность отношения рассмотренных повествовательных стихотворений к лиро-эпике в её классическом понимании. А выявить и описать специфику их нарративности можно лишь в ходе полного нарратологического анализа, осуществление которого на материале поэзии Ф. Сваровского теперь представляется не просто целесообразным, но необходимым, и составит следующий этап нашего исследования.

Литература

1. Барзах, А.Е. Холодный сон / А.Е. Барзах // Зеркало. – 2013. – № 42. – С.113–119.
2. Кукулин, И.В. От Сваровского к Жуковскому и обратно: о том, как метод исследования конструирует литературный канон / И.В. Кукулин // НЛО. – 2008. – № 89. – С. 228–240.
3. Львовский, С. Федору Сваровскому / С. Львовский // Воздух. – 2007. – № 2. – С. 5–9.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство, 1998. – 383 с.
6. Сваровский, Ф. Все хотят быть роботами / Ф. Сваровский. – М. : АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2007. – 80 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Искусство, 1968–1971. – Т. 3. – 623 с.
8. Kukulin, I. Narrative poetry / I. Kukulin // Russian Literature since 1991 / ed. by E. Dobrenko a. M. Lipovetsky. – Cambridge : Cambridge University Press. – 308 p.
9. Тюпа, В.И. Введение в сравнительную нарратологию / В.И. Тюпа. – М. : Intrada, 2016. – 145 с.
10. Тюпа, В.И. Очерк пятый. Дискурсные формации и компаративная нарратология / В.И. Тюпа // Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
11. Зейферт, Е.И. Объёмность (многомерность) произведения. Есть ли у произведения начало и финал? / Е.И. Зейферт // Вестник РГГУ. – № 2. – 2017. – С. 7–18.
12. Малкина, В.Я. Лирический сюжет / В.Я. Малкина // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. – 357 с. – Библиогр.: с. 315.

Институт филологии и истории
Российского государственного
гуманитарного университета

Поступила в редакцию 07.08.2017

К вопросу о границах паремиологии и системности паремиологических единиц

Е.В. Ничипорчик

Обосновывается необходимость унификации терминов в сфере паремиологии и сужения ее границ; обобщаются положения о системности паремиологических единиц. Акцентируется внимание на «внешних» связях системы паремий с ноосферой, ее порождающей, – на роли апперцепции и ценностно-нормативных систем в формировании структуры паремиопространства. Определяются характеристики паремий, лежащие в основе внутренней упорядоченности элементов паремиологической системы.

Ключевые слова: паремия, паремиологическое пространство, система, характеристика, связь, отношение.

The author substantiates the necessity of terms unification in the field of paremiology and narrowing of its scope, summarizes statements on the systematicity of proverbial units. The emphasis is put on the «external» relations between the system of proverbs and the noosphere, which generates this system – on the role of apperception and value-based prescriptive systems in the process of formation of the proverbial space structure. The characteristics of proverbs underlying the internal orderliness of the elements of the proverbial system are determined.

Keywords: proverb, proverbial space, system, characteristic, connection, relation.

Любое паремиологическое изыскание в настоящее время невозможно без определения или уточнения дефиниционных признаков объекта исследования. Причиной тому является отсутствие консенсуса среди ученых в решении вопроса о терминологии. Нет согласия в том, что следует понимать под поговоркой и поговоркой, отмечается использование разных терминов в синонимическом значении («поговорка» = «фразеологизм», «пословица» = «паремия»); двойственным образом трактуется термин «паремия» (родовое наименование ряда устойчивых единиц народного происхождения – пословиц, поговорок, загадок, примет, прибауток и др. / родовое наименование только пословиц и поговорок).

Необходимость терминологической унификации в области паремиологии очевидна; в этом смысле наблюдающаяся ныне синонимизация терминов, и в первую очередь терминов «поговорка» и «фразеологизм» (в классическом его понимании), может быть квалифицирована как положительное явление, первый шаг к унификации. По мнению многих ученых, самым неопределенным статусом среди устойчивых единиц обладает именно поговорка [1, с. 433], [2, с. 13], [3, с. 28]. отождествление феноменов, которые стоят за терминами «поговорка» и «фразеологизм» [4, с. 4], [5, с. 4–5], а это отождествление восходит к далевскому пониманию поговорки и поддерживается школой В.М. Мокиенко, позволит, на наш взгляд, изменить сложившуюся в науке ситуацию, когда каждой из наук – фразеологии и паремиологии – приходится сидеть одновременно на двух стульях.

И.Я. Лепешев считает, что для преодоления терминологической путаницы при употреблении термина «поговорка» в качестве аналога термина «фразеологизм» логично отказаться от термина «поговорка» [6, с. 17]. «Использование термина “поговорка” было в полной мере оправданным, пока в языкознании не закрепился термин “фразеологизм”, который фактически вытеснил своего предшественника для обозначения одних и тех же языковых единиц – устойчивых, воспроизводимых оборотов с целостной семантикой (*кот наплакал, корона с головы не упадет, чужими руками жар загребать*), – пишет И.Я. Лепешев (цитируется в переводе) [6, с. 17]. Отказ от термина «поговорка», по крайней мере в научной литературе (в народной речи, речи журналистов, писателей «поговорка» и «пословица» являются дублетными наименованиями [5, с. 4]), знаменует выведение обозначаемого этим термином объекта из-под «крыла» паремиологии. Сохранение же в научном обиходе термина «поговорка» в альтернативной трактовке – в значении пригодного для употребления в дидактических целях народного изречения, лишеного переносного смысла [7, с. 11], [8, с. 13], – и противопоставление феномена, стоящего за этим термином, пословице в рамках паремиологии (концепция Л.Б. Савенковой [9]); равно как и

сохранение этого термина в значении коммуникативной фразеологической единицы, лишенной директивной, назидательно-оценочной функции [1, с. 456], и противопоставление феномена, стоящего за этим термином, номинативным, номинативно-коммуникативным, междометным, модальным и коммуникативным пословичным фразеологическим единицам в рамках фразеологии в широком ее понимании (концепция А. В. Кунина [1]), вновь и вновь вовлекает ученых в дискуссии и не приносит ожидаемых плодов, связанных с развитием соответствующих теорий.

Если обратиться к рассмотрению другой пары терминов – «пословица» и «паремия», определяемых как синонимы ([4, с. 4], [6, с. 18], [3, с. 32], [10, с. 67] и др.), то делать прогноз, какому из терминов в будущем может быть отдано предпочтение, в настоящее время сложно. Оба термина активно используются в научной речи, однако термин «паремия» дает большее, чем термин «пословица», количество вошедших в научный обиход дериватов («паремиологическая единица», «паремиологическая картина мира», «паремиология», «паремиография»). При поддержке научным сообществом тенденции к узкому пониманию термина «паремия» в ведении паремиологии останутся только пословицы. Другие устойчивые выражения народного происхождения – загадки, скороговорки, присказки, прибаутки, отличающиеся от пословиц специфичностью функций, более низкой степенью прецедентности [11, с. 11] и, соответственно, узуальности, – останутся в введении фольклористики и могут изучаться в лингвистическом аспекте, как и любые другие тексты. Широкое же понимание паремиологии (как, впрочем, и широкое понимание фразеологии), на наш взгляд, отодвигает возможность отнесения к разным исследовательским полям фразеологизмов как собственно языковых феноменов и паремий как феноменов гибридной семиотической природы, по определению Л.Б. Савенковой знаков особого рода, сочетающих в себе качества единицы языковой системы и мини-текста [8, с. 9]. Иными словами, отодвигается возможность закрепления за фразеологией и паремиологией статуса автономных областей научного знания, имеющих различные объекты изучения.

Нужно признать, тем не менее, что стихийное размежевание фразеологии и паремиологии, детерминированное, с одной стороны, стремительным развитием фразеологии, с другой – настоящим «паремиологическим бумом», проявившимся в активном изучении паремий с лингвистических позиций, становится приметой сегодняшнего дня. Показательно в этом отношении появление учебных пособий, монографий и иного рода публикаций, в которых на новом витке развития научной мысли поднимается вопрос о границах фразеологии и паремиологии ([6], [12]–[16] и др.). Исключительную значимость для решения этого вопроса приобретает составление коллективом авторов, возглавляемым В.М. Мокиенко, «Большого словаря русских поговорок» [17] и «Большого словаря русских сравнений» [18], «Большого словаря русских пословиц» [19]. Несмотря на то что словари получили название паремиологической трилогии и составители словарей использовали рассчитанный на широкий круг читателей термин «поговорка», в данных словарях нашла масштабное воплощение важная для установления границ паремиологии и фразеологии идея дифференциации пословиц и фразеологизмов.

Полагаем, что в решении вопроса об объекте изучения каждой из наук рационально опираться на прототипические признаки дифференцируемых единиц и учитывать тот факт, что любые сложные системы (а фразеологическая и паремиологическая системы таковыми и являются), в отличие от элементарных образований, представляют системы нечетких множеств. Заметим в связи с этим, что более двухсот лет назад в предисловии к словарю «Пословицы русского народа» В.И. Даль указывал, что границы между отдельными «разрядами» народных выражений (поговорками, приговорками, присловьями, прибаутками и пословицами) оказываются очень зыбкими и что многие непословичные выражения легко становятся пословицами [20, с. 12], аналогичные мысли выражал и А.А. Потебня, говоря о трансформации пословиц в поговорки, а поговорок в пословицы [21, с. 108–110].

Являясь приверженцами узкого понимания паремиологии как одной из областей лингвистического знания, считаем, что в ведении этой науки находятся воспроизводимые, объективирующие ценностное отношение к существу с позиций обыденного сознания и отсылающие к коллективному мнению устойчивые выражения-рефлексии на референтную ситуацию с подведением ее под класс типовых, имеющие в словарном варианте структуру предложения. К прототипическим признакам паремий, кроме воспроизводимости, устойчивости, предложенческой струк-

туры, прецедентности и персуазивности, относятся также лапидарность, полифункциональность, способность сохранять значение при употреблении в варьируемом и / или редуцированном виде. Нельзя не согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что не все паремии представляют собой суждение и имеют поучительный смысл [5, с. 4], [6, с. 30], [8, с. 3, 14]. Однако всем паремиям в той или иной мере свойственна убеждающая сила; все они невольно вселяют веру в достоверность сказанного или рациональность призыва, в то, что обозначаемое представляет нечто типичное, закономерное; иными словами, все они могут быть средством персуазивной коммуникации. Наличие или отсутствие переносного смысла у паремий абсолютно незначимо в плане проявления их сущностного дифференциального признака – предназначения функционировать вместо «слова» (номинативная функция) и к «слову» (аргументативная функция) с отсылкой к «чужому», в данном случае народному мнению.

Выведение паремиологии за рамки фразеологии и закрепление позиций паремиологии как автономной области лингвистического знания требует определения совокупности объектов данной науки как целостного образования, организация которого (формирование и функционирование) зиждется на некоторой упорядоченности; иными словами, требует применения системного подхода к описанию свода паремиологических единиц.

Тезис о системности паремий не нов. Он принадлежит фольклористам прошлого столетия, положен в основу идеи построения международной классификации паремиологических единиц, международной системы «пословичных типов» ([22], [23], [24] и др.) и в настоящее время является ключевым в ряде паремиологических исследований ([8], [25] и др.). Значительный вклад в изучение системности устойчивых выражений внесен фразеологами, в частности А.В. Куниным [1]. А.В. Кунин определил уровни системного изучения фразеологии, подверг описанию системные связи в английском фразеологическом фонде и убедительно доказал проявление в нем таких сущностных характеристик системы, как структурность, иерархичность, асимметрия, функциональность [1].

При обращении к истории изучения вопроса о системности паремий нельзя не упомянуть В.И. Даля, который задолго до выхода в свет книги В.Я. Проппа «Морфология сказки» в качестве ключевого метода для определения связи элементов в некотором заданном пространстве культуры использовал поиск повторяющихся, прямо не выраженных содержательных характеристик этих элементов. Работая над словарем «Пословицы русского народа» и замышляя сделать его книгой для чтения, В.И. Даль интуитивно вскрывает отношения, которыми стянуты паремии в ноосфере и которые позволяют представить свод провербиальных единиц в виде «текста», «картины», то есть в виде внешне и внутренне связанной целостности. Связность паремий была осмыслена великим В.И. Далем, во-первых, при объединении их в тематические группировки, во-вторых, при определении последовательности расположения паремиологических единиц в каждой из тематических группировок и, в-третьих, при определении последовательности расположения тематических группировок в словаре (подробнее об этом в [26]). «При таком расположении довольно полного сборника, – пишет В.И. Даль, – я уже не только тешусь острою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках» [20, с. 15].

Российский ученый Ю.И. Левин, подчеркивая значимость идей В. И. Даля, описывает национальный свод паремий уже с использованием другой когнитивной метафоры – «пространство». «Пословичный фонд представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц – носителей определенных различительных признаков (грамматических, логико-семиотических, предметных), по значениям которых они могут классифицироваться, – пишет Ю.И. Левин, – но и некоторое «пространство» в математическом смысле слова» [27, с. 484]. Обращение к «топологическим» и «метрическим» характеристикам паремиологического пространства позволило ученому прийти к выводу о «многомерности» этого пространства – разнородности «параметров» и «измерений», по которым пословицы оказываются близки друг другу [27, с. 484].

Если под системой вообще понимать некоторую целостность элементов, энергия связи которых «превышает энергию их связей с элементами других систем» [28], то понятие паремиопространства оказывается весьма удачным для уточнения оснований системности паремий. Это понятие позволяет определить параметрические характеристики паремиологической системы как целостного образования, порождаемого «внешней» средой – ноосферой – и «самооргани-

зующегося» в этой среде по «внутренним» законам. Факторы, детерминирующие системность паремиологических единиц, можно определить с опорой на установление дистрибуций – распределений паремиологических единиц в рамках паремиопространства, вскрывающих сети взаимосвязей элементов паремиологической системы.

1. Принадлежащая В.И. Далю идея возможности объединения-разъединения паремий на основании содержательного критерия, указывающая на наличие эпистемологических оснований системности паремий, находит ныне пролонгацию в исследованиях паремий с когнитивных позиций. Когнитологи считают, что каждая паремия в своем исходном смысле опирается на определенное понятие – категорию логического типа, составляющую основу концепта как более широкой по объему ментальной репрезентации знаний. Эти категории являются базовыми в осмыслении мира человеком, доказательством чего выступают содержательные корреляции разноязычных паремий, носящие, по мнению Г.Л. Пермякова, не эпизодический, а системный характер [29, с. 24]. Подтверждают факт совпадения базовых понятийных категорий, лежащих в основе паремиологической концептуализации, корреляции в названиях тем в разноязычных тематических словарях [30]. В паремиях разных народов так или иначе говорится о вере и безверии, труде и лени, своем и чужом, дружбе и вражде, уме и глупости, высокомерии и кротости, храбрости и трусости и т. п.

Базовые категории в когнитивной модели мира характеризуются своим распределением – упорядоченностью, соответствующей «призме» мировидения. Выделенные в результате анализа тематических собраний разноязычных паремий общие для разных лингвокультур сферы паремиологической концептуализации (среда обитания человека; физическое в природе человека; быт и материальные интересы человека; трудовая деятельность человека; человек и его семья; общество, государство, мир и человек; мораль и психический мир человека; духовная жизнь человека) [30, с. 27] говорят о том, что созданные носителями обыденного сознания национальные паремиологические картины мира антропоцентричны.

Проявление антропоцентричности в паремиологической категоризации и концептуализации действительности обусловлено апперцепцией, то есть «зависимостью восприятия от общей направленности и всего предшествующего опыта человека» [31, с. 57]. Накапливание жизненного опыта, осмысляемого через призму обыденного сознания и выливающегося в стандартные рефлексии на те или иные жизненные обстоятельства, осуществляется в очерченных интересом человека зонах. Чем выше интерес к тому или иному объекту реальной действительности, тем больше вербальных рефлексий, связанных с определением прагматической релевантности признаков данного объекта для человека, больше вероятность формирования соответствующей ментальной репрезентации в сознании человека, богаче содержание этой репрезентации в памяти. Объекты, представляющие направленности человеческого интереса, способствуют формированию первичной системы координат в постижении мира, определяющей релевантные для обыденного сознания сферы концептуализации с присущими им сетями концептуальных зависимостей.

Из сказанного следует, что важнейшим фактором системности паремиологических единиц является обусловленность паремиологической концептуализации направленностями интереса продуцентов паремий, представленными в ментальных репрезентациях набором базовых категорий. Эти категории выступают аттракторами в когнитивном пространстве – функционируют в качестве упорядочивающих начал в структурировании опыта. Данное положение согласуется с основополагающим тезисом синергетики, согласно которому, именно «неравновесность» объектов выступает условием и источником возникновения «порядка», организующим началом любой системности [32]. Апперцепция, таким образом, детерминирует дистрибуцию паремий в моделях хранения знаний в соответствии с базовыми категориями и сферами концептуализации, отражающими структуру бытия человека в ее антропоцентрическом видении.

2. «Человек не является пассивным созерцателем окружающих его вещей и явлений» [33], поэтому первичная система координат постижения мира, определяемая направленностями человеческого интереса, изначально не амодальна. В ходе накапливания опыта, «трансформации» интересов в устойчивые знания о ценностном / антиценностном смысле познанных объектов, вырабатывается вторичная система координат постижения человеком мира – «система мнений, оценок, ценностей, стереотипов», в рамках которой осуществляется

вторичная, оценочная концептуализация и категоризация [33]. Обе системы координат в сознании человека оказываются совмещенными, так как оценочные категории представляют модусный тип знания и, «передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний», «наследуют» структуру и принципы организации оцениваемой области [33]. «Оценочная категоризация, по существу, – пишет Н.Н. Болдырев, – представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую, и ценностную, идеальную, то есть результат переосмысления окружающего мира с позиции ценностных концептов и категорий» [34, с. 102–114]. Это объясняет выводы паремиологов о том, что «система паремий конкретного народа опирается на систему ценностных концептов, сформированных этническим сознанием» [8, с. 17].

Таким образом, еще одним фактором системности паремиологических единиц является обусловленность смыслов паремий ценностно-нормативными системами этноса. Эта обусловленность проявляется в оценочной концептуализации и категоризации действительности. Оценка в паремиях воплощает ценностные ориентации носителей культуры и определяет дистрибуцию паремий в соответствии со структурой этих ориентаций – с их направляющей, мотивационной и регулятивной компонентами [35, с. 6]. Каждая паремия в связи с этим получает свое место в системе средств, объективирующих ценностную картину мира этнического сообщества.

3. Третьим фактором системности паремиологических единиц выступает единая логико-мыслительная база людей, обуславливающая тождество форм мысли при переработке данных, поступающих по чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам извне, в знание о мире. Сеть отношений, устанавливаемая человеком между неязыковыми объектами, фиксируется его сознанием в соответствующих когнитивных структурах, по определению логиков языка и когнитологов в пропозициональных моделях [36, с. 134–136], и создает базу для проявления системных отношений в сводах языковых единиц, объективирующих эти форматы знания.

Г.Л. Пермяков считает, что в основу классификации пословиц по их смыслу может быть положена классификация самих ситуаций и отношений, знаками которых паремии выступают [22, с. 26]. В результате анализа семантики разноязычных паремий Г.Л. Пермяков выявил четыре типа логических отношений, представленных в паремических суждениях: отношение между вещью и ее свойствами, отношение между вещами, отношение между свойствами разных вещей в зависимости от отношений самих этих вещей, отношение между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств [37, с. 20–21]. Несмотря на то что данные отношения отражают очень высокую степень абстракции в представлении семантики паремий, они являются тем каркасом, который при дальнейшей детализации отношений, находящих отражение в содержательных аспектах паремий, позволяет представить в системном виде все многообразие обобщенных смыслов, выражаемых паремиологическими единицами. Такая систематизация, вскрывающая логику интерпретации сущего, определяет дистрибуцию паремий в паремиопространстве в соответствии с типом мыслительной процедуры (формой мысли), лежащей в основе суждения о мире, или, в иной терминологии, в соответствии с объективированными в семантике паремий типами пропозиций.

4. Внутренние отношения паремиологических единиц, стягивающие их в целостное образование, наиболее явно прослеживаются при анализе языковой формы выражения proverbialных идей. Одни языковые формы имеют прямую связь с денотатом, другие – опосредованную, то есть обозначение одной ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) замещается обозначением другой ситуации (участника ситуации, действия, признака, количества и пр.) с заложенным в языковом коде механизмом переосмысления. Направления ассоциативных связей, лежащих в основе паремийных метафор и сравнений, являют собой древние и достаточно устойчивые стереотипы видения, интерпретации и означивания сущего, свойственные обыденному сознанию. Зоонимические, флористические, колористические, антропонимические, соматические, бытовистические (вещные), пространственные и другие паремийные метафоры свидетельствуют о «подключенности» мифопоэтической компоненты, архетипических ментальных структур к процессу концептуализации и категоризации действительности. «Онаивленное» членение и объяснение мира в паремиях, «игровая» репрезентация знания – это тоже своего рода

фактор системности паремиологических единиц, определяющий дистрибуцию паремий в паремиопространстве по ономазиологическому критерию. Лежащие в основе паремиотворчества приемы кодирования информации подвергаются типизации и вскрывают единые механизмы категоризации и концептуализации действительности в паремиях.

5. Повторяющимися, тиражируемыми, по определению Е.И. Селиверстовой, в паремиях являются не только вербальные культурные коды, «освященные фольклорной традицией» лексические единицы с образной и прямой мотивировкой, но и идеи и формульные комплексы, используемые для выражения идей (комбинации компонентов, структурно-семантические модели, художественно-эстетические приемы передачи пословичного смысла) [3, с. 165, 241], [25, с. 8, 9]. Наличие паремийного «реквизита», определяющего, по мнению Е.И. Селиверстовой, развитие паремиофондов – образование новых паремий, а также тиражирование паремийных идей в вариантном выражении – в соответствии с внутренне заданными санкциями [25, с. 43–44], является еще одним фактором, обуславливающим системообразующие связи в паремиологическом пространстве. Такого рода связи паремиологических единиц хорошо изучены. Одни из них аналогичны парадигматическим связям в лексической системе языка (конституируют отношения синонимии, многозначности, антонимии паремий), другие отражают связи, порождаемые взаимодействием лексических и грамматических категорий. Так, Е.В. Иванова считает, что в ряде паремий можно обнаружить повторение общей схемы внутренней формы, позволяющее говорить о существовании инварианта когнитивной пословичной модели, полученного в результате образования паремий по аналогии, то есть образования по одной и той же грамматической модели разных пословиц, содержащих один и тот же компонент, характеризующийся внутренней формой [2, с. 81]. Все эти факты говорят о многоуровневости системных отношений, пронизывающих паремиопространство, а также о существовании разного рода «точечных» дистрибуций – распределений паремий в рамках целого на небольшие множества на основании близости по значению, общности структурно-семантической организации, тождестве формульных фрагментов и др.

6. Детерминированные выражением ценностного отношения ко всему сущему смыслы паремиологических единиц «втягивают» эти единицы в соответствующие коммуникативные парадигмы. Осуждение, обвинение, порицание, обличение, упрек, парирование, урезонивание, предостережение, предупреждение, сетование, оправдание, утешение, побуждение, совет, рекомендация определяются Г.Д. Сидорковой как типичные функции паремий в речи [38]. Объединения паремий на основании реализации ими тех или иных интенциональных значений представляют собой нечеткие множества, однако игнорировать детерминированную содержанием предрасположенность паремий к реализации определенных функций нельзя. Таким образом, функциональная специализация паремий, предполагающая неизбежный повтор типичных функций, есть еще один фактор, определяющий системность паремиологических единиц, их дистрибуцию в паремиопространстве в соответствии с интенциональными значениями, составляющими прагматический потенциал.

В качестве резюме подчеркнем, что каждая паремия в системе оказывается втянутой в разного рода отношения. Реляционный каркас системы паремиологических единиц определяется их эпистемологическими, аксиологическими, логическими, ономазиологическими, структурно-семантическими, художественно-эстетическими и функциональными характеристиками. Каждая паремия занимает свое место в системе подобных ей единиц в связи с тем, что 1) отражает стереотипы членения мира обыденным сознанием с опорой на базовые категории и выявляет отнесение осмысляемой сущности к определенной сфере бытия человека; 2) формирует представление о сущем в соответствии с социальными установками и ценностными предпочтениями, определяя посредством оценочной категоризации место того или иного материального / идеального объекта в ценностной картине мира; 3) отражает мыслительные стереотипы в установлении связей, выступающих основанием для определения значимости вещей в мире, и эксплицирует в своих формальных и содержательных аспектах отношения между вещью и ее свойством, между вещами или между свойствами вещей; 4) передает социально релевантное знание с использованием типичных для этнической культуры языковых кодов; 5) обнаруживает формальные связи с вариантными формами выражения мысли либо однотипными структурами, выявляя повторение проverbsиальных идей, дублирование компонен-

тов паремиологических единиц, воспроизведение структурно-семантических моделей; б) предполагает «воспроизведение» определенных модальных рамок – реализацию типичных интенциональных значений, образующих прагматический потенциал паремий.

Уточнение оснований системности паремий стимулировано отмечающейся в настоящее время тенденцией к сужению границ паремиологии. Дифференциации паремиологии и фразеологии как самостоятельных областей лингвистического знания должна способствовать терминологическая унификация, и, хотя терминологические проблемы являются лишь отражением несогласованности концепций при исследовании устойчивых выражений, возможно, именно унификация терминов может стать стимулом к решению открытых теоретических вопросов.

Литература

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.
2. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
3. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
4. Котова, М.Ю. Славянская паремиология : дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.03 / М.Ю. Котова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – Т. 1. – 231 с.
5. Мокиенко, В.М. Предисловие / В.М. Мокиенко // Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 4–9.
6. Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапам. / І.Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
7. Жуков, В.П. Предисловие / В.П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – С. 9–21.
8. Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система : автореф. дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.Б. Савенкова ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.
9. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
10. Кацюба, Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л.Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 65–67.
11. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики : на материале русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.Н. Семененко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2011. – 46 с.
12. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
13. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
14. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с. – (Studia philologica).
15. Жаналина, Л.К. Фразеология: проблема границ / Л.К. Жаналина // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 57–67.
16. Шарманова, Н.Н. Паремеология и фразеология: векторы взаимодействия в контексте теории клише / Н.Н. Шарманова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 268–272.
17. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
18. Мокиенко, В.М. // Большой словарь русских народных сравнений. Более 45 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
19. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

20. Даль, В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.
21. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 55–131.
22. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1988. – 236 с.
23. Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (Пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 35–52.
24. Кууси, М. К вопросу о международной системе пословичных типов : опыт классификации количественных пословиц / М. Кууси ; пер. с англ. Т. Погибенко // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1984. – С. 53–81.
25. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.И. Селиверстова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 47 с.
26. Ничипорчик, Е.В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е.В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып. 1. – С. 270–274.
27. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремиологические исследования : сб. статей ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. – С. 108–126.
28. Система. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / В.Н. Садовский, А.Ю. Бабайцев, Н.Д. Дроздов [и др.]. // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/concepts/7091>. – Дата доступа : 09.11.2014.
29. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
30. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е.В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
31. Степанов, С.С. Популярная психологическая энциклопедия / С.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2005. – 672 с.
32. Можейко, М.А. Синергетика. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / М.А. Можейко // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/concepts/6876>. – Дата доступа : 04.12.2015.
33. Болдырев, Н.Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов [Электронный ресурс] / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа : boldyrev.ralk.info/dir/material/208.pdf. – Дата доступа : 11.09.2012.
34. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку : сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва–Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 102–114.
35. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Ничипорчик ; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2016. – 54 с.
36. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
37. Пермяков, Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г.Л. Пермяков // Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) ; под ред. Г.Л. Пермякова. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1978. – С. 105–135.
38. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий : пословицы и поговорки как речевые действия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 42 с.

УДК 811.161.3'038

Важкі ўклад у вывучэнне гісторыі беларускай літаратурнай мовы

Д.Д. ПАЎЛАВЕЦ

Разглядаецца ўклад С.М. Запрудскага ў вывучэнне гісторыі беларускай літаратурнай мовы (1918–1941 гг.) у кантэксце агульнай гісторыі літаратурнай мовы і ліквідацыю белых плямаў у даследаванні мовазнаўства міжваеннага перыяду, падкрэсліваецца значэнне яго працы для пашырэння ведаў пра складаныя часы, імкненне падаць шырокаму колу грамадскасці поўнае, нагляднае, навукова выверанае ўяўленне пра той няпросты час, яго перыпетыі, калі наша мовазнаўства перажывала ўздым, а потым заняпад у выніку сталінскіх рэпрэсій.

Ключавыя словы: гісторыя мовы, граматычнае нармаванне, папаўненне слоўніка, моўнае рэфармаванне, моўнае рэдагаванне, змены ў сінанімічных радах.

The contribution of S.M. Zaprudsky in studying the history of the Belarusian literary language (1918–1941) is considered in the context of general history of the literary language and the elimination of gaps in the study of linguistics in the interwar period. The importance of his work to expand the knowledge of complex times, the desire to give the wider public a complete, intuitive, scientifically verified idea of the difficult times, its ups and downs, when our linguistics is on the rise, and then decline as a result of Stalin's repressions are emphasized.

Keywords: history of language, grammatical normalization, dictionary updating, reforming the language, language editing, synonymous changes in the ranks.

Сярод кніг па гісторыі беларускага мовазнаўства, надрукаваных летась, прыкметнай з'явай стала праца С.М. Запрудскага [1], які блізу двух 10-годдзяў шмат і плённа працуе над асвятленнем гісторыі літаратурнай мовы 1920–1930 гг. Гэтым разам даследчык, абапіраючыся на свой шматгадовы досвед выкладання гісторыі літаратурнай мовы і мовазнаўства міжваеннага перыяду на філалагічным факультэце БДУ, сінтэзуе свае ранейшыя намаганні ў вывучэнні, азначанага перыяду, падаючы іх як вучэбна-метадычны дапаможнік.

Разважаючы пра метады развіцця навукі, Ул. Караткевіч трапна заўважыў: «адзіны шлях кожнай навукі: піць ваду не толькі з крана (кніг), не толькі дыстыляваную са шклянкі, але заўсёды ісці да крыніц, якія б'юць з роднага берага недзе пад тваёй хатай» [2, с. 537]. Каторы год С. Запрудскі, даследуючы асаблівасці развіцця беларускай літаратурнай мовы ў 1920–1930 гг. мінулага стагоддзя, імкнецца абапірацца на першакрыніцы: працы тагачасных лінгвістаў, кнігавыдавецкую справу, дакументы. Ён не п'е ваду з-пад крана афіцыйнага савецкага мовазнаўства, а адшуквае ісціну, даводзіць суверэннасць развіцця тагачаснай беларускай літаратурнай мовы, засяроджваючыся на асноўных адметнасцях прац М. Гарэцкага, Я. Лёсіка, С. Некрашэвіча і іншых, якія так доўга замоўчваліся ці разглядаліся вельмі тэндэнцыйна. На самым пачатку кнігі знаходзім заяву аўтара пра тое, што «перыяд гісторыі беларускай літаратурнай мовы 1920–30-х гг. у значнай меры злучае паміж сабой гістарычнае быццё літаратурнай мовы і яе сучаснасць» [1, с.4]¹ і што ён супярэчліва асветлены ў навуковай літаратуры (*заўважым, савецкай – Д.П.*). Рэпутацыя даследчыка дазваляе Сяргею Мікалаевічу ўжо не першы год трымаць на сабе ўвагу не толькі моваведаў, але і шырокіх колаў зацікаўленых у гісторыі нашай мовы. Прываблівае ягоная манера ў «каламуці» сучаснай беларускай лінгвістыкі адшукваць рацыянальнае зерне і вяртаць ёй забытыя імёны, здабыткі даследчыкаў мовы 1920–1930-х гг. Чым жа прыцягвае да сябе рэцэнзаваная кніга? Бясспрэчна, найперш рысамі аб'екта даследавання, неардынарнасцю вучонага, яго ўменнем убачыць інтэлектуальную прастору таго перыяду, перадаць яго энергетыку, адчуць яе пульс. Кніга добра структуравана, у ёй вытрыманы аптымальныя прапорцыі размеркавання матэрыялу, аб'яднанага ў шэсць невялікіх па аб'ёме, але ёмістых

¹ Тут і далей цытаты падаюцца па гэтым выданні ў круглых дужках толькі з указаннем старонкі.

раздзелаў. Як і ўсё напісанае С.Запрудскім, чытаецца з пожадам, без натугі. Дадзеная праца – гэта ўжо далёка не першы важкі плён даследаванняў акрэсленага перыяду. Вучоны зрабіў значны крок наперад, праліваючы святло на цьмяныя, пакінутыя без увагі (па палітычных матывах) пытанні развіцця айчыннага мовазнаўства ў 1920–1930-я гг. Перш за ўсё варта адзначыць даследчыцкі досвед, імкненне скінуць з мовазнаўства цяжар савецкай школы.

Ва ўступным раздзеле падаецца перыядызацыя гісторыі беларускай літаратурнай мовы 1918–1941 гг. Аўтар выдзяляе тры невялікія перыяды развіцця нашай мовы ў акрэслены адрэзак часу, якія характарызуюцца адноснай цэласнасцю і змястоўным адзінствам. Аргументавана даводзіцца, што першы перыяд (1918 – канец 1930 г.) праходзіў пад знакам граматычнага нармавання літаратурнай мовы, папаўненнем слоўніка, пашырэннем сфер выкарыстання і закончыўся пачаткам пагрому беларускага мовазнаўства ў канцы 1930 г. Гэта зроблена ўпершыню, бо такой дыферэнцыяцыі мы не знойдзем ні ў падручніку Л.М. Шакуна, ні ў акадэмічнай «Гісторыі беларускай літаратурнай мовы». Пры гэтым даследнік зыходзіць з таго, што «перыядызацыя гісторыі беларускай літаратурнай мовы грунтуецца як на “унутранай” гісторыі літаратурнай мовы..., так і на “знешняй” гісторыі мовы, якая бярэ пад увагу абсяг пашырэння літаратурнай мовы ў соцыуме, аб’ём і характар грамадскіх функцый, якія выконваліся ёй ў розныя гістарычныя перыяды, яе сувязі з народнымі гаворкамі і іншымі літаратурнымі мовамі, якія бытавалі ці бытуюць на адной з ёй тэрыторыі, і г. д.» (с. 5). Азіраючы палетака, С. Запрудскі робіць выснову, што арышты ў сярэдзіне 1930 г. (*іх можна параўнаць з расстрэльнай ноччу беларускіх пісьменнікаў 29.10.1937 г. – Д.П.*) шэрагу вядучых лінгвістаў і кампанія па іх дыскрэдытацыі, якая неўзабаве разгарнулася, стварылі атмасферу, у якой беларуская мова пачала развівацца на іншых асновах (с.8). Сапраўды, рэпрэсіі і пераследы, якія абрынуліся на беларускую навуку ў 30-я гады, калі ў савецкай Беларусі адбывалася фізічнае знішчэнне беларускіх мовазнаўцаў і сістэматычнае вынішчэнне распрацаванай імі навуковай метадалогіі, – гэта сапраўдны крах беларускай лінгвістыкі. Заканамерна і тое, што беспадстаўныя арышты мовазнаўцаў поўнасьцю змянілі навуковую атмасферу беларускай лінгвістыкі.

Другі часавы адрэзак ахоплівае канец 1930 – жнівень 1933 г. Ён характарызуецца арыштамі вядомых моваведаў, кампаніяй па прыніжэнні іх аўтарытэту, барацьбе з гэтак званым нацыянал-дэмакратызмам у мовазнаўстве, адыходам ад сталых нормаў, выпрацаваных у папярэдні час. Трэці перыяд (1933–1941) пачынаецца прыняццем сумнавядомай пастановы СНК БССР ад 26 жніўня 1933 г, якая па сутнасці «сімвалізавала сабой адыход ад традыцый, у рэчышчы якіх адбывалася ўдасканаленне літаратурных нормаў беларускай мовы ў ранейшыя гады» (11). Заўважым, што ў сваёй папярэдняй працы даследчык быў больш катэгарычным і даводзіў: «рэформа беларускай мовы 1933 г. з’яўляецца прыкладам непасрэднага ўздзеяння на моўнае рэфармаванне ідэалагічных фактараў» [3, с. 263].

Другі раздзел прысвечаны аналізу найбольш значных прац па гісторыі беларускай літаратурнай мовы Л. Шакуна, І. Германовіча, А. Баханькова, М. Абабуркі, падкрэсліваецца іх роля ў асвятленні перыяду 1920–1930-х гг. Тактоўна палемізуючы з навукоўцамі, даследнік даводзіць, што, з аднаго боку, яны быццам бы імкнуліся рэабілітаваць тэндэнцыю развіцця тагачаснага мовазнаўства, з другога ж, прытрымліваліся «ідэалагічных акцэнтаў» і «пэўнага метадалагічнага канону», абумоўленага несвабодай навуковага мыслення, уласцівага 1960–1980 гг.

Дадатным, як падаецца, з’яўляецца ўвядзенне ў шырокі навуковы ўжытак малавядомай у нас англамоўнай працы П. Вэкслера «Пурызм і мова. Даследаванне сучаснага ўкраінскага і беларускага нацыяналізму (1840–1967)», у якой замежны вучоны прыйшоў да высновы, што «пурызм стварыў бар’ер паміж беларускай і суседняй рускай мовай на ўсіх узроўнях настолькі, што было складана гаварыць аб моцнай роднасці беларускай і рускай моў, якая б дазваляла лічыць беларускую мову дыялектам» (28). Падаецца, што варта перакласці на беларускую мову хаця б тую яе частку, у якой апісана наша мова, зрабіўшы даступнай больш шырокаму колу даследчыкаў.

Удумлівае абыходжанне з матэрыялам, паглыблены аналіз яго ў трэцім раздзеле даў вучонаму падставу гаварыць пра пераемнасць беларускай літаратурнай мовы «нашаніўскага» перыяду з мовай 1920–1930 гг. Тут выказваецца адна нетрывіяльная думка наконт таго, што

«пераважная большасць слоў, якія сёння разумеюцца як “паланізмы” або “русізмы”, трапілі ў беларускую літаратурную мову не з польскай або рускай літаратурных моў, а з агульнаўжывальнай беларускай мовы (кайнэ) або з беларускіх гаворак» (37). Пры гэтым заўважаецца, што ў 20-я гг. беларуская мова асвойвала новыя для сябе стылі – навуковы і афіцыйна-справавы, – арыентуючыся на народнамоўныя сродкі.

Наступны раздзел лагічна працягвае папярэдні і прысвечаны разгляду развіцця лексікі тагачаснай літаратурнай мовы, змен у яе структуры. Пераканаўча даводзіцца, што падрыхтоўка і выданне шматлікіх тэрміналагічных слоўнікаў, падручнікаў, твораў мастацкай літаратуры, навукова-папулярных кніг садзейнічала шматразоваму ўжыванню і ўзнаўленню новых слоў, замацаванню іх у маўленчай практыцы і рабіла здабыткам усяго грамадства. Усё гэта ілюструецца шматлікімі прыкладамі з разнастайных тагачасных прац.

У пятым раздзеле разглядаецца феномен моўнага рэдагавання ў 1920–1930 гг. як сацыяльнай практыкі. Пра гэтым даследнік карыстаецца не сучаснымі крытэрыямі моўнай дасканаласці, а, каб пазбегнуць суб’ектыўнасці, скажэння канкрэтных моўных фактаў, вылучае некалькі важных фактараў (с. 60). На адрозненне ад іншых мовазнаўцаў, С. Запрудскі арыентуецца не толькі на моўныя праўкі твораў Я. Коласа, але і іншых аўтараў, а таксама практыку заходнебеларускай мастацкай літаратуры. Прычым гэта, як заўсёды, аргументуецца з прыцягненнем шырокага ілюстрацыйнага матэрыялу больш глыбока і дэтальна. Падсумоўваючы сказанае, ён робіць выснову: калі да 1930 г. станаўленне беларускай літаратурнай мовы адбывалася натуральным чынам, з улікам разнастайнасці моўнага рэдагавання, то з пачатку 1930-х яно падпала пад моцны ідэалагічна-палітычны ўплыў, змяніўшы моўныя навацы ў бок нівелявання беларускага слоўніка і супадзення яго з рускім.

Наступны раздзел адкрывае перад чытачамі панараму стылістычных змен у сінанімічных радах. Аўтар прадметна прасочвае шлях у літаратурную мову асобных лексем, падкрэслівае, што на гэтай дарозе нярэдка сустракалася шмат паваротак. Уражвае багацце прааналізаванага матэрыялу, які даў падставу сцвярджаць, што складанасці абумоўлены агульнай непразрыстасцю мовазнаўчага стылістычнага дыскурсу, так як тэрміны «стыль» і «стылістыка» тады ўжываліся толькі ў дачыненні да літаратуразнаўства.

Праца самастойная і карысная не толькі з навуковага, але і пазнавальнага боку. Нязмушаны выклад матэрыялу, пытанні для самакантролю дазваляюць далучаць студэнтаў да навуковага дыялогу, падштурхоўваюць да case study – самастойнага аналізу канкрэтных сітуацый, звяртаюць увагу на маладаследаванія ў навуковай літаратуры пытанні. Яна дапамагае студэнтам больш глыбока, панарамна і аб’ектыўна зразумець гісторыю нашай мовы. З яе дапамогай студэнты-філолагі даведваюцца, што ў 1920–1930-я гг. беларускае мовазнаўства перажыло кароткачасовы, але вельмі плённы перыяд росквіту, руху наперад і ўверх і ўступіла ў перыяд заняпаду і «поўную змену арыенціраў у моўным будаўніцтве».

Даробак С. Запрудскага надзвычай вялікі і каштоўны, ён не толькі нагадвае нам пра памылкі нашага нядаўняга мінулага ў галіне моўнага будаўніцтва, але і папярэджвае нас ад іх цяпер і ў будучыні, садзейнічае бесстаронняму аб’ектыўнаму падыходу да разгляду складаных пытанняў. Галоўны яе вынік – высвятленне рэальнага становішча мовазнаўства 1920–1930-х гг., яго ролі ва ўнармаванні літаратурнай мовы, у пошуках самастойных шляхоў фармавання і развіцця як адметнай славянскай мовы. Кніга прываблівае сваёй навуковасцю, глыбінёю, арыгінальнасцю і свежасцю думкі. Гэта канцэптэуальная размова з чытачом па складаных пытаннях станаўлення і развіцця тагачаснай літаратурнай мовы, усталявання яе суверэннасці і ўсебаковага высвятлення ўсіх акалічнасцяў тагачасных моўных працэсаў.

Стыль, метадалогія, спосаб інтэрпрэтацыі і рэпрэзентацыі даследавання С. Запрудскага скіраваны на стварэнне адпаведнай рэцэпцыі чытача. Спалучаючы навуковую карэктнасць і эмацыянальнасць выкладу, С. Запрудскі імкнецца развеяць туманнасць гісторыі беларускай літаратурнай мовы 1920–30х гг., прыбраць каменне на пакручастым шляху развіцця і фармавання нашай мовы ў першай трэці ХХ ст., уключаючы ў гісторыка-мовазнаўчы працэс спадчыну тых моваведаў, якія сталі ахвярай палітычных рэпрэсій і якіх палітычная цэнзура выкрэслівала з айчыннай гісторыі, замоўчвала іх ролю. Кніжка атрымалася цікавай,

навуковай і папулярнай. Спадзяёмся, што яна будзе не толькі добрым вучэбна-метадычным дапаможнікам для студэнтаў-філолагаў, аспірантаў, беларусаведаў, але і для выкладчыкаў, яе з цікавасцю ўспрымуць у асяроддзі людзей неабыякавых да роднай мовы, яе гісторыі.

Галоўная мэта кнігі – падаць як студэнтам, так і шырокаму колу грамадскасці поўнае, нагляднае, навукова выверанае ўяўленне пра той няпросты час, яго перыпетыі – дасягнута поўнаасцю. Яна стала важкім даробкам у паглыбленым вывучэнні і даследаванні аднаго з самых складаных адрэзкаў у гісторыі беларускай літаратурнай мовы XX ст.

Літаратура

1. Запрудскі, С.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (1918–1941 гг.): вучэб.-метад. дапам. / С.М. Запрудскі. – Мінск : БДУ, 2017. – 115 с.
2. Караткевіч, Ул. Мова (што я думаю пра цябе) / Ул. Караткевіч // Творы: Проза. Драматургія. Публіцыстыка. – Мн. : Маст. літ., 1996. – С. 535–552.
3. Запрудскі, С.М. Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады / С.М. Запрудскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 367 с.

Гомельскі гасударственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.12.2017

Функционирование дискурсивных маркеров во французской учебной лекции

И.В. ПАНТЕЛЕЕВА

Рассматриваются особенности функционирования дискурсивных маркеров в коммуникативной структуре французской учебной лекции. В фокусе исследования – структурные, функционально-семантические и обусловленные ими просодические различия в реализации дискурсивных маркеров в двух разновидностях учебной лекции – лекции-чтении и лекции-говорении. Выявлены основные характеристики дискурсивных маркеров, обозначено соотношение дискурсивов-организаторов и дискурсивов-регулятивов, определена коммуникативная роль просодии, представлен перечень просодических средств их актуализации.

Ключевые слова: коммуникативная структура, функции дискурсивных маркеров, просодия дидактического дискурса, учебная лекция.

The peculiarities of discourse markers functioning in communicative structure of French academic lecture are considered. The focus of the study is structural, functional and semantic as well as prosodic differences determined by them in the discourse markers realization in both varieties of French academic lecture – reading-lecture and speaking-lecture. The main features as well as the correlation between the discourse markers functioning as organizers and regulators are revealed. The communicative role of prosody and the list of prosodic means making their prosodic prominence are presented.

Keywords: communicative structure, functions of discourse markers, prosody of didactic discourse, academic lecture.

Коммуникативно-прагматический поворот в языкознании предопределил интерес лингвистов к изучению незначительных слов, отражающих не только отношения между элементами описываемого фрагмента действительности, но и отношения между элементами структуры дискурса, регулирующими интеракцию между коммуникантами (Е.В. Ледяева, С.Ю. Тюрина, А.А. Прохорова). Современные исследования речевого общения показывают, что эффективное выполнение задачи «сообщить» невозможно без использования дискурсивных маркеров, элементов, оптимизирующих понимание и восприятие сообщения, обеспечивающих связность в дискурсе [1], [2], [3].

В лингвистической литературе отсутствует четкое определение дискурсивных маркеров (ДМ), открытым остается вопрос об их корпусе, статусе и функциях в различных типах дискурса в силу их лексической отвлеченности, грамматической многомерности и коммуникативной многофункциональности [1], [4], [5], [6]. В рамках настоящего исследования под ДМ, вслед за Н.А. Катиной, мы понимаем «слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между адресантом и адресатом, несущие важную функциональную нагрузку как в плане прагматической ориентации, так и в плане его структурно-синтаксической организации» [1, с. 14].

С точки зрения функциональных характеристик ДМ подразделяют на дискурсивы-организаторы и дискурсивы-регулятивы, причем отмечается, что обе группы способны демонстрировать функциональный синкретизм [2]. Дискурсивы, обслуживающие организаторскую функцию, реализуют ее на глобальном (связь частей дискурса) и локальном уровнях (выражение логических отношений). Регулирование взаимодействия коммуникантов и прагматические смыслы сообщаемого обеспечиваются, в том числе, за счет дискурсивов-регулятивов. Интерпретация функций ДМ как единиц речи зависит от ряда факторов: позиции в коммуникативной структуре дискурса, смысла высказывания, просодического воплощения [2]. В настоящем исследовании к изучению ДМ применяется коммуникативно-прагматический подход, который предполагает выявление, с одной стороны, их роли в организации дискурса и формировании коммуникативной структуры высказывания, с другой, – их участие в обеспечении интеракции коммуникантов [4]. Исследования, проведенные в данном направлении, показывают, что количественно-качественные характеристики и функции ДМ находятся в непосредственной зависимости от жанрово-стилевой принадлежности

дискурса [1], [4], [6], [7], [8]. Очевидно, что, выступая в качестве средства организации информации и регулирования отношений между говорящим и слушающим, ДМ приобретают особое значение в учебной лекции, которая требует не только адаптированного к ситуации структурирования информации, но и обеспечения контакта с аудиторией.

Устный характер учебной лекции предполагает определенное участие просодии в актуализации функций ДМ. На роль просодии в функционировании ДМ в устных формах дискурса указывают многие авторы (Д. Шиффрин, Ж. Дости, Р. Бертран, С. В. Кодзасов). При этом подчеркивается, что функциональное разнообразие и частотность ДМ определяются как жанром, так и степенью подготовленности речи [4], [7], [8]. В учебной лекции коммуникативная значимость просодического воплощения ДМ оказывается особенно очевидной в связи с тем, что лектору необходимо с помощью языковых средств, и в том числе просодии, эксплицировать логические связи между частями дискурса и элементами отдельного высказывания, а также устанавливать контакт с аудиторией, управлять процессом восприятия речи, т. е. отводить большое место прагматической составляющей.

Таким образом, в дидактическом дискурсе ДМ представляют интерес не только с точки зрения особенностей их использования для организации информации, выражения коммуникативной структуры высказывания и регулирования интеракции, но и их участия в создании специфики внутрижанровых разновидностей лекции, различающихся характером озвучивания информации (чтение/говорение), а также места просодии в актуализации их функций.

Исследование проводилось на материале записей фрагментов 15 учебных лекций по гуманитарным дисциплинам, размещенных на сайтах университетов Франции [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15]. Общее время звучания фрагментов составило 145 минут. Для анализа использовались два вида лекций: лекции, прочитанные в учебной аудитории без прямой опоры на письменный текст (лекция–говорение), и лекции, записанные в студийных условиях с прямой опорой на письменный текст (лекция–чтение).

Проведенное исследование позволило установить структурные, количественные, функционально-семантические и обусловленные ими просодические различия в реализации ДМ в двух разновидностях учебной лекции – лекции–говорении (ЛГ) и лекции–чтении (ЛЧ). Анализируемые разновидности лекций различаются составом употребляемых ДМ. Помимо общих для обеих разновидностей лекции ДМ (*et, alors, mais, donc, car, d'ailleurs, en fait, voilà, disons, bien, et donc, et puis, et de fait, bien sûr, rapellons que*), каждая из них обладает специфичным набором ДМ. Типичными для ЛЧ оказываются временные коннекторы (*puis, ensuite, d'abord*), коннекторы уступки (*cependant, au moins*). В то же время, ЛГ характеризуется бóльшим по сравнению с ЛЧ разнообразием ДМ, где в роли ДМ используются слова, характерные для разговорной речи: дающие импульс сообщению (*bon, bon voilà, et voilà, et bon, et bein, et bien*), являющиеся сигналами конклюзии (*quoi, enfin voilà, hein, voilà donc*), указывающие на непосредственный контакт с аудиторией (*nous irons voir, vous serez pas étonnés*).

Структурный анализ ДМ показал, что ЛГ и ЛЧ обнаруживают некоторые различия в употреблении структурных классов ДМ: если однословные (96 % – ЛЧ, 87 % – ЛГ) и двухсловные (ЛЧ – 4 %, ЛГ – 12 %) ДМ встречаются в обеих разновидностях лекций, то трехсловные ДМ выявлены только в ЛГ (1 %). Двухсловные ДМ могут быть образованы за счет слияния союзов *et, mais, donc*, наречий *alors, bon u bien, предлога voilà (et puis, et donc, et bien, et voilà, et alors, mais bon u np.)*. Усложнение структуры ДМ в ЛГ связано с выполнением ими нескольких функций одновременно: логического структурирования сложной информации научного порядка и обеспечение ее «передаваемости» и понимания слушающим.

Анализ частотности ДМ позволил установить, что в ЛЧ на 100 слов текста приходится 2 ДМ, тогда как в ЛГ – 4 ДМ. Более высокая частотность ДМ, обнаруженная в ЛГ, связана, в первую очередь, с квазиспонтанным характером данной жанровой разновидности и непосредственным контактом с аудиторией. К числу наиболее частотных ДМ, употребляемых в обеих разновидностях лекции, относятся *et, alors, donc, mais*, при этом для ЛГ значимыми в количественном отношении оказываются и ДМ *bon, bon voilà, voilà* (рис.1).

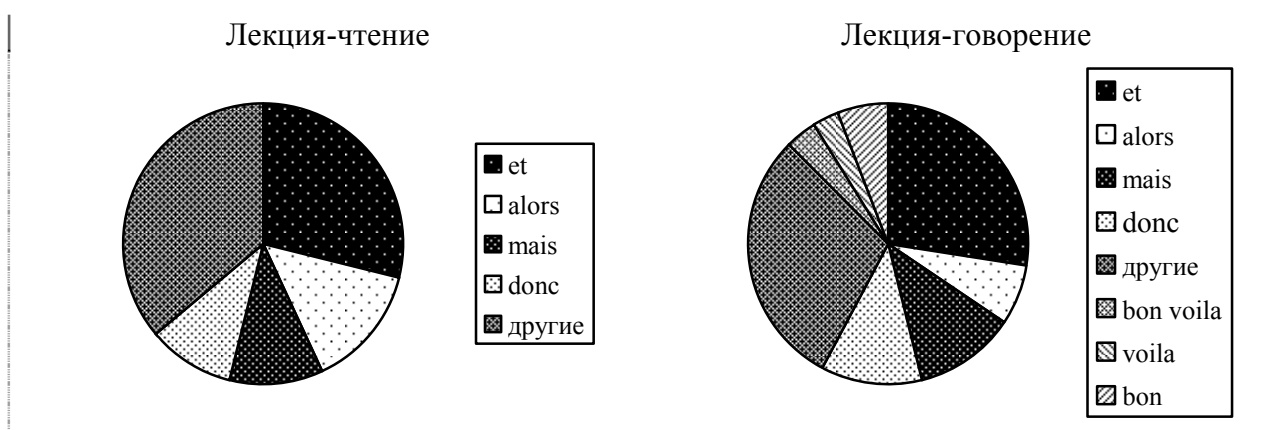

Рисунок 1 – Частота встречаемости ДМ в учебной лекции

Дискурсивная семантика ДМ обусловлена, с одной стороны, их участием в организации связного текста, с другой – мотивирована прагматическими категориями «убедительность», «доступность». В целом, ДМ *alors* в устной речи наиболее часто служит для осуществления логической связи, структурирования дискурса. Маркер *mais* одновременно включает в себя ряд логико-связующих и композиционно-структурных значений (сегментация дискурса). Полисемантический характер ДМ *donc* проявляется в дискурсе на локальном уровне, где он выступает маркером вывода и следствия, повторения и переформулирования, и металингвистическом уровне, где *donc* структурирует информацию, устанавливая связи между ее элементами. Значение ДМ *et* как логического коннектора заключается в связывании гомогенных элементов дискурса, подчеркивании комплементарности гетерогенных элементов, добавлении или введении новых элементов. В значении глобального организатора ДМ *et* обеспечивает когезию фрагментов дискурса. Среди других маркеров синонимичные ДМ *bien* и *bon*, с одной стороны, имеют значение согласия и одобрения, оценки ранее сказанного, с другой – могут быть сигналом сегментации дискурса (начало/завершение новой темы, вывод). Прототипическим значением маркера *voilà* является идея указания на объект, привлечение внимания к нему или его уточнение. Наряду с этим маркер *voilà* используется в речи в качестве маркера открытия/закрытия новой темы.

В обеих разновидностях учебной лекции преобладающими оказываются маркеры, доминирующей функцией которых является организация информации на глобальном и локальном уровнях (дискурсивы-организаторы), что объясняется как научным характером дидактического дискурса, так и желанием говорящего сформировать у слушающих четкое представление о сложном и новом явлении.

Анализ дистрибуции ДМ в обеих разновидностях учебной лекции показал, что в зависимости от синтаксических и структурных особенностей дискурса, а также прагматических установок говорящего ДМ могут занимать любую позицию по отношению ко всем компонентам коммуникативной структуры. Локализация ДМ обусловлена выполняемой ими функцией (функциями), которая в свою очередь предопределяет их просодические характеристики: ДМ полностью (отделяются паузами) и частично (выделяются с помощью усиленного ударения и маркированного тона) обособляются просодически, либо, наоборот, просодически сглаживаются (ср.: Е.Л. Фрейдина [7]).

Дискурсивные маркеры в начальной позиции в фоноабзаце, под которым понимается единица просодического анализа устной речи, состоящая из дискурсивных компонентов преамбулы (темы, тематической рамки, логического подлежащего, показателей модальности, точки зрения, связующих элементов), ремы и постремы [4], являются в большинстве случаев композиционно-структурными организаторами. Они указывают на открытие или завершение дискурса/новой темы, очередность и последовательность тем (примеры 1, 2). Подобная делимитативная функция напрямую связана с другой – акцентирующей: вводя новую и значимую для слушающего информацию, логически связанную с предшествующей, говорящий желает обратить внимание на начало нового этапа в сообщении. Семантика дискурсивного маркера может усиливать важность и достоверность сообщаемого. Так, в примере (1) значе-

ние маркера *bien* содержит элемент оценки. В таких позициях ДМ просодически обособляются в приблизительно одинаковом количестве случаев в обеих разновидностях лекции (ЛЧ – 24 %, ЛГ – 29 %). Просодическая выделенность достигается за счет долгой или сверхдолгой паузы и нисходящего или восходящего тона сверхвысокого уровня широкого интервала. Выбор восходящего или нисходящего тона в этих случаях определяется прагматическими факторами: установкой на дальнейшее развитие мысли (для восходящего тона) и указанием на важную информацию, которая последует за этим ДМ (для нисходящего тона):

(1) || *Les Chinois vivent donc surtout | dans le sud || et dans l'est || surtout le long des fleuves || surtout le long des côtes. || \ Bien* (сш). | *Mais dans \ quelle* (вш) *proportion || Regardons maintenant une carte de densité de la Chine des années deux mil. Les oppositions de couleurs ont un sens: <...>.*

(2) *D'un point de vue stylistique, d'un point de vue artistique pardon on voit que <...>. D'un point de vue historique il s'agit là d'un phénomène essentiel car <...>. | En / fin* (свш) || *d'un point de vue artistique || on voit aussi || à travers ces quatre | modèles | d'une même réalité, | le cheval, || que le réalisme || n'est pas nécessairement || la finalité | poursuivie par tous les artisans grecs || <...>.*

Введению отдельных компонентов коммуникативной структуры – темы, тематической рамки или ремы – способствуют ДМ, локализованные непосредственно перед ними. Например, ДМ *donc*, *alors* сохраняя значения вывода и следствия, вводят тему, резюмирующую сказанное до этого, (пример 3) или рему (пример 4) и, таким образом, выполняют функцию организаторов:

(3) *Euh En ce qui concerne le cas particulier de Nisa, il y a un problème majeur qui est la le rapport entre les morts et les vivants dans la ville puisque le seul texte que nous avons ne nous dit qu'une chose: c'est que c'est un site funéraire royal. Euh \ Donc* (сш) || *{à par'tir de 'là || absolument pour tout la tout le "spectre interprétatif} [a été parcouru] hein.*

(4) *A >lors, version laïque, || c'est la commémoration d'un épisode héroïque (с) entre Parthes et nomade. Version Mary Boyce, || c'est un épisode de l'Avesta. | 'A \ors* (свш) || *[c'est pas seulement l'évidence archéologique (свш) qui est | "parcourue || par cette "stratification d'explication |, c'est aussi l'évidence épigraphique || <...>.*

Просодическая автономность ДМ, реализуемая за счет пауз и нисходящего тонального движения, основное значение которого можно сформулировать как «определенность», «категоричность», придает маркерам экспрессивность и обеспечивает выполнение регулятивной функции, заключающейся в выделении главного, установлении контакта со слушающим, повышении уверенности.

Выделение ДМ в самостоятельную синтагму внутри ремы или темы способствует фокализации, то есть прагматически обусловленному просодическому выделению компонентов коммуникативной структуры: тематической рамки (пример 5), всей ремы (пример 6) элемента ремы (пример 7) в обоих видах лекции. При сохранении первичных значений оценки и указания (*bon u voilà*), следствия и противопоставления (*donc u mais*) ДМ выполняют структурирующую и акцентирующую функции: указывают на новый фрагмент и привлекают внимание к нему. Усилению акцентирования способствует просодическая выделенность маркеров, достигаемая за счет оформления их в отдельную синтагму, повышения тонального уровня и расширения мелодического интервала (пример 8) восходящего (пример 7) или нисходящего тонов (примеры 5, 6, 8):

(5) || *Pour \ lui ||, la monnaie (сву) || c'est d'abord une "condition "permissible (сш) des des \ crises* (ну). || { *Parce que >euh... |} \ bon* (ну) | *{loin 'd'être un \ voile (сву) pour / Marx (сш) || la monnaie (су) |} [rend possible (сш) la "décomposition entre un \ acte (сву) d'achat || et un "acte de | "vente des marchands |.]*

(6) *<...> a \ors* (су) || *on en restera \ là* (свш) | *{entre 'quinze cent 'deux 'quinze cent \} douze* (су). *Du 'point de 'vue > des | des fonctionnements institutionnels (нш) || il faut 'dire \ :que} | voi : \ là-a-a || [il y a une "situation (свш) || italienne (сш) || euh... qui \va... | per /mettre /que* (ну) || *euh "tout 'va s'apaiser (сву) pendant cette période] (ну). [Hein jusqu'en 'quinze cent / douze (су) | la reprise des / guerres (су), || la reprise des / guerres (су), || et | la défaite des Français en 'quinze cent \ douze (ну), et \ là... | le retour de Médicis hein |.]*

(7) || *Tout ce / la* (су) | *[créé naïf | 'familiari-té avec / l'autre (свш), || \ donc* (су) | *l'absence de \ peur de / l'autre ||, / donc* (су) || *la "tolérance |.]*

(8) || *C'est fra'gile* (свш), || *ça se mo'dèle |'sur \ place. 'Et | {l'équipe ita-lienne} [a prou-ve "définitivement* (сш) || *que les 'grandes sta'tues de 'terre \ crue* (ну) *avaient été | mode'lées sur , place* (ну) || \ *mais* (свш) || *'par des ar >tistes* (с) || \ *qui euh || qui au'raient "parfaite'ment / pu* (сву) *être emplo'yés dans 'n'importe 'quelle ci'té \ grecque* ||.]

Характерно, что в этих случаях выбор направления тонального движения на ДМ обнаруживает разные тенденции в исследованных разновидностях лекций: в ЛЧ просодически обозначенный ДМ является в большинстве случаев носителем восходящего тона (45 %), реже – нисходящего (25 %) и сложных (восходяще-нисходящего – 14 %, нисходяще-восходящего – 6 %), ровного (10 %). Напротив, в ЛГ наиболее частотными оказываются ДМ, произносимые с нисходящим (42 %) или сложным восходяще-нисходящим (23 %) тонами, которые придают ДМ экспрессивный характер. Восходящий (15 %), нисходяще-восходящий (11 %) и ровный (9 %) тоны встречаются намного реже, причем в ЛГ, по сравнению с ЛЧ, большинство из них принадлежат к маркированным, отличающимся повышенным тональным уровнем. Анализ примеров показывает, что выбор направления тона определяется функцией ДМ: нисходящий тон характерен для ДМ, доминирующей функцией которых является акцентирующая.

Просодическая сглаженность ДМ, так же как и просодическая выделенность, зависит не от его места в коммуникативной структуре, а от выполняемой им функции. В случае отсутствия просодического выделения маркер встраивается в синтагму, не меняя ее смыслового веса и придавая непрерывность и естественность речи, являясь при этом средством логической аргументации (пример 9), связи однородных частей (10), т. е. выполняя исключительно организующую функцию:

(9) <...> *le commerce terrestre de \vient | plus diffi /cile* || *et donc il \ faut | développer des | lignes maritimes* ||. *Alors la 'Chine /songe | à \ sa | fa çade sur le Paci/fique | et à la 'Mer de Chine |. {L'em \ pereur} va donc faire con /struire | des "dizaines de na /vires, | les 'sources d'ai'lleurs 'sont 'diver /gentes,* (свш) || *elles \ parlent* (су) | *au minimum d'une cen /taine* (сву) *et au maximum de 'treize cent vai /sseau* (свш) || <...>.

(10) *Ce qui est en \ clair* (су) | *in >dique* (су) | *plutôt des terres ' vides,* (свш) || *en fon \ cé,* (ну) | *des \ terres* (ну) | *"densément peu /plées* (сш) || *et les 'points , noirs* (ну) *repré /sentent* (су) || *'les grandes /villes* (ну) || *'très densé'ment peu /plées |.* (ну)

И частично выделенные, и сглаженные повторяющиеся ДМ могут выступать в роли коннекторов, соединяющих следующие друг за другом элементы, между которыми нет видимой логической связи. В таких случаях эти элементы приобретают некоторую экспрессивность за счет создаваемого повтором ДМ эффекта «скандирования» (пример 11):

(11) || *Euh euh c'est \ donc* (су) || *Pi'ero Sode /rini* (су) | *qui est é \ lu* (сш) || *par le 'Grand con /seil* (сву) ||. *'Et* (сву) | *il 'rentre en / charge* (су) || *à par /tir | 'de no /vembre* (су) || > *mille | cinq 'cent \ deux* (ну) (*no /vembre quinze cent \ deux*) | *Et il va y res /ter* || *jus'qu'à | > donc* || *jus'qu'à l'au /tomne* || *'quinze cent \ douze |, jus'qu'à l'au /tomne quinze cent \ douze* || *alors* || *voi \ là* ||.

Полная и частичная просодическая выделенность ДМ создается как паузами, так и интенсифицированным ударением. В подобных случаях ДМ выполняют, как правило, акцентирующую функцию, подчеркивая фокус ремы (примеры 12, 13), при этом семантика маркера привносит дополнительное прагматическое содержание:

(12) *La seconde forme de délégation au contraire concerne des activités dont les sujets peuvent être emmenés à supporter directement le coup ou plus généralement la charge individualisée si c'est une charge fiscale. | {Cet "affer /mage} | [se déve /loppe / donc || pour de nom'breuses fo- n'ctions administra'tives et judi /ciaires | nota'mment pour les 'prévô \ té.* |]

(13) *{La première \ carte que l'on peut |regar ↑der}, [c'est une ↑carte di ↑sons de 'propo- r- tions |.* (ну)] *La Chine fait neuf millions et demie de kilomètres carrés* <...>.

ДМ в конечной позиции относятся ко всему фоноабзацу и встречаются только в ЛГ. Значительную роль при этом играет способность маркеров образовывать семантические комбинации, каждый из компонентов которых оказывается задействованным. Так, значение вывода маркера *voilà* дополняется значением маркера *enfin*, что позволяет говорящему не только завершить фрагмент и сделать вывод, но и привлечь внимание, усилив высказанную мысль (пример 14):

(14) <...>' *et on est 'prêt, ^ nous, (cy) | à prou'ver | que (cy:) | ils 'sont excommuni ^és (cy) | et et qui ^ sont (cy) | et qui 'sont des enne'mis | de/Dieu (cy) |. On est 'prêt > à: deman> der (c) | le 'juge'ment de \ Dieu (ну) || hein l'orda \lie **en-fin voi ↑là** / le. Il est évidem/ment | un des 'plus "sanglés de | un des plus "san'glés 'de | de des savonarolien <...>.*

В ЛГ в одном высказывании могут встречаться несколько ДМ, относящихся ко всем частям коммуникативной структуры: тематической рамке, теме, реме, что позволяет говорящему усилить коммуникативную значимость каждой части (пример 15):

(15) *!"A\ lors, (cy) | {'dans la version la'ique 'Paul Ber' nard (сву) ||} **et bien** {les rhy↑ tons} [ça ↑ sert à ↑ boire de> dans] 'voilà !.*

Проведенное исследование показало, что ДМ, используемые во французской учебной лекции, характеризуются:

а) вариативной дистрибуцией, определяемой дискурсивной и синтаксической структурой речи, а также коммуникативно-прагматической функцией маркеров;

б) разной частотностью употребления в зависимости от разновидности учебной лекции;

в) полифункциональностью, обусловленной позицией в коммуникативной структуре, внутренними характеристиками дидактического дискурса, прагматической установкой говорящего;

г) синкретизмом как способностью совмещать выполнение организаторской и регулятивной функций, соотношение которых определяется внутрижанровыми различиями;

д) комбинаторностью как вероятностью образовывать сочетания, наделенные разными функциями;

е) вариативностью просодического оформления, обусловленного функцией (функциями) маркеров и принадлежностью к той или другой разновидности лекции.

Установлено, что в учебных лекциях преобладают ДМ, выполняющие организаторскую функцию, что в полной мере соответствует прагма-коммуникативным характеристикам дидактического дискурса как одного из видов научного. Дискурсивы-организаторы представлены логико-связующими маркерами. Доля регулятивов выше в лекции-говорении, где общение отличается более высокой степенью спонтанности и экспрессивности.

При значительной вариативности просодического воплощения ДМ выявлены общие закономерности, характерные для учебной лекции. Просодическая сглаженность свойственна ДМ, выполняющим только организаторскую функцию. Полная и частичная формы просодической выделенности возможны при одновременном выполнении маркерами организаторской и регулятивной функций. Просодическая автономность привносит в ДМ значение регулятивов и сообщает им акцентирующую, экспрессивную и фатическую функции. Она реализуется за счет паузации и «акцентирования» тональных характеристик (повышения тонального уровня, расширения мелодического интервала, инверсии/усложнения тонального движения). Экспрессивные тональные характеристики – сложный восходяще-нисходящий тон, средневысокий тональный уровень – в большей степени свойственны лекции-говорению, что подчеркивает ее более экспрессивный характер по сравнению с лекцией-чтением, обусловленный непосредственным контактом с аудиторией.

Литература

1. Катина, Н.А. Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.А. Катина ; ФГБОУ ВПО Московск. пед. гос. ун-т. – М., 2014. – 162 с.

2. Викторова, Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблема выделения и специфики функционирования ; автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Викторова ; Саратовск. нац. исследоват. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2016. – 49 с.

3. Lefeuve, F. Eh bien comme évaluateur de discours [Ressource électronique] / F. Lefeuve // Travaux de linguistique: Revue Internationale de Linguistique Française, De Boeck Université. – Mode d'accès : <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01142361v2>. – Date d'accès : 16.10.2016.

4. Morel, M.-A. Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Paris : Ophrys, 1998. – 292 p.

5. Simon, A.-C. Integration ou autonomisation prosodique des connecteurs / A.-C. Simon, A. Grobet, // *Speech Prosody 2002 : proceedings of the 1st International Conference on Speech Prosody, Aix-en-Provence, 11–13 April 2002.* – Aix-en-Provence, 2002. – С. 647–650.
6. Селиванов, В.И. Дискурсивно-коммуникативная рамка во французской публицистической статье : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В.И. Селиванов ; Московск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1994. – 16 с.
7. Фрейдина, Е.Л. Риторическая функция просодии (на материале британской академической публичной речи) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04 / Е.Л. Фрейдина ; Московск. пед. гос. ун-т. – М., 2005. – 33 с.
8. Vincent, D. Les ponctuants de la langue et autres mots du discours / D. Vincent. – Quebec : Nuit Blanche, 1993. – 168 с.
9. Duplouy, A. Initiation à l'art grec Introduction [Ressource électronique] / A. Duplouy // Université Paris I Panthéon-Sorbonne. – Mode d'accès : <http://tice.univ-paris1.fr/28393169/0/fichepagelibre/&RH=cours-video&RF=pod-001>. – Date d'accès : 04.07.2014.
10. Zancarini, J.-Cl. Le laboratoire florentin - 2ième partie L'art de gouverner à Florence [Ressource électronique] / J.-Cl. Zancarini // Ecole Normale Supérieure de Lyon. – Mode d'accès : http://www.canalu.tv/video/ecole_normale_superieure_de_lyon/02_le_laboratoire_florentin.3145. – Date d'accès : 04.07.2014.
11. Grenet, F. Histoire et cultures de l'Asie centrale préislamique [Ressource électronique] / F. Grenet // Collège de France. – Mode d'accès : https://www.college-de-france.fr/site/frantz-grenet/_audiovideos.htm. – Date d'accès : 04.07.2014.
12. Dockès, P. Marx: les crises et notre crise [Ressource électronique] / P. Dockès // Ecole Normale Supérieure de Lyon. – Mode d'accès : https://www.canalu.tv/video/ecole_normale_superieure_de_lyon/marx_les_crisis_et_notre_crise.7444. Date d'accès : 16.07.2014.
13. Pontier, J.-M. L'État unitaire et l'État fédéral [Ressource électronique] / J.-M. Pontier // Université Numérique Juridique Francophone. – Mode d'accès : <https://cours.unjf.fr/enrol/index.php?id=65>. – Date d'accès : 20.07.12.
14. Guglielmi, G. Introduction au droit des services publics [Ressource électronique] / G. Guglielmi // Université Paris I Panthéon-Sorbonne. – Mode d'accès : http://tice.univ-paris1.fr/54899278/0/fiche_pagelibre/&RF=epi-564. – Date d'accès : 03.10.2013.
15. Fournel, J.-L. Machiavel – chapitre 8 du Prince – La question de la morale en politique [Ressource électronique] / J.-L. Fournel // Université Ouverte des Humanités. – Mode d'accès : https://www.canalu.tv/video/ecole_normale_superieure_de_lyon/machiavel_chapitre_8_du_prince_la_question_de_la_morale_en_politique.5084. – Date d'accès : 04.07.2014.

Девербативы инструментального значения с суффиксом *-в-* в русском языке

О.И. СОЛОДКАЯ

Представлен структурно-семантический анализ девербативов с суффиксом *-в-* – *кресиво*, *кладиво*, *сечиво*, *лазиво*, имеющих инструментальное значение и известных в праславянский период. Отмечена тенденция вытеснения девербативов инструментальной семантики с суффиксом *-в-* отглагольными производными с суффиксом *-л(о)*, для которых значение орудия действия является регулярным на протяжении всей истории русского языка.

Ключевые слова: этимология, словообразование, субстантив, девербатив, производное слово, формант, инструментальное значение, словообразовательный синоним.

The structural-semantic analysis of deverbatives with *-v-* suffix – *кресиво*, *кладиво*, *сечиво*, *лазиво*, which have instrumental meaning and known in the proto-Slavic period is presented. The trend of displacement of the instrumental semantics deverbatives with *-v-* suffix by verbal derivatives with *-л(о)* suffix, for which the meaning of action is regular throughout the history of Russian language, was noted.

Keywords: etymology, word formation, substantive, deverbative, derivative word, formant, instrumental meaning, word-formation synonym.

Системность языка предопределяет системность каждого его уровня, а следовательно, подход к изучению языковой единицы также должен носить системный характер. Лингвисты отмечают, что слово никогда не возникает вне ряда, оно образуется лишь на пересечении рядов. Исследование происхождения слова предполагает поиск этих «координат» [1, с. 217–218]. Цель этимологического анализа языковеды видят не столько в поисках этимона, сколько в определении модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значении на базе соответствующего языка [2, с. 194]. Таким образом, при этимологическом анализе важно изучение не отдельно взятого слова, а лексической единицы, рассматриваемой как часть языковой системы.

В лингвистической литературе подчеркивается важность исследования словообразовательного форманта, игнорирование которого может привести к ошибочной этимологии: «Яснее системность форманта, чем основ. Поэтому именно анализ форманта – часто наилучшая руководящая нить при этимологизации, обнаруживающая ряд, в котором возникло слово, и тем самым устанавливающая одну из осей для определения его координат» [1, с. 225]. При этом исследователи полагают, что основанием этимологии в современном языкознании становится изучение не только набора словообразовательных формантов, но и их роли в создании определенных лексико-грамматических групп слов, изучение омонимии и полисемии словообразовательных формантов [2, с. 206].

Цель работы заключается в выявлении и структурно-семантическом анализе девербативов, образованных при помощи суффикса **-v-*, имеющего словообразовательное значение орудийности. Объектом исследования являются отглагольные существительные **kresivo*, **kladivo*, **sěčivo* и **lazivo*, отнесенность которых к периоду праславянского языкового единства не вызывает сомнений.

На современном языковом срезе исследуемый суффикс образует субстантивы, в качестве мотивирующей основы которых выступают глаголы, существительные и прилагательные; среди производных превалируют девербативы. В современном русском литературном языке суффикс *-в-* является непродуктивным (некоторую продуктивность отдельные его алломорфы обнаруживают в разговорной речи). Слова с данным формантом выражают различные значения: значение предмета, вещества, возникающего в результате действия или являющегося объектом действия, названного мотивирующим словом, значение животного, орудия, собирательного понятия по характерному действию (*наства*), собирательное значение (*листва*), значение ‘носитель предметного признака’ (в случае образования от именной основы), значение отвлеченного признака (при образовании от имени прилагательного).

Исследователи высказывают разные точки зрения относительно природы суффикса. А. Мейе и Э. Бенвенист отмечают, что праформой индоевропейского суффикса **-v-* является **-u-*. Однако А. Мейе возводит **-v-* к **-ū-*, а Э. Бенвенист – к **-u-*. Наблюдения над древним языковым материалом позволяют А. Мейе сделать вывод о свойственном данному суффиксу уже в индоевропейский период орудийном значении [3, с. 371], [4, с. 79].

Анализ указанных выше отглагольных субстантивов невозможен без исследования их семантики, так как слово характеризуется единством формы и значения. О.Н. Трубачев подчеркивает, что реконструкция полнозначных элементов языка будет лишь тогда реальной, когда она будет и реконструкцией значения: «Эволюция значений не может не выразиться через эволюцию форм слов, тем самым – реконструкция значений тесно связана с реконструкцией форм, она во многом как бы читается через реконструкцию формы» [5, с. 4–5].

Субстантив *кресиво* известен ряду славянских языков (сербохорв., словц. стар., ст.-польск., польск., чеш., ст.-укр, укр., бел.) в значении ‘огниво’; чешское диалектное *křesivo* служит для наименования процесса – ‘высекание искры, огня’, польскому языку известно *krzesivo* в значении ‘ружейный замок (курок и полка)’. Появление указанных выше значений объясняется семантикой производящей основы, в качестве которой выступает глагол **kresiti*, имеющий различные значения в славянских языках: др.-русс. *крѣсѣти* ‘воскресить, оживить’, русск. диал. *кресить* ‘воскрешать, оживлять; высекать огонь огнивом из кремня’, сербохорв. *krésciti*, *krujésciti* ‘вспыхивать, покрываться румянцем, сиять’, словен. *krésiti* ‘разводить большой огонь, испускать искры’, *kresiti se* ‘сверкать, переливаться’, чеш. *křisiti* ‘воскрешать, возвращать к жизни, оживлять’, словц. *kriesit* ‘приводить в чувство, воскрешать’, ст.-польск. *krzesić* ‘воскрешать, оживлять; поднимать’, польск. диал. *krzesić*, *krzysić* ‘оживлять, воскрешать, приводить в чувство’ [6, с. 126], словен. *krésati* ‘обрубать сучья, колотить’ [7, с. 373]. Процессуальное значение (‘высекание искры, огня’) объясняется отглагольным происхождением слова *кресиво*, а значение ‘ружейный замок (курок и полка)’, являясь предметным, отражает принцип получения искры при выстреле.

Составители «Этимологического словаря славянских языков» заключают, что праславянское **kresivo* образовано путем присоединения суффикса **(i)vo* к основе глагола **kresiti* [6, с. 126].

Обращает на себя внимание наличие в славянских языках однокоренных слов с другим формантом (*-ло* < **(i)dlo*), восходящих к праславянскому **kresidlo* ‘кресало, огниво’ (в сербохорватском языке *krěsilo* служит для номинации пистолета). Данный субстантив образован от глагола **kresiti* при помощи форманта **(i)dlo* [6, с. 125–126], [8, с. 139].

В славянских языках распространен и другой субстантив с суффиксом *-ло*: русск. *кресало* [9], [10, с. 221], бел. *крэсала* [8, с. 139], укр. *кресало* [11, с. 303] чеш. *křesadlo* [12, с. 300], сербохорв. *krěsalo*, словен. *kresálo*, словц. стар. *kresadlo*, в.-луж. *křesadlo*, н.-луж. производное *kśasalko*, словин. стар. *kř'osadlo*. Следует отметить, что именно с помощью существительного *кресало* дается толкование субстантивов *огниво* и *кресиво*. Возможно, это свидетельствует о большей, в сравнении с *кресиво*, распространенности существительного *кресало*. Последнее образовано от основы глагола *кресать*, соотносительного с *кресить*, путем присоединения форманта *-ло* [6, с. 124].

Следует остановиться на этимологии глагола **kresati*, который составители «Этимологического словаря славянских языков» связывают с существительным **krasa*: семантика ‘ударять, сечь, высекать’ у **kresati* не первична, а является производной от устойчивого сочетания **kresati *ogнь*, первоначально означавшего ‘создавать огонь’ (стирание древнего значения выразилось в переносе семантического акцента на технику добывания огня). На основании вышеизложенного лингвисты выдвигают предположение о сближении **kresati* с лат. *creō*, *creāre* ‘создавать, творить, вызывать к жизни’. Первоначальное значение глагола нашло отражение в семантике существительного **krasa*, в котором исходным было не значение жара, огня и т.п., а значение жизни, цвета жизни. Отсюда и семантика воскрешения у производного **kresiti* [6, с. 125].

Таким образом, можно констатировать, что для праславянского языка были характерны словообразовательные синонимы в субстантивах с суффиксами **-v-* и **-dlo*: **kresivo* – **kresadlo*, **kresidlo*. При разном формальном выражении словообразовательной морфемы у указанных субстантивов наблюдается тождественное словообразовательное значение орудия.

Существительное *кладиво*, *кладево* представлено в русских диалектах тремя омонимами (современному русскому литературному языку слово не известно). В текстах XIV–XVI вв. *кладиво* употребляется в значении ‘деревянный молот; вообще любой молот’ [13, с. 147]. Исследуемое имя существительное известно большинству славянских языков (болг., макед., сербохорв., словен. стар., чеш., словц., др.-русс.), где имеет значения ‘молот’, ‘молоток’. Русским говорам известны следующие значения существительного *кладево*, *кладиво*: ‘время, пора складывания, возка с полей хлеба, складывание хлеба в скирды и гумна’, ‘большая укладка снопов’, ‘время кладки каменного дома, постройка, кладка каменного дома’, ‘пеше-

ходные мостки, перекинутые через ручей, овраг, болото и т.п., доски, бревна, служащие мостками», 'груз, поклажа, кладь', 'слабительное лекарство для лошадей'. Составители «Словаря русских народных говоров» выделяют омонимы *кладево* 2 'холощение, кастрация (домашних животных)', *кладево* 3 'смотрины, сговор о времени свадьбы' [10, с. 254].

Исследователи расходятся во мнении относительно характера семантики производящей основы: М. Фасмер полагает, что *кладиво*, *кладево* образовано от *кладу* 'бью', которое автор связывает с лат. *clades* 'ранение, ущерб, поражение' [7, с. 246]. Составители «Этимологического словаря славянских языков» не видят оснований предполагать особое **klasti* 'бить' (кастрировать и т.п.), утверждая, что данное значение возникло на базе фразеологически обусловленного употребления единого **klasti* 'ponere' [класть]. Поэтому лингвисты считают целесообразным рассматривать праславянское **kladivo* 'молот' как архаизм, продолжение и.-е. **kladiyo-m*, ср. лат. *gladius*, также *gladium* 'меч (ножеобразный), далее – лат. *clādēs* 'гибель, резня' [6, с. 178].

Э. Бенвенист на основании соответствия между греческим τίθημι 'кладу' и формами латинского *facere* 'делать' утверждает, что индоевропейский корень **dhē-* допускает одновременно значение 'делать' и значение 'класть' [14, с. 333]. Праславянский глагол **klasti* в разных славянских языках имеет значения, которые на первый взгляд никак не могут быть связаны: наряду с 'класть, ставить', 'складывать, располагать', 'раскладывать и разжигать (о костре)', 'складывать в снопы', 'приводить в порядок' в славянских языках встречаются значения 'жечь огонь, растапливать печь', 'толстеть, отъедаться', 'надеть (шапку и т.п.)', 'течь, выливаться', 'валить, рубить', 'думать, полагать', 'выплачивать', 'хоронить, погребать', 'косить, жать', 'запрягать', 'бить', 'выплачивать вознаграждение невесте родителями жениха', 'кастрировать домашних животных', 'нести яйца, нестись', 'строить', 'вить (гнездо)' [6, с. 187–188]. Если обратиться к точке зрения Э. Бенвениста, то связь понятий «класть» и «делать» объясняет такой широкий семантический спектр глагола **klasti*. В письменных памятниках с XVII в. глагол *класть* употребляется также в значениях 'делает, создавать, строить из кирпича или камня', 'делает, прокладывает дорогу', что отражает эту взаимосвязь [13, с. 153–154].

Значения субстантива *кладиво*, *кладево* могут быть объединены в семантические группы:

а) со значением процесса: 'складывание хлеба в скирды и гумна', 'кладка каменного дома', 'холощение, кастрация (домашних животных)';

б) со значением времени: 'время, пора складывания, возки с полей хлеба', 'время кладки каменного дома, постройки';

в) с общим значением орудия: 'молот', 'молоток';

г) с общим значением результата: 'груз, поклажа, кладь' (то, что появилось в результате складывания), 'пешеходные мостки, перекинутые через ручей, овраг, болото и т.п., доски, бревна, служащие мостками' (то, что было уложено).

Три последних типа значений связаны с семантикой глагола *класть* метонимически.

Значение 'слабительное лекарство для лошадей' существительного *кладиво*, очевидно, соотносится со значением 'течь, выливаться' глагола *класть*. Таким образом, *кладиво* в данном значении называет вещество, при помощи которого выполняется действие, то есть средство. Сема 'смотрины, сговор о времени свадьбы', надо полагать, связана со значением 'выплачивать вознаграждение невесте родителями жениха', так как на этапе сговора в том числе определялось количество денег, выдаваемых родителями жениха невесте на свадебные расходы, то есть *кладево* называет процесс. Не вызывает сомнений, что такие значения «отражают связи действия с условиями его реализации. Сам глагол не может иметь вторичных значений вне общего значения действия, поэтому такого рода значения выражает его синтаксический дериват», то есть «набор значений существительных соответствует валентностям производящих глаголов» [15, с. 106].

Субстантив **kladivo* образован от **klasti* путем присоединения к основе настоящего времени глагола суффикса **(i)v-*, вероятно, гласный *e* суффикса вторичен. Предположение лингвистов о том, что **kladivo* 'молот' является архаизмом, продолжением и.-е. **kladiyo-m*, говорит о вторичности согласного *v* суффикса **-iv-*: **-iυ-* > **-iv-*, что соответствует точке зрения, высказанной Э. Бенвенистом (**-u* есть гласная форма согласного звука **-υ-*) [4, с. 79]. Наличие данного существительного в большинстве славянских языков говорит о его отнесенности к праславян-

скому лексическому фонду. При этом субстантиву, известному еще в период праславянского языкового единства, свойственно орудийное значение (семантика существительного *кладиво*, характерная для русских диалектов, очевидно, является хронологически более поздней).

Современному русскому литературному языку существительное *сечиво*, *сечево* не известно. Данное слово употребляется в древнерусских текстах с XI в., в которых служит для обозначения того, чем секут, рубят; топора, секиры. В текстах более позднего периода (XIV в.) появляется также значение 'особый вид топора, тесло' [13, с. 111]. *Сечиво* известно и другим славянским языкам: болг. *сечиво* 'орудие, инструмент', сербохорв. *сјѣчи́во* 'молот' [7, с. 615].

В русских говорах *сечево* называют наказание розгами и мелко нарубленную зелень, используемую на корм скоту; резку [10, с. 250].

Субстантив **sěčivo* образован от глагола **sěko* путем присоединения суффикса **(i)v-*. А. Мейе, рассматривая **sěčivo*, соотносит его с лат. *seciunt*, подчеркивая при этом долготу гласного *i* [3, с. 371]. Таким образом, можно предположить, что гласный *e* суффиксальной морфемы (*сечево*) вторичен.

Все указанные значения существительного *сечиво* соотносятся с семантикой производящего глагола *сечь* 'наносить удары, ранить холодным оружием', 'рубить, рассекать, разделять на части', 'разбивать, разрушать, уничтожать ударом рубящего оружия', 'убивать, уничтожать холодным оружием' и т. п. [13, с. 108–109]. Так, 'молот' – то, чем наносят удар, 'топор' – орудие, используемое для рубки, разделения целого на части, 'мелко нарубленная зелень, используемая на корм скоту' – результат рубки, резки, значение 'резка' – наименование процесса, 'наказание розгами' – процесс, предполагающий нанесение ударов. Связь значений производного слова со значением производящей основы объясняется семантическими валентностями последней: действие предполагает наличие как предмета, которым оно совершается (орудийное значение), так и предмета, появляющегося после совершения действия (значение результата).

Следует отметить употребление в тексте XV в. (список XVI в.) существительного *сечило*, имеющего идентичное анализируемому субстантиву значение [13, с. 111]. Таким образом, для *сечиво* так же, как и для существительного *кресиво*, характерна словообразовательная синонимия.

Известность слова *сечиво*, *сечево* несмежным славянским языкам, фиксация его в первых памятниках древнерусской письменности (с XI в.) позволяет предполагать отнесенность субстантива к праславянской лексике.

Субстантив *лазиво*, *лазево* в лексикографических источниках современного русского литературного языка не фиксируется. В словаре В.И. Даля *лазево* подается со значением 'плеть, стремянки, снаряд для лазанья по бортям' [9], в говорах *лазево* обозначает также лазейку, узкий проход в овин, мшаник, яму и т. п., отверстие, окно, через которое подавали в овин снопы [10, с. 243]. В украинском языке *лізиво* имеет значение 'род веревочной лестницы с железным крючком на конце, чтобы лазить по деревьям (у бортников и т. п.)' [11, с. 368], диал. *лазиво* 'лестница' [6, с. 67]. В белорусском языке *лазіва* служит для намеименования приспособления из веревок для взбирания на дерево, [16, с. 610] (данным орудием пользовались, как правило, бортники), известен также словообразовательный вариант *лезва*, имеющий то же значение, что и *лазіва* [16, с. 639]. Анализируемый субстантив распространен и в других славянских языках: польск. *łaziwo* (или *leziwo*) 'бортническое приспособления из веревок для влезания на дерево' [17], чеш. *lezivo* 'то же' [8, с. 207], словц. диал. *lazivo* 'лестница' [6, с. 67].

Примечательно, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль толкует существительное *плеть* следующим образом: 'плеть, у бортников, лезиво, лазево, стремянки: снаряд, для лазанья по бортям: плетеная (плоская и мягкая) с одного конца и витая (круглая) с другого веревка в 16 сажень' [9]. Приведенная словарная статья представляет интерес в связи со включением в один ряд слов *лазево* и *лезиво*, что говорит о близости, а скорее, о тождественности их значений. При этом в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведены контексты из памятников письменности XVII в., в которых *лезиво* имеет только значение 'лезвие' [13, с. 199]. В русских говорах *лезиво* называет утолщенную часть топора; обух, «но не лезвие. То зовется востреё» [10, с. 338]. В «Словаре белорусского языка» И. И. Носовича зафиксирован субстантив *лезиво*, имеющий значение 'лезвие' [19, с. 267]. Выявленное в диалектах слово *лезво* 'лезвие, острие' [10, с. 338] (некоторым восточнославянским языкам известно также *лезо* 'то же') позволяет полагать, что *лезиво* 'лезвие' является словообразовательным вариантом существительного *лезво*.

Ж.Ж. Варбот в одной из своих работ обращается к сравнению существительных *лазиво* и *лезиво* (*лезво, лезо*) ‘лезвие’. Этимолог приходит к выводу о том, что последнее является поздним праславянским диалектизмом. Русским говорам известно выражение *лазить пчел* ‘подрезать ульи, брать мед’ и под. [6, с. 66], в белорусском языке среди значений глагола *лазиць* выделяется ‘подрезывать, подчищать пчел’ [18, с. 264] и др. Ж.Ж. Варбот доказывает родство между субстантивами *лазиво* и *лезиво* ‘лезвие’, опираясь не только на фонетические особенности, но и на семантику: значение ‘рубить, расчищать, ровнять, резать’ образуется на базе ‘ползти, пробираться’ через ступень ‘вырубить, расчистить, выровнять, чтобы пройти’ (ср. макед. диал. *лазет* ‘расчищать место в лесу для посева’) и ‘влезть, взобраться, чтобы вырезать’. Сема ‘лезвие’ появляется на базе указанного вторичного значения ‘рубить, расчищать, ровнять, резать’. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что восточнославянское название лезвия в словообразовательных вариантах **lězo, *lězъ, *lězivo, *lězvo* является не случайно созвучным, а производным от глагола **lězti* (итератив **laziti*) [19, с. 42].

Обращает на себя внимание наличие иных значений у существительного **lězivo*, служащего для наименования лезвия: др.-русс. *лезиво* ‘земельный участок’ [20, с. 16 (грамота 1445 г.)], польск. *leziwo* ‘приспособление бортника для влезания за высокорасположенными бортиками’ [17], укр. *лезиво* ‘лестница из лыка у бортников’ [11, с. 353]. Ж.Ж. Варбот полагает, что в данных словах представлена одна и та же форма, унаследовавшая в каждом случае различные значения мотивирующего глагола **lězti* [19, с. 43]. Так, предметные значения, известные польскому и украинскому языкам, соотносятся с семьей ‘лазить, карабкаться, ползти, взбираться’. Значение ‘земельный участок’, очевидно, связано с понятием отделения, разрезания.

Существительное **lazivo* образовано от глагола **laziti* путем присоединения суффикса **(i)v-* (гласный *e* суффиксальной морфемы, очевидно, вторичен) к производящей основе [6, с. 67]. Русским диалектам известно существительное *лезево*, имеющее то же значение, что и *лазиво*, но отличающееся корневым вокализмом [9].

В говорах распространен субстантив *лазило*, имеющий значение ‘входное отверстие в погреб’ [10, с. 244], синонимичное диалектному *лазево*. Близость значений и различие в суффиксальной морфеме позволяет полагать, что указанные слова являются словообразовательными синонимами.

Составители «Этимологического словаря славянских языков» в связи с фиксацией слова в нескольких славянских языках, а также разветвленностью его семантической структуры относят существительное **lazivo* к праславянскому лексическому фонду.

Субстантивы *кресиво, кладиво, сечиво* и *лазиво* образованы от глагольных основ при помощи одинакового суффикса, выражающего словообразовательное значение орудия. Таким образом, данные deverбативы правомерно отнести к одной словообразовательной модели. Отметим, что праславянское происхождение анализируемых существительных, разветвленность их семантической структуры свидетельствуют о древности не только словообразовательного форманта, но и словообразовательной модели.

Как показывает исследованный материал, в семантической структуре рассматриваемых существительных представлены тематически различные лексические значения, однако объединяющим является именно орудийное значение. Примечательно, на наш взгляд, что А. Мейе среди значений отглагольных субстантивов с формантом *-ivo* (у существительных женского рода *-iva*) выделил *nomen instrumenti*, другие слова с данным суффиксом исследователь отнес к категории слов с неясной этимологией [3, с. 371].

Появление у deverбатива значения орудийности (а также результата, места, времени и др.) объясняется характером производящей основы. Как указывает П.П. Шуба, «глагол обычно называет целую ситуацию, в которой участвуют субъект и объект действия, значение его часто требует наименования орудия действия, места действия, результата действия» [21, с. 86]. Субстантивы *кресиво, кладиво, сечиво* и *лазиво* образованы от основ глаголов несовершенного вида, имеют словообразовательные синонимы *кресало, сечило* и *лазило*, образованные от тех же основ (*кресало* от *кресать*, итератива *кресить*), но при помощи форманта *-ло* < **dlo*, для которого значение орудия является первичным.

Проанализированный языковой материал позволяет говорить о наличии словообразовательной синонимии суффиксов **-v-* и **-dlo* в орудийном значении и о тенденции вытеснения инструментальных deverбативов с суффиксом **-v-* отглагольными дериватами с суффиксом

*-*dlo*. Современному русскому литературному языку девербативы орудийного значения с суффиксом *-в-* не известны, в то время как существительные со словообразовательным формантом *-ло*, для которого инструментальное значение является одним из основных, распространены в литературном языке.

Литература

1. Никонов, В.А. Поиски системы / В.А. Никонов // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам / Отв. ред. О.Н. Трубачев. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 217–235.
2. Варбот, Ж.Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях / Ж.Ж. Варбот // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам / Отв. ред. О.Н. Трубачев. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 194–212.
3. Meillet, A. Études sur l'étimologies et le vocabulaire du vieux slave en deux parties / A. Meillet. – Paris, 1902–1905. – Partie 2. – 1905. – 512 p.
4. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Н.Д. Андреева. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 260 с.
5. Трубачев, О.Н. Реконструкция слов и их значений / О.Н. Трубачев // Вопросы языкознания / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М. : Наука, 1980. – № 3. – С. 3–14.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева – М. : Наука, 1974–издание продолжается. – Вып. 9. – 1983. – 197 с. ; Вып. 12. – 1985. – 187 с. ; Вып. 14. – 1987. – 271 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – Т. 2. – 671 с. ; Т. 3. – 2009. – 830 с.
8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэдкал. : Г.А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларуская навука, 1978. – Т. 5. – 1989. – 319 с.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – М. : Бука, 2008. – 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM).
10. Словарь русских народных говоров / Редкол. : Ф.П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – М., Л. : Наука, 1965 – Издание продолжается. – Вып. 13. – Л. : Наука, 1977. – 359 с. ; Вып. 15. – Л. : Наука, 1979. – 399 с. ; Вып. 16 / Редкол.: Ф.П. Сороколетов (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1980. – 376 с. ; Вып. 37 / Редкол. : Ф.П. Сороколетов (гл. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 359 с.
11. Словарь украинского языка : в 4 т. / Под ред. Б.Д. Гринченко. – Киев, 1907–1909. – Т. 2. – 1908. – 574 с.
12. Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – Praha, 1968. – 868 s.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Редкол.: С.Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975 – Издание продолжается. – Вып. 7. – 1980. – 405 с. ; Вып. 8 / Редкол. : Ф.П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – 1981. – 352 с. ; Вып. 24 / Редкол. : Г.А. Богатова (гл. ред.) [и др.]. – 2000. – 254 с.
14. Бенвенист, Э. Семантические проблемы реконструкции / Э. Бенвенист // Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : «Прогресс», 1974. – Гл. XXVII. – С. 331–349.
15. Ермакова, О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. – М. : Русский язык, 1984. – 152 с.
16. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча : ў 5 т. / Рэдкал. : Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч [і інш.]. ; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1979–1986. – Т. 2. – 1980. – 728 с.
17. Wydawnictwo Naukowe PWN [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sjp.pwn.pl/>. – Дата доступа : 08.11.2017.
18. Насовіч, І.І. Слоўнік беларуская мовы / І.І. Насовіч. – Мн. : Беларуская Савецкая энцыклапедыя, 1983. – 792 с.
19. Варбот, Ж.Ж. Заметки по славянской этимологии / Ж.Ж. Варбот // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования / Отв. ред. О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1965. – С. 27–43.
20. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893–1912. – Т. 2. – 1902. – 1803 с.
21. Современный русский язык : в 3 ч. / Редкол.: П.П. Шуба, Т.Н. Вольнец, И.К. Германович ; под ред. П.П. Шубы. – Мн. : Плопресс, 1998. – Ч. 2. : Словообразование. Морфонология. Морфология. – 1998. – 544 с.

УДК 811.161.3'367'42:398.82(476.2)

Сінтаксічныя сродкі звязнасці і вобразнасці ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны

А.А. СТАНКЕВІЧ

Апісваюцца сінтаксічныя сродкі звязнасці і вобразнасці ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны. Да сінтаксічных сродкаў звязнасці адносяцца разнастайныя віды паўтору ў тэкстах каляндарнай абраднасці – падваенне, анафара, полісіндэтон, шматзлучнікаваць, шматпрыназоўнікаваць, дэрывацыйны паўтор. Акрамя звязнасці тэксту, гэтыя фігуры паўтору садзейнічаюць выдзяленню з кантэксту паўтораных лексічных адзінак, актуалізацыі, умацненню або ўдакладненню іх семантыкі, з'яўляюцца сродкам рытмізацыі і дынамічнасці паэтычнага маўлення, павышаюць яго выяўленча-выразны патэнцыял.

Ключавыя словы: каляндарна-абрадавыя песні, звязнасць тэксту, вобразнасць песні, сінтаксічныя сродкі выразнасці, анафара, падваенне, полісіндэтон, дэрывацыйны паўтор.

The syntactic coherence and the imagery in the calendar-ritual songs of the Gomel region are described. The syntax means of connectivity include various types of repetitions in the texts of calendar rituals – doubling, anaphora, polysyndeton, derivational replay etc. In addition to the coherence of the text, these repetition figures contribute to distinguishing duplicate lexical units from the context, updating, amplifying or refining their semantics, and they are a means of rhythmic and dynamic poetic speech, enhance its expressive potential.

Keywords: calendar-ritual songs, flow of the text, imagery of the song, syntactic expressive means, lexical repetition, anaphora, doubling, polysyndeton, derivational replay.

Важнейшим састаўным кампанентам духоўнай культуры лічыцца народная мова, якую В. фон Гумбальт вобразна назваў «душой народа». Лексічная сістэма народнай мовы ўключае розныя тэматычныя групы слоў, у тым ліку і абрадавыя назвы, старажытны і аксіялагічна значны пласт народнага слоўніка.

Каляндарна-абрадавую творчасць даследчыкі называюць адным з самых рэпрэзентатыўных раздзелаў традыцыйнай культуры беларусаў, функцыянальная спецыфіка якой у тым, што «ён спадарожнічаў чалавеку, соцыуму, этнасу ў цэлым штодзённа на працягу круглага года» [1, с. 5]. Каляндарная абраднасць, як вядома, падпарадкавана гадавому земляробчаму календару, у адпаведнасці з якім у ёй выдзяляюцца зімовыя, восеньскія, веснавыя і летнія абрады.

Каляндарна-абрадавыя песні, што суправаджалі ўсе цыклы каляндарнай абраднасці, вызначаюцца, як і іншыя жанры абрадавага народна-песеннага дыскурсу, сваёй меладычнасцю, напеўнасцю, вобразнасцю і выразнасцю. Невыпадкова песенную народную творчасць называюць вышэйшым узроўнем развіцця вуснага слоўнага мастацтва. Як слушна адзначыў Н.С. Гілевіч, для народнай песні характэрна «незвычайна высокае паэтычнае майстэрства народных песнятворцаў, іх зайздроснае ўменне карыстацца сэнсавымі, вобразна-выяўленчымі і інтанацыйна-эўфанічнымі магчымасцямі роднай мовы» [2, с. 3].

У сістэме выяўленча-выразных моўных сродкаў каляндарна-абрадавага песеннага дыскурсу адметнае месца займаюць сінтаксічныя сродкі, пераважна разнастайныя паўторы, якія садзейнічаюць сварэнню структурна-сэнсавай цэласнасці тэксту, яго рытміка-інтанацыйнай арганізацыі, актуалізацыі семантыкі паўтораных слоў, іх лагічнаму выдзяленню, семантычнаму разгортванню ідэйна-тэматычнага зместу твора. Паўторы ў народна-паэтычных творах часта набліжаюцца да ўстойлівых моўных формул [3, с. 5]. Як адзначаюць даследчыкі фальклору, «паўтор – гэта адзін з найбольш шырока распаўсюджаных прыёмаў у фальклорнай традыцыі. Ён сустракаецца ў розных жанрах, разнастайных творах і самых розных тэкстах, выконваючы пры гэтым разнародныя функцыі» [4, с. 5]. У мовазнаўстве даволі грунтоўна распрацавана класіфікацыя тыпаў паўтараў моўных адзінак і іх функцый у паэтычным маўленні [5]–[8].

У каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны надзвычай актыўна выкарыстоўваюцца разнастайныя тыпы паўтораў, якія выконваюць выразную структурна-семантычную ролю і адрозніваюцца паводле характару паўтораных моўных адзінак (гукавыя, марфалагічныя, лексічныя, сінтаксічныя паўторы), якасці і ролі паўтору (поўныя і частковыя, тоесныя і замяшчальныя), узаемаразмяшчэння (кантактныя і дыстантныя), кампазіцыйнай ролі (лакалізаваныя і нелакалізаваныя), колькасці паўтораных элементаў (двух-, трох-, шматразовыя) і інш.

Даволі часта сустракаецца ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны лексічны, або тоесны, поўны паўтор – паўтор адной і той жа намінацыянай адзінкі, які, акрамя звязнасці, садзейнічае лагічнаму выдзяленню асобных слоў, узмацненню іх сэнсавага нападзення, падкрэсліванню значэння. Паводле лакалізацыя ён можа быць кантактным, што стварае фігуру падваення, вельмі распаўсюджаную ў народных песнях. Падваенне ў каляндарна-абрадавых песнях найчасцей выражаецца дзеясловамі, што абумоўлена яго функцыяй – накіраванасцю на пэўнае абрадавае дзеянне (сустрэча вясны, провады русалкі, пахаванне стралы, калядаванне і г. д.). Кантактны тоесны паўтор падкрэслівае пэўнае дзеянне, вызначае яго паўтаральнасць, працягласць, інтэнсіўнасць або напружанасць, а таксама рытуальную значнасць: *Ай, выйду на вуліцу, Да й гляну, гляну ў чыста поле, А ў чыстым полі агонь гарыць* [9, с. 138]; *Шчадрую, шчадрую, У кадушчы сала чую* [9, с. 55]; *Прыйдзі-прыйдзі, мой міленькі, Ды на последні вечарок* [9, с. 101]; *Вяду, вяду карагод, Усе дзевачкі за намі* [9, с. 150]; *Ты ж жанісь, жанісь, Да сынок Васячка* [10, с. 66]. У некаторых выпадках ужываецца парнае падваенне, якое прыводзіць да сінтаксічнага паралелізму і ўзмацняе рытмізацыю паэтычнага маўлення: *Ты кукай, кукай, зязюлечка, Нямножка табе кукаваць .. Ты гуляй, гуляй, дзяўчоначка, Нямножка табе пагуляці* [10, с. 196]; *Закацісь, закацісь, жарка сонейка, Да прыбудзь, да прыбудзь, міленькі дружок, Хоць на маленькі часок* [10, с. 196].

Падваенне, выражанае назоўнікам, можа падкрэсліваць месца дзеяння: *Там на рэчыцы, рэчыцы .. Там дзяўчына бела плаце мыла* [9, с. 37]; *Па двару, двару па шырокаму .. Пава лятала, пер'е раняла* [9, с. 51]; *А ў полі, полі Хрыстос ходзя. Святы вечар. У полі, у полі вішанька стаіць, Святы вечар* [9, с. 68]; або яго час: *Ой, зіма, зіма марозная, Чаго рана становішся?* [9, с. 38].

Дыстантны тоесны паўтор не толькі лагічна выдзяляе, падкрэслівае значэнне паўторанай лексемы, але і звязвае асобныя фрагменты тэксту: *Правяду русалку, правяду Ды й асінкаю заламаю* [9, с. 156]; *Страла, страла, не ідзі ўздоўж сяла, Не бі, страла, добра молайца* [9, с. 225].

Арыгінальным і цікавым, тыповым для вуснай народна-паэтычнай творчасці, з'яўляецца так званы частковы (дэрывацыйны) паўтор, звязаны з ужываннем аднакаранёвых слоў: *Ой, шла Каляда, калядуючы, праз сяло. Зайшла ж яна да пана Сцяпана пад акно* [9, с. 75]; *Святое Васіллі Нас падвесяліла* [10, с. 96]. Гэты паўтор называюць таксама таўталогіяй.

Дэрывацыйны паўтор спрыяе ўзнаўленню ўнутранай формы аднакаранёвых слоў, актуалізацыі іх семантыкі і лагічнаму выдзяленню, што ў значнай ступені садзейнічае экспрэсівізацыі народна-паэтычнага маўлення. Часцей за ўсё паўтараюцца аднакаранёвыя словы, якія належаць да розных часцін мовы: *Вясна, дзе бывала? – У лесе спала. – Што ты там рабіла? – Жэрдзі высякала, Гарод гарадзіла, Капусту садзіла* [9, с. 114]; *Начаваў я ночку, начаваў я другу, Начаваў я ў тае ўдавіцы, што сватаці буду* [9, с. 177].

Павышэнню вобразнасці выказвання садзейнічае ўключэнне ў склад кампанентаў дэрывацыйнага паўтору аказіяналізмаў, якія ажыўляюць паэтычнае маўленне і павышаюць сэнсавую напоўненасць слова. У ліку аказіяналізмаў – прыметнікі: *Дай, Божа, вясну красну, Да на цёпльы лета, Да на густыя жыта, На густыя, ядраністыя, Коласам каласістыя!* [9, с. 114]; *Зрадзі, Божа, жыта Ды на новае лета .. Коласам каласіста, На ядро ядраніста, .. На таку – умалотам, На млыне – прымолам* [9, с. 130–131]; назоўнікі: *Ты, цыганка-варожачка, Паваражы мне нямножачка* [9, с. 217]; *Драма дрэмле над кудзеляю, Драма дрэмле над шаўковаю. Устань, драма, свёкар ідзе, Свёкар ідзе, журбу вязе* [9, с. 221]; дзеясловы: *Ясная зорачка-зара зарыць, Люлі, люлі-палюлі* [9, с. 68].

Кантактны дэрывацыйны паўтор, акрамя звязнасці, выконвае ролю ўзмацнення сэнсу і ідэйнай значнасці паўтораных слоў: *Дзе ж ты, хмелю, зіму зімаваў, Да й не развіваўся?* [9, с. 177]; *Там дзяўчына гуляла, .. Яна каліну ламала, .. На дарожку брасала, .. А на масточкі масціла* [10, с. 67].

Дыстантны дэрывацыйны паўтор выконвае ў першую чаргу функцыю звязнасці, ён аб'ядноўвае адасобленыя, размешчаныя на пэўнай адлегласці, адзінкі тэксту, спалучае іх паміж сабой, у выніку чаго ўзмацняецца іх значэнне і роля ў раскрыцці зместу маўлення: *Стаў караблік падплываць, карабельчык стаў пытаць* [10, с. 192]; *Непагадлівае жаркае сонейка Непагадае на мне. Не па-старому, не па-новому* [10, с. 212]; *А ў нас сёння дажыначкі, Мы жыцечка дажалі* [10, с. 212].

Паўтор аднакаранёвых слоў, як паказваюць прыклады, падкрэслівае семантыку каранёвай марфемы. Пры шматкампанентным дэрывацыйным паўторы ў тэксце могуць утварацца словаўтваральныя гнёзды, якія, канцэнтруючы ўвагу на паўтораных словах, узмацняюць галоўную думку твора: *У чаўночку, ты, вясна, наша весяла-у, Вясёлая, звесялі нашу ўсю вулачку, Усю вулачку, шчэ зялёнаю дубраву-у* [9, с. 116]; *Вясна наша вясёлая, Взвесяліла всю улицу, Всю зялёную дубровачку І молодую молодочку* [10, с. 121].

Розная часцінамоўная прыналежнасць кампанентаў дэрывацыйнага паўтору ў каляндарна-абрадавым дыскурсе спрыяе стварэнню аб'ёмнай характарыстыкі апісваемых з'яў: падкрэслівае суб'ект і яго дзеянне: *Шчадровачка шчадравала, Пад вакенцам начавала* [9, с. 72]; асобу і яе ўласцівасць: *Маладая маладзіца, маладзіца, Чаго на вулку не выходзіш, Не выходзіш, дзеўкам таночкі не заводзіш, Не заводзіш?* [9, с. 101]; аб'ект і яго прыкмету: *Медуница, мелуница, мядовая, мядовая, Чаго не расцееш?* [10, с. 190]; прадмет і яго дзеянне: *Самі звонкі Зазваніліся. Самі ладуны Закурыліся* [9, с. 215]; адцягненную з'яву і яе адметнасць: *Дзіва-дзіўнае, шчэ й дзіўнейшае, Святы вечар добрым людзям* [10, с. 75]; дзеянне і яго аб'ект: *Наша Валечка сады садзіла. Святы вечар .. Сады садзіла шчэ й палівала. Святы вечар. Паліваўшы, Бога прасіла. Святы вечар* [10, с. 60].

З ліку лакалізаваных паўтораў у каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны найчасцей выкарыстоўваецца анафара – адзінапачатак – паўтор слоў або словазлучэнняў у пачатку сумежных сказаў, які з'яўляецца важным сродкам актуалізацыі семантыкі паўтораных моўных адзінак і прыводзіць звычайна да сінтаксічнага паралелізму, рытмізуючы паэтычнае маўленне.

Граматычная акрэсленасць анафаруючай моўнай адзінкі надае гэтай фігуры маўлення дадатковае семантычнае адценне. Так, дзеяслоўная анафара паказвае высокую ступень значнасці дзеяння або працэсу, перадае інтэнсіўнасць яго праяўлення: *Пойдзем, сястра, лугамі, Расцелімся цвятамі. А ты будзеш жоўты цвет, А я буду сіні цвет. Будуць людзі цвяты рваць, Будуць нас успамінаць* [10, с. 192–193];

– субстантыўная анафара звяртае ўвагу на суб'ект або аб'ект дзеяння, які можа абазначацца як канкрэтным, так і адцягненым назоўнікам: *Вясна з летам сустракалася, Вясна ў лета пыталася. Дабрыдзень табе, цёмная ночка* [10, с. 112];

– займеннікавая анафара ўказвае на суб'ект дзеяння, яго асабістыя адносіны да падзей, можа выражаць абагуленае значэнне асобы: *Ты пчолка ярая, Ты вылець з-за мора, Ты вынесі ключыкі, Ключыкі залатыя* [9, с. 95]; *А калі б жа мне, малодцы, К той зязюлькі на крылля, Я б жа тую староначку ўсю б аблятала, Я б жа тую староначку ўсю аблятала, Я б жа свайго міленькага па шляпцы ўзнала* [10, с. 156];

– адвербіяльная анафара ўзмацняе акалічнасны дэтэрмінант пры дзеяслове: *Дзе матка плача – там рэчка цячэ, Дзе сястра плача – там калодзеці, Дзе дзеткі плачуць – там ручайкі бягуць, Дзе жана плача – там расы няма* [9, с. 221]; *Дзе каза ходзя, Там жыта родзя. Дзе каза хвастом, Там жыта кустом. Дзе каза рогам – Там жыта стогам* [10, с. 84] – перакрыжаваная анафара.

Даволі часта ў каляндарна-абрадавых песнях анафаруюцца лексічныя адзінкі, выражаныя службовымі часцінамі мовы:

– злучнікам, утвараючы анафарычны полісіндэтон: *Брала дзеўка лён драбненькі, Да не выбрала, Да зашло сонца, да ў аконца, Да сямнела ж там, Да пабаялася яна да ісці дадому. Да іздзелалась яна да на том да на полі, Да высокаю таполяй* [10, с. 203];

– прыназоўнікам, ствараючы анафарычную шматпрыназоўнікавасць: *Благаславі, Божа, вясну клікнуці, На лета новае, На жыта тоўстае, На лета цёплае, На поле ўродлае* [9, с. 105];

– выклічнікам: *Ой, долам, долам, усё далінаю, Ой, хто там едзе вечарынаю, Ой, едзе, едзе Іванка п'яны* [10, с. 47];

– безасабовым словам: *Німа сена лашадзём, Німа сена, ні броўкі, Німа дзеўкі ля боку. Німа і не будзе* [9, с. 76].

Нярэдка ў анафарах спалучаюцца самастойныя і службовыя часціны мовы, што прыводзіць да поўнага структурнага паралелізму, які праяўляецца ў аднолькавай пабудове суседніх сказаў: *Ой, вясна, ой, красна! Што ты нам прынясла? Ці, можа, сала, Ці, можа, яйка, Ці, можа, масла брусочак, Ці пірага кусок?* [9, с. 106].

Строфная, сінтаксічная анафара, пры якой у пачатку строф паўтараюцца аднолькавыя або раўназначныя сінтаксічныя канструкцыі, таксама даволі часта сустракаецца ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны. Яна выконвае ў паэтычным кантэксце выразную структурна-семантычную і экспрэсіўную функцыі – садзейнічае ўпарадкаванню слоўнай пабудовы тэксту, лагічнаму, паслядоўнаму развіццю думкі і ўзмацненню яго эмацыянальнага гучання: *А я ўдаўцу ўгаджу, Пасцельку белу пасцялю .. А ушынку пуд спінку, Каменьчыкаў у галоўку, А крапіўку пуд ножку. А каменьчык муліца, А шупшынка колеца, А крапіўка жарыца, А ўдавец дзеўцы жаліца* [9, с. 139]; *Жавараначкі, прыляціця, Вясну красну прынясіця, Каб сонейка засвяціла, Каб снег белы растапіла, Каб садочки расквіціла* [9, с. 90].

Сустракаюцца ў каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны і такія фігуры маўлення, як шматзлучнікаваць і шматпрыназоўнікаваць. Шматзлучнікаваць, або полісіндэтон, – выкарыстанне аднаго і таго ж злучніка перад кожным аднародным членам сказа – дапамагае звязаць асобныя элементы ў сінтаксічнае адзінства і разам з тым выдзеліць кожны з іх, паказвае шматлікаць і разнастайнасць прадметаў і з'яў: *Гаспадар ідзе, каляду нясе, І калядніцу, і паляніцу, І кусок сала, , штоб наша Козанька патанцавала* [9, с. 82]; *Ты, дзядзечка, не ляжы, А да нас выхадзі. Так і шчодраў падары: І каўбасы кусочак, і яечак пяточак, І піражка скарынка, і цыбулі – прырынка* [9, с. 62].

Выдзеліць асобныя словы, падкрэсліць іх значэнне дапамагае таксама шматпрыназоўнікаваць – паўтор аднолькавых прыназоўнікаў перад аднароднымі членамі сказа: *Выганяю на чорную зямлю, На раннюю вясну. Травіцы наядайся, вадзіцы напівайся* [9, с. 146]; *Із-пад лесу, лесу цёмнага, Із-пад садзіку, з-пад зялёнага Туда ішлі-прайшлі два-тры малодцы* [9, с. 162].

Шматзлучнікаваць і шматпрыназоўнікаваць садзейнічаюць, акрамя таго, рытмізацыі паэтычнага маўлення і яго сістэмна-структурнай арганізацыі. Паўтор прыназоўнікаў можа спалучацца з паўторам злучнікаў або часціц, утвараючы парны паўтор службовых слоў, які ўзмацняе выдзяляльнае значэнне:

– па колькасці паўтораў, як паказвае аналіз прыкладаў, часцей сустракаюцца двухкампанентны і трохкампанентны паўторы;

– па меры павелічэння колькасці ўзмацняецца сэнсавая напоўненасць паўтараемых лексем, павышаецца іх роля ў раскрыцці ідэйна-тэматычнага зместу верша.

Такім чынам, у каляндарна-абрадавых песнях Гомельшчыны актыўна выкарыстоўваюцца розныя тыпы паўтораў – поўныя і частковыя, лакалізаваныя і нелакалізаваныя, кантактныя і дыстантныя. Яны выконваюць разнастайныя функцыі – садзейнічаюць звязнасці каляндарна-песеннага дыскурсу, выдзяляюць з кантэксту паўтораныя словы, актуалізуюць, узмацняюць або ўдакладняюць іх семантыку, з'яўляюцца сродкам стварэння рытмізацыі маўлення і дынамічнасці апавяду, павышаюць яго выяўленча-выразны патэнцыял.

Літаратура

1. Ліс, А.С. Каляндарна-абрадавая паэзія / А.С. Ліс, А.І. Гурскі, В.М. Шарая, У.М. Сівіцкі ; Навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Бел. навука, 2001. – 515 с.
2. Гілевіч, Н.С. Паэтыка беларускай народнай лірыкі: Слова і вобраз. Паэтычны сінтаксіс: Гукапіс і рыфма / Н.С. Гілевіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1975. – 288 с.

3. Васильева, Ю.В. Повтор как принцип организации фольклорного текста: лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англошотландского фольклора : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.В. Васильева. – Саратов, 2004. – 21 с.
4. Амроян, И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов) / И.Ф. Амроян. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – 296 с.
5. Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии / В.М. Жирмунский. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 496 с.
6. Гальперин, И.Р. Глубина поэтического текста / И.Р. Гальперин // Теория языка. Англистика. Культурология / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1976.
7. Ковтунова, И.И. Функции композиционных повторов в стихах А Блока / И.И. Ковтунова // Художественный текст как динамическая система. – М., 2006. – С. 348–355.
8. Минакова, А.А. Типы повторов и их функции в поэтических текстах Евгения Евтушенко : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Минакова. – Майкоп, 2012. – 21 с.
9. Новак, В.С. Каляндарна-абрадавая паэзія Гомельшчыны (да праблемы лакальнага, рэгіянальнага, агульнанацыянальнага ў фальклору) / В.С. Новак. – Гомель : УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны», 2001. – 233 с.
10. Вечнае: Фальклорна-этнаграфічная спадчына Веткаўскага раёна / Аўт укл. І.Ф. Штэйнер, В.С. Новак. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2003. – 362 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.12.2017

УДК 811.161.1'373:811.16'373

О внутренней форме номинаций со значением уступки в русском и других славянских языках

Е.И. ТИМОШЕНКО

Статья посвящена выявлению внутренней формы номинаций уступки в русском и других славянских языках. В основе семантики исследуемых номинаций обнаруживаются следующие исходные признаки: пространственные признаки 'отступить, отойти в сторону; спуститься вниз'; признак физического освобождения, ослабления; абстрактная модальная сема согласия (с существующим, хотя и неудовлетворительным положением дел), модально-оценочная сема положительного отношения к лицу.

Ключевые слова: семантика, уступка, внутренняя форма слова, исходный семантический признак, семантическая типология, модальность согласия.

The article is devoted to revealing the inner form of names of concession in Russian and other Slavic languages. The basis of the semantics of the studied categories reveals the following source characteristics: spatial signs 'to retreat, withdraw; to go down'; a sign of a physical release, attenuation; abstract modal sign of consent (with the existing, albeit unsatisfactory state of affairs), the modal-evaluative sign of positive attitude to person.

Keywords: semantics, concession, internal form of words, original semantic signs, semantic typology, modality of consent.

Ядром лексической семантики абстрактных слов являются обобщенные категориальные понятия, обладающие высокой степенью регулярности, повторяемости. Как замечает Л.М. Васильев, «абстрактные значения состоят только из категориальных компонентов (ср. слова типа *отношение, причина, условие, находится, присутствовать*)» [1. с. 110]. Семантические категории, отражаемые подобными словами, являются наиболее абстрактными и логически самостоятельными [1. с. 140]. К подобного рода лексическим единицам относятся и наименования понятия 'уступка', выявлению внутренней формы которых в русском и других славянских языках посвящена настоящая статья.

Исследование внутренней формы семантически тождественных или соотносительных лексических единиц в близкородственных языках дает возможность представить типологию исконной смысловой мотивации данного понятия, установить направление семантической производности (определить мотивационные модели) и тем самым объяснить способ познания человеком окружающего мира. Ценность системного изучения внутренней формы (не отдельных слов, а целых лексико-семантических групп и полей) в плане «раскрытия действующих закономерностей истолкования мира соответствующим языком» (перевод наш – Е.Т.) подчеркивает Т.А. Черныш [2, с. 86]. Выяснение внутренней формы синонимических номинаций в близкородственных языках имеет ономаσιологическую направленность и носит объяснительный характер.

В «Словаре синонимов русского языка» существительное *уступка* отсутствует, однако это не значит, что рассматриваемое понятие имеет только один план выражения: для современного языкового среза может быть приведен целый ряд лексических единиц, в значении которых сема 'уступка' выступает как ядерная или периферийная. В этот ряд, на наш взгляд, кроме существительного *уступка*, могут быть включены следующие слова: *снисхождение, попустительство, послабление, потворство, потачка, поблажка*. (диал.) *поволька, поволя*.

Производное существительное *уступка*, наиболее нейтральное стилистически и наиболее употребительное, в современном русском языке является доминантой приведенного синонимического ряда. Оно выражает абстрактное значение, отражающее семантику производящего глагола (*уступить* – 1) 'добровольно отказаться от чего-либо в пользу другого лица'; // 'оставить, сдать неприятелю какое-либо место, позицию'; 2) 'перестать сопротивляться, при-

знать над собой чей-либо верх, перевес, превосходство'), т. е. ядерная сема субстантива может быть сформулирована как 'согласие с необходимостью лишиться чего-либо или пожертвовать чем-либо, согласие с ущемлением своих прав, с поражением'. Сравн. иллюстративные контексты из Словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой: *Эта форменная уступка женщины одним мужчиной другому есть уже в сущности предвестник разложения старого крестьянского быта* (Плеханов); *Он делал попытки сблизиться с людьми, войти в круг их интересов и жить, как все. Но это требовало уступок, а на них он не был способен* (Горький). Эта же сема выступает как ядерная и для третьего значения, подаваемого в указанном словаре для рассматриваемого существительного, – (разг.) 'скидка с назначенной цены' (*Дубечня перешла опять к госпоже Чепраковой, которая купила ее, выторговав у инженера двадцать процентов уступки*. Чехов) [3, IY, с. 528].

В современном русском языке глагол *уступить*, подаваемый в словообразовательных словарях в качестве вершины самостоятельного словообразовательного гнезда, воспринимается как нечленимое и непроизводное слово. Утрата членимости (опрошение) связана со смысловым разрывом с исконным производящим – глаголом *ступить*, выразившим семантику перемещения в пространстве. В древнерусском языке приставочный глагол имел собственно «пространственное» значение: *уступити* – 'отступить, отойти'; а также абстрактное количественное значение 'уменьшиться', которое реализовалось как безличное (*Посла (Ной) врань видѣти, аще есть оуступило воды*. – X IY в.) [4, т. III, ч. 2, с. 1291]. Не вызывает сомнений, что семантика лишительности, «ущербности» связана с тем значением, которое привнесла в производное слово приставка.

Производными с указанным корнем выражается значение уступки в белорусском, чешском, польском, сербскохорватском языках: бел. *уступка*, укр. *відступлення, уступка*, пол. *ustąpienie / ustępowanie*, (соглашение) *ustępstwo* [5, т. 2, с. 665]; чеш. *ustoupení*; (в споре) *ústupek*; (*идти на уступки – činit ústupky, ustoupovat*) [6, с. 825]; с.-х. *уступак* (*правите уступке – 'идти на уступки'*) [7, с. 656].

Производные с рассматриваемым корнем в разных славянских языках восходят к глаголу, являющемуся праславянским по происхождению и относящемуся к группе глаголов перемещения в пространстве. «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» восстанавливает праслав. **stopiti* 'ступить, сделать шаг' и квалифицирует его как производное от несохранившегося праславянского **stepti, stepo* [8, т. 12, с. 360]. Таким образом, в основе внутренней формы рассматриваемых соотносительных славянских номинаций лежит пространственное представление о перемещении, связанном с сознательным предоставлением одним человеком (или другим живым существом) другому права на первоочередное, беспрепятственное движение. Сема сознательного отказа от преимущества и явилась основанием для формирования рассматриваемого абстрактного значения.

Мотивационный пространственный признак лежит и в основе внутренней формы субстантива *снисхождение* – 1) 'терпимое и мягкое отношение к кому-л., к чьим-л. слабостям, недостаткам'; // 'великодушное, не слишком строгое отношение к вине, виновности'; 2) (разг.) 'благосклонное отношение; милость, одолжение'; сравн. также *снисходительный* – 1) 'терпимо и мягко относящийся к слабостям и недостаткам кого-л.'; 2) 'благосклонный, милостивый' [3, т. IY, с. 166]. Формирование абстрактного значения зиждется на «ориентационной» метафоре, отражающей связь пространственного понятия «низ» с абстрактной категорией «плохое» [9]. Снисхождение (сравн. семантику производящего глагола *снисходить, снизойти* (книжн., устар.) – 'сойти, спуститься вниз') в общем смысле предполагает согласие с более плохим вариантом положения дел по сравнению с тем, который предполагался изначально, или с тем, который соответствует требуемому, должному, сознательный отказ от первоначального уровня требований и т. п.

В ряде славянских языков семантика уступки выражается лексикой с корнем *пуст-* (// *пуск-*) (праслав. **rust-*): др.-рус. *попущение* 'допущение, позволение, попущение'; 'прощение', 'снисхождение' [4, т. II, ч. 2, с. 1199–1200]; рус. *попустительство* 'излишне снисходительное отношение к чему-л. недопустимому, противозаконному', устар. *попущение* 'то же, что

попустительство' [3, т. III, с. 299], русск. диал. *попуск* в одном из значений 'потачка, поблажка, уступка' (например в поговорке *Ни смерти, ни попуску*); // 'уступка при продаже товара' (Твер., Пск.) [10, вып. 30, с. 15]; укр. *попуск* 'послабление, попущение'; *попуст* 'то же, что попуск'; 'облегчение' [11, т. 3, с. 340]; серб.-хорв. (уступка в цене) *попуст* [7, с. 656].

Существительные представляют собой отглагольные производные и отражают соответствующие значения производящего глагола (хотя в целом глагол полисемичен), сравн.: др.-рус. *попустити* 'позволить'; 'уступить'; 'попустить, пропустить, не вменить' [4, т. II, ч.2, с. 1198]; русск. диал. *попускать, попустить* 'делать кому-л. послабление, давать потачку, волю, позволять делать что-л.' (*Кто злым попускает, тот сам зло творит*) (Арх., Твер., Пск.); // 'уступать в чем-л., поступаться чем-л.'; // 'баловать, распускать кого-л.'; *попускаться, попуститься* 'отказываться от чего-л., поступаться чем-л.'; // 'отступить, оставить в покое кого-л.' (*Попустись от ребенка, кому говорят*) (Костром.); // 'простить, смириться с чем-л.'; // 'лениться, быть разболтанным, опускаться' [10, вып. 30, с. 15–18]; укр. *попускати, попустити* 'ослаблять, ослабить' (*Попусти вірвовку*); 'допускать, допустить; отдать во власть, в жертву кому'; 'упускать, упустить, уступать, уступить' (*Чужого не бери, а свого не попусти*) [11, т. 3, с. 341]; бел. *попускаць, попусціць* 'пускать свободнее'; 'уступать' (*За што ты ему попускаеш, попусцівь*); *попускацьца, попусціцьца* 'уступать, делаться уступчивым' [12, с. 473].

Таким образом, внутренняя форма номинаций уступки с рассмотренным корнем связана с представлением об ослаблении, освобождении в прямом («физическом») смысле (сравн. значения глагола в украинском и белорусском языках – 'ослаблять', 'пускать свободнее'), которое переосмысливается в абстрактное представление о допущении, разрешении, снисхождении, прощении и т. п. Глагол *попускать / попустить* является приставочным, однако и в производящем для него глаголе *пустить* четко прослеживается сема «ослабления», «освобождения», связанная с исконным значением этимологического корня, сравн. у В.И. Даля: *пустить (что)* 'опустошать, разорять' (*Сын гуляка пустит дом отцовский*); *пустить землю* 'запускать, обросить' [13, т. III, с. 540].

Еще одним корнем, продолжения которого выражают значение уступки в славянских языках, является корень **vol-* (**vel-* // **vol-*): чеш. ('соглашение, компромисс') *povoleni*, русск. диал. *поволька* 'потворство, поблажка, потачка' (Новг., Пск., Сев.-Двин., Олон., Арх.) (*С таковой поволькой ворам житье; Поволька и добрую жену портит*); *поволя* 'то же, что поволька'; *давать, дать повольку* 'давать волю, потакать' [10, вып. 27, с. 258, 259]. Приставочные существительные являются отглагольными производными и образованы от глагола *поволить* (русск. диал.) 'дать несколько воли, льготы' [13, т. I, с. 239], который, в свою очередь, образован от глагола *волить* 'хотеть, желать, требовать, приказывать' [13, т. I, с. 239]. Для древнерусского среза глагол *поволити* фиксируется со значением 'захотеть, пожелать', однако в «Материалах ...» И.И. Срезневского имеется также прилагательное *повольный* со значением 'разрешительный': *повольная грамота* 'письменное разрешение, согласие' [4, т. II, ч. 2, с. 1002]. Сравн. также укр. *поволі* 'свободно, вольно' (*Пусти дітей поволі – і сам будеш у неволі*) [11, т.3, с. 225]; бел. *повольняць* 'делать что посвободнее, отпускать натянутое' (*Не разам повольняй верёвку*), *повольносьць* 'свобода' (*Дай толькі дзецям повольносьць, то стануць паверх дзерева лазиць*) [12, с. 428–429]. Синонимичное значение выражает устарелый в современном русском языке однокоренной глагол *мирволить* 'давать поблажку, потакать' [3, II, с. 275]. Сравн. также у В.И. Даля: *мирволить* – 'потакать, поблажать, поноравливать, спускать, попускать; давать волю на худое, баловать, давать потачку, поблажку' [13, II, с.328]. М. Фасмер приводит для сравнения сочетание *дать мир-волю* [14, т. II, с. 626].

Аналогичная внутренняя форма прослеживается у субстантива *послабление* – 'снижение требовательности к кому-л.' [3, т. III, с. 315], а также у русских диалектных слов *послабенье* 'поблажка' (Арх.), *послабина* 'послабление, поблажка' (Пск., Твер.) [10, вып. 30, с. 173]; *слабина* 'излишняя снисходительность, послабление' (Калуж.) [10, вып. 38, с. 207]. Для праславянского языкового среза, судя по семантике лексических соответствий в славянских языках, значение корня может быть восстановлено как собственно 'слабый, вялый' [14, т. III, с. 664].

Таким образом, внутренняя форма названий уступки с корнями **vol-*, **slab-* связана с представлением об освобождении, ослаблении требований. Исходный семантический признак переосмысливается в представление о согласии поступиться чем-либо в пользу другого, простить, отнестись снисходительно. Для корня **vel-* // **vol-*, кроме того, прослеживается модальная сема волеизъявления, поскольку его древнее значение синкретично и реконструируется как 'хотеть, желать, давить'.

Сема 'уступка' обнаруживается в лексическом значении таких однокоренных слов, как *потворство*, *потворствовать*: *потворство* 'снисходительное отношение к чему-л. (обычно предосудительному, нежелательному) или к кому-л. в чем-л.'; *потворствовать* 'проявлять потворство в чем-л.; попустительствовать' (*Потворствовать капризам ребенка*) [3, т. III, с. 329]. Сравним также толкование лексического значения прилагательного *снисходительный*, с помощью которого толкуется семантика существительного *потворство*, приведенное выше.

Глагол *потворить*, от которого исторически образовано существительное *потворство*, представляет собой видовую пару к глаголу *творить* и на древнерусском хронологическом срезе обнаруживает целый ряд значений: 'исправить, вновь устроить'; 'счесть, почесть'; 'претворить, превратить'; 'околдовать'; 'уничтожить' [4, т. II, ч. 2, с. 1288]. У В.И. Даля глагол *потворить* в значении 'поблажать, потакать, потачить, поваживать, послаблять, поноравливать, мирволить; покрывать кого-л., давать потачку, повадку, поблажку; попускать, баловать, снисходить' приведен с ударением, отличающим его от *потворить* во всех остальных значениях, в основном совпадающих со значениями древнерусского глагола. Можно высказать предположение о том, что значение 'потакать, послаблять, попускать, баловать, снисходить' сформировалось на основе абстрактного же значения, которое в словаре В.И. Даля толкуется как 'признавать, почитать, творить (кем)'. В таком случае семантика 'проявлять снисхождение, попустительствовать, уступать' формируется на основе семы интеллектуального действия 'соглашаться, признавать за кем-л. право на что-л., не возражать', развившейся, в свою очередь, в глаголе с общим категориальным значением делания, созидания.

Сема согласия (с любым положением дел, в том числе и нежелательным) является ядерной во внутренней форме глагола *потакать* (разг.) и его производных – *потакание*, *потачка*, *потатчик*, *потатчица* и др.: *потакать* – 'проявлять снисхождение к чему-л. (обычно предосудительному, нежелательному) или к кому-л. в чем-л.'; *потачка* (разг., неодобр.) – 'снисходительное отношение к чему-л. (обычно предосудительному), потворство, поблажка' [3, т. III, с. 329]. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова глагол *потакать* включен в состав гнезда с вершиной *так* [15, т. II, с. 32], хотя семантически *такать* и *потакать* не соотносятся: глагол *такать* (прост.) имеет в русском языке два значения – 1) 'произносить в ответ слово «так» для выражения своего согласия с собеседником; поддакивать', 2) 'употреблять в речи слово «так», иметь такую привычку' [3, т. IV, с. 334]. Историческим же производящим для *потакать*, безусловно, выступает глагол *такать*, образованный от местоименного служебного слова *так* и ранее также имевший значение 'подтверждать' (*И тѣмъ виновать судія и судные мужи, которые по списку такали*. – Судебник 1550 г.) [4, т. III, ч. 2, с. 916] (сравн. бел. *так* 'да').

В рассматриваемый синонимический ряд входит существительное *поблажка* (разг.) 'излишне снисходительное отношение к кому-, чему-л.; потворство', являющееся производным от устаревшего глагола *поблажать* 'излишне снисходительно относиться к кому-, чему-л.; потворствовать' [3, т. III, с. 152] (известного и русским говорам: *поблажить* – 1) 'побаловать кого-л.'; 2) 'снисходительно отнестись к кому-л.') (Ворон.) [10, вып. 27, с. 196]. У В.И. Даля зафиксирован церковнославянский глагол *блажить* в значении 'ублажать, возносить, величать, прославлять' [13, т. I, с. 95]. Не останавливаясь подробно на этимологии энантиосемичного корня *благ-*, отметим, что в основе внутренней формы deverbative *поблажка* лежит представление о положительном, доброжелательном отношении к человеку – *благоволении* (*благо* – 'благополучие, счастье, добро'), которое метонимически трансформируется в уступчивость, стремление баловать, прощать.

Таким образом, анализ внутренней формы номинаций уступки в русском и других славянских языках позволяет представить типологию исконных семантических признаков, мотивирующих рассматриваемое понятие. К последним относятся: пространственные представления, связанные с освобождением места (*уступка*) и схождением вниз (*снисхождение*); представление о физическом ослаблении, освобождении (*попустительство, послабление*); модальная сема согласия (*поволька, поволя; потакание*); модально-оценочная сема положительного отношения к лицу (*поблажка*). Непосредственным семантическим основанием формирования понятия уступки почти во всех случаях является представление о согласии – согласии пожертвовать чем-либо, поступиться своими интересами или правами, предпочесть более высокое, благополучное, выгодное и т. п. положение другого лица.

Литература

1. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.
2. Черниш, Т.О. Внутрішня форма мовних одиниць і проблема мовного образу світу / Т.О. Черниш // О.О. Потебня й актуальні питання мови та культури : зб. наук. праць. – Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 83–88.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / Ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.
4. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский. – Репринтное издание. – М. : Книга, 1989. – Т. I–III.
5. Mirowicz, A. Большой русско-польский словарь: в 2-х т. / A. Mirowicz, I. Dulewczowa, I. Grek-Rabisova, I. Maryniakova. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2001. – Т. 2 (П–Я). – 799 с.
6. Влчек, И. Русско-чешский словарь / И. Влчек. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1974. – 896 с.
7. Иванович, С. Русско-сербскохорватский словарь / С. Иванович, И. Петранович. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – 712 с.
8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мн. : Навука і тэхніка, Беларуская навука, 1978. – Т. 1 – 13. – 2010.
9. Лакофф, Дж. «Метафоры, которыми мы живем» / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
10. Словарь русских народных говоров / Гл. ред Ф.П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 1992. – Вып. 27. – 400 с. ; Вып. 30. – СПб. : Наука, 1996. – 384 с.; Вып. 38. – СПб. : Наука, 2004. – 372 с.
11. Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка : в 4-х т. / Б.Д. Гринченко. – Фотомеханическое издание. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1959.
12. Насовіч, І.І. Слоўнік беларускай мовы / І.І. Насовіч. – Мн. : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1983. – 792 с.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986–1987.
15. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х т. / А.Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985.

УДК: 81'255.2:621.31=581=161.1

К вопросу об эквивалентности перевода китайской электроэнергетической терминологии на русский язык

ФАНЬ ЧЖИИ

Рассматриваются особенности китайско-русского перевода специализированной терминологии в промышленной сфере электроэнергетики. Определена специфика научно-технических текстов, дано определение термина, затронута проблема многозначности и синонимии терминов. Описаны основные приемы и способы перевода терминов, сопровождающиеся примерами терминов в области электроэнергетики. Определены термины, составляющие наибольшую трудность при переводе с китайского на русский язык. Анализ структурно-семантических особенностей китайских терминов осуществлен с опорой на положения комбинаторной семантики, в рамках которой термин представлен как номинативная единица, состоящая из модификатора и актуализатора. На основе соотношения модификатора и актуализатора выработан алгоритм перевода терминологических номинативных единиц. Предлагаемое исследование способов перевода терминов имеет прикладное значение и ориентировано на составление китайско-русского словаря электроэнергетических терминов.

Ключевые слова: термин, китайский язык, русский язык, эквивалентность перевода, номинативная единица, энергетическая система.

The paper focuses on the translation of the electric power terms from Chinese into Russian. The author describes special features of the technical texts, provides the definition of a term and outlines the problem of polysemy and synonymy of the terms. The basic techniques and principles of the translation of the electric power terms are described; the terms which make the greatest difficulty in the process of translation from Chinese into Russian are defined. The analysis of the structure and semantic features of the terms in the Chinese language is based on combinatory semantics theory approach, where a term is considered to be a nominative unit with modifier and actualizer as its main components. On the basis of the structure of nominative unit the author provides an algorithm for the translation of terminological nominative units. The results obtained can be helpful in the process of compiling «The Chinese-Russian Dictionary of Electric Power Terms».

Keywords: term, the Chinese language, the Russian language, translation equivalence, nominative unit, power system.

Терминология – это активно развивающийся пласт лексики, отражающий изменения, происходящие в научно-технической и производственной сфере жизни общества. По замечанию С.В. Гринев-Гриневица, «свыше 90 % новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика» [1, с. 5]. Актуальность исследования проблем китайско-русского технического перевода обусловлена расширением сотрудничества между Беларусью и Китаем в областях науки, техники и производства, что влечет за собой возрастающую потребность в переводе технической документации. Терминология составляет основу любого технического текста, поэтому точный перевод терминов и терминологических сочетаний является необходимым условием качественного перевода технических текстов.

Проблему эквивалентности перевода рассматривают такие ученые как Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров [2], А.Д. Швейцер, Ю. Найда. Вопросы в области технического перевода исследуют Э.Ф. Скороходько, Ф.А. Циткина, Д.Ф. Лукашевич, С.В. Гринев-Гриневиц, Е.А. Мисуно, Л.Д. Кривых, В.П. Смекаев и др. Большая часть исследования касается перевода с английского языка, теории китайско-русского технического перевода посвящены лишь немногочисленные труды В.В. Щичко, И.В. Кочергина, Д.Б. Нечипорук.

Научно-технический стиль, к которому принадлежат технические тексты, представляет собой разновидность функционального стиля. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «характерными особенностями научно-технического стиля являются также его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность» [1, с. 7]. Кроме того, отмечаются такие свойства как эмоционально-экспрессивная нейтральность (Л.С. Бархударов), отсутствие стилистических фигур (И.В. Кочергин), краткость (Н.В. Кутафьева).

Для любого научно-технического текста характерна насыщенность терминами. По мнению Д.С. Лотте, термин – это особое слово, отличное от общеупотребительной лексики и

характеризующееся однозначностью, системностью, точностью, краткостью. Иной позиции придерживается В.Н. Комиссаров, который полагает, что любое слово может стать термином, оказавшись в пределах конкретной терминосистемы: «Более верно рассматривать термин не как слово, а как его особое качество, приобретаемое и теряемое в речи, так как слово становится термином всякий раз, когда начинает обозначать научное понятие» [1, с.7]. В этом заключается процесс терминологизации, когда единицы общеупотребительной лексики подвергаются семантической деривации и начинают использоваться в качестве терминов.

Как отмечает А.А. Стрельцов, насчитывается более 3000 определений термина [3, с. 10]. Мы будем пользоваться следующим определением: «термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [4, с. 472].

Термины не существуют изолированно, а являются частью определенной терминосистемы, внутри которой обязательным является однозначное использование термина (понятию должен соответствовать только один термин). В разных терминосистемах один и тот же термин может иметь различные значения. Например, знак /门 [mén] ‘дверь’ в области электроэнергетики обозначает ‘клапан’ (过热蒸汽安全门 [guòrè zhēngqì ānquánmén] – предохранительный клапан перегретого пара); в естественных науках – проход (喉门 [hóu mén] ‘гортань’), в шахматах – блокаду (大门 [dàmén] – двусторонняя блокада). Следовательно, про неоспоримую однозначность термина можно говорить лишь в пределах одной технической сферы, одного научного подъязыка.

Поскольку для любого научно-технического текста характерна высокая степень насыщенности терминами, термины можно считать «микроединицами технического перевода». Технический перевод представляет собой «выражение в письменной или устной форме специальной научно-технической информации, которая уже была выражена на одном языке, средствами другого языка» [5, с. 7]. Среди видов текстов для технического перевода различается техническая документация (формуляры, паспорта, технические описания, инструкции по эксплуатации и ремонту и др.) и проектная документация (проекты, чертежи, расчеты), товаросопроводительная (накладные, упаковочные листы, листы комплектации) [5, с. 18]. В качестве материала исследования нами избраны официальные документы по реализации проекта реконструкции Минской ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5, а также комплексного строительства объекта «Строительство АЭС в Республике Беларусь. Выдача мощности и связь с энергосистемой».

Знание терминологического аппарата в области переводимого текста является обязательным требованием, предъявляемым к переводчику специальной литературы. Кроме того, переводчику должен соблюдать единообразие терминологии, использовать стандартные, принятые в данной отрасли обозначения, поддерживать стилистическую однородность переводного текста [5, с. 19].

Термины могут иметь прямые соответствия в другом языке, в таком случае возможен подбор эквивалента. Под эквивалентностью понимается смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи (В.Н. Комиссаров), соответствие текста перевода исходному (А.Д. Швейцер), постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста (Я.И. Рецкер); постоянное лексическое соответствие, которое точно совпадает со значением слова (Ю.Я. Коваленко). Эквиваленты могут быть полными (охватывают значение всего слова) и частичными (охватывают одно из значений слова) [6, с. 15].

Проблема синонимии терминов существует даже в пределах одной терминосистемы. В этом заключается явление так называемой «неустоявшейся терминологии» [7, с. 9]. Один термин может переводиться по-разному: например, термин 器 [qì] *аппарат* может переводиться как ‘аппарат’ (吹灰器 [chuīhuīqì] – обдувочный аппарат), ‘клапан’ (锁气器 [suǒqìqì] – клапан-мигалка); 斗 [dǒu] *бункер* в сочетании 冷灰斗 [lěng huī dǒu] переводится как ‘холодная воронка’; 机 [jī] *машина*, в сочетании 汽机 [qìjī] переводится как ‘паровая турбина’. Слова, имеющие несколько словарных эквивалентов, переводятся методом подбора точного значения в конкретном контексте [5, с. 12], хотя общее требование к переводчику состоит в том, что он должен соблюдать единообразие перевода одних и тех же терминов, не допуская разнобоя в терминологии.

При переводе терминов и терминологических сочетаний с китайского на русский язык в ряде случаев возможен полный перевод, например: 主轴 [zhǔzhóu] ‘главный вал’, 紧固螺栓 [jǐngù luóshuān] ‘крепежный болт’. Буквальный перевод в таких случаях является совершенно адекватным.

При отсутствии возможности полного перевода применяются такие переводческие трансформации как сокращение, расширение, перестановка. В целом, по мнению И.В. Кочергина, технический перевод требует меньше переводческих трансформаций, чем общий или художественный перевод [7, с. 16].

Сокращение представляет собой пропуск одного или нескольких элементов исходного словосочетания [8, с. 88]: 升压变压器 [shēngyā biànyuāqì] *повышающий трансформатор* (букв. ‘повышающий **давление** трансформатор’), 干式变压器 [gānshì biànyuāqì] *сухой трансформатор* (букв. ‘сухого **типа** трансформатор’); 伸缩式吹灰器 [shēnsuōshì chuīhuīqì] *выдвижной обдувочный аппарат* (букв.: ‘выдвижного **типа саже**обдувочный аппарат’). Прием сокращения можно применяться для большей лаконичности терминологического сочетания: 直流试验放电装柜 [zhíliú shìyàn fāngdiàn zhuāngguì] *шкаф устройства разряда для опробования постоянного тока*. В данном случае слово *шкаф* можно опустить, потому что оно лишь указывает на форму и приблизительный размер прибора, в итоге получаем следующий вариант перевода: ‘система испытания постоянного тока’.

При расширении происходит добавление одного или нескольких элементов исходного словосочетания [8, с. 88], например: 钮子开关 [niǔzi kāiguān] (букв. ‘пуговица+ переключатель’) *переключатель типа тумблер* (тумблер – малогабаритный переключатель на два либо три положения с рычажно-пружинным приводом); 汽包水位工业电视 [qìbāo shuǐwèi gōngyè diànshì] (букв. ‘барабан + уровень воды + промышленный + телевизор’) *промышленный телевизор для контроля уровня воды в барабане*; 自然循环锅炉 [zìrán xúnhuán guōlú] *котел с естественной циркуляцией* (букв. ‘естественной циркуляции котел’), 高温腐蚀 [gāowēn fǔshí] *коррозия при высокой температуре* (букв. ‘высокой температуры котел’).

Из-за требований точности и краткости, предъявляемых к термину, достаточно редко при переводе терминов применяется функциональная замена (изменение лексико-семантического или морфологического статуса одного или нескольких исходных элементов) и описательный перевод (раскрытие значение путем смыслового развертывания).

По причине того, что большая часть китайских терминов представляет собой заимствования из других языков путем семантического калькирования, для китайских терминов свойственна мотивированность, что делает их структуру китайские термины достаточно прозрачной. Это отличает их от терминов русского языка, многие из которых заимствованы от слов, образованных на греко-латинской основе, что приводит к затемненности их внутренней формы. Например, китайский термин 省煤器 [shěngméiqì] ‘аппарат для экономии угля’ более мотивированно передает смысл обозначаемого понятия, чем его русский эквивалент ‘экономайзер’.

При переводе терминологии также могут использоваться приемы генерализации (лексико-семантическая замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводного языка с более широким значением), конкретизации (перевод с использованием видового понятия вместо родового) [2].

Опираясь на положения комбинаторной семантики, в которой слово представляет собой свернутую номинативную единицу [9, с. 33], мы рассматриваем термин как номинативную единицу, состоящую из модификатора (определяющего) и актуализатора (определяемого). Например, 双速风机 [shuāngsù fēngjī] ‘двухскоростной вентилятор’ = 双速 [shuāngsù] ‘двухскоростной’ (модификатор) + 风机 [fēngjī] ‘вентилятор’ (актуализатор); 沸腾炉 [fèiténglú] ‘котел с кипящей топкой’ = ‘с кипящей топкой’ (модификатор) + ‘котел’ (актуализатор).

В некоторых случаях бинарный модификатор китайской терминологической единицы отображается в сложном слове русского языка (обычно выраженном прилагательным): 灭弧设备 [miè hú shèbèi] *дугогасящее устройство* (букв. ‘гасить + дуга + устройство’), 耐火砖 [nàihuǒzhuān] *огнеупорный кирпич* (букв. ‘переносить + огонь + кирпич’), 灰渣泵 [huīzhābèng] *золошлаковый насос* (букв. ‘зола + шлак + насос’).

Согласно положениям комбинаторной семантики, номинативные единицы, называющие предметы – субъекты и объекты, являются тайгенами, а номинативные единицы, называющие качества предметов и процессы (акции), в которых они участвуют, являются ёгенами. Что касается структуры тайгенов и ёгенов, «в китайских тайгенах модификатор занимает левую маргинальную позицию, актуализатор – правую, в китайских ёгенах обратная зависи-

мость: модификатор занимает правую маргинальную позицию, актуализатор – левую» [9, с. 36–37]. Поскольку подавляющее большинство терминов китайского языка является тайгенами, построенными по атрибутивной модели, для них характерна правая маргинальная позиция актуализатора. В русском языке актуализатор может занимать любую позицию.

Исходя из расположения модификатора и актуализатора в переводном эквиваленте, можно выделить следующие способы перевода терминологических номинативных единиц:

1. Перевод с прямым порядком слов: 岸边泵房 [ànbīān bèngfáng] (букв.: ‘на берегу + насосная станция’) *набережная насосная станция*; 模拟电话机 [mónǐ diànhuàjī] *аналоговый телефонный аппарат*; 下降管 [xiàjiàngguǎn] (букв. ‘опускать+труба’) *опускная труба*.

2. Перевод с обратным порядком слов: 数据库 [shùjùkù] (букв. ‘данные + база’) *база данных*; 发电机定子铁芯 [fādiànjī dìngzǐ tiěxīn] (букв. ‘генератор + статор + сердечник’) *сердечник статора генератора*.

3. Перевод со смешанным порядком слов: 冷风道 [lěngfēng dào] (букв. ‘холодный воздух + трубопровод’) *трубопровод холодного воздуха*; 中间再热式汽轮 [zhōngjiān zài rè shì qílún] (букв. ‘промежуточный + перегрев + турбина’) *турбина с промежуточным перегревом*.

Во всех приведенных примерах перевод осуществляется при помощи приема калькирования – точного воспроизведения смысла средствами другого языка (в данном случае, происходит замена составных частей китайского термина на лексические соответствия в русском языке). При этом часто происходит изменение порядка следования калькируемых элементов.

При переводе с китайского языка следует учитывать одноструктурность тематически близких терминов. В китайском языке существует ряд терминов с однотипной конструкцией. Такие термины, как правило, образованы по модели М [M₀ + A₀] + А: 补水门 [bǔshuǐmén] *клапан добавочной воды*; 补油门 [bǔyóumén] *клапан добавочного масла*; 补氢门 [bǔqīngmén] *клапан добавочного водорода*. Для систематичности терминологии очень важно соблюдать однотипность конструкции переводных эквивалентов.

Специфика перевода китайских терминов на русский язык состоит также в том, что при переводе актуализатор часто подвергается конденсации: 滑阀 [huáfá] (букв. ‘золотниковый клапан’) – *золотник*; 卡具 [qiǎjù] (букв. ‘зажимный инструмент’) – *зажим*. В силу морфематической значимости слога деления в китайском языке, китайские термины характеризуются с одной стороны, точностью, с другой стороны, краткостью. В фонетических языках требования точности и краткости часто вступают в противоречие, поэтому для большей лаконичности один из компонентов номинативной единицы подвергается конденсации (чаще всего, актуализатор сворачивается в пользу модификатора). Иногда конденсация приводит к затемнению внутренней формы термина: 减速机 [jiǎnsùjī] (букв. ‘машина, замедляющая скорость’) – *редуктор*.

Терминологические сочетания в китайском языке построены по принципу наращивания модификаторов на актуализатор. Поэтому терминами, наиболее трудными для перевода, можно считать сочетания номинативных единиц с несколькими модификаторами. При подобном переводе нужно учитывать, во-первых, необходимость определения границ терминологического сочетания в иероглифическом тексте, во-вторых, необходимость применения переводческих трансформаций, в-третьих, особенности сочетаемости конкретных терминологических единиц русского языка, в-четвертых, соблюдение требований точности и краткости, предъявляемых к терминам.

Мы предлагаем следующий алгоритм для перевода полиарных (многосложных) терминологических номинативных единиц:

1) Определение границ номинативной единицы слева и справа: 调节汽量、控制汽机转速是高压调速汽门的作用。 *Функция регулирующего клапана высокого давления заключается в регулировании объема пара и контроле скорости вращения паровой турбины.*

2) Выявление актуализатора и модификатора: в китайском сочетании термине-тайгене актуализатор всегда занимает правую маргинальную позицию. Обычно группа номинативных единиц может быть разделена на несколько биномов: 高压 *высокое давление* – 调速 *регулирование скорости* (М) – 汽门 *клапан* (А). Модель построения номинативной единицы: М [M_{0,1} + M_{0,2}] + А [M₀ + A₀].

3) Выполнение перевода актуализатора как первичного значащего элемента номинативной единицы. Для китайских терминологических групп характерна правая маргинальная позиция актуализатора, для русских – левая позиция: 高压调速汽门, где 汽门 [паровой] клапан.

4) Выполнение перевода актуализатора с ближайшим модификатором: 高压调速汽门 регулирующий скорость клапан;

5) Уточнение перевода группы «модификатор+актуализатор». Сочетание 调速汽门 регулирующий скорость клапан в словаре дается эквивалент 'регулирующий клапан', применяется прием сокращения.

6) Перевод модификатора, занимающего левую маргинальную позицию 高压调速汽门, где 高压 высокое давление, в итоге получаем перевод исходной номинативной единицы – 'регулирующий клапан высокого давления'. Исползованные переводческие трансформации сводятся к методам сокращения и перестановки.

При переводе китайских терминов и терминологических сочетаний стоит учитывать структуру словосочетания в китайском языке. В китайских терминах-тайгенах актуализатор (определяемое) всегда занимает позицию после модификатора (определяющего). В русском языке определяемое может предшествовать определяющему, поэтому при переводе с китайского на русский язык необходимо осуществлять перестановку элементов. Нами разработан алгоритм, позволяющий выполнять эквивалентный перевод китайских терминов и терминологических сочетаний на русский язык. Мы учитываем структурно-семантические особенности китайских терминов, а также сочетаемость терминологических единиц русского языка. Изучение электроэнергетической терминологии на основе положений терминоведения, переводоведения и комбинаторной семантики позволяет выполнить углубленный анализ представленных языковых единиц и выработать единую методику их перевода. Полученные результаты могут быть использованы в рамках курса по теории и практике технического перевода с китайского на русский язык, а также при составлении китайско-русского словаря электроэнергетических терминов.

Литература

1. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Издательский Центр «Академия», 2008. – 304 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Стрельцов, А.А. Научно-технические тексты / А.А. Стрельцов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 398 с.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 605 с.
5. Смекаев, В.П. Современный технический перевод / В.П. Смекаев. – М. : Р. Валент, 2016. – 359, [1] с.
6. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2004. – 237, [3] с.
7. Кочергин, И.В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский / И.В. Кочергин. – М. : Восточная книга, 2012. – 624 с.
8. Щичко, В.Ф. Теория и практика перевода: учебное пособие / В.Ф. Щичко. – 2-е изд. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 223, [1] с.
9. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Мн. : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.

УДК 821.161.3-343.5(476.2)

Агіяграфічныя элементы ў міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны

К.Л. ХАЗАНАВА

Даследуюцца асаблівасці ўжывання імёнаў Святых і выяўляюцца агіяграфічныя элементы ў стылістыцы міфалагічных апавяданняў, зафіксаваных на тэрыторыі Гомельскай вобласці. Нягледзячы на памяншэнне адлюстраваных у народных апавяданнях агіяграфічных элементаў, асноўныя заканамернасці ўпамінання Святых застаюцца. Святыя паўстаюць заступнікамі людзей, дапамагаюць у складаных жыццёвых сітуацыях. У народнай міфалогіі Гомельшчыны часта ўзгадваюцца Святыя Юрый, Андрэй, Варвара, Ганна. Самым папулярным у народнай свядомасці Гомельшчыны з'яўляецца Святы Мікола.

Ключавыя словы: міфалогія, міфонімы, агіяграфія, святы, парэмія, рэгіён, традыцыя, абрад, шанаванне.

The features of the use of the names of the Saints and hagiographic elements in the mythical stories recorded in the Gomel region are studied. Despite the decrease of the hagiographical elements reflected in the folk stories, basic patterns of the using of the name of the Saints are keeping and saving. The Saints appear to be the patrons for the people, help them in difficult situations. In the folk mythology of the Gomel region they are often referred to as the Holy Yuri, Andrew, Barbara, Anna. The most popular in the national consciousness of the Gomel region is Saint Nicholas.

Keywords: mythology, mifonims, hagiography, holidays, proverbs, region, tradition, ritual, worship.

Фальклор усходніх славян з'яўляецца невычэрпнай скарбонкай народнай культуры. Вусная народная творчасць выконвае функцыі своеасаблівай духоўнай машыны часу, бо фальклорныя творы захаваліся са старажытнасці, а таму маюць інфармацыю пра даўнія часы, пра тагачаснае жыццё і адлюстроўваюць старажытны светапогляд, менталітэт народа. Па сваёй значнасці да фальклору прымыкае народная ўсходнеславянская міфалогія. Калі фальклорныя творы больш вядомыя і час ад часу папулярныя сродкамі мас-медыя, музыкантамі, якія праз апрацоўку фальклорных матываў і спалучэнне новага і старога, ствараюць сучаснае мастацтва, то знаёмства з усходнеславянскай міфалогіяй у сучаснага грамадства не настолькі блізкае. Між тым, многія фальклорныя асаблівасці маюць сваімі вытокамі менавіта міфалагічную спадчыну.

Міфалогія ўсходніх славян на працягу дзясяткаў стагоддзяў мае не такую вядомасць, як, напрыклад, старажытнагрэчаскі або старажытнарымскі пантэон на чале з Зеўсам, ці Юпітэрам, або скандынаўскія старажытныя багі пад кіраўніцтвам магутнага Тора. Аднак цікавая і самабытная інфармацыя ўтрымліваецца ў міфалагічных апавяданнях беларусаў, рускіх і ўкраінцаў, якія трапляюць да ведама этнографіі і фалькларыстаў падчас экспедыцыйных выездаў.

Гомельская вобласць у адносінах захавання міфалагічнай спадчыны мае чым ганарыцца. Міфалагічная проза, якая ўбірае ў сябе апавяданні, паданні, легенды, казкі, на Гомельшчыне захоўваецца і актыўна функцыянуе. На трываласць існавання міфалагем ўказваюць матэрыялы фальклорных, этнаграфічных і дыялекталагічных экспедыцый выкладчыкаў і студэнтаў філалагічнага факультэта ўстановы адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скорины». Каштоўная міфалагічная проза сабрана рупліўцамі з Веткаўскага музея стараабраднасці і беларускіх традыцый імя Ф.Р. Шклярава [1], [2].

Міфалагічныя апавяданні, адзначаныя на Гомельшчыне, прапануюць шматлікія звесткі, паводле якіх магчыма набыць уяўленне пра старажытнае міфалагічнае багацце тэрыторыі сучаснай Гомельскай вобласці, што з'яўляецца геаграфічным цэнтрам рассялення ўсходніх славян і кантактнай тэрыторыі пражывання некалькіх славянскіх народаў, у выніку чаго ў рэгіёне адбываецца ўзаемадзеянне і адзначаюцца ўзаемаўплывы розных славянскіх культур і традыцый, а міфалагічныя ўяўленні і фальклорныя традыцыі асабліва сканцэнтраваны.

Разнастайнасць міфалагічных звестак дазваляе лексіка-тэматычнае разгалінаванне міфонімнай лексікі. Звычайна лексіка-тэматычную групоўку пэўнай часткі слоўніка пачынаюць з назваў асоб.

Пры вызначэнні міфонімаў падобная лексіка-тэматычная група выяўляе свае яскравыя асаблівасці. Сярод міфонімаў выдзяляюцца найменні Святых, якія асабліва паважаюцца ў рэгіёне.

Мэта артыкула – характарыстыка адметнасцей ужывання імёнаў Святых і выяўленне агіяграфічных элементаў у стылістыцы міфалагічных апавяданняў Гомельшчыны.

Тэрмін *Святы* ў зафіксаваных на Гомельшчыне міфалагічных апавяданнях ужываецца з семантыкай ‘асоба, шанаванне якой замацавана ў традыцыі’. Як заўважаюць этнографы, «народнае, стыхійна ўзнікшае шанаванне Святога папярэднічае прызнанню яго афіцыйнай царквой. Царкоўнае прызнанне выражаецца актамі кананізацыі, які заклікае паству да шанавання праведніка ў формах грамадскага Богаслужэння» [3]. Ва ўсходнеславянскіх народных апісаннях, у тым ліку і апавяданнях, зафіксаваных на Гомельшчыне, адлюстроўваецца своеасаблівае другаснае міфалагізацыя ў свядомасці народа многіх прапанаваных хрысціянствам вобразаў святых. Адметнасць народнай традыцыі ўсходніх славян у тым, што ў народнай міфалагічнай прозе найбольш вядомыя і паважаныя хрысціянскія Святыя сталі ўяўляцца міфалагічнымі персанажамі з адметнымі паводзінамі і стаўленнем да іх.

Самы вядомы ў сусветнай народнай традыцыі Святы (прыгадаем знакамітага Санта Клауса) – Святы Мікола. У беларускай народнай міфалогіі Святы Мікола абавязкова дапамагае людзям: *Гасподзь яго абраў сабе, штоб ішоў і прапаведаваў народ, во, і спасаў ад бед, ад балезней і ад урагоў, ад усіх злых людзей* (в. Багданавічы, Кармянскі раён) [4]. Згодна з праваслаўнай і каталіцкай традыцыямі, хрысціяне вераць, што «Святыя не толькі з’яўляюцца ўзорам дабрачыннасці, але могуць абараніць перад Богам членаў царквы, якія яшчэ жывуць на зямлі» [5]. У насельніцтва Гомельшчыны Святы Мікола з’яўляецца сапраўдным заступнікам і заўсёды да яго звяртаюцца ў штодзённым жыцці, як у вялікіх справах, так і ў побыце: *І ў здароў’і, і заціваюць ці пастройку, ці пакупку, ці каня купляць, дак просяць: “Свяціцель Отчэ Нікола Вялікі Чудатворэц, памагі нам, вот, ідзём на базар, хочым карову ці каня”* (г. Ветка) [4]. Асабліва клапаціцца Мікола пра пасевы і ўраджай: *«Святы Мікола, памажы дзе гола!» Дзе ўжэ не ўзойдзе. Прыдзеш к пасеву, там, дзе плоха ўзышло: «О, Госпадзі, Святы Мікола, нацягни дзе гола!»* (в. Пералёўка, Веткаўскі раён) [4].

У міфалагічных апавяданнях, зафіксаваных у Веткаўскім раёне Гомельскай вобласці, Мікола амаль заўсёды называецца *Чудатворац* [4]. Такое імя падтрымліваецца трывалай перакананасцю жыхароў Гомельшчыны, што Святы Мікола «ўсякія чуды творыць, вяздзе ён спасае, і на моры, і ў дарозе» (в. Глыбаўка, Веткаўскі раён) [4]. Асаблівасці мясцовага моўнага вымаўлення, сутыкненне беларускай і рускай моўных стыхій прывялі да варыянтнасці наймення: *Чудатворац, Чудатворэц, Чудатворац*.

Асобныя міфалагічныя апісанні Святога Міколы, адзначаныя на тэрыторыі Гомельскай вобласці, набліжаюцца да агіяграфіі (грэчаскае *ἅγιος* ‘святый’, *γράφω* ‘пішу’) – літаратура, што апісвае жыццё Святых, «подзвіг веры гістарычнай асобы ці групы асоб, якія шануюцца царквой як Святыя» [6]. Нездарма вытокі жыццяў як літаратурнага жанру навукоўцы бачаць у «міфалагічных аповедах пра багоў і герояў, у антычных жанрах энкомія (ад старажытагрэчаскага *ἐγκώμιον* ‘ухваленне’)» [6].

Насельніцтва Гомельскага рэгіёна апавядае цікавыя звесткі з біяграфіі Святога Міколы: *Мікола быў зразу п’яніцай, а патам павярнуўся к Богу і кінуў піць, і папаў у святыя* (в. Янава, Веткаўскі раён); *Мікола п’яніцай быў, а піць кінуў – святым стаў. Мужык у цэркаў ідзець, а Мікола водку п’ець. Мужык памаліўся, а Мікола напіўся* (в. Старое Закружжа, Веткаўскі раён) [4]. Менавіта з гэтай прычыны «Мікола, штоб выпівалі, любя, штоб людзі хадзілі і песні пелі на Міколу» (в. Старое Закружжа, Веткаўскі раён) [4]. Міфалагічныя апавяданні Гомельшчыны апісваюць і іншыя падзеі з жыцця Святога: *Чалавек угруз у гразі. Так Мікола астаўся і памог таму чалавеку. І ён стаў, Мікола, Божжы чалавек* (в. Прысно, Веткаўскі раён) [4].

У хрысціянстве «Святыя ўслаўляюцца праз напісанне ікон, стварэнне жыццяў, царкоўных службаў і малітваў. Грунтам для царкоўнай кананізацыі з’яўляюцца жыццё і подзвіг Святога, цуды, здзейсненыя ім пры жыцці ці пасля смерці» [3]. Гэтаксама ў большасці зафіксаваных апавяданняў Мікола дапамагае людзям у адказ на просьбы, аднак дзейнічае Святы праз сваю выяву на іконе.

У спарадычных паданнях сустракаецца апавед аб з'яўленні Святога людзям. Святы Мікола прымае вобраз старога, прыходзіць у сям'ю, што церпіць нястачу, і ратуе маці і дзіця ад голада. Як і ў іншых апавяданнях пра дапамогу Святога, у апаведзе пра непасрэдня стасункі Міколы з сям'ёй, якая мае патрэбу у дапамозе, Святы робіць чуд, чым яшчэ раз апраўдвае жыццядзейнасць характарыстыкі *Цудатворац: И однажды вечером пришел старик и сказал: «Хозяйка, дай хлебушка». Она говорит: «Извините, но мы сами голодаем. Мука закончилась у нас в кадке». Он попросил посмотреть ее повнимательнее, может, там еще что-то осталось на дне. И, оказалось, что на дне кадки было столько муки, что хватило испечь хорошую булочку, и они поужинали втроем.. Когда женщина через некоторое время вспоминала этого старца, она посмотрела как-то на икону Микола и.. поняла, что приходил к ней не просто старец, а приходил к ней сам Микола* (г. Ветка) [4].

У большасці міфалагічных апавяданнях, што бытуюць на Гомельшчыне, Святы Мікола ўяўляецца рэальна існуючай асобай, якая выконвае тэя самыя дзеянні, што і людзі-расказчыкі пра гэтыя падзеі. Уяўленне пра Святога Міколы як пра жывую асобу адлюстроўваецца і ў беларускіх народных прыказках, для якіх уласціва ўвасабленне: *Зімовы Мікола каня заганяе* [7, с. 111]. У многіх парэміях Мікола дзейнічае не адзін, а з іншымі Святымі: *Варвара мосціць, а Мікола марозам гвоздзіць* [7, с. 111]; *Юры сказаў: «Жыта ўраджу» – Мікола адказаў: «Паждзжы, пагляджу»* [7, с. 58]. Пры гэтым на адметнасці дзеянняў Святых у парэміях безумоўна ўплывае каляндар і прыродна-кліматычныя ўмовы пары года, калі шануецца Святы.

У гонар Міколы адзначаецца *Мікольшчына* – «святая свечкі. Гаспадар, які меў мікольскую свечку, частаваў «братчыкаў». Затым запаленую свечку ставілі ў лубок з жытам і пераносілі ў суседнюю хату, дзе ў наступным годзе меліся адзначаць *Мікольшчыну*. Па дарозе спявалі:

Прашу цябе, Мікола, да сябе,

Штобы ты ў мяне гадуваў,

На коніку прыеджаў,

Хлеба, солі засылаў,

Усякія пашніцы І ярыя пшаніцы» [7, с. 111].

Святы Георгій, або Юрый ці Ягор, у міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны таксама асоба вядомая. Прысвятак адзначаецца 6 мая. У гэты дзень дзяўчаты «*юрыліся*»: выбіралі сяброўку на год, мяняліся хусткамі, смажылі яешню [7, с. 58]. Адметна, што Юрый малюецца народнай міфалогіяй адрознымі ад характарыстыкі Міколы штрыхамі: *На годзе ёсць два Юр'і ды абодва дурні: увосень – халодны, а ўвясну – галодны; Калі прыйдзе Юры, не ўгледзіш у жыцце куры* [7, с. 58].

З просьбамі пра добрую будучыню беларусы звярталіся да Святога Андрэя, дзень якога – 13 снежня: *Андрос, Андрос, мучкі кудось, бо мне трэба дзяцей адзяваць* [7, с. 109]. На Гомельшчыне ў гэты дзень дзяўчаты гадаюць і звяртаюцца да Андрэя: «*С'яты Ондрэй, коноплі посеі. – Сыпнуць у окно да слухаюць, шчо там у хаці скажуць. Як скажуць “сядзь”, то замуж не вуйдзе, будзе дома сядзець»* [7, с. 109].

Этнаграфічныя запісы сведчаць пра яшчэ большую пашыранасць Святых у беларускай міфалогіі ў мінулыя стагоддзі. Е. Раманаў у канцы XIX ст. зафіксаваў у тагачасным Гомельскім павеце цікавую гісторыю аб Святых Кузьме і Дзям'яне, якія адзначаюцца 14 чэрвеня. Кавалі Кузьма і Дзям'ян зрабілі жалезную саху і запраглі ў яе змяю і аралі аж да Дняпра:

Здзелалі яны цяперака саху і кажуць змяі:

– Пралізнеш трое от этих дзвярэй, дык мы табе сядам на язык, ты нас і з'ясі.

Цяперака яна раз лізнула, другі лізнула і трэці – і пралізала трое дзвярэй. Яны тагды – цапель! Ды за язык яе кляшчамі. Да адзін гвоздзе на галаве, а другі запрагае ў саху. Як запраглі яе, да аралі яны луг, аралі яны поле, аралі ўсё і не давалі ніць, пакуль не прыараліся к Няпру. Як прыгараліся к Няпру, яна як вырыла роў, як стала ніць, як стала ніць, апрэглася. А яны тагды і прыстанавіліся [7, с. 77–78].

Паводле запісаў У.М. Дабравольскага, міфалагічныя ўяўленні бытавалі ў народзе пра Ганну – прысвятак 22 снежня: *Варвара, Саўка, Мікола і Андрос ішлі ўмесці; Ганна засталася за красачкамі, а будній дзень і наступіў* [7, с. 111].

Нельга не ўспомніць пра асобу Святога Іллі, міфалагічнае ўяўленне аб якім зараз адбіваецца ў народных песнях:

Ілля па полю хадзіў,

Пашаньку радзіў.

Што ступлю стапою,

Стаяць снапкі капою [7, с. 80].

Адметныя міфалагічныя звесткі фіксавалі этнографы XIX ст. пра Святую Параскеву (*Параска, Параскоўя, Параскеўя Пятніца*). Параска адзначаецца 10 лістапада – дзень забароны прадзення і ткання. Паводле народнай міфалогіі, Параскева-Пятніца вылазіць з-пад печкі і карае таго, хто прадзе, а яшчэ «яна ў выглядзе старой бабы ходзіць па вёсках і строга глядзіць, каб ніхто не праў кудзелю ў пятніцу» [7, с. 103].

І канешне, замацавалася ў міфалагічных паданнях Гомельшчыны постаць Дзмітрыя. Змітраўкі, або Дзмітроўскія дзяды, прыпадаюць на 8 кастрычніка. У гэты дзень нельга праць, ткаць і працаваць у полі. У Гомельскім раёне кажуць: *Проціў Дзмітрыя вечэрам не прадуць, не матаюць – Дзмітры хітры. А назаўтра вышываюць [7, с. 102–103].*

Параўнальна-супастаўляльнае вывучэнне сучасных этнаграфічных дадзеных і запісаў этнографу XIX–XX ст. выяўляе тэндэнцыю да паступовага скарачэння адлюстравання ў народных паданнях фактаў з жыцця і дзейнасці Святых. І гэта характарызуе не толькі народную культуру Гомельшчыны, але і з’яўляецца тыповай рысай беларускай міфалогіі ўвогуле. Так, П.В. Шэйна у канцы XIX ст фіксаваў цікавыя апавяданні пра падарожжы Бога і Святых Міколы і Юрыя па Беларусі [8, с. 365–370]. У гэтых легендах Бог і Святыя выяўляюцца звычайнымі людзьмі: *Ишоў разь Богъ и святой Микола, и шли яны шли дорогой и ночь ихъ заснѣла [8, с. 365]; А Св. Микола сядзиць и радуецца. Подъ конецъ бясѣды ўзяў Св. Микола чарку и пѣе до господара [8, с. 370].*

Святыя ў апавяданнях на роўных стасуюцца з насельніцтвам. Прычым людзі звычайна не пазнаюць у падарожніках Святых, павага і шанаванне да якіх абавязкова адлюстроўваецца. У прыведзеных П.В. Шэйнам апісаннях таксама ўзгадваецца *Мікольшчына*. Гэта лексема ўжываецца ў некалькіх значэннях:

– свята шанавання Святога Міколы: *Чіловкѣ справіў гучную Микольщину и запросіў на яе чуць ня ўсѣ сяло. Ажъ скоро подыйшоў и Богъ зъ Юрьемъ и Св. Миколай [8, с. 370];*

– народная песня, якая выконваецца ў гонар Святога Міколы: *Мужики подвытили и стали Микольщину пѣць, Св. Миколу выхваляць:*

А хто, хто Святого Миколу любіць,

А хто, хто Святому Миколѣ служіць,

Тому Святой угодникъ помогае,

Отъ зла напасьци зберегае.

А хто, хто Святого Миколу молиць,

А хто, хто Святого Миколу просіць,

У того ніўка дожджикомъ полита,

У того жито градомъ не побита [8, с. 370].

Такім чынам, вобразы Святых знаходзяць трывалае адлюстраванне ў міфалагічных апавяданнях Гомельшчыны. Нягледзячы на памяншэнне з часам адлюстраваных у народных апавяданнях агіяграфічных элементаў, асноўныя заканамернасці ўпамінавання Святых застаюцца. Традыцыйна Святыя паўстаюць заступнікамі людзей, дапамагаюць і ратуюць іх у складаных жыццёвых сітуацыях. У народнай міфалогіі Гомельшчыны часта ўзгадваюцца Святыя Юрый, Андрэй, Варвара, Ганна. Апісанні прапануюць варыянтную намінацыю: *Юрый – Ягор, Георгій, Андрэй – Андрос, Параскева – Параска, Параскоўя, Параскеўя Пятніца*. Самым папулярным у народнай свядомасці сучаснай Гомельшчыны з’яўляецца Святы Мікола. Характарыстыкі-намінацыі Святога сустракаюцца ў розных фанетычна-словаўтваральных выяўленнях: *Чудатворац, Чудатворэц, Чудатворац*. У большасці функцыянуючых у цяперашні час апісаннях Святы аказвае дапамогу людзям пры звароце да іконы Святога. Аднак часам яшчэ сустракаюцца апісанні, у якіх Святы апісваецца рэальным

чалавекам. Моўнай адметнасцю выкарыстання імёнаў Святых у беларускіх народных міфалагічных апавяданнях з'яўляюцца вытворныя ад гэтых онімаў назоўнікаў з семантыкай 'абрады шанавання Святога' тыпу *Мікольчына*.

Даследаванне выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у межах сумеснай навукова-даследчай работы Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны і філіяла ФДБАУ ВПА «БДУ імя акадэміка І.Г. Пятроўскага» ў г. Навазыбкаве «Міфалагічныя апавяданні Бранска-Гомельскага пагранічча: этналінгвістычнае лексікаграфічнае даследаванне» (дагавор з БРФФД № Г17Р-018 ад 18.04.2017 г.).

Літаратура

1. Веткаўскі музей стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф.Р. Шклярава [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://vetka-museum.by>. – Дата доступу : 30.05.2017.
2. Лопатин, Г.И. О народной демонологии белорусско-брянского пограничья: доброхожие, невидимые и др. / Г.И. Лопатин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nashkraj.info>. – Дата доступа : 31.05.2017.
3. Русские святые [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya. – Дата доступа: 15.06.2017.
4. Лопатин, Г.И. Культ Св. Николая по современным белорусским свидетельствам / Г.И. Лопатин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vetka-museum.by>. – Дата доступа: 31.05.2017.
5. Святой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya. – Дата доступа : 15.06.2017.
6. Агиография [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya. – Дата доступа: 15.06.2017.
7. Беларускі народны каляндар: аўтар-укладальнік Алесь Лозка. – Мінск : Польша, 1993. – 117 с.
8. Матэрыялы для изученія быта і языка рускага населення с'веро-западнага края, збораныя і прыведзеныя ў парадокъ П. В. Шейномъ: въ 3 т. – Санкт-Петербургъ: Типографія Імператорскай акадэміі навукъ, 1893. – Томъ II: Сказки, анекдоты, легенды, преданія, вопоминанія, пословицы, загадки привѣтствія, пожеланія, божба, проклятія, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – 751 с.

Гомельскі дасударствены ўніверсітэт ім. Ф. Скорыны

Поступила в редакцию 13.06.2017

УДК 811.161.3'367'42:398.838(=161.3)

Сінтаксічная катэгорыя аб'ектнасці ў мове беларускіх народных песень пра каханне

Н.П. ЦІМАШЭНКА, У.А. БОБРЫК

Аўтары даследуюць сінтаксічную катэгорыю аб'ектнасці ў мове беларускіх народных песень пра каханне, выяўляюць лексіка-тэматычныя групы назоўнікаў з аб'ектным значэннем, характарызуюць формы іх выражэння, звяртаюць ўвагу на суадносіны семантычнай і граматычнай структуры сказа.

Ключавыя словы: сінтаксічная катэгорыя, аб'ект, структура сказа, аб'ектнае значэнне.

The authors studies the syntactic category of object in the language of the Belarusian folk songs about love, discovers the lexical thematic groups of nouns with the object meaning, characterizes the forms of their expression, pays attention to the correlation of semantic and grammatical structure of the sentence.

Keywords: syntactic category, object, structure of the sentence, object meaning.

Мова беларускага фальклору з'яўляецца непасрэдным адлюстраваннем поглядаў, культуры і светаўспрыняцця нашага народа. Яскравым прыкладам гэтага могуць служыць беларускія народныя песні розных тэматычных груп. Мова фальклорных тэкстаў насычана багацейшым матэрыялам, які можа быць аб'ектам лінгвістычных даследаванняў рознага характару. У даным артыкуле наша ўвага будзе накіравана на выражэнне сінтаксічнай катэгорыі аб'ектнасці. Такім чынам, мэта артыкула – ахарактарызаваць сінтаксічную катэгорыю аб'ектнасці ў мове беларускіх народных песень пра каханне. У задачы нашага даследавання ўваходзіць наступнае:

1) разгледзець аб'ектныя адносіны ў межах простага і складанага сказа ў мове беларускіх народных песень пра каханне;

2) ахарактарызаваць формы выражэння сінтаксічных кампанентаў, у якіх выяўляюцца аб'ектныя адносіны;

3) прааналізаваць суадносіны семантычнага і граматычнага аб'ектаў у мове беларускіх народных песень пра каханне.

Аб'ектныя адносіны ўказваюць на дзеянне і прадмет, на які яно пераходзіць ці да якога яно накіравана. На ўзроўні простага сказа аб'ектныя адносіны выражаюцца праз такі кампанент граматычнай структуры сказа, як дапаўненне (граматычны аб'ект). Часцей за ўсё ў ролі граматычнага аб'екта выступаюць назоўнікі, займеннікі і іншыя часціны мовы ў значэнні назоўніка: *Любіў, ды не тую* [1, с. 52]; *Маладая дзяўчынанька / Шнуроўку шнуруе* [1, с. 189]; *Штобы міла не заснула, / Вароцечак не замкнула* [1, с. 188]; *Не плач, не плач, дзяўчынанька, / Як к табе вярнуся* [1, с. 240]; *Яна выводзіла / Варанога каня* [1, с. 286]; *Конік вараненькі, / Вадзіцы не п'еш* [1, с. 286]; *Плыві, плыві, мой міленькі, жоўтымі пяскамі, / А я астаюся, млададзешанька, з другімі дружэкамі* [1, с. 309]; *Кахайце мяне, хлопцы, / Хоць я невялічка* [1, с. 51].

Што тычыцца фармальнага нападнення катэгорыі аб'ектнасці, то яно прадстаўлена ўсімі ўскоснымі склонамі:

1) формы роднага склону: *Даўно ўжо сонейка заходзіць, / Дзеўка з бору не выходзіць, / Не нясе грыбоў* [1, с. 54]; *Без дроў, без дроў, без лучыначкі / Не адну ночку начую* [1, с. 58]; *Мусіў казак для дзяўчыны / Жбан віна купіці* [1, с. 114];

2) формы давальнага склону: *Ты каму, краса, ты дастанешся, / А ці стараму, а ці маламу, / А ці роўнаму, разудаламу?* [1, с. 48]; *Ой, кажуць мне людзі, / Што я малявана* [1, с. 50]; *Выйдзі, выйдзі, дзяўчынанька, / Ты мне харашуха* [1, с. 140];

3) формы вінавальнага склону: *Цябе прытулю я, / Вячэру згатую, / Румяны губкі / Сто раз пацалую* [1, с. 47]; *Ты, дзяўчына, скажы, / Не утоівай, / Скажы праўданьку ўсю* [1, с. 52]; *Мілы за вядзерка, / А я за другое* [1, с. 50]; *А мамачка, мамачка, нябога, / Знімі мяне з камушка з бялога* [1, с. 50];

4) формы творнага склону: *Ой ты чым, сяло, прыукрашана, / Ці калінаю, ці малінаю* [1, с. 48]; *За гарамі, за лясамі / Пайшла дзеўка за грыбамі / Край-далінаю* [1, с. 53]; *Я яго прынадзіла русаю касою, / Русаю касою, дзявочай красою* [1, с. 58]; *Я на тваё шэра пер'е нагляджуся / І табою, саколчак, нацяшуся* [1, с. 411];

5) формы меснага склону: *Гой, гой, / Едзе міленькі мой / На шэрым канёчку, / На шэрым канёчку, / Ручкі ў кішанёчку* [1, с. 58]; *Распытаюся, разгукаюся, / Аб жыцці-быцці яго* [1, с. 58]; *Заплач, затужы, малады малойчык, / Па харошай дзяўчыне* [1, с. 280].

У мове беларускіх народных песень пра каханне родны склон здольны выражаць розныя значэнні аб'екта: аб'ект дзеяння пры дзеясловах (*Перастань, міленькі, / Да мяне хадзіці* [1, с. 117]; *Бадай тыя паўміралі, / Што з нас смяліся* [1, с. 120]; аб'ект пры адмаўленні (*А я ж тыя славы, / Славы не баюся* [1, с. 115]; *Не бачыла міленькага / Ўжо другі дзянёчак* [1, с. 117]); аб'ект прызначэння (*Мусіў казак для дзяўчыны / Цымбалачкі наняць* [1, с. 115]); аб'ект як частка чаго-небудзь (*Пойдзем прынясема / Вадзічкі абое* [1, с. 50]; *Дала каню аўса, сена, / А мілому мёду, віна* [1, с. 189]); аб'ект як адрасант (*Ад мілага лісточкаў няма, / Ад нялюбага шлюцца* [1, с. 166]; *Ад міленькага пісьмачка няма, / Ад нялюбага шлюцца* [1, с. 167]). У фальклорных тэкстах сустракаюцца канструкцыі, у якіх родны аб'екта ўжываецца замест вінавальнага склону (*Дзеўка к бору падыходзіць, / Краснага грыба знаходзіць, / У кошык кладзе* [1, с. 47]; *Яшчэ к рэчцы не дайшла, / Мухаморыка знайшла, / Краснага грыба. // Грыба краснага схваціла / Ды ў карзінку палажыла* [1, с. 182]). Давальны склон мае значэнне ўскоснага аб'екта (*Парадзь жа мне, парадзь жа мне, / Як мілога зваці?* [1, с. 125]; *Ніхто мне ў няшчасцейку / Не дапамагае* [1, с. 138]; *Няхай айцец не турбуе, / Мне пасагу не гатуе* [1, с. 139]; *Я ў касцёл насіла, / Я богу мадлілася* [1, с. 142]). Вінавальны склон – самы тыповы склон для выражэння семантыкі прамога аб'екта (*Дзяўчо воду бярэ, / Казак каня вядзе* [1, с. 60]; *Я зніму парчу, / Ножкі абварчу, / А назад як павярнуся, / Боцікі куплю* [1, с. 61]). Акрамя таго, вінавальны склон у мове песень можа мець значэнне прадмета думкі, пачуцця (*Як стаялі, так стаяць, / Пра матушку гавараць* [1, с. 130]); значэнне ўскоснага аб'екта (*Ой, я на іх падзіўлюся / Ды й аб камень разаб'юся* [1, с. 137]; *Наплявала б на цябе я, / Й на твайго баценька* [1, с. 164]). Творны склон багаты на аб'ектныя значэнні: значэнне прылады дзеяння (*А пад гаем, гаем, / Гаем зеляненькім, / Там арала дзяўчыначка / Волікам чарненькім* [1, с. 114]); значэнне сумеснасці (*Да ўмей жа ты, дзяўчыначка, са мной жыць* [1, с. 215]; *Пусці, маці, пагуляці / Ночку з малайцамі* [1, с. 116]; *З гордаю дзяўчынай / Хоць нагаваруся* [1, с. 154]; *Толькі з міленькім сыйдуся, / Назад варачуся* [1, с. 132]); аб'ект праследавання (*Адзін ўража не лажыўся, / За мной ночку валачыўся* [1, с. 150]; *За кім, за кім наш сыночак / Так ганяецца?* [1, с. 165]). Месны склон выражае значэнне аб'екта думкі, прадмет размовы (*Дурная дзеўка, неразумная / Па кавалеру плача* [1, с. 119]; *Не ведае аба мне?* [1, с. 149]; *Бедны рольнічак / Па дзяўчыне плача* [1, с. 167]; *Па мне, па мне, па мне маладзюсенькай, / Да ўвесь род зажурыўся* [1, с. 170]).

Сустракаюцца выпадкі ўжывання ў ролі аб'екта сінтаксічна непадзельнага спалучэння: *Ой, сустракаў тры паненкі / Ідучы ў улочку* [1, с. 222]; *А бедная сіраціначка / Ужо тры копы нажала* [1, с. 155]; *Ой, каб жа ты, дзяўчыначка, / Капу грошай мала, / То са мною, дзяўчыначка, / У пары б стаяла* [1, с. 164]. Акрамя прыназоўнікава-склонанавых форм іменных часцін мовы, у мове фальклорных тэкстаў аб'ектнае значэнне можа выражацца пры дапамозе інфінітыва: *Паўнюсенька хата, / Паўнюсенькі сени, / Казаў мне Ясенька / Чакаць да васені* [1, с. 52]; *Мусіў казак для дзяўчыны / Абеданць прынесці* [1, с. 114].

Сярод лексіка-тэматычных груп назоўнікаў, якія выражаюць аб'ектнае значэнне, у мове беларускіх народных песень пра каханне прадстаўлены наступныя найменні:

– прадметы быту, гаспадаркі, творчай дзейнасці людзей: *Майго мілага маляваненькі / Чаўнок абярнулі* [1, с. 52]; *Сядло залатое / на яго ўскладае* [1, с. 55]; *Ой, вазьму я гостру косу, / Канопелькі скошу* [1, с. 121]; *Сядзіць сабе на коніку / Ды ў дудачку грае* [1, с. 145]; *Ой, зрабілі лодачку лепей карабля* [1, с. 148]; *Запрагу я карэту, / Сама сяду паеду* [1, с. 149]; *Пакачу я золты персень / Трыма дарагамі* [1, с. 156];

– асобы: *Перавязі ты красну дзеўку / На той бок ракі* [1, с. 92]; *Гай зялёны завівае, / Дзеўка мілага чакае* [1, с. 54]; *Ужо твая дочка, маці, / З хлопцамі гуляе* [1, с. 116]; *Стаў дзяўчынку суцяшаць* [1, с. 123]; *А я роду шляхецага, – / Люблю сына купецкага* [1, с. 152];

– абстрактныя назвы: *Яна праўду знала, / Усю праўду казала* [1, с. 55]; *Распытаюся пра здаровейка яго* [1, с. 58]; *Ванька, Ваня, дружок мой, / Спадабаўся розум твой* [1, с. 131]; *Усе дзевачкі / Рана ўсталі, / Шчасце й долю / Разабралі* [1, с. 143]; *Я шчасця не маю* [1, с. 157];

– прадметы харчавання (ежа, пітво): *За гарамі, за даламі / Пайшла дзеўка за грыбамі / Край-далінаю, эх!* [1, с. 54]; *Дзеўка з бору не выходзіць, / Мухамор яна знаходзіць* [1, с. 54]; *Як дам зелле напіціся, / Пакінеш адразу* [1, с. 118]; *Прынясе хлапчына / Яблычка красненька* [1, с. 124]; *Ой, ні, маці, тое піва, / Што я наварыла* [1, с. 134]; *Я ў бару абед вару* [1, с. 151]; *Дзеўкі будуць піва піць, / А ты будзеш слёзы ліць* [1, с. 170];

– жывёлы і птушкі: *Сівенькі галубчык / Сядзеў на дубочку, / Кліча галубочку* [1, с. 54]; *Каня варанога, / Коніка сядлае* [1, с. 55]; *Ясь млады каня паіць* [1, с. 59]; *Качар качку паганяе, / Кожна сабе пару мае* [1, с. 137]; *Выйшла слухаць салавейку, / Бо зроду не чула* [1, с. 145];

– расліны: *Па садочку хаджу, / Руту-мяту саджу* [1, с. 117]; *Пасею я канпелькі, / З густа зеляненькі* [1, с. 121]; *Як пайду я з гары ды ў даліну / Ды выламлю вярбу ды каліну* [1, с. 173];

– з’явы і кампаненты прыроды: *Усханіліся ветры буйныя, / Воду ўскалыхнулі* [1, с. 53]; *Ён дома не быў, на лугу траву касіў* [1, с. 58]; *Маня воду чэрпала* [1, с. 59]; *На камені падуць, / Камень разбіваюць* [1, с. 115]; *Яна тую рэчаньку ўсё праклінала* [1, с. 149];

– назвы адзення (тканіны), абутку: *Дай мне, мама, тую хустку, / Што я вышывала* [1, с. 57]; *Ох, і не жаль мне сапаяжка* [1, с. 190]; *Сапожкі на ножкі / А ён надзяваіць* [1, с. 191]; *Ці не прыйдзе міла / Памыць мне сарочку* [1, с. 199]; *Ой, ці табе, мілы, / Да кашулі не шыла* [1, с. 292]; *На Дунаі сінім белы хусты мыла* [1, с. 331];

– геаграфічныя назвы: *Абляцела ўсю Украіну* [1, с. 57].

Сярод усіх лексіка-тэматычных груп назоўнікаў пры выражэнні аб’ектнага значэння самую прадуктыўную групу складаюць лексемы ‘вада’ і ‘конь’: *Прывяжу каня я да тычыны, / А сам пайду да краснай дзяўчыны* [1, с. 144]; *Пытаю ў цябе, мілы, ці многа коней маеш?* [1, с. 150]; *Дзе я твайго варанога / коніка пастаўлю* [1, с. 189]; *Слугі мае, слугі, / Слугі дарагія, / Запрагайце коні* [1, с. 209]; *Ляцеў воран па-над морам / Ды стаў ваду піці* [1, с. 156]; *Ты не еж, конь, лугавой травы, / Ты не пі, конь, ключавой вады* [1, с. 171]; *Вось дзяўчаткі прыйшлі, / Ваду зачарпнулі, / А маю міленьку / Мама не пусціла* [1, с. 198]. Выкарыстанне вобраза вады ў народнай песні тлумачыцца станоўчымі адносінамі людзей да воднай стыхіі. Ва ўяўленнях народа вада – гэта жыццё. А вобраз каня таксама займаў цэнтральнае месца ў жыцці нашых продкаў. Сапраўдная гаспадарка немагчыма без гэтай жывёлы: гэта і памочнік у полі, і «сялянскі транспарт».

Аб’ектнае значэнне ў тэкстах песень, як правіла, выражаецца ў чыстым выглядзе: *А я цябе любіць буду, / Мой ружовенькі цвету* [1, с. 121]; *Няхай пагавораць, / Мы іх не баімся* [1, с. 124]; *Пусці мяне, мамачка, пусці мяне родная, / З церама на ганчак гуселек паслухаці, / Гуселек паслухаці, песенак наўчыціся* [1, с. 126]; *Каго я люблю, каго кахаю, / Ты мяне не разлучыш* [1, с. 127]; *Маці дочку шукала, / Ахвіцэра пытала* [1, с. 128]; *Маці зяця не пазнала* [1, с. 134]; *Не н’е маці таго піва – / Толькі пралівае, / І не любіць свайго зяця – / Толькі праклінае* [1, с. 134]. Аднак сустракаюцца сінтаксічныя канструкцыі, у якіх да значэння аб’ектнасці прымешваецца акалічнаснае або атрыбутыўнае адценні. Напрыклад, у сказах тыпу *Я вясною ўзышла, / Летам вырасла, / На высокі цярэм / Пахілілася* [1, с. 47]; *Ці мне да дзяўчыны / На ўсю ноч махаці?* [1, с. 222]; *Прыйду ў госці да цябе* [1, с. 123] да аб’ектнай семантыкі далучаецца прасторавае значэнне; у сказе *Я цябе любіў, / Я цябе кахаў, / Цераз цябе, маладую, / Многа ноч не спаў* [1, с. 66] на аб’ектнае значэнне накладваецца акалічнаснае прычыннае адценне; у сказе *Малодшую дочаньку замуж аддаець, / Старэйшаю дочаньку на вадзіцу шлець* [1, с. 149] акалічнаснае значэнне мэты дамінуе над аб’ектнай семантыкай; у сказах *Вытаптаў сцежачку / Цераз пятрушку* [1, с. 227]; *Вытаптаў сцежачку / Цераз фасольку* [1, с. 227] на значэнне аб’ектнасці накладваецца атрыбутыўная семантыка. Неабходна заўважыць, што губляецца аб’ектнае значэнне ў тых выпадках, калі форма

назоўніка ва ўскосным склоне ўваходзіць у склад выказніка: *Я спаткала красу / У зялёным лясу, / У зялёным лясу / Пад рабіначкай* [1, с. 47]; *Замуж я пайду – красату згублю, / Красату згублю – мужа нажыву* [1, с. 48]; *А як пайшла слава, / Слава да Аршава, / А што дзеўка з казаком / Ночку начавала* [1, с. 115]; *А ў даліне арашок, / Падай, дзеўка, галасок* [1, с. 116].

У мове беларускіх народных песень пра каханне часта сустракаюцца такія сінтаксічныя канструкцыі, у якіх граматычны аб'ект (дапаўненне) не супадае з семантычным аб'ектам. Гэта адбываецца тады, калі семантычная і граматычная структура сказа не супадаюць. Параўнаем сказы: *А журылі мяне хлопцы – / Удаляя малойцы* [1, с. 52] і *Збілі мяне буйны ветры / З дробнымі дажджамі* [1, с. 52]. У першай канструкцыі словаформа ў вінавальным склоне 'мяне' выступае як граматычны (дапаўненне) і семантычны аб'ект адначасова. У другой жа канструкцыі словаформа 'мяне' выступае толькі як аб'ект граматычны. Калі разглядаць семантычную структуру гэтага сказа, то даная словаформа выступае як семантычны суб'ект. Семантычныя ролі назоўнікаў у назоўным склоне ('хлопцы' і 'ветры') у гэтых канструкцыях таксама адрозніваюцца: у першай канструкцыі граматычны суб'ект (дзеянік) і семантычны суб'ект супадаюць, у другой словаформа 'ветры' толькі ў граматычным плане выступае дзейнікам, а ў семантычным – уваходзіць у склад семантычнага прэдыката ('збілі ветры'). Тое ж можна сказаць і пра сінтаксічныя канструкцыі тыпу *Паб'юць цябе, казачэнька, / Сіроцкія слёзкі* [1, с. 115]; *Як на мяне, маладую, / Няславанька выйшла* [1, с. 116], дзе словаформа 'слёзкі', 'няславанька' толькі ў граматычным плане выступаюць дзейнікамі, а ў семантычным – уваходзяць у склад семантычных прэдыкатаў ('паб'юць слёзкі', 'няславанька выйшла'). Сустракаюцца і такія канструкцыі, у якіх дзейнік выконвае ролю семантычнага аб'екта, а граматычны аб'ект (дапаўненне) – функцыю семантычнага суб'екта: *Ёсць у мяне зелле / Ніжэй пералазу, / Як дам табе напііся, – / Пакінеш адразу* [1, с. 118]. У граматычна аднаасастаўных сказах тыповай з'яўляецца сітуацыя, калі граматычны аб'ект (дапаўненне) з'яўляецца семантычным суб'ектам (пры адсутнасці граматычнага суб'екта): *Ой, не жалка мне таго чаўночка, / Не жаль малявання* [1, с. 53]; *Мне тваго пасагу не вельмі трэба* [1, с. 153]; *Як мне не журыцца, калі сэрца ные?* [1, с. 212]; *А мне трудна, хлопцу маладому, / На марозе стоячы* [1, с. 194]; *Няма майго міленькага / ўжо трэці дзянёчак* [1, с. 118]; *Дзяўчыначцы кепска стала* [1, с. 123]. Такія сінтаксічныя канструкцыі вельмі распаўсюджаны ў мове беларускіх народных песень пра каханне, паколькі перадаюць стан чалавека, яго настрой. Такім чынам, граматычны аб'ект (дапаўненне) – гэта словаформа ва ўскосным склоне, на якую накіравана дзеянне або да якой накіраваны стан. Семантычны аб'ект – гэта залежны кампанент семантычнай структуры сказа, які абазначае прадмет, пры дапамозе або пры ўдзеле якога праяўляецца прэдыкатывная прымета суб'екта. Семантычны аб'ект магчымы толькі пры адносных прэдыкатах, характар аб'екта, на думку Н.М. Арват, «вызначаецца ў асноўным спецыфікай семантычнага прэдыката» [2, с. 7]. У сістэму семантычнага аб'екта даследчыца ўключае:

1) аб'ект уздзеяння (*Біла мяне маці, / Будзе яшчэ біці* [1, с. 118]; *За што біла дзеўчу маці* [1, с. 128]);

2) аб'ект-адрасат (*А я з сваім мілюсенькім / Пагавару з цяха* [1, с. 120]; *Ой, у полі каліна / Ды з вятром гаварыла* [1, с. 121]);

3) аб'ект прылады (*Мяне маці беражэ, / З чапляю сцеражэ* [1, с. 129]; *На лодачцы ўмываюся, / Травіцаю ўціраюся* [1, с. 151]);

4) аб'ект прыналежнасці (*Аднаго каня маю, у дварэ не трымаю* [1, с. 150]; *Саколе, саколе высокая лятае, / Высока лятае, ён параньку мае* [1, с. 153]; *Ой, калі б я, казачэнька, / Капу грошы мала, / Я б такімі жаніхамі / Хату падмятала* [1, с. 165]);

5) аб'ект адносін (*Нагавору не рабі, / Мяне верна век любі* [1, с. 116]; *Я цябе любіў, любіці буду, / Мой ружовенькі цвету!* [1, с. 119]; *Ай, няхай судзяць, няхай гавораць, / Бо я іх не баюся* [1, с. 122]);

6) аб'ект успрыняцця (*Бачыў, бачыў тваю дочку / Пад прыгожанькім дварцом* [1, с. 128]; *Я й сама тое віджу* [1, с. 129]; *Цяпер жа ты відзіш мяне маладую, / Цяпер жа ты відзіш мяне харашую* [1, с. 154]; *Чуў я, міла, такую навіну, / Што ты маеш малую дзяціну* [1, с. 346]);

7) аб'ект мадальных адносін (*Мне твайго пасагу саўсём не патрэба* [1, с. 153]) і інш. [2, с. 7].

На думку Н.С. Валгінай, «дапаўненне як член сказа прадстаўляе сабой вельмі складаную сінтаксічную катэгорыю, паколькі роля яго ў сказе не зводзіцца толькі да абазначэння аб'екта, на які распаўсюджваецца дзеянне, хаця такое значэнне, безумоўна, з'яўляецца вядучым. Функцыянальна так званае дапаўненне значна шырэйшае, і ў шэрагу выпадкаў словаформы ў пазіцыі дапаўненняў будуць свае сінтаксічныя адносіны не з асобным членам сказа (звычайна з дзеясловам-выказнікам), а з усёй прэдыкатыўнай асновай яго, г.зн. не ўключаюцца ў дзеяслоўныя словазлучэнні» [3, с. 131]: *Ой, за кім уздагоны / Малады хлопчык бяжыць?* [1, с. 129]; *Была ў бацькі адна дочка* [1, с. 132]; *А ў майго таткі / Сад над ракою* [1, с. 179].

Асноўная функцыя дапаўнення – гэта абазначэнне аб'екта дзеяння або стану. Таму і адносяцца яны, як правіла, да дзеясловаў, безасабова-прэдыкатыўных слоў (у спалучэнні з інфінітывам і без яго) і аддзеяслоўных назоўнікаў: *Не выйду, не выйду, / Бо людзей баюся* [1, с. 124]; *Ветру не баюся, дажджу не жадаю* [1, с. 136]; *З багатаю, з няўдалаю трэба разлучацца* [1, с. 155]. Аднак у мове беларускіх народных песень пра каханне дапаўненне, якое адносіцца да аддзеяслоўных назоўнікаў, не сустракаецца.

Сінтаксічнае значэнне аб'ектнасці выражаецца ў межах не толькі простага, але і складанага сказаў. У тэкстах беларускіх песень пра каханне значэнне аб'ектнасці можа выяўляецца паміж прэдыкатыўнымі часткамі складаназалежных сказаў з даданай дапаўняльнай. У складаназалежных сказах з аб'ектнымі адносінамі даданая частка дапаўняе выказнік галоўнай часткі або раскрывае сэнс дапаўнення галоўнай часткі, якое выражана ўказальнымі ці азначальнымі займеннікамі: *У саду вішанькі шумяць, / Праз нас людзі гавораць, / Пра цябе ды пра мяне, / Што ты ходзіш да мяне* [1, с. 116]; *Я думала, маладзенька, / Што нядзелек сорак* [1, с. 117]; *А я табе скажу, / Што людзі гавораць, – / Што да цябе, мая міла, / Кавалеры ходзяць* [1, с. 117]; *Сама знаю, людзі гавораць, / Што не быць мне з табою* [1, с. 120]; *Людзі кажуць і гавораць, / Што цябе не любіла* [1, с. 121]; *Пазнай, пазнай, мая маці, / А як зяця зваці* [1, с. 133]; *Не гаворыць і мая мамачка, / З кім мне ручанькі звяза* [1, с. 134]; *Сама не знаю, / Па кім я плачу* [1, с. 135]; *Пытаецца сын у мацеры, / Ды каторую ўзяці* [1, с. 155]. Сустракаюцца выпадкі, калі і ў складаназалежных канструкцыях на аб'ектнае значэнне накладваецца дадаткова акалічнаснае адценне спосабу дзеяння: *Няхай людзі тое знаюць, / Як з кахання паміраюць* [1, с. 137].

Значэнне аб'ектнасці можа перадавацца і ў бяззлучнікавых складаных сказах: *Скажу на праўдзе: сватаці буду* [1, с. 203]. Але ў мове беларускіх народных песень пра каханне такія сінтаксічныя канструкцыі прадстаўлены адзінкавымі прыкладамі, прычым часам з парушэннем пунктуацыйных правіл беларускай мовы: *Будуць гаварыці, – / З табою люблюся* [1, с. 124] (замест коскі з працяжнікам патрэбна двукроп'е).

Такім чынам, фальклор дае навукоўцам вялікі фактычны матэрыял, яшчэ не раскрыты ў многіх аспектах мовазнаўства. Плённы зварот да яго адкрывае шырокі прастор для новых лінгвістычных даследаванняў.

Літаратура

1. Песні пра каханне / пад рэд. А.С. Фядосіка, Г.І. Цітовіча. – Мн. : Навука і тэхніка, 1978. – 616 с.
2. Арват, Н.Н. Семантическая структура односоставных предложений / Н.Н. Арват // Проблемы грамматической семантики : сб. ст. / Отв. ред. Л.Д. Чеснокова. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 3–11.
3. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка : учеб. для вузов / Н.С. Валгина. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1991. – 432 с.

УДК 821.161.3-31*А. Козлов: 133.4

Вредоносная магия в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка»

С.Б. ЦЫБАКОВА

Проводится анализ вредоносной магии, народная вера в которую отображена в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка». Рассматриваются мифологические представления, верования белорусов, связанные с образами персонажей произведения – носителями народной магической традиции. Выявляются виды отображенной в повести вредоносной магии, определяются ее социально-психологические основы, значение в авторском осмыслении зла.

Ключевые слова: вредоносная магия, порча, сглаз, картина мира, мифологические представления, народные верования, зло.

The work provides the analysis of the black magic, the national belief into which is reflected in the story «The Unbroken Candle» by Anatol Kozlov. The Belarusian people's mythological perceptions and beliefs connected with the images of the characters of the book that preserve and transmit folk magical traditions are considered. In the article, there are differentiated several types of witchcraft. Its social and psychological basis and its meaning in relation to the author's interpretation of the evil are determined.

Keywords: harmful magic, spoilage, evil eye, world views, mythological ideas, popular beliefs, evil.

Магичность как важнейшая особенность мифологического мышления отображена во многих произведениях Анатоля Козлова, одно из которых – повесть раннего периода творчества писателя «Незламная свечка» («Несломанная свечка»). Автор повести выразил мифологические представления, народные верования, определяемые магичностью, рассматриваемой в качестве «имманентной части мышления людей традиционной культуры» [1, с. 44]. С.Б. Адоньева отмечает: «Магическая практика до сегодняшнего дня неотделима от крестьянского быта и включена в ряд навыков, передающихся от поколения к поколению так же, как умение пахать, шить, обрядить скотину и т. д.» [2, с. 63]. Целью статьи является исследование отображенной Анатодем Козловым в повести вредоносной магии, ее значения в авторском осмыслении зла, а также рассмотрение мифологических представлений и верований белорусов, воплощенных в образах персонажей – носителей народной магической традиции, лежащей в основе художественной картины мира в произведении.

Трагические события, запечатленные в повести, происходят во второй половине 20 века в белорусской деревне, сохранившей традиции, связанные с архаическими пластами народной культуры. И, прежде всего, автор показал живучесть магии, которая, по мнению В.Д. Шинкаренко, объясняется тем, что «современная наука не может объяснить все то, с чем сталкивается человек» [3, с. 156]. «Во многом научное объяснение устройства мира либо очень сложно для восприятия, либо мало пригодно для реального использования в повседневной жизни, либо вообще отказывается признавать некоторые, казалось бы, очевидные факты, с которыми сталкивается практически любой человек, но не очевидные для науки», – считает В.Д. Шинкаренко [3, с. 156]. Анатодем Козлов, за которым утвердилось «реноме писателя-мистика» [4, с. 14], в одном из интервью заметил: «І часам пэўныя рэчы ў чалавечых паводзінах немагчыма нічым вытлумачыць. Толькі містыкай» [4, с. 14].

Магические действия и высказывания персонажей повести «Незламная свечка» являются важнейшими компонентами мифопоэтики произведения. Центральное место в деревенском хронотопе повести занимает вредоносная магия, к которой «относятся все символические действия, направленные на манипуляцию волей, здоровьем и поведением человека» [2, с. 110]. «Вера во вредоносную магию (порчу, сглаз, насылку, напускание вреда) занимала видное место среди суеверных представлений восточных славян, как и многих других народов», – отмечает С.А. Токарев [5, с. 134]. Данный вид магии и выступает в повести «как символическая проекция межличностных конфликтов» [2, с. 93]. С точки зрения тех, кто прибегает к вредоносным магическим действиям, данные действия, по словам С.Б. Адоньевой,

«направлены на то, чтобы восстановить справедливость» [2, с. 110]. Представители враждующих между собой родов обращаются к вредоносной магии, чтобы отомстить, поскольку верят в то, что смерть их близких является «наносной», т. е. наступившей вследствие насланной порчи. Вражда семей Смоляков и Борташевичей восходит к истории любовного соперничества их прапрадедов, окончившегося враждой и внезапной смертью бывших друзей. Согласно семейному преданию, Борташевичи с целью отомстить прапрадеду Смоляку нашли «чалавека» [6, с. 139], который и напустил на род Смоляков «порчу-проклятье» [6, с. 139]. Сергею Смоляку жители деревни, шишковцы, пророчат «смерць наносную» [6, с. 139], поскольку считают его виноватым в гибели Ивана Борташевича. В свою очередь, гибель Сергея Смоляка они также связывают с порчей-проклятием. «Сасвяжыўся сёння Смаляк. Наносным ветрам у лесе забіла. <...> елка прабіла галаву душагубцу нашага Івана...», – говорит старая Матруна Борташевич [6, с. 142]. Она же замечает: «Яшчэ ж ні разу так не сталася, каб пасля смерці ў Смалякоў у нас хто-небудзь ды не знябожыўся. А калі ў нас хаўтуры, то і яны чакаюць таго ж. І ўсё з сухавеем прыходзіць, з вадой ды агнём» [6, с. 143]. В магической (магиоцентрической) картине мира, созданной автором повести, жизни Смоляков и Борташевичей забирает «сіла мінулага» [6, с. 149]: «Не па боскай гэта волі» [6, с. 149]. Темная сверхъестественная сила, проникая в душу подростка Антона Смоляка, делает его своим орудием, сводит в могилу еще одного Борташевича.

Осмысляя проблему зла, прежде всего с мистической точки зрения, Анатолий Козлов выявляет тем не менее социально-психологические основы магии, показывая силу передающейся из поколения в поколение магической традиции. Вера в порчу-проклятие разъединяет Смоляков и Борташевичей, усиливает у них отрицательные эмоциональные состояния и чувства: страх, ненависть, подозрительность, стремление отомстить. У Антона Смоляка возникает чувство обреченности рода Смоляков: «<...> я апошні парастак са Смалякоў» [6, с. 158]. «Как магия, так и религия возникают и функционируют в ситуациях эмоционального стресса, связанных с периодами жизненных кризисов, неудач в делах, смертью, посвящением в тайны племени, несчастной любовью, невымещенной ненавистью», – считает Б. Малиновский, один из крупнейших исследователей религии и магии [7, с. 376]. Вредоносная магия, которую нередко называют «черной», уходит своими корнями в область психологии, в деструктивные эмоциональные состояния и переживания. За Смоляками и Борташевичами в Шишковке закрепляется репутация людей опасных, с которыми следует соблюдать осторожность, избегая разногласия и ссор, иначе можно навлечь беду: «Лепш ужо быць лагаднейшым ды цішэйшым з імі, тады і вочы мякінай не зацяршыць, а наносны віхор тваю сям’ю абыдзе, у неба каго іншага падыме» [6, с. 140].

Писатель моделирует типичную для повседневной реальности негативную ситуацию: наведение соседями друг на друга порчи. «Под порчей понимается совокупность вредоносных магических действий и средств, используемых ведьмами, колдунами и другими “знающими” (строителями, печниками, цыганами и др.) для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека, его семьи, скота, урожая, хозяйства в целом», – отмечает Е.Е. Левкиевская [8, с. 159]. Согласно деревенской молве, причиной смерти Ивана Борташевича является колдовская порча: «Людзі па вёсцы пагалоску пусцілі, што вы на Сяргея сілу чорную навялі, ад ваших рук ён знябожыўся. Да нейкага дзеда ў Хоцімск ездзілі, адтуль усё і пайшло» [6, с. 152–153]. Колдовская порча имется в виду и когда обсуждается поведение, ответная реакция жены погибшего Сергея Смоляка: «Галі падказалі страшнага, чорнага чалавека, да яго збіраецца яна ехаць... Чуе маё сэрца – будуць яшчэ слёзы ў Шышкаўцы» [6, с. 153].

В тексте повести упоминается о таком виде порчи, по определению И.П. Сахарова, как «чары на ветер», которые «составляют жестокую месть в оскорблении» [9, с. 84]. «Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются к чародею, рассказывают свою обиду, просят его почаровать на ветер», – пишет И.П. Сахаров [9, с. 84].

Жуткое впечатление производит описание автором повести покладов, под которыми имеются в виду «вредоносные предметы, подкладываемые на территорию жертвы» [8, с. 10]. Месть Антона Смоляка является с магической точки зрения, отображенной в произведении, результатом воздействия на душу человека мистической злой воли, силы порчи-проклятия.

Представление об еще одном виде порчи, заключающейся в передаче намеченной жертве «наговоренного», т. е. приобретшего вредоносное воздействие напитка, выражено в монологе отрицательного женского персонажа – крайне суеверной Надьки Борташевич, которая винит в гибели своего сына Смоляков. Женщина боится, что беда может прийти в ее дом от употребления наговоренного зелья: «Больш за ўсё баялася Надзька за Петрака. “Ён жа зусім неразумны, аблавушка. Падсуне яму старая Смалячыха Марфа ці сама Галя нагаворнага зелья са стограмоўкай, і ляснецца чалавек, за дзень счарсцвее і ссохне. Петраку абы чарку паказалі, ён і гатовы. Слабы чалавек – не адмовіцца» [6, с. 153]. С.А. Токарев замечает, что «вредоносное заклинание называлось обычно, в отличие от лечебного, не “заговором”, а “наговором”» [5, с. 135].

С образом Надьки Борташевич, самого яркого из персонажей повести – носителей народной магической традиции, связано представление о сглазе как вредоносном магическом воздействии. Женщина верит в сглаз, который в отличие от порчи чаще всего представляет собой «непреднамеренное, спонтанно возникающее воздействие, за которое его носитель не несет ответственности, так как оно не зависит от его воли и намерений» [10, с. 21]. С позиций науки сглаз – один из наиболее распространенных видов суеверия, который, следует заметить, и, согласно христианскому учению, рассматривается как грех, зло, духовная болезнь, явление, несовместимое с верой в Бога. В произведении отражено представление о такой разновидности сглаза, как «воздействие взглядом» [10, с. 27], широко известную также под названием «дурной глаз». Данное суеверие восходит к древним представлениям о сверхъестественной силе взгляда, о мистических способностях глаз. Чтобы обезопасить себя, свою семью, имущество от дурного глаза Борташевичиха в качестве оберега использует крапиву: «Над кожнымі дзвярыма, куды б яны ні вялі: няхай то сенцы ці хата, дрывотня або хлеў – віселі пукі мінулагадняй высушанай крапівы-жыгучкі. Усё гэта ад дрэннага вока і благіх людзей. Кожны год Надзька Барташэвіч апошняя ноччу, пад самую раніцу перад Купаллем, збірала, ірвала на прылесках крапіву-жыгучку і, здымаючы папярэднюю, вешала новыя расяныя пукі» [6, с. 140]. Крапиву среди растений, выполняющих функцию оберега домашнего пространства, выделяют исследователи белорусской мифологии У. Васілевіч і Э. Зайкоўскі [11, с. 15]. Белорусы считали крапиву одним из средств против нечистой силы [11, с. 15–16].

Описание применения крапивы как оберега домашнего пространства от дурного глаза – значимый элемент художественной картины мира в повести Анатолия Козлова, деталь, выполняющая не только изобразительную функцию, но и характеризующая психологию, характер Борташевичихи, доминантными чертами которых являются скрытность, недоверие к людям, двуличие и мстительность. Характер хозяйки проявляется в ее стремлении максимально оградить свое пространство от внешнего мира, сделать его недоступным для чужих глаз: «Увоголе, падворак Барташэвічаў быў агароджаны з усіх бакоў, як панскае памесце: каб ні людское вока, ні лясная паўзучая гадаўка не патрапілі на яго, не ўцікавалі-ўгледзелі, што робіцца, што дзеецца тамака» [6, с. 139]. Приходя в дом Смоляков, Надька говорит соседкам о любви и дружбе между двумя родами, но ее лицемерие подчеркивается автором с помощью описания скрытого от глаз матери и вдовы покойного, оскорбительного для них жеста нежданной гостьи: «(Надзька правую руку не вымала з кішэні і моцна сціснула пяцярню ў кукіш)» [6, с. 155]. Кукиш «повсеместно используется в охранительной практике восточных и западных славян для отвращения сглаза, порчи и шире – для отгона опасности» [8, с. 85]. Он также является «неприличным жестом (символизирующим коитус и гениталии – знаки Рода, предков), имеющим целью оскорбить и унижить обидчика, выразить крайнее неприятие, резкий отказ, презрение» [12, с. 316].

Главными причинами обращения Борташевичихи к магии являются чувство ненависти к Смолякам, желание отомстить им, а также стремление обезопасить себя и свою семью от угрожающей, по ее убеждению, смертельной опасности со стороны соседней-врагов. Сыну Костику, который проявляет сочувствие к семье покойного Смоляка, считая, что материнская вера в порчу-проклятие – это «дурнаватыя забабоны» [6, с. 145], Надька отвечает: «Добрага чалавека можна і пашкадаваць, а смаляцкі род крыві нашай перапіў пад завязку» [6, с. 145]. В повести описываются сопровождаемые заговором магические действия, которые в

тайне от всех совершает Борташевичиха: «“Ну вось і гатова. Цяпер толькі ўзяць зелля, прывезенага ад дзеда з Ходасаў, і, пасыпаўшы ім крыж, пакласці яго дагары на труну, чыркнуць запалкай і...”<...>».

– Як баіцца курыца каршука, а мыш лісіцы, як збягае заяц ад ваўка, а соль ад вадзіцы – так няхай баяцца і збягаюць нашай хаты гора і бяда, слёзы і нуда. Як сыходзіць дымам труна на загнеце, як не бачыць гэтага ні мужык, ні дзеці – так няхай ніколі па чужацкай волі ні агні сухія, ні вятры ліхія, ні вада горкая наш род не чапае» [6, с. 144–145].

Вера в ворожбу, в могущество словесных чар, знание заговоров показаны Анатодем Козловым как устойчивые черты, характеризующие мышление, психологию женщины традиционной культуры. Своему сыну, обнаружившему в печи жменьку пепла на перевернутом кресте, Надька, отводя от себя подозрение, говорит: «Відаць, тут баба Матруна варажыла, калі мяне ў хаце не было. Ты ж сам ведаеш – яна любіць такія штучкі» [6, с. 146].

Чувства, которые постоянно испытывает Борташевичиха, – страх и ненависть. В повести показано ее безжалостное отношение к сторожевому цепному псу, которого Надька в ярости забивает насмерть. Поведение животного приводит суеверных Борташевичей в ужас: «Сабака ж, мінуўшы Петрака, пацягнуўся да варот. Спыніўся, азірнуўся на гаспадароў, затым расставіў заднія худыя ногі і, угнуўшы галаву да зямлі, завыў. Натужна і доўга. Надзька, Пятрок і Матруна скалануліся, але з месца не зрушыліся. Сабака ж пярэдняя лапай шкрабануў снежнае месца і зайшоўся такім вышцём, якое наўрад ці даводзілася чуць дасюль хоць аднаму чалавеку.

Барташэвічы перазірнуліся. На тварах ува ўсіх застыў незразумелы жак» [6, с. 142]. По мифологическим представлениям белорусов, собака (пес) обладает способностью предвидеть судьбу, предсказывать будущее [13, с. 421]. Если пес выт, опустив голову, это предвещало чью-либо смерть [13, с. 421].

В образе Борташевичихи воплощены народные верования в тайное ведовство, чародейство, в заключение союза с нечистой силой. Один из внутренних монологов одержимой желанием отомстить женщины включает в себя клятвopodobный магический текст, содержащий образы, персонажирующие демонические силы и выражающий чувство преклонения перед ними: «“Хітрасць лісіцы, сіла ваўка, моц навалніцы, злаба перуна ў костках, суставах, у сэрцы маім. Покуль жьць буду – служу я дваім. Першы мой служка ў багне лясной, ну а другі – пад зямлёю ўсёй”».

Я паўтарала гэтыя словы да стомы, покуль не знік нябесны крываваы след над галавою, а сабакі не ўшчуклі, не змоўклі. І пасвятлела ў маіх вачах...» [6, с. 141].

В авторском осмыслении зло предстает в виде смертоносной и невидимой сверхъестественной силы, притягивающей темные стороны человеческой души. Злая воля овладевает душами Надьки Борташевич и Антона Смоляка, замыкая их в роковом магическом круге вражды-мести и обрекая на вымирание рода. Одна из главных идей произведения заключается в неодолимости силы зла, в неспособности человека простить обиду и отказаться от мести. Название повести имеет символический смысл. Громничная свечка или громница, т. е. освященная в церкви в праздник Сретения свечка, которой придавалось особое сакральное значение, остается непорочной. Борташевичиха, испугавшись предложения старой Марфы Смоляк переломить перед иконой вдвоем сретенскую свечку (громницу) в знак подтверждения чистоты души, не отягощенной грехом магического вреда, уходит: «Свечка ў руках Марфы засталася незламанай...» [6, с. 156]. Символика непорочной громничной свечки приобретает в повести двойственный характер. Сретенская свеча, которая обладает согласно народным верованиям противобесовской силой, выступает в качестве оберега, символизируя также духовный свет, надежду на высшую божественную справедливость. Однако в ситуации, изображенной в повести, несломанная свечка означает невозможность прекращения вражды и примирения.

Подводя основные итоги, отметим, что вредоносная магия как один из видов магии и составная часть народно-демонологической традиции в культуре славян, и, в частности белорусов, лежит в основе художественной картины мира в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка». Писатель показал неискоренимость в народной среде веры в сглаз и порчу, в магическую силу слова. В изображенной им вражде двух родов раскрываются социально-психологические основы вредоносной магии. Образ сретенской свечки, символизируя высшую божественную справедливость, милосердие, христианское прощение обиды, является перифе-

рийным аксиологическим компонентом магической (магиоцентрической) картины мира, где человек, обращающийся к магии с целью восстановления с его точки зрения справедливости, становится орудием злой сверхъестественной воли, подчиняющей себе темные силы души.

Литература

1. Углик, И.Г. Основы мифологии: курс лекций: в 2 ч. / И.Г. Углик. – Мн. : РИВШ, 2008. – Ч. 1. – 124 с.
2. Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
3. Шинкаренко, В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства : Игра, ритуал, магия / В.Д. Шинкаренко. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 232 с.
4. Письменнік Анатоля Казлоў: «Грэба давяраць свайму герою...». Гутарыў Мікола Чэмер // Настаўніцкая газета. – 2009. – 24 студзеня. – С. 14.
5. Токарев, С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С.А. Токарев / отв. ред. С.И. Ковалев. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
6. Казлоў, А. Незламная свечка / А. Казлоў // Горад у нябёсах: аповесці, апавяданні. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2009. – С. 118–161.
7. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология ; пер. с англ., нем., фр. / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М. : Канон+, 1998. – С. 360–379.
8. Левкиевская, Е.Е. Порча / Е.Е. Левкиевская // Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века ; Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. – С. 159–241.
9. Сахаров, И.П. Русское народное чернокнижие / И.П. Сахаров // Русское чудесничество и чародейство. – М. : Эксмо, 2008. – С. 11–153.
10. Левкиевская, Е.Е. Сглаз / Е.Е. Левкиевская // Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века ; Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. – С. 21–158.
11. Васілевіч, У. Абярэгі / У. Васілевіч, Э. Зайкоўскі // Мифалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 15–16.
12. Баженова, А.И. Легенды и боги древних славян / А.И. Баженова. – М. : Алгоритм, 2013. – 576 с.
13. Валодзіна, Т. Сабака / Т. Валодзіна, Ю. Драздоў // Мифалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 421–422.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.09.2017

УДК 82.0

Канон як літаратурознаўчая праблема: розныя погляды і падыходы

І.В. Ясюк

Аналізуецца пытанне канона як тэарэтычнай праблемы. Разглядаюцца розныя падыходы да разумення сутнасці паняцця канон, закранаюцца – як прыклад – сучасныя амерыканскія даследаванні, дзе, фактычна, праблема разумення канона даўно займае важнае месца сярод асноўных пытанняў тэорыі літаратуры. Увага, безумоўна, звернута таксама і на даследаванні як айчынных, так і ўкраінскіх, польскіх, а таксама рускіх тэарэтыкаў і гісторыкаў літаратуры.

Ключавыя словы: канон, кананізацыя, літаратурны пантэон, гісторыя літаратуры.

The matter of canon as a theoretical issue is analyzed. Different approaches to understanding the term essence are presented, as well as some modern American surveys are brought up, where the problem of canon understanding has already been an important subject among the main theoretical questions of literature for a long time. The attention is certainly paid to the investigation of native, Ukrainian, Polish and Russian theorists and historians of literature.

Keywords: canon, canonization, literature pantheon, history of literature.

Асноўнай праблемай канона ў літаратурознаўстве можна лічыць спробы даследчыкаў «уціснуць» дадзенае паняцце ў межы адной дэфініцыі, якая б адпавядала межам класічнага энцыклапедычнага артыкула ці артыкула ў літаратурознаўчым слоўніку, дзе не будзе дакладнага «супадзення» з нападзеннем, што мае паняцце «канон». Варта пачаць з таго, што адзінага вызначэння даць, мусіць, немагчыма. Справа, натуральна, не ў адсутнасці дэфініцыі, а, хутчэй, у шматзначнасці, бо ў залежнасці ад канкрэтнага ракурсу будзе неабходна «сваё» тлумачэнне паняцця.

Па-першае, канон можа разглядацца як жанравая разнавіднасць, з іншага боку канон – крытэрыі пабудовы ці адбору аўтараў і твораў, па-трэцяе, канон непасрэдна як сукупнасць аўтараў і твораў, пэўны спіс самых значных твораў і прадстаўнікоў літаратурнага свету для канкрэтнай нацыянальнай (ці, больш шырока, сусветнай) літаратуры. Адсюль вынікае і пытанне размежавання тых кірункаў, у якіх будзе задзейнічана паняцце. Для нас важна размежаваць літаратурознаўчыя варыянты дэфініцый. Скіруем увагу на школьны канон і канон гісторыка-літаратурны. Гледзячы на дадзенае пытанне з розных ракурсаў, варта размяжоўваць паняцці і не прымаць адзінай дэфініцыі. Канон варта разумець і як мастацкую традыцыю, узорнасць, уплывовасць аўтара (творчасці) на сучасны яму літаратурны працэс ці паслядоўнікаў (як бы гэтая ўплывовасць не выражалася). Дадзенае пытанне разглядалася Гаральдам Блумам, даследчыкам, літаратурознаўцам, у сваёй манаграфіі «Страх уплыву» [1], гаворка пра якую будзе пазней. Відавочна, немагчыма паставіць знак роўнасці паміж канонам школьным і гісторыка-літаратурным, бо школьная праграма цалкам ніколі не адпавядае гісторыі, скажам, акадэмічнай. Гэта будучы канцэптually розныя ўзроўні, дзе канон будзе мець хутчэй не цэнтральнае значэнне (для чаго, як самамэта), але хутчэй у такім ракурсе канон варта разглядаць як нешта прыкладное, пэўны інструмент. Напісанне літаратурнай гісторыі – адно з самых важных пытанняў нацыянальнага літаратурознаўства. Цэнтрам гэтага стане якраз канон: як, якім чынам разглядаць канон у мадэлі пабудовы гісторыі літаратуры, якім ёсць канон (зафіксаваным ці рухомым), якое значэнне мае канон у гэтай працы і г. д. Пытанні, як мы ўбачым далей, дастаткова, бо тыя праблемы, з якімі па выніку сутыкнуліся нацыянальныя літаратуры (звернем увагу на працу над напісаннем гісторыі літаратуры беларускай, украінскай у найноўшы час пасля распаду СССР і зменаў ідэалагічных кірункаў), наўпрост будучы звязаныя з канонам.

З іншага боку, канон выступае і як пэўная аўтарская стратэгія, узор дзеяння. Разглядаем ужо не аформлены вынік а, магчыма, шлях да набыцця нейкіх профітаў аўтарам. Бо аўтарскія дзеянні так ці інакш будучы звязаныя з тымі «правіламі», з тым канонам, ва ўмовах якога развіваецца аўтарская творчасць.

У межах нашага артыкула важна разуменне канона як сукупнасці аўтараў і твораў, што з'яўляюцца ўзорнымі для пэўнай літаратуры. На гэтым разуменні, фактычна, пабудавана школьная праграма і Гісторыя літаратуры. Безумоўна, гэтую з'яву нельга абсалютызаваць, бо школьная праграма не заўжды аб'ектыўная, як і Гісторыя, якая можа быць, па-першае,

аўтарскай, а гэта значыць набор аўтараў і твораў будзе залежыць ад поглядаў і меркаванняў канкрэтнай асобы і адлюстроўваць прыватныя густы, а па-другое, Гісторыя можа адчуваць на сабе, скажам, ідэалагічны ціск, які таксама значна скарэктуюе наяўны канон.

Мы, безумоўна, не ставім перад сабою мэту канструяваць канон, ствараць яго. Наша ўвага звернута на крызіс у практычнай плоскасці, калі канон ужо не адпавядае сучасным патрэбам грамадства і прыкладной навукі. Важна разабрацца ў прычынах, што выклікалі гэтыя праблемы. Трэба сказаць, што і ў тэорыі літаратуры няма адзінага дакладнага вызначэння паняцця канон (існуе некалькі трактовак). Як адзначае даследчыца Лія Кісялёва, «Для беларускага літаратуразнаўства пакуль што больш звыклым з'яўляецца наступнае азначэнне гэтага тэрміна: (...) Сукупнасць устаноўленых норм і правілаў, якія вызначаюць змест і структуру асобных метадаў, кірункаў і жанраў мастацтва, мадэлі выяўлення рэчаіснасці ў дыяпазоне асноўных эстэтычных катэгорый. У замежным жа літаратуразнаўстве (і ў асобных працах сучасных беларускіх даследчыкаў) апошнім часам на першы план выйшла іншае разуменне паняцця “літаратурны канон”. Гэтым тэрмінам акрэсліваецца сукупнасць эталонных аўтараў і тэкстаў нацыянальнай і сусветнай літаратуры» [2, с. 101]. Будзем абапірацца на адзначанае ўжо намі разуменне канона як сукупнасці аўтараў і твораў, што з'яўляюцца ўзорнымі для пэўнай літаратуры (ці для літаратуры сусветнай увогуле).

Нельга сказаць, што крызіс канона характэрны толькі для беларускага літаратуразнаўства. Пытанне выбару аўтараў і твораў актуальна для ўсяго ўсходнеславянскага навуковага свету. З іншага боку, такі ж самы крызіс бачым і ў заходнім дыскурсе, дзе пытанне сутнасці канона падымалася, праўда, на колькі гадоў раней. Мы можам заўважыць як агульныя моманты, выкліканыя развіццём навукі, поглядаў на літаратуру пры дапамозе тэорыі і метадаў з іншых, часам не гуманітарных, дысцыплін, так і спецыфічныя, выкліканыя перадусім пазалітаратурнымі абставінамі, тымі спецыфічнымі асаблівасцямі пабудовы грамадства і сістэмы, у якой ішло фарміраванне літаратуры.

Першая праблема, якая характэрна як для заходняга, так і для ўсходняга дыскурсаў, гэта супрацьстаянне «мёртвага» канона і «жывога» літаратуразнаўства і літаратуры ў цэлым. Гэта значыць, што са з'яўленнем новых метадаў даследавання літаратуры, выяўляецца крызіс праз несудадноснасць класічнага канона і сучасных патрэб. Новыя літаратурныя жанры і творы, новыя тэндэнцыі, аспекты, якія раней не закраналіся ў даследаваннях, выявілі тую праблему, якая характэрная для заходняга канона. Фактычна, у тым каноне, які існаваў апошні час, няма месца творам і аўтарам, што не ўкладаюцца ў вызначаную схему, і гэта хутчэй выклікана пэўнай «традыцый» – спаборніцтва з класічным пантэонам, вызначаным на працягу літаратурнага развіцця.

Заходнія дыскусіі адносна канона – супрацьстаянне двух лагераў: аксіялагістаў і сацыялагістаў, дзе погляд аксіялагістаў будзе заснаваны на традыцыі, на пераемнасці, а сацыялагічны погляд якраз будзе заснаваны на тым, што «мёртвы» канон аксіялагістаў ужо не адпавядае патрэбам і запытам сучаснага літаратуразнаўства і патрабуе значнай карэкціроўкі. Менавіта гэтыя два бакі ў 80–90-я гг. выбудавалі *Canon Theory* у спрэчках за асноўныя кананізуючыя і канонастваральныя фактары. Адсюль вынікае важная праблема, а разам з гэтым і ідэя для аналізу. Два гэтыя напрамкі выяўляюць праблему інтэрпрэтацыі і дэфініцыі канона, а значыць, праблему поглядаў на самую метадалогію літаратуразнаўства.

Асноўным прадстаўніком лагера аксіялагістаў можна вызначыць Гаральда Блума. Яго «класічны погляд» адлюстраваны ў дзвюх манаграфіях: больш старэйшай – «Страх уплыву» (1973 г.) [1] і адносна новай – «Заходні канон...» (1994 г.) [3] Апошняя названая намі манаграфія – паводле прадмовы аўтара – набор з 26 кананічных аўтараў Заходняга свету [3, с. 2–3]. Але ён уключае сюды і Талстога – яму вызначана асобная частка. Узгадваецца і Пушкін, Дастаеўскі. Сам даследчык у прадмове ўказвае на тое, што выбраныя ім аўтары з'яўляюцца ключавымі фігурамі ў каноне нацыянальным – Талстой для Расіі, Дантэ для Італіі. Ён стараўся прэзентаваць і нацыянальны канон. Цалкам верагодна паняцце «*The Western*» для Блума будзе мець тое ж значэнне, што і для Паскаль Казанава «*La République mondiale des Lettres*» [4], дзе літаратура (і канон) будучь з'яўляцца “агульнай прасторай”. Найлепшыя ўзоры пісьменства за ўсе эпохі і часы. «Першапачаткова канон азначаў выбарку кніг у нашых навучальных інстытуцыях, і да сённяшняга часу, нягледзячы на нядаўнюю палітыку мультыкультурызму, галоўным крытэрыям фарміравання Канона застаецца пытанне: “Што павінна прачытаць асоба (якая ўсё ж такі вырашае чытаць) з той літаратуры, якая назапасілася на працягу літаратурнай гісторыі?”» [3, с. 15].

Блум імкнецца вырашыць пытанне пра кананізацыю на аснове сваёй старой тэорыі літаратурнага ўплыву. З яго пункту погляду, літаратура па сваёй сутнасці антаганістычна: кожны аўтар уступае ў спаборніцтва з папярэднікамі. «Моцны» аўтар падвяргае тэксты свайго папярэдніка радыкальнай трансфармацыі, якая ляжыць у аснове арыгінальнасці і «страннасці» новых тэкстаў. Гэта трансфармацыя называецца Блумам «памылковым чытаннем» (misreading), якое ўзнікае ў выніку «страху ўплыву» (anxiety of influence). Страх уплыву адкладаецца ў новых тэкстах у выглядзе рытарычных зрушэнняў, свайго роду тропай «страху ўплыву». Таму «моцны» твор, які ўзнік з барацьбы з папярэднікам, – гэта заўжды твор, у якім рытарычна ўпісаны страх, трывога, экзістэнцыяльная туга [5].

Сацыялагічны падыход наадварот ідзе ўразрэз «класічным» меркаванням Блума і аксіялагістаў. Тут інстытуцыі і пазалітаратурныя фактары граюць не самую апошнюю ролю для вызначэння кананічнасці таго ці іншага твора. Разам з гэтым, сюды ўключаюцца і самыя розныя погляды, якія звужаюць праблему канона да пэўных праблем «дыскрымінацыі»: «Галоўны аргумент гэтых кірункаў зводзіцца да таго, што панаванне белых еўрапейцаў на сусветнай арэне абпіраецца на культурны гегеманізм еўрапейскай культурнай традыцыі, без разбурэння якога немагчыма эмансипацыя самых розных меншасцяў – ад этнічных да сэксуальных (паказальна, што знакаміты філолаг-класік Бернард Нокс з сумнай іроніяй назваў сваю кнігу пра старажытных грэкаў “Самыя старыя мёртвыя белыя мужчыны”). Адрозненне cultural studies ад іх палітычных спадарожнікаў заключаецца таксама ў тым, што яны імкнуцца супрацьпаставіць класічнаму канону папулярную культуру, якая яшчэ нядаўна марксізмам т. зв. “франкфурцкай школы” разглядалася як форма стандартызацыі, рынкавага нівеліравання культуры і, у канечным выпадку, абалваньвання. Тое, што для Адорна і Харкхаймера было “масавай культурай”, прадстаўнікі cultural studies цяпер вызначаюць як культуру народных дэмакратычных мас» [5].

Такога роду погляд на праблему канона можам сустрэць і ў найноўшай беларускай літаратурнай працы. Гаворка ідзе якраз пра той жа ўзровень, калі сучасныя літаратары, перакладчыкі, даследчыкі імкнуцца прыўнесці ў «мёртвы» канон новых аўтараў і новыя творы, якія адпавядаюць сучасным поглядам. Згадаем, напрыклад, часопіс Прайдзісвет. 19 лютага 2016 г. на электроннай старонцы часопіса выйшаў анонс новага нумара – 16-га, які прысвечаны гендарным даследаванням у беларускім літаратуразнаўстве. Вось цытата: «У беларускім літаратуразнаўстве не прынята глядзець на літаратуру з гендарнай перспектывы. Мы спажываем сучасную заходнюю культуру, на якую ў многім паўплывалі гендарныя даследаванні, аднак самі амаль не наважваемся прыкласці гендарныя лякалы да ўласнай літаратурнай сітуацыі. Школьны літаратурны канон зацэментаваны» [6]. Гэтае выказванне цікава нам адразу ў двух аспектах: першы – міждысцыплінарныя даследаванні, а таксама закранута пытанне школьнага літаратурнага канона. Фраза «не прынята глядзець» дазваляе разумець сэнс у некалькіх кірунках. З аднаго боку, гэта можа быць звязана з нераспрацаванасцю кірунку (хаця, якраз як адзначаецца ў анонсе, на Захадзе дадзеныя даследаванні праводзяцца ўжо не адно дзесяцігоддзе), ці з «зацэментаванасцю» самога беларускага літаратуразнаўства, дзе аналіз літаратурнага твора і літаратурнай сітуацыі ўсё яшчэ праводзіцца, так бы мовіць, «класічнымі» метадамі. Чытаем далей: «У новым нумары “ПрайдзіСвета”, узброіўшыся рознымі інструментамі, пісьменніцы, літаратурныя крытыкі, перакладчыцы, выкладчыцы і даследчыцы літаратуры, а таксама іх калегі-мужчыны спрабуюць паставіць пад сумнеў непахіснасць беларускага канона» [6]. Аўтар(-ка) ізноў звяртае ўвагу на беларускі літаратурны канон і яго «непахіснасць» як сталую характарыстыку. Па гэтых словах на пачатак 2016 г. можна меркаваць наступнае: беларускі літаратурны канон цалкам сфарміраваны, калі ён «зацэментаваны, непахісны», то другая характарыстыка – нязменлівасць канона, а трэцяе, можам зрабіць вывад, што ў беларускім літаратурным каноне пераважаюць мужчыны.

Цікавы і той факт, што дадзеныя погляды, якія, фактычна, ідуць у разрэз з меркаваннем аксіялагістаў і Блума, у прыватнасці, так ці інакш маюць пэўныя кропкі судакранання з яго ж (Блума) тэорыяй страху ўплыву. Сучасныя маладыя літаратары ідуць супраць канона, імкнуцца яго змяніць, гуляюцца з імёнамі, назвамі твораў і г. д. Дэканструкцыя класічнага – адна з праяў постмадэрнісцкай канцэпцыі. Сам постмадэрнізм можна разглядаць як адзіны «напад на канон». Выкарыстоўванне тэм, назваў твораў і г. д. сучаснымі аўтарамі разбурае іх кананічны арэол. Купалаўскі «Хлопчык і лётчык» у Хадановіча трансфармуецца ў «Хлопчык і копчык», Алена Казлова ў якасці псеўданіма выбрала «Анка Упала» – відавочная карэляцыя з «цэнтральным

аўтарам канону». Такого роду гульня з творами і творцамі – таксама з’яўляецца гульнёй з канонам, ці, можа нават, спробай «перарабіць» канон згодна з часам? У гэтым рэчышчы падаецца цікавым даследаванне Міхаіла Цімафеева «Метаморфозы: классическая русская литература и ее творцы в современной России». Аўтар піша: «Адаптацыя да сучасных рэалій твораў КРЛ (класічная руская літаратура – І.Я.) у значнай ступені прыводзіць да таго, што мяняецца семантыка аўтэнтычных тэкстаў, яны ў большай ступені» пачынаюць граць ролю канцэптаў для стварэння фармальна і/або змястоўна новых прадуктаў [7, с. 26]. Падсумоўваючы вышэйзгаданае, можна сказаць, што тыя, хто стараецца «разбурыць» канон, пайсці супраць, так ці інакш яго транслююць, нават у «дэсакралізаваным» выглядзе, а значыць у рэшце рэшт пацвярджаюць гэтую непакінутую ўзорнасць і эмблематычнасць твораў і для сучаснасці.

На працягу апошніх гадоў у коле літаратараў, чытачоў, бацькоў, якія клапацяцца пра навучанне сваіх дзяцей, актыўна абмяркоўваецца пытанне школьнай праграмы. Праблемы абмяркоўваюцца самыя розныя, але нас цікавяць менавіта пытанні, хто ж уключаны ў школьную праграму, наколькі школьная праграма адпавядае канону.

Для прыкладу (даволі паказальнага) возьмем творчасць Максіма Гарэцкага – класіка беларускай літаратуры, а таксама тую частку, якую займае яго творчасць у агульнаадукацыйнай праграме. Міхась Мушынскі аналізуе праграму 1988 г.: «Таму не трэба здзіўляцца, што ў праекце праграмы для сярэдняй агульнаадукацыйнай школы, на якую мы ўжо спасылаліся (Беларуская мова і літаратура ў школе, 1988, № 6), па-ранейшаму не знайшлося месца М. Гарэцкаму. Толькі ў рэкамендацыйным спісе для самастойнага чытання адзін ягоны твор – “Роднае карэнне”. А гаворка ідзе пра класіка нацыянальнай літаратуры, творчасць якога, выходзіць, школьніку можна і не ведаць!» [8, с. 14]. Можна было б падумаць, што з часу напісання манаграфіі школьная змянілася. Але, аналізуючы апошні варыянт праграмы, 2017 г., бачым, што імя Гарэцкага згадваецца толькі ў аглядным раздзеле. У праграме для 10–11 класаў (базавы ўзровень) імя Гарэцкага ўпамінаецца ў спісе для дадатковага чытання (тое ж «Роднае карэнне»), у праграме павышанага ўзроўню ў спісе для дадатковага чытання твор «На імперыялістычнай вайне».

Бачым, што школьная праграма яшчэ раз пацвярджае факт крызісу літаратуразнаўства. Аўтараў, якіх прынята лічыць кананічнымі ў акадэмічных колах, ва ўніверсітэцкіх аўдыторыях, аўтараў, чые імёны прызнаныя як узорныя для нацыянальнай літаратуры – раптам выключаюцца (ці згадваюцца іх абмяжоўваецца агульным манаграфічным раздзелам) са «школьнага канона», які, здавалася б, павінен дакладна адлюстроўваць найлепшае з нацыянальнай літаратуры.

Такім чынам, неабходна ад школьнага ўзроўню перайсці на больш высокі. Калі гаварыць шырэй – перад намі паўстае пытанне ўжо «Гісторыі літаратуры» не толькі як прадмета, але і як фундаментальнай працы, якая б і адлюстроўвала канон нацыянальнай літаратуры. Пытанне «Гісторыі літаратуры» можна разглядаць і як варыянт той жа амерыканскай дыскусіі 80–90-х: як праблему «напаўнення» пантэону пісьменнікаў.

Спрэчкі адносна канона не абмяжоўваюцца толькі нежаданнем следавання класіцы і імкненнем да новых модных тэндэнцый у літаратуразнаўстве і працы, недасканаласцю школьнай праграмы і г. д. Мы назіраем і той момант, калі пытанне канона ўзнікае ў залежнасці ад змены знешніх абставін, а менавіта ад разбурэння сістэмы ідэалагічнай, якая і стварала канон. Гаворка ідзе пра 1990-я гг., калі перад даследчыкамі рускімі, украінскімі і беларускімі паўстала пытанне будучай Гісторыі літаратуры. Тая ідэалагічная сістэма, якая фарміравалася ажно з першага дваццацігоддзя XX стагоддзя на працягу доўгага часу «стварала» канон, які мы мелі да распаду СССР, перастала быць вызначальным фактарам пры адборы аўтараў і твораў, а таму гісторыкі літаратуры станавіліся перад пытаннем: што ж рабіць з канонам, як яго «чысціць», каго дадаваць, ды і якой увогуле павінна быць Гісторыя літаратуры.

Немагчыма абмінуць факт залежнасці канона ад ідэалагічных патрэб той сістэмы, у межах якой існаваў (ці ствараўся) канон. А таму вынікаюць погляды, дзе функцыі канона будуць карэляваць з дзейнасцю інстытуцый. Даследчык Ганс Гюнтэр выдзяляе ты аспекты канона: «Па-першае, ён з’яўляецца дзяржаўным інстытутам, які ўключаў у сябе літаратурную палітыку, арганізацыю літаратуры, крытыку, рэдактуру, цэнзуру і г. д. <...> Па-другое, канон утрымліваў агульныя ідэалагічныя пастулаты (партыйнасць, тыповасць, народнасць і г. д.) і больш канкрэтныя мастацкія нормы, якія з’яўляліся не столькі станоўчымі нарматывамі, колькі негатыўнымі забаронамі. Так як вызначаныя мастацкія сродкі ў рознай ступені адпавядаюць агульным пастулатам і па-рознаму падыходзяць для выражэння зададзеных ідэалагічных мэт, станаўленне і функцыянаванне канона непазбежна суправаджалася адборам адных і адкіданнем іншых мастацкіх форм. Па-трэцяе, канон

выражаў не толькі ідэалагічныя мэты марксізму-ленінізму, але і больш глыбінныя пласты калектыўнага падсвядомага савецкай эпохі, яго псіха-міфалогію. Ён адлюстроўваў архаічныя элементы, якія ўзыходзяць сваімі каранямі да рускай традыцыі» [9, с. 715].

У працы «І нічога апроч праўды...» Міхась Мушынскі звяртае ўвагу на значны фактар пры даследаванні і аналізе літаратурнага твора – аб'ектыўнасць ацэнкі, «дзе не будзе месца тэндэнцыйнасці і застарэлым дагматычным фактам» [8, с. 4]. Пагадзіцеся, ледзь не ўсе даследаванні літаратурных твораў савецкіх часоў выяўляюць хутчэй не індывідуальны погляд даследчыка на саму структуру твора, мастацка-вобразную сістэму, сувязь з рэчаіснасцю і месцам твора і творчасці ў агульным працэсе, а набор неабходных (гэта вынікае са знешніх абставін) стандартных фраз і меркаванняў, дзе твор павінен быць уціснуты ў межы асноўнага метаду разгляду літаратурнага твора. Менавіта гэты аспект будзе цікавіць нас у першую чаргу, бо аналіз мастацкасці і важнасці твора – гэта першая прыступка да яго кананізацыі.

Міхась Мушынскі піша пра тое, што выбар твораў у гісторыю мусіць быць раскрыты з пункту погляду сацыяльнай дэтэрмінаванасці, прадставіць у гісторыі літаратуры «як вынік духоўнай дзейнасці народа і як арганічны элемент нацыянальнай культуры» [8, с. 6]. Такім чынам, аўтар закранае, але не вырашае, а яшчэ больш заблытвае важную праблему для ўсяго пост-савецкага літаратуразнаўства. Той канон, паводле якога ішоў «адбор» і вытлумачэнне, быў падначалены аўльнай ідэалагічнай сістэме дзяржавы, а значыць на першы план выходзіла не чыстая эстэтыка (у разуменні, скажам, таго ж Гаральда Блума з яго «канонам Шэкспіра»), а эстэтыка ідэалагічная – толькі правільны твор і аўтар з правільнай ідэалагічна выверанай трактоўкай.

«Неабходна будзе наглядна паказаць, што прагматычна-ўтылітарны погляд на літаратуру, сцверджаны ідэолагамі эпохі сталінізму, негатыўна адбіўся на яе далейшым развіцці. Прырода мастацтва як формы духоўнай дзейнасці, як спецыфічнага сродку пазнання рэчаіснасці ў гэты час ігнаравалася. Літаратура заклікана была непасрэдна вырашаць вострыя, актуальныя, гаспадарчыя і палітычныя праблемы» [8, с. 52–53].

Літаратуразнаўца сваёй працай падкрэслівае моцна наспелую, актуальную, праблему: выбар крытэрыяў для адбору. Тыя «гісторыі», якія вызначаны ў прыкладах, мелі ідэалагічны (пралетарскі) складнік як вызначальны пры аналізе творчасці, даследчык жа прапануе сваю схему. З іншага боку, паводле логікі яго меркаванняў, у новай гісторыі літаратуры прапануецца фактычна тая ж схема дзеяння адбору толькі зменены полюс: адкідаецца ідэалогія, але ці застаецца па выніку чыстае мастацтва паводле тых крытэрыяў, якія выявіў даследчык?

Паводле меркаванняў Мушынскага, «Гісторыя...» павінна складацца толькі з твораў, што нясуць гуманістычныя ідэалы, сацыяльны дэтэрмінаваныя творы з моцным нацыянальным складнікам. Другі «ўзровень» адбору тычыцца не столькі ідэалагічных, колькі ўжо эстэтычных вартасцяў. Міхась Мушынскі звяртае ўвагу і на праблему «іерархіі» ў гісторыі літаратуры, кажучы пра тое, што аўтары часта звяртаюць увагу толькі на вяршычныя ўзоры, адкідаючы тыя, якія «не дацягваюць» па сваіх ідэйна-эстэтычных вартасцях. Фактычна, атрымоўваецца тая ж самая сістэма, што дзейнічала ў першы паслярэвалюцыйны час, калі ў друк выпускаліся творы, звязаныя з пралетарскай рэчаіснасцю, напісаныя рабочымі – выстаўлялася колькасць, але не якасць. Маем тую ж схему «вычышчэння», толькі з іншага ракурсу, і з іншай мэтай.

Украінскае, як і беларускае літаратуразнаўства, сутыкнулася з той жа праблемай выбару аўтараў, якія прадставяць украінскую (нацыянальную) літаратуру ў эпоху незалежнасці. Даследчыкамі абмяркоўваюцца таксама пытанне адбору. Украінская літаратуразнаўца У. Фёдараў [10] таксама аналізуе пытанне «вычышчэння» канону, а таксама «напаўнення» яго ідэалагічна правільнымі творами. Тут мы маем справу з «ідэальнай» мадэллю, якую хацела бачыць савецкая дзяржава згодна з ідэалагічнымі меркаваннямі. Але сюды ўключаецца якраз працэс «жыццёвага адбору», калі ў гісторыі (а значыць у мастацкім каноне) застаецца толькі творы, якія вартыя гэтага з эстэтычных (аксіялагічны погляд) прычынаў.

Даследчыца Лэся Дэмска-Будзуляк у артыкуле «20 років незалежнаго літаратурознавства: здобутки та втрати» [11] звяртае ўвагу на праблему, калі сістэма адбору застаецца такой самай, як і ідэалагічны адбор, але мяняецца полюс. Вярнуць тое, што было «знішчана», але штучнае напаўненне «Гісторыі...» не вырашыла праблему. Паводле меркаванняў даследчыцы, з'яўленне такіх манаграфій вызначыла праблемнае поле ўкраінскага літаратуразнаўства: пытанне канона, дэфініцыі, пытанне вызначэння пантэону, а таксама выбару метадалогіі. З іншага боку ва ўкраінскім літаратуразнаўстве паўстае і праб-

лема, што тычыцца сувязі ўкраінскай літаратуры і агульнага еўрапейскага кантэксту. Даследчыкі спрабавалі сінхранізаваць літаратурнае развіццё нацыянальнай літаратуры з еўрапейскім, «падцягваючы» гістарычны працэс пад агульныя еўрапейскія рамкі.

Такім чынам, заходняя мадэль «канструявання канона» выяўляецца хутчэй сумай поглядаў і падходаў: традыцыяналісцкі (аксіялагічны) падыход Блума да літаратуры як да з’явы манументальнай і непарушнай, якую складае аформлены пантэон аўтараў, а таксама сацыялагічны (сучасныя кірункі даследаванняў), які імкнецца да дэканструкцыі блумаўскай мадэлі, але не з мэтай поўнага знішчэння такога традыцыяналісцкага погляду, а хутчэй да магчымасці дапоўніць сучаснымі аўтарамі і творамі, каб ва ўсёй паўнаце паказаць літаратурны працэс і прастору. М. Гаспараў у артыкуле «Як пісаць гісторыю літаратуры» адзначаў, што «ўсе мы ведаем, як шмат новага даў нам пабачыць першы (які «ажыўляе») падыход да літаратуры («як Пушкін дапамагае нам зразумець Сарокіна і Праханава?»); але не менш карыснага можа даць і другі (які «змярцвяляе»). <...> Пакуль літаратура жыла, гісторыя літаратуры была гісторыяй наватарства (нават калі Пыпін і Шклоўскі разумелі наватарства па-рознаму), калі літаратура памерла, гісторыя літаратуры становіцца гісторыяй традыцыяналізму. Гэта таксама трэба» [12]. Мы бачым, што мультыварыянтнасць і будзе найбольш поўна адлюстроўваць такую складаную з’яву як канон.

Што тычыцца ўсходняй мадэлі, то перад намі якраз працэс супрацьстаяння процілеглых меркаванняў, дзе існуючая гісторыя літаратуры ёсць вынік традыцыяналісцкага падыходу да разумення канона (хоць, безумоўна, з пэўнымі агаворкамі наконт зменлівасці часу і патрэб пераасэнсавання гісторыі літаратуры ў постсавецкі перыяд). З іншага боку стаяць «наватары», якія імкнуцца да актыўнага выкарыстання навішых метадаў даследавання, а значыць і гісторыю літаратуры бачаць зусім у іншым ракурсе. Але ж, па выніку, галоўнай праблемай працэсу «канструявання канона» ва ўсходняй мадэлі бачыцца адсутнасць (пакуль) выразных крытэрыяў і нежаданне кампрамісу.

Літаратура

1. Блум, Х. Страх влияния. Теория поэзии. Карта перечитывания / Х. Блум ; пер. С.А. Никитин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 352 с.
2. Кісялёва, Л.Г. «Кананізацыя» Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча: пачатковыя этапы / Л.Г. Кісялёва // *Białorutenistyka Białostocka*. – 2014. – Т. 6. – С. 101–117.
3. Блум, Г. Західний канон : книги на тлі эпох / Г. Блум ; пер. з англ. – К. : Факт, 2007. – 720 с.
4. Casanova, Pascale. The world republic of letters / Pascale Casanova ; trans. M.B. DeBevoise. – Cambridge, MA [u.a.] : Harvard Press Univ., 2004. – 420 p.
5. Ямпольский, М. Литературный канон и теория «сильного» автора / М. Ямпольский // *Иностранная литература* [Электронный ресурс]. – 1998. – № 12. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html>. – Дата доступа : 27.09.2017.
6. (Не)жаночае аблічча. Артыкул-прадмова // Прайдзісвет [Электронный ресурс]. – 2016. – №16. – Режим доступа : <http://prajdzisvet.org/archive/16.html>. – Дата доступа : 27.09.2017.
7. Тимофеев, М.Ю. Метаморфозы: классическая русская литература и её творцы в современной России / М.Ю. Тимофеев // *Toronto Slavic Quarterly*. – 2013. – № 44. – С. 20–34.
8. Мушыньскі, М. І нічога, апроч праўды : якой быць «Гісторыі беларускай літаратуры» / М.І. Мушыньскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 126, [1] с.
9. Günther, H. Прощание с советским каноном. / H. Günther // *Revue des études slaves*. – 2001. – Т. 73, f. 4. – P. 713–718.
10. Федорів У.М. Літаратурный канон: феномен культурной пам’яті чи інструмент соціальної домінації / У.М. Федорів // *Питання літературознавства*. – 2005. – Вип. 13. – С. 36–42.
11. Демська-Будзуляк, Л. 20 років незалежного літературознавства: здобутки та втрати / Л. Демська-Будзуляк // *Сучасність*. – 2012. – № 1/3. – С. 187–203.
12. Гаспаров, М. Как писать историю литературы [Электронный ресурс] / М. Гаспаров. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-03.htm/>. – Дата доступа : 27.09.2017.

Философия

УДК 130.1:316.4

Социальные иллюзии: проблема классификации

А.М. ДУБРАВИНА

Исследуется проблема классификации социальных иллюзий. Предложена авторская классификация данного феномена, в которой присутствуют следующие критерии анализа социальных иллюзий: длительность формирования; продолжительность существования; перманентность; время возникновения; актуальность, востребованность идей; источник возникновения; роль в жизнедеятельности человека; основные функции; сфера распространения; масштаб охвата; национальная специфика; легальность; эмоциональная окраска. При классификации используются цивилизационный и формационный подходы. Определяется тип и форма социальных иллюзий. По форме объективации выделяется утопия, социальная мифология, заблуждения, общественные стереотипы, симулякры, предрассудки, суеверия и предубеждения.

Ключевые слова: социальные иллюзии, классификация, тип социальных иллюзий, форма социальных иллюзий.

The article deals with the problem of classifying social illusions. The author's classification of this phenomenon is suggested in which the following criteria for the analysis of social illusions: duration of formation; duration of existence; permanence; time of occurrence; topicality, relevance of ideas; the source; role in human life; main functions; scope of distribution; scale of coverage; national specificity; legality; emotional coloring. The classification uses a civilizational and formational approaches. The types and forms of social illusions are determined. On the form of objectification, utopia, social mythology, errors, social stereotypes, simulacra, prejudice, superstition and prejudice are singled out.

Keywords: social illusions, classification, type of social illusions, form of social illusions.

Проблема социальных иллюзий, на протяжении веков волновавшая умы представителей философской, социологической, психологической наук, сегодня приобретает особую значимость. Решающими факторами, определяющими направленность социокультурной динамики, в наши дни становятся информатизация и виртуализация, проникающая во все сферы общественной жизни. Это в свою очередь ведет к увеличению количества и возрастанию значимости социальных иллюзий, являющихся имманентной составляющей человеческой культуры.

Под *социальными иллюзиями мы понимаем социокультурный феномен, проявляющийся в формировании, существовании либо воспроизводстве неадекватных действительности представлений о себе и о социальной реальности в целом со стороны определенного индивида, социальной группы.* Этот духовный феномен в значительной степени относится к сфере бессознательного.

Классификационные основания социальных иллюзий связаны со спецификой социокультурных факторов, действующих во всем многообразии в рамках того или иного общества. Поэтому обоснованной представляется постановка вопроса о воздействии различных социокультурных факторов на формирование иллюзий, а также о разделении социальных иллюзий на группы в соответствии с преобладающим воздействием того или иного фактора или условия.

Для решения данной проблемы необходимо сформировать базовые представления о классификационных особенностях социальных иллюзий.

К вопросам классификации социальных иллюзий обращались многие ученые: И. Кант, В. Парето, В.Х. Беленький, И.А. Недугова, Л.В. Шукшина, А.А. Байков, П.А. Плютто, А.М. Юупова. В их работах мы находим различные подходы к исследованию классификации социальных иллюзий. Каждый из авторов делает акцент на каком-то одном аспекте рассматриваемой нами проблемы. Мы попытались дать обобщающий анализ классификационной специфики социальных иллюзий.

По нашему мнению, продуктивным для составления классификации социальных иллюзий является *темпоральный критерий*, поскольку как целостный объект социальная иллюзия

может быть определена лишь на отрезке времени ее существования, который и задает ее темпоральную протяженность.

Темпоральная классификация предполагает рассмотрение такого показателя как направленность (вектор) основной идеи, образующей иллюзию: существуют иллюзии о прошлом (например, фальсификации истории), о настоящем (политические мифы) и о будущем. Так, по мнению представителей западноевропейской цивилизации, будущее человечества, его прогресс связываются в первую очередь с технологическим совершенствованием вещей, создаваемых человеком, а не с развитием нравственности и способностей самого человека.

По фактору длительности формирования следует выделить архетипические или культурно-исторические иллюзии, базирующиеся на представлениях о мире и месте человека в нем, которые сложились на протяжении веков или даже всей истории существования человечества.

Примером иллюзии, сформировавшейся в течение достаточно длительного исторического периода, может служить идея господства человека над природой, рассматривающая возможность тотальной экспансии, полного подчинения сил природы и ее основных процессов воле Homo sapiens. Данная иллюзия, более свойственная техногенной цивилизации, может рассматриваться как ее архетипическая черта.

Иллюзии, возникающие в ответ на события современности (вызовы истории), мы обозначаем как актуальные (сиюминутные, текущие).

Примером формирования актуальной иллюзии может служить попытка нагнетания отрицательных эмоций через медийное пространство с целью формирования в массовом сознании неприятия некоторых программ государственной политики, проводимой в Республике Беларусь. В частности, по строительству атомной электростанции типа АЭС-2006. В интернете неоднократно поднимался вопрос о том, что подобный объект может быть связан с повышенной опасностью для экологии по сравнению с традиционными источниками электроэнергии, что в целом не соответствует действительности. Наблюдалась попытка эксплуатации постчернобыльской проблематики в Республике Беларусь.

По продолжительности существования мы можем выделить следующие группы социальных иллюзий: перманентные (вечные/укорененные в массовом сознании) (идея Золотого века, которую мы можем найти в культурах различных этносов) и временные, *проходящие* (копирование восточнославянскими государствами некоторых недостаточно хорошо апробированных в социальном производстве, либо содержащих значительные разрушительные идеи западноевропейской цивилизации, например, идея ювенальной юстиции). Временные, в свою очередь, разделяются на долгосрочные и краткосрочные.

Чем больше расхождение между мнимыми и реальными интересами создателей иллюзии, тем меньше продолжительность действия социальной иллюзии и тем ниже эффективность происходящих под ее воздействием в обществе изменений и процессов. Классический пример краткосрочной социальной иллюзии – образ ваучерной приватизации в Российской Федерации, проходившей в 1991–1993 гг.

Некоторые иллюзии (линейные), возникнув, получают развитие и, достигнув своего пика, заканчивают свое существование и больше не появляются в структуре социокультурной динамики как значимый фактор развития. Иллюстрацией линейной иллюзии может служить судьба идеи о вечном двигателе. До 17 века существовали попытки создания такого технического изобретения. В период становления эпохи Просвещения наблюдалось развитие науки о теплоте и механическом движении, что позволило перейти к количественному описанию законов природы, вследствие чего была разрушена иллюзия о возможности существования вечного двигателя.

Есть примеры циклических иллюзий, которые генерируются, передаются, используются, отвергаются, опять возникают и т. д. В целом представляется, что можно говорить даже о вечных иллюзиях человека и человечества. Фактор, определяющий иллюзии по вышеописанным характеристикам, можно назвать *перманентностью / дискретностью*.

Циклической иллюзией можно назвать стремление построить справедливое (идеальное) государство основанное на унификации ценностей и правил, на обезличивании граждан данного государства и строгой регламентации поведения в различных сферах жизни. Данную иллюзию мы можем найти еще у Платона. В своей книге «Государство», написанной в 360 г. до н. э. в форме диалога, он изложил систематику и краткий критический анализ видов государственного устройства. Идеальное «государство будущего» не вошло в перечень описываемых

способов государственного устройства. О нем древнегреческий философ рассказал отдельно. На протяжении истории идея идеального государственного устройства неоднократно возникает как основа различных идеологий и политических доктрин (в том числе фашизма).

Прибегая к *цивилизационному подходу*, мы можем выделить специфические цивилизационные иллюзии, присущие в большей степени той или иной цивилизации. В западноевропейской цивилизации самая яркая иллюзия получила воплощение в идее всемогущества разума.

Следующий критерий классификации связан с предыдущими: назовем его социально-исторический либо культурно-исторический, указывающий на *время возникновения* социальных иллюзий.

Например, на основе широко известной классификации периодов общественного развития, с точки зрения способа производства: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный (Тоффлер, Белл и др.), можно выделить социальные иллюзии доиндустриального общества, социальные иллюзии индустриального и постиндустриального обществ.

В качестве современной можно привести абсолютизацию позиции сциентизма – иллюзию возможности решения всех стоящих перед человечеством глобальных проблем с помощью исключительно достижений научно-технического прогресса, опираясь на результаты исследований в области естественно-научного и технического знания. При этом умаление или полное игнорирование роли духовного потенциала, необходимости развития социально-гуманитарных наук может рассматриваться как технократическая иллюзия.

При классификации по *социально-историческому признаку* с опорой на формационный подход маркировка социальных иллюзий будет другая. По этапам существования их можно подразделять на иллюзии первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического обществ.

Родственным предыдущему критерию классификации социальных иллюзий следовало бы назвать *актуальность, востребованность идей*, заложенных в иллюзиях, в современных социокультурных условиях. В соответствии с ней различаются принимаемые/признаваемые – активно влияющие на массовое сознание, непринимаяемые/опровергнутые и пограничные иллюзии. В качестве примера пограничной, а может быть, в какой-то степени уже и опровергнутой иллюзии можно назвать идеологию мультикультурализма, активно развиваемую на протяжении последних десятилетий в рамках европейской цивилизационной парадигмы, но не нашедшую, по признанию европейского сообщества, подтверждения в социальной практике и мало согласующуюся с реалиями сегодняшнего дня. Еще один пример – феномен виртуализации личных связей. Он породил принимаемую иллюзию сокращения расстояний и снижение потребности в реальном общении, особенно с внедрением технологий бесплатной коммуникации, что существенно для коммуникаторов, разделённых физическим расстоянием, преодоление которого влечёт не только временные, но и значительные материальные затраты. Также в качестве основы для выделения видов иллюзий можно взять *источник возникновения* социальных иллюзий (субъект, от которого исходит социальная иллюзия, генератор социальных иллюзий). По этому признаку иллюзии имеют двоякое происхождение. Они могут быть эндогенного и экзогенного характера.

Иллюзии возникают у людей в процессе их жизнедеятельности в первом случае – самостоятельно (стихийно). Огромная и практически неизученная область – самообман: люди сами у себя вызывают те или иные иллюзии, дорожат ими и отстаивают право на них даже с риском для жизни.

Сходные механизмы мы можем наблюдать в медицине при использовании эффекта плацебо. Эффект, возникающий в результате самостоятельно созданных иллюзий (самообмана), аналогичен эффекту плацебо.

Во втором случае иллюзии вызываются под влиянием сторонних субъектов (внешних сил, экзогенных факторов). В качестве продуцентов (индукторов) социальных иллюзий могут выступать: социальные группы, общественные организации, фирмы, корпорации, холдинги, концессии, представительства, союзы, партии, комитеты, правительства и т. д. При этом механизмы трансляции данными субъектами социальных иллюзий могут быть многообразны: посредством СМИ (особенно рекламы), официальной государственной идеологии, корпоративной политики и т. д. Данные иллюзии, имеющие источником экзогенные факторы, можно еще назвать управляемыми.

События зимы 2013–2014 гг. в Украине – яркий пример манипуляции сознанием с помощью создания иллюзий. В массовом сознании господствовала иллюзия возможности решения всех проблем Украины с помощью получения финансовых дотаций и открытия рын-

ков рабочей силы. В действительности же ни один из данных пунктов не существовал в официальной документации. Идея легко достижимого близкого благополучия искусно «подогревалась» в массах модуляторами данной управляемой социальной иллюзии.

По роли (положительной или отрицательной), которую социальные иллюзии играют в жизнедеятельности людей, их подразделяют на разрушающие (деструктивные) и созидающие (конструктивные) иллюзии. Следует заметить, что по этому показателю классифицировать феномен социальных иллюзий достаточно сложно, т. к. одна и та же иллюзия в различных социокультурных условиях может играть различные роли.

Чаще всего социальные иллюзии направлены на то, чтобы приукрасить действительность (прошлое или настоящее), вселить веру, надежду, придать инерцию определенной линии развития. Реже встречаются иллюзии, основанные на заниженных самооценках конкретного общества, упаднические, пессимистичные.

В соответствии с основными функциями мы выделяем мобилизирующие и демобилизирующие социальные иллюзии. Первые включают объединяющие механизмы, что дает возможность группе (нации) сохранить себя как единое целое. Например, героические представления об историческом прошлом могут рассматриваться как мобилизирующие. Они часто помогали национальной консолидации и выживанию в переломные моменты развития. Вторые – демобилизирующие – обладают свойствами разрушать единство, дезинтегрировать общество. В сознании жителей постсоветского пространства до настоящего времени бытует демобилизирующая иллюзия об образцовом сочетании на Западе научно-технического прогресса с высоким уровнем благосостояния и признанием индивидуальных прав личности. Это во многом объясняет продолжающуюся массовую миграцию не только высококлассных специалистов, но и представителей многих профессий средней или даже сравнительно невысокой квалификации, связанных с обслуживанием повседневных потребностей.

Если мы обратим внимание на сферу распространения социальных иллюзий или на то, насколько широко они представлены в обществе, то выделим следующие разновидности: ограниченные (присущие определенным стратам, профессиональным группам, субкультурам) и всеобщие (распространенные среди всех слоев населения).

Вера в безграничные возможности генетически модифицированных продуктов, выдвижение тезиса о перспективах избавления от голода во всем мире в результате повсеместного распространения этих достижений науки вначале существовала лишь в узких кругах генетиков, занимающихся данной проблемой. Позже, когда производство такой продукции было поставлено на поток, появилась коммерческая необходимость в формировании в массовом сознании положительного образа «панацеи от голода».

По масштабу охвата (критерию объема или количеству реципиентов социальных иллюзий) выделяют иллюзии мировые (например, возможности существования бесконфликтного общества, общеевропейского дома, единого человечества) и локальные (примером может служить попытка интерпретировать исторические события с точки зрения изменившегося внешнеполитического вектора).

Мы уже упоминали о том, что создание и внедрение социальных иллюзий – широко распространенный способ манипуляции массовым сознанием. В качестве суггерента – субъекта, являющегося объектом трансляции социальных иллюзий – могут выступать большие, средние, малые социальные группы. Также при более обобщенном подходе выявляются иллюзии отдельных личностей (индивидуальные) и массовые (коллективные). В зависимости от адресата, мы полагаем возможным делить социальные иллюзии на соответствующие виды.

Индивидуальные иллюзии могут касаться обстоятельств жизни отдельной личности, а также ее отношений с определенными лицами.

Массовые часто формируются извне, редко стихийно, чаще с целью манипулятивного воздействия.

К массовым иллюзиям современности можно отнести безоглядную веру в глобализм, представление о полезности тотальной бюрократизации жизни, трансгуманистические проекты.

С точки зрения национальной специфики, социокультурных оснований можно выделить (этно) национальные (иллюзии отдельных наций, государств) и глобальные, общемировые или общечеловеческие иллюзии.

Каждый народ приобретает за века своего развития определённые, свойственные только этому народу, парадоксальные стили восприятия, ситуации, процессы, формирующие «народные» социальные иллюзии, основная роль в них принадлежит бессознательным инстинк-

там эмоциям, национальным традициям и ментальности народа (например, Н.А. Бердяев утверждал, что основной характеристикой русского национального сознания является парадоксальность). Возможность существования общемировых иллюзий обусловлена их связью с архетипами, хранящими содержание человеческого опыта, памяти.

По критерию *легальности* различают официально принятые (являющиеся составной частью идеологии, национальной идеи, отраслей науки) и неофициальные: «бытовые», основанные на слухах, пересудах.

В современном мире, особенно в идеологии западноевропейской цивилизации, укоренено иллюзорное понимание социального прогресса. Под прогрессивным развитием человечества преимущественно понимается совершенствование техники, создаваемой человеком, игнорируются иные критерии, например, направленные на развитие нравственности, способностей самого человека.

По *эмоциональной окраске* (с точки зрения качества) существуют иллюзии, в которых те или иные события, герои идеализируются либо демонизируются, т. е. создается утрированно (преувеличенно) положительный или отрицательный образ. Зачастую необоснованная демонизация отдельных социальных субъектов (еврейская нация в идеологии фашизма) и периодов в истории может служить образцом отрицательной или «минорной» иллюзии.

Существуют иллюзии, которые могут вводить в заблуждение людей при возникновении (соблюдении) определенных условий. Рекламодатели часто используют в рекламных роликах названия авторитетных государственных органов. Частный бизнес старается скрываться за государственными или муниципальными структурами, зная, что люди им верят.

Мы также можем характеризовать социальные иллюзии, используя сразу *несколько критериев*. Так, иллюзия может одновременно быть групповой, духовной и дезинтегрирующей, либо групповой, духовной и интегрирующей и т. п.

Феномен социальных иллюзий может быть раскрыт с помощью таких категорий как *тип и форма*. Тип социальных иллюзий – это взятые в единстве общие черты феномена социальных иллюзий, проявляющиеся в различных сферах общественной жизни, воздействующие на социальную динамику и характеризующиеся общими сущностными свойствами. По сферам жизнедеятельности общества, в которых возникают и действуют социальные иллюзии, существуют экономические, политико-правовые, социальные, духовные иллюзии.

Форма социальных иллюзий – это совокупность внешних признаков, определяемых содержанием данного феномена.

По *форме объективации* можно выделить утопию, социальную мифологию, заблуждения, общественные стереотипы, симулякры, предрассудки, суеверия и предубеждения.

Способ классификации социальных иллюзий по тому, в какой форме они воплощаются, является, на наш взгляд, наиболее продуктивным. Из всех вышеперечисленных разновидностей наиболее мощным преобразующим потенциалом обладают утопии, поскольку они несут задачу преодоления (хотя бы иллюзорно) реальных противоречий. Это связано с тем, что в утопии акцентируется внимание не на том, что есть в действительности, а на том, что должно быть [1, с. 50].

Давая общую характеристику утопии, можно резюмировать:

1) социальный утопизм является одним из важнейших феноменов иллюзорного сознания, обладающий следующими характеристиками: негативная оценка существующей действительности, инженерный подход к реальности, антиисторизм, статичность, образная форма выражения мыслей автора;

2) утопии, как и другие формы объективации иллюзорного сознания, имманентны массовому сознанию, поскольку именно они выступают в роли своеобразной социальной анестезии, что особенно актуально в переломные моменты исторического развития;

3) для выдвижения альтернативного проекта развития страны или цивилизации нужны идеи, исторические цели, которые несут в себе элемент утопического начала, использующего положительный потенциал социальной иллюзии. Именно такие идеи, укорененные в массовом сознании, могут дать стимул для социального развития, поскольку строятся на мечте о достижении масштабной цели, принципиальная невозможность полной реализации которой не снижает ее привлекательности для общества, стремящегося хотя бы максимально приблизиться к искомому идеалу.

Известный экономист Д. Макклоски, рассматривая перспективы развития экономической науки, указывает на такой ее недостаток как иллюзорность идеи социально-экономической инженерии. Данную позицию он обосновывает следующим пассажем: «Предсказание цены на нефть или ставки процента могли бы делать самих экономистов фантастически богатыми, чего однако не происходит, поскольку социальная инженерия остается иллюзией и отдаленной утопией, попросту не работает» [2, с. 17].

Социокультурные реалии опровергают представления просветителей, а также позитивистской (сциентистской) общественной мысли о том, что вторая по важности форма объективации социальных иллюзий – мифология – вытесняется по мере развития науки. Социальная мифология сегодня не только сохраняется на обыденном уровне социального бытия, но и активно продублируется, как повседневностью, так и средствами массовой информации.

Как отмечает российский специалист в области философии информации А.В. Соколов, теория информационного общества – научный миф, созданный не без корыстных интересов: «...главной движущей силой постиндустриальной глобализации являются могущественные транснациональные корпорации (ТНК), стремящиеся превратить весь мир в рынок сбыта своей продукции. Интересам ТНК соответствует идея «информационного общества», достигшего сплошной информатизации общественного производства и повседневной жизни людей благодаря мощной компьютерно-коммуникационной базе... Поэтому я называю информационное общество не научным прогнозом, а политическим мифом эпохи глобализации, отвечающим корыстным интересам частного капитала и государственной бюрократии» [3, с. 362–363].

Подвергается сомнению также доминировавшая ранее исключительно негативная оценка мифологических конструктов, так как речь идет о том, что помимо мифов-«обманок» существуют и мифы, которые выступают как способы обоснования социодидеи (оправдания общества). Это не утопии и не футурологические прогнозы, а символическая фиксация «возможного» в качестве «должного» в рамках конкретной культуры и массового сознания (особенно в той их части, которая касается повседневности) [4]. Именно о таких мифах мы говорим, когда характеризуем их как форму объективации социальных иллюзий.

Изучение всех существующих классификаций социальных иллюзий позволило нам создать авторский подход к исследуемой проблеме. Мы считаем наиболее полной и компетентной классификацию, в которой присутствуют следующие критерии анализа социальных иллюзий:

- длительность формирования;
- продолжительность существования;
- перманентность;
- время возникновения;
- актуальность, востребованность идей;
- источник возникновения;
- роль в жизнедеятельности человека;
- основные функции;
- сфера распространения;
- масштаб охвата;
- национальная специфика;
- легальность;
- эмоциональная окраска.

Подразделяя иллюзии на группы мы обращаемся и к цивилизационному и к формационному подходам.

Феномен социальных иллюзий может быть раскрыт с помощью таких категорий как тип и форма. По форме объективации можно выделить утопию, социальную мифологию, заблуждения, общественные стереотипы, симулякры, предрассудки, суеверия и предубеждения.

Наиболее распространенными формами объективации социальных иллюзий являются утопия и миф.

Литература

1. Кирвель, Ч.С. Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире : учеб. пособ : в 2-х ч. / Ч.С. Кирвель. – Гродно : ГрГУ, 1994. – Ч. 1 : Образы будущего, их специфика и роль в жизни людей. Утопия как особая форма осмысления и предвосхищения будущего человеческого общества. – 88 с.
2. Макклоски, Д. Риторика экономической науки / Д. Макклоски. – М. : СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Издательство «Международные отношения», 2015. – 328 с.
3. Соколов, А.В. Философия информации : проф.-мировозвр. учеб. пособие / А.В. Соколов. – СПб. : СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
4. Коршунов, Г.П. Модельный подход к изучению социальной мифологии в структуре массового сознания / Г.П. Коршунов // Социология. – 2006. – № 3. – С. 81–85.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 07.12.2017

УДК 141.7:004:316.324.8

Концепция информационного общества как этап развития теории постиндустриализма

В.Н. КАЛМЫКОВ

Продемонстрировано, что концепция информационного общества стала новым этапом развития теории постиндустриализма. В системной характеристике информационного общества выделены и раскрыты экологический, экономический, социальный, политический, духовный, культурный и антропологический «срезы». Показаны противоречивые последствия развития неоиндустриального, информационного общества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, человек, природа, постиндустриализм, информационное общество, коммуникации, технологический уклад, цифровые технологии, реальное, виртуальное.

The concept of the information society has become a new stage in the development of the theory of post-industrialism. The author identifies and dwells upon ecological, economic, social, political, spiritual, cultural and anthropological «sections» in the systemic characteristic of the information society. The contradictory consequences of the neo-industrial, information society development are shown.

Keywords: culture, civilization, man, nature, post-industrialism, information society, communications, technological structure, digital technologies, real, virtual.

В философской мысли на смену линейному пониманию общественного прогресса пришло культурологическое, цивилизационное, согласно которому история общества объясняется не как нанизанная на одну линию последовательность достижений человеческого духа, а как одновременное существование, совокупность отдельных культур. Сложилась традиция рассматривать цивилизацию сквозь призму культуры как историческую ступень развития человечества (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А.Д. Тойнби и др.).

Цивилизация включает в себя преобразованную человеком, окультуренную природу и средства этого преобразования, человека, усвоившего культуру и способного жить и действовать в окультуренной среде своего обитания, а также совокупность общественных отношений как форм социальной организации культуры, обеспечивающих ее существование и продолжение. Цивилизационные достижения связаны как с технологическим освоением природы (изобретение колеса, машин, использование электричества, атомной энергии, выведение новых высокопродуктивных пород животных и сортов растений и т. п.), так и с совершенствованием регуляции социальных отношений (изобретение письменности, юридических норм и законодательства, денег и рынка и т. п.). Культура задает высшие ценности, жизненные смыслы, а цивилизация – технологию их реализации. Культура и цивилизация выражают прогресс в целом, все то, что достигнуто человеком в отличие от животных, что добавил человек к природе.

В целом понятие цивилизации обычно трактуют как: 1) тип общества, функционирующий на базе естественной природы (Ибн Халдун, К. Маркс, А.Ф. Лосев, В.С. Степин, В.Н. Шевченко); 2) этап общественного развития, следующий за «дикостью» и «варварством» и характеризующийся зрелыми формами социальной организации: появлением классов, государственности, письменности (европейская гуманистика эпохи Просвещения, марксизм); 3) тип социальности, ориентированный на рост общественного богатства, свободного времени и всестороннее развитие личности (марксизм); 4) материализация всех компонентов культуры определенного исторического этапа (О. Шпенглер, М. Вебер, А. Тойнби, Н.А. Бердяев); 5) тип социальной целостности, которому присуща взаимосвязь материальных и духовных факторов общественной жизни, направленная на воспроизводство определенного образа жизни, а следовательно, и типа человека. В последнем толковании синтезированы подходы постиндустриализма, глобалистики и гуманистики XX–XXI вв. (Д. Белл, Г. Кан, О. Тоффлер, А. Печчеи, С. Хантингтон и др.).

Н.И. Лапин полагает, что «наиболее приемлемым для теоретического определения цивилизации является такое универсальное понятие, как способ жизнеустройства сообщества людей. Состояние этого способа можно считать функциональным, если он обеспечивает активность людей, достаточную для относительно устойчивого существования (как минимум, выживания) их сообщества» [1, с. 5]. Доцивилизационный период не обеспечивал устойчивость первобытных сообществ, что грозило человеку исчезновением подобно неандертальцам. Возникновение культуры земледелия и животноводства, ремесла и т. п. позволило людям обеспечить относительно устойчивое выживание.

Вычленяются доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный типы цивилизации. Доиндустриальная цивилизация развивалась на базе аграрно-ремесленного производства с преобладанием ручных орудий труда. Функционировала культура, основанная на устойчивых традициях, идеалах социальной иерархии. В основе индустриальной («техногенной») цивилизации лежит машинный технико-технологический тип, связанный с энергетикой разнообразных естественных сил природы. Промышленная деятельность становится ведущей сферой жизни общества. Предвосхищения постиндустриальной («гомотехногенной», «информационной») цивилизации содержатся в марксизме, у русских космистов (Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский) и гуманистов XX в. (этика ненасилия Л.Н. Толстого, М. Ганди). Дальнейшее развитие она получила в работах Д. Белла, Д. Гэлбрейта, О. Тоффлера, М. Кастельса, Э. Гидденса и др. Социум перешел или переходит от традиционной машинной индустрии, основанной на электрификации экономики, к высоким технологиям, опирающимся на электронику, микропроцессорные системы, телекоммуникацию, робототехнику. Используются новые источники энергии, прежде всего атомная, принципиально новые материалы (полупроводниковые, керамические, редкоземельные и т. д.). Развиваются технологии крупномасштабной автоматизации производственных процессов.

Помимо экономической составляющей современная цивилизация является глобальной по характеру межгосударственных отношений, информационной по особой роли коммуникаций, инновационно-модернизаторской в соответствии с ярко выраженной динамикой функционирования.

В 70–80-е гг. XX в. в западной общественно-политической мысли доминировала теория постиндустриального общества, сейчас же – информационного общества. Отдельные элементы, подходы к термину «информационное общество» наметились в 60-е гг. XX в. в Японии и США. В 90-е гг. прошлого века эта концепция получила широкое распространение. Информационное общество характеризуется увеличением числа работающих, занятых производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – научных знаний. Это общество нередко отождествляют с компьютерной или информационной революцией.

По мнению Д. Белла, концепция информационного общества стала новым этапом развития теории постиндустриального общества. Для понимания информационной революции, считал Белл, важно учитывать три аспекта постиндустриального общества: переход к обществу услуг, определяющее значение кодифицированного научного знания для реализации технологических нововведений, превращение новой интеллектуальной «технологии» в решающий инструмент системного анализа и теории принятия решений. Конечно, не следует преувеличивать услуги в информационном обществе. В последнее время происходит возвращение производства из так называемых развивающихся стран «домой» – в США, Великобританию и т. д. Некоторые аналитики именуют это «производственным патриотизмом». «Постиндустриализм» не означает доиндустриализацию, а выдвигает в качестве парадигмы развития неоиндустриализацию, супериндустриализацию. О. Тоффлер подчеркивал, что информационно-коммуникативные технологии воздействуют на все социальные структуры и институты, на сознание и поведение индивидов. М. Кастельс отметил, что прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, а новые информационные технологии охватывают пространство всей планеты. Конечно, общества разных стран и регионов оказываются с разной интенсивностью пронизанными новым сетевым принципом организации. По оценкам экспертов, «интернет-экономика» пока функционирует в наиболее развитых странах и достигает 10–15 % по отношению к объему ВВП. Электронизация распространяется также

на торговлю и услуги, здравоохранение, образование и т. п. Происходит перенос документов и коммуникаций на цифровые носители. В России в 2008 г., а в Беларуси в 2010 г. приняты стратегии развития информационного общества, где ставка сделана на экономику знаний.

Д. Мартин, подобно Д. Беллу, информационное общество рассматривает как развитое постиндустриальное общество. Он выделил экономический, политический и культурный срезы информационного общества и дал краткую характеристику этих измерений. Коммуникация, согласно Мартину, представляет собой ключевой элемент информационного общества.

Попытаемся дать более развернутую, системную характеристику информационного («электронного») общества. Чтобы этого достигнуть, необходимо опираться на некие онтологические и логико-концептуальные основания. Г. Гегель в «Энциклопедии философских наук» писал, что наука предполагает не перескакивание с одной мысли на другую, с понятия на понятие, не думая об их соподчиненности, порядке их взаимного перехода друг в друга, а наличие обоснования понятий, мыслей, их расположение друг возле друга в определенном месте. Научное конструирование должно быть не произвольным, а обоснованным [2, сс. 96, 97, 140, 183, 415].

В качестве первого онтологического обоснования выступает позиция: естественная природа есть необходимая предпосылка возникновения и существования человека и общества. Содержание понятия «цивилизация» не ограничивается социально-исторической средой, общественными институтами. Оно включает в себя и территорию, тот природный ареал, в котором располагается [3, с. 12]. Значит, надо учитывать *экологический* подход к цивилизации.

При анализе общества, в том числе цивилизации, необходим системный подход, заключающийся во всестороннем исследовании социума как совокупности взаимосвязанных главных сфер. Общеизвестно, что в теории марксизма выделены в качестве основных экономическая, социальная, политическая и духовная сферы. В культурно-деятельностной концепции (Э. Дюркгейм, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас и др.) по существу речь идет о тех же сферах: жизнеобеспечивающей (экономика), статусно-дифференцирующей (социальная структура), властно-регулирующей (политика) и духовно-интегрирующей (духовная жизнь). Итак, логично выделить *экономический, социальный, политический и духовный* срезы информационного общества.

В качестве следующего основания выступает идея: с появлением социальной жизни природные объекты меняются не только под влиянием естественных причин, но и под воздействием человека. Формируется «вторая природа», освоенный, окультуренный человеком мир, природно-социальная реальность. Культура – не структурная часть целого, а качественное универсальное состояние общества в ходе его развития. Итак, вычленяется *культурное* измерение социума, в том числе постиндустриального, информационного.

Общество в самом широком интегративном изложении – совокупность динамичных социальных связей, отношений и их носителей и творцов – людей. Индивид частично «запрограммирован» существующими обстоятельствами, социальными нормами. Вместе с тем он оценивает альтернативы, принимает решения и добивается их исполнения. В продуктах труда в результате «скрещивания» усилий многих индивидуальных агентов следы индивидуального размываются и получается безличное, общественное. В социуме взаимодополняют друг друга хаос и порядок. На базе параметров порядка формируются нормы языка, культуры, искусства, этики. В то же время в динамической жизни возникают новые импульсы, новые аттракторы, разрушаются старые параметры порядка. Следовательно, напрашивается необходимость выделения *антропологического* среза информационного общества. Этот подход связан с культурологическим, ибо культура есть самовоспроизводство человека, осуществляемое в его материальной и духовной деятельности.

Рассмотрим названные измерения общества постиндустриальной, информационной цивилизации как его этапа.

1. Современная философия утверждает, что природа и культура «пронизывают» друг друга, а их гармоничный синтез есть цивилизация. Современная цивилизация – преимущественно технократическая. Актуальной является задача перехода к цивилизации, в которой управление техносферой ведется с целью сохранения безопасности, а также улучшения биосферы и общества. В целом, во взаимодействии природы и человека можно зафиксировать три основных этапа: в древности подчинение человека природе; господство общества над при-

родой в индустриальном обществе; современный диалогический – гармония человека и природы. Сейчас в ряде государств преобладает потребительское отношение к природе, в других – все более усиливающаяся тенденция на гармонию общества и природы. Одна из фундаментальных ценностей современной цивилизации – расширяющееся окультуривание природной среды, где переплетаются процессы природоохранительных мер и созидания новых биогеоценозов, обеспечивающих необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы.

2. В постиндустриальном, информационном обществе развиваются нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии (НБИК). Нанотехнологии, в которых используются самоорганизационные процессы молекулярного уровня, представляют собой надотраслевую область, интегрирующую специальные научные достижения и технологии. Нанотехнологические подходы сочетаются с достижениями молекулярной биологии, биоинженерии, генной инженерии. Они развиваются на базе обработки огромных объемов информации, что стало возможным благодаря информационным и когнитивным технологиям.

По мнению экспертов, с 1770-х гг. (тогда осуществился переход от ремесленных орудий труда к машине) и до настоящего времени сменилось пять технологических укладов. Основу наступающего шестого уклада, считает Г.Г. Малинецкий, образуют био- и нанотехнологии, конструирование живого, вторжение в природу человека, новое природопользование, «умная» медицина, робототехника, высокие гуманитарные технологии, проектирование будущего и управление им [4, с. 149]. Определяющим фактором нового уклада становятся когнитивные технологии [5, с. 25]. С середины XX в. проявляется фундаментальная экономическая взаимосвязь, описываемая законом вертикальной интеграции [6]. «Благодаря интернету множество единиц оборудования с числовым программным управлением, расположенных в разных цехах, регионах страны и мира, имеют возможность работать по взаимобусловленным программам... Это есть не что иное, как глобальное, реализуемое во времени и в пространстве, по сути, в масштабах планеты, планирование производственно-хозяйственной деятельности межнациональными корпорациями» [7, сс. 62, 63]. Применительно к Беларуси актуально активизировать деятельность через межнациональные корпорации в рамках Евразийского экономического союза.

3. В систему НБИК-технологий включаются также социально-гуманитарные технологии. «Вместо аббревиатуры НБИК... – считает Д.И. Дубровский, – надо принять аббревиатуру НБИКС, подчеркивая этим равноправную органическую включенность социогуманитарного блока в динамическую систему конвергентных технологий» [8, с. 4]. Значение социокультурных составляющих развития общества выражается в прозрачности содержания социальных действий, коммуникации, реализуемой вне заданного извне формализма. Социальный аспект информационного общества проявляется также в росте участия граждан в различных акциях, что ведет как к консенсусу, так и к разнонаправленности действий представителей различных классов и слоев населения. Системы социальных действий осуществляются через посредника: удовольствие, эмоции, деньги, влияние, власть, ценностные приверженности (Т. Парсонс). Всеобщим эквивалентом этих посредников выступает язык.

4. Свобода распространения информации содействует политическому процессу. «Электронная демократия должна стать одной из базовых основ гражданского, информационного общества..., сетевых технологий... и правовой культуры взаимодействия власти и граждан» [9, с. 86]. Наиболее стабильной является власть, построенная не на привычке, а тем более страхе, а на интересе, принципе коллегиальности, в котором реализуется установка власти на партнерство. Сейчас усиливаются ненасильственные механизмы контроля влияния, основанные на знании, экспертизе, информации и формальных процедурах. Э. Дюркгейм считал, что со временем роль личностных компонентов власти будет иссякать, уступая место структурам и различным процедурам. Вместе с тем, обостряющаяся неравномерность социально-экономического, научно-технического, политического, духовного, демографического развития, рост диспропорций между сверхбогатыми и бедными ставят преграды на пути утверждения социального консенсуса и политического партнерства.

5. Идеальное есть не просто духовное, воображаемое – оно существует как материализация замыслов, участвует и присутствует во всем, что человек делает разумно. Духовное не только отражает, но и регулирует экономические и социально-политические процессы, про-

низывает их. К. Маркс анализировал сознание как «вплетенное» в бытие людей. Люди как элемент общества, считал Г. Спенсер, обладают сознанием, которое разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре. По К. Ясперсу, объединение локальных культур происходит на основе духовной связи между народами.

Духовный аспект постиндустриального, информационного общества выявляется в развитии неклассических форм общественного сознания. Помимо классических (политическое, правовое, научное, философское, нравственное, эстетическое, религиозное) вычлениваются новые формы сознания. В условиях, когда равновесие искусственной и естественной среды обитания нарушено и над человечеством нависла угроза его существованию, необходимым становится экологическое сознание. В связи с развертыванием НТР, супериндустриализма, повышением роли экономических стимулов развивается экономическое сознание. Оно представляет собой систему знаний об управлении хозяйственной деятельностью, о технологических процессах, финансах, рыночной конъюнктуре, экономической информации. Если исходить из информационной природы сознания, то любая форма общественного сознания включает в себя информационную составляющую. Вместе с тем, в связи с вступлением в постиндустриальное информационное общество, есть резон размышлять об информационном сознании как одной из неклассических форм сознания. Объект отражения такого сознания – отношения в сфере информационной деятельности, где межличностные связи опосредованы новыми информационными технологиями. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, ведь удаленные в пространстве объекты становятся быстрее доступными, что приводит к колоссальной экономии социального времени. Всякая же экономия, по К. Марксу, в конечном счете, сводится к экономии времени. Любая форма общественного сознания разворачивается в единстве с соответствующими культурой, воспитанием, поведением и деятельностью человека [10, сс. 155, 156].

6. Усложнение форм практики породило разнообразные формы культуры. Ведущее место в культуре занимает обеспечение жизненного цикла человека, удовлетворение потребностей самосохранения человеческого рода и дальнейшего совершенствования человека и общества. Для этого необходима, прежде всего, культура процесса общественного воспроизводства. В информационном обществе получило признание культурной ценности информации в интересах развития отдельного индивида и социума в целом. Появилась цифровая (электронная) экономика – деятельность, основанная на цифровых технологиях. «Электронная культура охватывает практически все сферы жизни общества, существенно изменяет сознание, устоявшиеся навыки, методы мышления и способы деятельности, настоятельно требует их перестройки... Этим определяется необходимость концентрации усилий... науки на разработке прорывных технологий, связанных с НБИКС-конвергенцией, способных создавать новые продуктивные формы электронной культуры как средства обогащения и развития... культуры в целом» [11, с. 50]. Электронная культура означает перевод информации на цифровой язык, внедрение систем искусственного интеллекта. Это – другой способ жизни человека и общества, связанный с изменением традиционных укладов и психологии личности [12, с. 61].

7. Рассмотренные проблемы «нанизаны» на общий «стержень» – «человек». Одной из существенных черт постиндустриального общества В.С. Степин в книге «Эпоха перемен и сценарии будущего» (1996 г.) называет активное использование человеческого фактора, информационных, творческих возможностей человека. Й. Шумпетер связывал изменение технологических укладов со сменой инновационных волн, вызванных усилением изобретательской и предпринимательской активности человека [13, с. 149]. Одной из областей современного социального пространства выступает «ментальное пространство», которое представляет собой уровень социальной рефлексии информационных и социальных технологий и их экспликаций и проявляются в форме осмысления их роли и значения в общественной жизни [14, с. 155]. Человек организует техносферу в соответствии со своими потребностями, а сконструированная внешняя среда оказывает воздействие на антропосоциальную систему. Примером такого сопряжения являются конвергентные технологии, представляющие новый синтез знаний [15, с. 152]. Экономическое развитие, например, связано с состоянием человека, его здоровьем, образованием, профессиональными навыками и способностями, то есть технологические уклады, техносфера и креативная работоспособность человека дополняют друг друга.

Анализ показал, что рассмотренные измерения, черты информационного общества взаимосвязаны, взаимопроникаемы.

В современном обществе информатизация охватила многие сферы человеческого общения и деятельности. Компьютер как воплощение новейших коммуникационных технологий стал не просто техническим средством, а своеобразным продолжением человека, дополняя его возможности и помогая ему реализовывать свои разнообразные функции.

Позитивная трансформация современного социокультурного пространства, связанная с феноменом интернета, совмещается с определенными негативными сторонами. Удельный вес оцифрованного мира возрастает. Это обуславливает быстрое распространение знаний, особенно научных, их влияние на технологический и социальный прогресс, на гомогенизацию цивилизационных механизмов и структур в глобальном масштабе. Облегчается передача и обработка гигантских массивов информации. Вместе с тем развивается хакерство, компьютерная преступность. Новые опасности несет использование цифровых устройств в военных целях. Достижения в области искусственного интеллекта и роботизации многих видов деятельности чреваты созданием избыточного работоспособного населения [16, с. 35, 46].

К. Майнцер считает, что «большая опасность состоит в том, что конвергентные технологии и связанные с ними модели рынка и бизнеса управляются быстрыми эффективными алгоритмами, которые все сложнее контролировать... Я настаиваю на разумном решении, чтобы социо-техно-антропосреда не превратилась в дико разрастающийся суперорганизм, который забывает о благополучии человека и его природы» [17, с. 150]. Усложнение контроля за процессами приводит к тому, что информационное общество во многом утрачивает устойчивость. Так, малые группы, в том числе преступные, приобщаясь к информации, оказывают существенное влияние на многих людей, осуществляют террор.

У ряда людей возникает психологическая зависимость от электронных калькуляторов. Их использование позволяет мыслить быстро, четко, однако легкость доступа к информации вытесняет самостоятельность решений, ведет к ослаблению устного счета. Благодаря интернету увеличилась скорость обмена информацией в мире и одновременно засоренность науки псевдонаучной информацией. В глобальной информационной сети пересекаются: исчезновение границ для обмена сведениями и информационный беспредел; информация и дезинформация, манипуляция массовым сознанием; свобода пропаганды высокой нравственности и духовности и вседозволенность манифестации низменных пороков и извращений. Возрастающее вытеснение вещно-событийной среды информационно-знаковой ведет к тому, что интернет становится сферой творческого самоутверждения человека и вместе с тем своеобразной психологической компенсации непризнанности и нереализованности в жизни, что толкает человека к выстраиванию «параллельной жизни» как заменителя и суррогата реальной жизни. В условиях изменения соотношения реального и виртуального в окружающей человека среде, создаваемой информационно-компьютерными технологиями, возникает растерянность сознания. Алгоритмический язык ЭВМ у ряда людей приводит к тому, что мышление становится инструментальным, понижаются интуитивные параметры человека, притупляются особенности естественного языка, его многозначность, метафоричность. Итак, необходим поиск психологических приемов возвращения пленников Всемирной паутины к активной общественной и личной жизни, нахождения разумной меры между существованием в реальном мире чувств, способностей, вкуса к жизни и мире приобщения к информационно-техническим достижениям.

Литература

1. Лапин, Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 3–15.
2. Гегель, Г.В. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г.В. Гегель. – М., 1974. – Т.1. Наука логики. – 452 с.
3. Шевченко, В.Н. Внешний фактор в развитии общества / В.Н. Шевченко // Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества. – М., 2013. – С. 8–66.

4. Малинецкий, Г.Г. Социогуманитарные риски развития NBICS-технологий : материалы круглого стола / Г.Г. Малинецкий // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
5. Мариносян, Х.Э. Электронная цивилизация как глобальная перспектива / Х.Э. Мариносян // *Философские науки*. – 2016. – № 6. – С. 7–31.
6. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С.С. Губанов. – М., 2012. – 224 с.
7. Байнев, В. Индустриальная революция в «постиндустриальном» обществе / В. Байнев // *Беларуская думка*. – 2017. – № 5. – С. 58–63.
8. Дубровский, Д.И. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий : вызов философии (материалы «круглого стола») / Д.И. Дубровский // *Вопросы философии*. – 2012. – № 12. – С. 3–23.
9. Любимов, А.П. Политико-правовая основа электронной демократии и культуры / А.П. Любимов // *Философские науки*. – 2017. – № 2. – С. 79–88.
10. Калмыков, В.Н. Системная природа сознания / В.Н. Калмыков // *Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины*. – 2012. – № 4 (73). – С. 152–156.
11. Дубровский, Д.И. Электронная культура. Кто против? / Д.И. Дубровский // *Философские науки*. – 2017. – № 2. – С. 50–57.
12. Кузнецов, В.Г. Электронная культура и проблема чипизации / В.Г. Кузнецов // *Философские науки*. – 2017. – № 2. – С. 58–61.
13. Шумпетер, Й. Социокультурные риски развития NBICS-технологий : материалы круглого стола / Й. Шумпетер // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
14. Гримов, О.В. Социокультурные риски развития NBICS-технологий : материалы круглого стола / О.В. Гримов // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
15. Москалев, И.Е. Социокультурные риски развития NBICS-технологий : материалы круглого стола / И.Е. Москалев // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 148–157.
16. Ракитов, А.И. Человек в оцифрованном мире / А.И. Ракитов // *Философские науки*. – 2016. – № 6. – С. 32–46.
17. Майнцер, К. Социокультурные риски развития NBICS-технологий : материалы круглого стола / К. Майнцер // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 148–157.

Время культуры как проблема

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Время культуры рассматривается как проблема. Ее актуальность обусловлена переломным характером современной белорусской культуры. Происходящая системная трансформация рассматривается с онтологической точки зрения. Изменилась сама культурная реальность, и это повлекло изменение времени. Время культуры рассматривается как продукт человеческой деятельности. В условиях трансформации происходит переосмысление прошлого, настоящего и будущего белорусской культуры.

Ключевые слова: время, культура, трансформация, деятельность, традиция, глобализация, локальные культуры.

The time of culture is seen as a problem. Its relevance is due to the crucial character of modern Belarusian culture. The ongoing systemic transformation is viewed from an ontological point of view. Cultural reality itself has changed, and this entailed a change of time. The time of culture is regarded as a product of human activity. In the conditions of transformation, a rethinking of the past, present and future of the Belarusian culture takes place.

Keywords: time, culture, transformation, activity, tradition, globalization, local cultures.

Тема времени является одной из наиболее обсуждаемых в современной культуре. Высказывается мнение, что «практически вся неклассическая философия имманентно включает в себя проблематику времени» [1, с. 69]. Также ей посвящены многочисленные работы, рассматривающие время в рамках различных научных дисциплин: физики, биологии, социологии, психологии, истории. Созданы несколько концепций времени, которые успешно применяются в исследованиях. Поэтому предварительно обозначим характер нашего подхода.

Мы исходим из того, что рассуждения о времени сами являются частью определенной временной ситуации и имеют четкую хронологическую (добавим, и пространственную) привязку. Поэтому, несмотря на внешнюю предельную широту темы статьи, мы постараемся избежать абстрактных рассуждений, ведущихся как бы «из вечности». Любая проблема предполагает решение, которое имеет конкретный характер, и тем или иным образом служит не только осмыслению реальности, но и ее изменению. Мы будем говорить о проблеме времени культуры, исходя из ситуации современной Беларуси.

Она определяется множеством факторов, среди которых выделим только основные, связанные с временными характеристиками. Во-первых, это переломным характером нашей культуры. В общественном сознании, начиная с его повседневного уровня и кончая философскими исследованиями, настоящее характеризуется посредством понятий «изменения», «трансформация», «разрыв во времени» и т. д. Во-вторых, остро осознается необходимостью актуализацией нашего культурного прошлого. Это получило свое выражение в многочисленных высказываниях о важности возрождения традиционных ценностей, которые делаются по самым различным поводам, причем не только учеными и деятелями культуры, но и политиками. В-третьих, произошло резкое возрастание степени неопределенности будущего нашего общества, которое должно быть создано через усилия в настоящем, осуществляемые «здесь и теперь». Последний аспект еще в середине 90-х гг. прошлого века отметил академик Е.М. Бабосов: «Белорусское общество находится в процессе сложного и трудного перехода от судьбы к выбору, или, говоря иначе, от социально-политической системы тоталитарного типа к системе демократической и плюралистической» [2, с. 36–37].

То, что современное белорусское общество находится в состоянии трансформации, является очевидностью уже на повседневном уровне. Но также ее анализу посвящены многочисленные научные работы. Например, начиная с 2004 г., в Брестском техническом университете вышло пятнадцать сборников «Системная трансформация общества», в которых были опубликованы статьи исследователей со всей Беларуси.

Трансформация – это процесс, который происходит во времени. Относительно Беларуси мы можем назвать ее конкретные хронологические рамки, причины и движущие силы. Она началась в середине 80-х гг. прошлого века, и была вызвана так называемой перестройкой, инициированной генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Целью перестройки было демократизация общества, усиление гласности и ускорение экономического развития. Но начатые процессы вышли из-под контроля руководства страны, и в результате произошел распад СССР и образование на его месте независимых государств, каждое из которых пошло своим путем.

Таким образом, перелом во времени, который и определяет современное состояние белорусской культуры, был определен событиями политического характера и наиболее наглядно сейчас он проявляется в сфере государственного строительства. Беларусь получила независимость и стала развиваться как самостоятельное государство. Однако следует отметить, что произошедшие изменения имеют не только политический, экономический, культурный и экзистенциальный, но также онтологический характер. Изменилась сама социальная реальность. Поэтому, ввиду своей радикальности, происходящие на наших глазах изменения предполагают осмысление их глубинного характера. Мы исходим из того, что наше время благоприятно для философских исследований. Идет переосмысление таких понятий как «реальность», «общество», «культура», «человек», «свобода», «творчество» и т. д.

Также должен быть осмыслен сам характер актуальности философских исследований в современной Беларуси (от лат. *actualis* – *действенный*). Меняется роль философии в обществе. Прежде всего, на наш взгляд, ей необходимо отказаться от выполнения непосредственно идеологической функции и обратиться к анализу сложившейся реальности во всей её сложности и многомерности.

Этим определяется и актуальность осмысления проблемы времени. Сейчас его недостаточно рассматривать как линейно расположенную последовательность однородных моментов, но необходимо выявить их содержательную наполненность.

Прежде всего, вновь встает вопрос, что такое время. Обычно при указании сложности ответа на него приводят цитату Августина: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [3, с. 183].

Но следует помнить, что он был ритором. И приведенное высказывание – это постановка вопроса, на который Августин дал ответ. К настоящему времени таких четко сформулированных ответов много, что объясняется сложной природой времени.

Например, в «Новой философской энциклопедии» время определяется как «форма протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения, развития» [4, с. 450]. На наш взгляд, данное определение слишком узкое и описательное. Оно должно быть расширено и выведено на онтологический уровень. Мы исходим из того, что время – одна из характеристик бытия, выражающее смену его состояний [5, с. 838]. Можно говорить о физическом, биологическом, социальном, историческом, экзистенциальном, культурном и т. д. времени.

Также мы считаем, что определения времени, данные в рамках философии или одной из специальных наук, не исчерпывают культурологического значения данного понятия. Объясняется это тем, что культура включает в себя смыслы различного уровня, и они не сводимы друг к другу. В «Современном толковом словаре русского языка» в качестве одного из значений слова «время» называется: «период, эпоха (в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества и т. п.)» [6, с. 97]. Это же значение называется и в «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы»: «перыяд, эпоха, пэўная колькасць гадоў у жыцці чалавецтва, дзяржавы, народа і пад» [7, с. 303].

Поэтому для анализа современного состояния нашей культуры мы считаем продуктивным рассматривать время одновременно и как характеристику происходящих процессов, и как качественно определенный исторический период.

Это взаимосвязанные смыслы, поскольку происходящие процессы и определяют характер нашего времени. Суть проблемы состоит не в том, что один исторический период сменился другим, а в том, что изменилось само время.

В этой связи отметим, что мы отличаем проблему «время в культуре» от проблемы «время культуры». В первом случае речь идет о трактовке, во втором – о характеристике. Они взаимосвязаны: восприятие времени определяет способ функционирования культуры и, наоборот, то, как протекают процессы в культуре, определяет трактовку времени.

Культуру мы рассматриваем как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [8, с. 292].

Культура – в силу уже своей сущности (лат. *cultura* – *возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание*) создает (вращивает, обрабатывает) окружающую человека среду и самого человека. В процессе деятельности происходит создание особого пространственно-временного континуума, в котором человек живет. Природное время, которое задается движением Земли относительно Солнца, перерабатывается и на основе его формируется социальное и культурное время.

Так как культура является историческим образованием и на каждом из этапов своего развития она имеет специфический характер, это определяет и историческую специфику времени. Мы исходим из того, что время культурно обусловлено, причем, подчеркнем, речь идет не о восприятии времени, но о нем самом. Время в аграрном и современном индустриальном обществе существенно различаются: первое определяется природными циклами, второе – ритмом городской жизни. Поэтому изменения в культуре влекут изменения во времени.

Особенно остро это ощущается в периоды смены временных периодов. В современной Беларуси произошел разрыв во времени, что на мировоззренческом уровне выразилось в смене форм оснований культуры. «Таковыми формами являются категории культуры – мировоззренческие универсалии, систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт. Именно в их системе складываются характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире... Мировоззренческие универсалии определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком мира» [9, с. 270].

Мы считаем необходимым сделать акцент на деятельностном аспекте мировоззрения. Категории культуры определяют не только восприятие человеком мира, но и формы его преобразования. Изменения в восприятии времени ведут к изменениям в деятельности. В свою очередь это имеет следствием изменение временных характеристик окружающей человека реальности. Время культуры создается и имеет объективный характер.

Схематично скажем о тех изменениях во времени культуры, которые происходят в современной Беларуси.

Предшествующее время было, во-первых, линейным, поскольку считалось, что мир развивается по законам, которые сформулировала классическая наука, во-вторых, упорядоченных в соответствии с теорией общественно-экономических формаций и состояло из таких исторических периодов как первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический, в-третьих, прогрессивно направленным к построению более справедливого и гуманного общества всеобщего благосостояния, каковым являлся коммунизм, в-четвертых, время воспринималось как единое, протекающее во всемирном масштабе. Последнее определялось тем, что Советский Союз претендовал на роль сверхдержавы, способной определить развитие мира в целом.

Если анализировать изменения во времени, произошедшие в современной белорусской культуре, то необходимо учитывать, во-первых, принципы нелинейного развития, сформулированные в рамках неклассической и постнеклассической науки, во-вторых, возможность его членения с точки зрения различных подходов, в-третьих – проблематизацию в общественной мысли XX в. идеи прогресса, в-четвертых, наличие множество времен, что связано с принятием теории локальных культур.

Трактовка культуры в СССР имела временной аспект. Советская культура определялась как «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Предполагалось, что в результате исторического развития сложится единая мировая культура. Популярность этой идеи в официальной советской идеологии, на наш взгляд, во многом объяснялось соответствием распространенной в русской культуре установке на то, что наступит время, «когда на-

роды, распри позабыв, в великую семью соединятся». Однако в настоящее время при рассуждении о будущем, как правило, говорят не о механизмах возникновения единой мировой культуры, а о проблеме взаимодействия между качественно специфичными национальными культурами. При этом рассуждения ведутся не посредством устаревшей дихотомии «национализм-интернационализм», а в рамках более актуальной для нас культурологической проблемы соотношения процессов глобализации и локализации.

Отметим, что переломный характер нашей культуры обусловлен также и сменой глобальных проектов. Структура мира в XX в. определялась конкуренцией между социалистической и капиталистической системами. После распада социалистического лагеря какое-то время мир был однополярным, в нем преобладали США. Постепенно образовались новые центры силы, прежде всего, в Азии, и сегодняшний мир является многополярным. Однако, когда мы говорим о глобализации, то в качестве ее субъекта следует рассматривать США и ЕС.

Культурная глобализация в настоящее время описывается большинством исследователей как противоречивый процесс. Ее положительной стороной является распространение смыслов и ценностей национальных культур по всему миру, что способствует культурному развитию стран и укреплению взаимопонимания между народами. В то же время, очень часто культурная глобализация воспринимается как навязывание схем поведения, выработанных в Европе, и разрушение традиционной культуры. Это особенно характерно для мусульманского региона.

В самой Европе одну из опасностей глобализации видят в распространении массовой культуры, главным производителем которой являются США. В европейских странах все более настойчиво говорят о необходимости сохранения своей культуры и принятия для этого соответствующих законов. Это породило процессы культурной локализации – укрепления национальной культурной специфики. Современная Европа становится все более культурно неоднородной.

На этой основе наряду со временем культуры как таковой (глобальным временем) мы можем говорить о времени локальных культур, в том числе и белорусской. В настоящее время среди исследователей усиливается стремление рассматривать исторический процесс как «многообразие параллельно самостоятельно развивающихся культурно-исторических типов, локальных цивилизаций, по-разному осваивающих новые исторические уровни, находящихся в большем или меньшем взаимодействии, под большим или меньшим влиянием одних на другие» [10, с. 58].

Здесь необходимо сделать уточнение. Когда мы говорим о национальном культурном пространстве, то апеллируем к очевидности. Культурное пространство большинства стран совпадает с их национальными границами и также включает в себя диаспоры. Некоторые страны претендуют на то, что их культурное пространство охватывает очень большие территории, как в случае с «русским миром». Рассуждения о локальном времени не настолько наглядны. Однако временной аспект локальной культуры выражен в понятии «национальная культурная традиция». Она есть в Германии, Китае, Индии, России и других странах.

Подчеркнем, что культурная традиция не является данностью, а формируется в зависимости от современной ситуации. Сейчас в постсоветских странах в связи с обретением ими самостоятельности происходит переосмысление своего культурного прошлого, и, соответственно, формирование культурной традиции в интересах настоящего и будущего.

Для нас в этой связи возникает проблема соотношения нашей культурной традиции с традициями соседних народов. В Советском Союзе в рамках идеологии о братском союзе народов мы соотносили свою традицию с российской, более того, воспринимали ее как часть последней. Сейчас же актуализируется задача проанализировать историю нашей культуры в более широком контексте, прежде всего, в соотношении с польской, литовской и украинской культурными традициями.

Специфика истории Беларуси заключается в том, что она прошла через качественно разнородные периоды: Полоцкого и Туровского княжества, ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, советский и независимого государства. Соответственно, это обусловило специфику культурного развития в эти периоды. Мы считаем продуктивным рассматривать тот период нашего культурного развития, который завершился в 1991 г. с распадом Советского Союза, как начавшийся в конце XVIII в. в связи с разделом Речи Посполитой, когда мы стали частью Российской империи и впоследствии Советского Союза. Тем более, что и в самой России на самых различных уровнях сейчас все более настойчиво подчеркивают, что ее история началась не с 1917 г.

Будущее Беларуси в настоящее время связывается с процессом модернизации. В широком смысле «модернизация» (от фр. *moderne* – *новый, современный*) означает изменения, усовершенствования, которые отвечают современным требованиям.

Для анализа проблем нашего развития важно выделение первичной и вторичной («догоняющей») модернизации. Первая произошла в Европе в Новое время и связана с формированием национальных государств, развитием рыночной экономики, индустриализацией, становлением свободного и активного индивида. Вторичная модернизация происходит в тех странах, которые для интенсификации своего развития заимствуют те или иные черты западной цивилизации. Соответственно, их еще называют органической и неорганической модернизацией. Первая происходит на основе своей собственной культуры, вторая – на основе заимствований.

Сейчас исследователи исходят из того, что рыночная экономика, парламентская демократия, правовое государство не являются культурно-нейтральными. Только на поверхности они выступают как социальные технологии, которые могут транслироваться по всему миру. Ценности свободы, демократии, прав человека сформировались в рамках определенной культуры на основе более фундаментальных схем поведения. Они составляют основу европейской культурной традиции.

Поэтому, говоря о процессах модернизации и глобализации, следует учитывать неоднородность культурного пространства, которая обусловлена спецификой исторического развития. Образно говоря, подобно тому, как растение, плодоносное в одной климатической зоне, нельзя пересадить в условия другой, не учитывая их, так и ценности, которые выработаны в рамках одной культуры и успешно в ней функционируют, перенесённые в другую культуру не всегда приносят пользу.

Что касается нас, то следует помнить, что территория Беларуси долгое время была частью европейского культурного пространства, на ней происходили те же процессы, что и в остальной Европе. В религиозной области это, например, Реформация и Контрреформация, долгая традиция существования католичества и протестантства, деятельность католических монашеских орденов, традиция религиозной толерантности. Мы не можем указать на традиционные белорусские ценности, которые бы противоречили базовым установкам европейской культуры.

Таким образом, проведение модернизации в Беларуси возможно на собственной культурной основе. Более конкретно – не путем заимствования, а путем актуализации части элементов своей традиции. Для нас это очень важно, поскольку таким образом мы можем органично войти в европейскую культуру и связать свое прошлое с общеевропейским.

В заключении подчеркнем, что настоящее нашей культуры вбирает в себя ее прошлое и устремлено в будущее. Белорусское общество находится на переломном этапе своего развития, проблемы, которые перед ним встают, в большинстве своем являются абсолютно новыми, не имеющими выработанных в национальной традиции решений, поэтому резко возрастает значимость творческого компонента деятельности. Приведем в этой связи высказывание члена-корреспондента АН Беларуси А.Н. Данилова, которое является типичным при характеристике нашей ситуации: «Чаще всего образ века складывается после его завершения, определяется ключевым событием, освещающим весь его дальнейший путь... Мы здесь не просто современники, свидетели, но и создатели новых утопий и антиутопий, непосредственные участники событий, которым суждено определить его облик в исторической хронике времен» [11, с. 24].

Литература

1. Можейко, М.А. «После времени»: проблема темпоральности человеческого бытия в постмодернистской культуре / М.А. Можейко // Культура: открытый формат – 2016 (библиотекведение, библиографоведение и книговедение, искусствоведение, культурология, музееведение, социокультурная деятельность) : сб. научных статей / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск, 2017. – С. 62–73.

2. Бабосов, Е.М. Динамика религиозности в независимой Беларуси / Е.М. Бабосов. – Минск : [б. и.], 1995. – 58 с.

3. Августин, Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин ; пер. с лат. М.Е. Сергеенко ; отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб : Наука, 2013. – 372 с.
4. Лысенко, В.Г. Время / В.Г. Лысенко // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. – М. : Мысль, 2010. – Т. I. – С. 450–451.
5. Грицанов, А.А. Пространство и время / А.А. Грицанов // Всемирная энциклопедия : философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. : АСТ, Мн. : Современный литератор, 2001. – С. 838.
6. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2007. – 960 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / Рэд. тома М.Р. Суднік. – Мн. : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1984. – Т. 5. Кн. 2. У–Я. – 608 с.
8. Межуев, В.М. Культура / В.М. Межуев // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. : Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Павнов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 292–295.
9. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
10. Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / А.С. Ахиезер, А.В. Бездидько, З.Н. Галич, И.В. Кондаков, Э.В. Сайко [и др.]. ; отв. ред. Э.В. Сайко ; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Наука, 2006. – 598 с.
11. Данилов, А.Н. Время великих предчувствий / А.Н. Данилов // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 23–31.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 05.01.2018

УДК 159.9.141.32.36.167.1

К вопросу о сходстве и различиях экзистенциальных и психологических проблем

Э.А. СОКОЛОВА

Целью исследования являлось установление сходства и различий экзистенциальных и психологических проблем. Методом теоретического анализа литературы были установлены как составляющие сходства, так и различий экзистенциальных, так и психологических проблем, а также, что экзистенциальные и психологические проблемы – научные категории, из которых более широкой является категория психологические проблемы.

Ключевые слова: проблема, экзистенциальная проблема, психологическая проблема, понимание, переживание, личность, динамика, структура, смысл, утрата, страх смерти.

The aim of the study was to establish the similarities and differences of existential and psychological problems. With the help of the method of theoretical analysis of the literature the constituent similarities and differences of existential and psychological problems are established, as well as the fact that existential and psychological problems are scientific categories, of which the category of psychological problems is the broader one.

Keywords: problem, existential problem, psychological problem, understanding, experience, personality, dynamics, structure, meaning, loss, fear of death.

Введение. Экзистенциальный подход в психологии сформировался на стыке философии и психологии [1]. В нем представлены экзистенциальные проблемы смысла жизни, свободы, ответственности, страха смерти, одиночества, которые в современной психологии относят к глубинным проблемам человеческой личности [1]–[12]. Традиционно эти проблемы считаются психологическими. Описаны и многочисленные психологические проблемы, которые современные исследователи не относят к экзистенциальным [13]–[18]. Недостаточно ясно, что же такое «глубинная проблема», и чем она отличается от не глубинной психологической проблемы. Анализ понимания экзистенциальной проблемы в качестве научной категории недостаточен, сравнение экзистенциальных и не экзистенциальных психологических проблем отсутствует. Такое исследование помогло бы лучше понять как категорию «экзистенциальная проблема», так и категорию «психологическая проблема», и установить сходство и различия между ними. Значимость такого исследования обусловлена значимостью и экзистенциальных, и психологических проблем, которые могут вызвать значительные негативные последствия как для отдельной личности [19], так и при их накоплении создать напряженность в социальной среде [13], [14], [18]. Расширение понимания экзистенциальных и психологических проблем сможет помочь практическому психологу в работе с такими проблемами клиента.

Целью исследования является установление сходства и различий экзистенциальных и психологических проблем. Методом исследования является теоретический анализ литературы, а также анализ результатов сравнения этих проблем.

Основная часть. Экзистенциалистами выделяется общее основание для понятия «экзистенциальная проблема» – это проблема *настоящего*, которая переживается [1]. Описаны *психологические* проблемы прошлого и настоящего, описаны *психологические* проблемы, которые человек предполагает и переживает из-за них. Как пишет К.Г. Юнг, в снах клиента «обнаруживают через анализ скрытый от самого пациента смысл, который предвосхищает последующие события жизни» [20, с. 69]. Этим событием может стать психологическая проблема, предпосылки которой человек предчувствует, что и отражается в его сне. Психологические проблемы включают не только проблемы настоящего, но и проблемы прошлого, последствия которых имеются в настоящем [21], проблемы будущего. *В этом – отличие психологических проблем от экзистенциальных.*

Ведущей характеристикой экзистенциальной проблемы в экзистенциальном подходе является переживание [1]–[12]. Психологические проблемы [15], [16], [17], и др. – также переживаются. *Переживание является общей характеристикой и психологических, и экзистенциальных проблем.*

По мнению К.Е. Изарда, переживания – это вид представления эмоций на уровне сознания [22]. «Эмоциональные проявления подразделяются на эмоциональные состояния, отношения и реакции» [23, с. 113]. При экзистенциальных проблемах может возникать реакция аффекта, эмоционально-стрессовые состояния (например, при внезапно возникшей экзистенциальной проблеме страха смерти), определенные эмоциональные отношения (например, обиды, на судьбу за неудавшуюся жизнь). Эмоционально-стрессовое состояние или реакция аффекта может возникать как субъективный ответ и на внезапно возникшую *психологическую проблему* [17], при психологических проблемах известны такие эмоциональные отношения, как зависть, ненависть [17]. *Эмоциональные проявления переживаний одинаковы и при экзистенциальных, и при психологических проблемах.*

По мнению Р.Д. Лейнга, «индивидуальное переживание трансформирует сферу данности в сферу намерений и действий: только посредством действия мы можем изменить наше переживание» [6, с. 33]. На трансформацию сферы данности (наличие нерешаемой проблемы, которую необходимо решить) в сферу намерений и действий указывают попытки человека решить проблему, а также обращение человека за психологической помощью. Человек осознает необходимость решения *психологической* проблемы, сам ее решить не может, но ищет пути ее решения [24].

В. Франкл пишет о «фрустрации воли к смыслу» [8, с. 15], что ограничивает личность в поиске смысла ее жизни. Отсутствие смысла к жизни (*экзистенциальная проблема*) вызывает переживания, но фрустрируется потребность искать этот смысл, и, значит, не будут предприниматься попытки решить эту проблему. Учитывая наличие переживаний, человеком будут предприниматься попытки выйти из переживаний [25], то есть, сосуществовать с этой проблемой.

Человек, у которого имеется *психологическая* проблема, осознающий свои переживания этой проблемы, и осознающий, что *психологическая* проблема не решается, будет предпринимать попытки сосуществования с ней [24]. *Поиск путей решения проблемы или поиск путей выхода из переживаний является общим основанием, объединяющим экзистенциальные и психологические проблемы.*

Экзистенциалисты рассматривают человеческую жизнь в целостности:

– как пишет А. Лэнгле, «отдельные фрагменты воспринимаемой реальности объединяются общей смысловой взаимосвязью» [7, с. 63]. «Смысл – это предлагаемый самой жизнью ответ на неизбежный вопрос: зачем жить?» [7, с. 18];

– характеристику *Dasein* в понимании Л. Бинсвангера дает Н.Ф. Калина: «понимая жизнь как целостный конкретный феномен в единстве прошлого, настоящего и будущего (*Dasein*, здесь-бытие, бытие-в-мире), Бинсвангер описывает исследуемые явления в их уникальном и полном личностном содержании и внутреннем контексте» [12, с. 7];

– В. Франкл отрицает смысл как гештальт, как фигуру на некоем фоне, а считает, что смысл наполняет всю жизнь человека [8];

– по мнению Р. Лейнга, «задачей экзистенциальной феноменологии является выявление того, что же представляет собой «мир» другого и способ его существования в этом мире» [5, с. 25];

– Д. Бьюдженталь работал с людьми, недовольными своей жизнью и не сумевшими реализоваться [3].

Экзистенциальная проблема *относится ко всему жизненному пути*. Психологическая проблема *разворачивается на определенном ментальном поле*, например, семейные проблемы разворачиваются на ряде ментальных полей – осознания и переживания взаимоотношений с родителями, брачными партнерами, отдельными членами семьи между собой. То есть, психологическая проблема имеет пространственное расположение в сознании. Экзистенциальные проблемы, рассматриваемые экзистенциалистами, относятся к пониманию человеком всей своей жизни. *В экзистенциальном подходе экзистенциальные проблемы не имеют привязки к отдельным ментальным пространствам сознания самой личности, как это имеет место при психологических проблемах.*

Утрата смысла глобальна [8], и, с одной стороны, соотносится с системой ценностей (смысл как ценность) [7], с другой – не привязана к определенным составляющим личности, так как относится к пониманию и переживанию человеком себя и своего жизненного пути [8]. Как пишет В. Франкл, «человек – существо, открытое миру» [8, с. 221]. В основе понимания этого

В. Франкл видит самотрансценденцию как «обращенность человека на нечто, находящееся вне его самого, не являющееся им самим, на что-то или кого-то – на некий смысл» [8, с. 221]. Он подчеркивает это: «только в той мере, в какой человек выходит за пределы самого себя, он может самореализоваться – в служении делу или в любви к другому человеку» [8, с. 221]. Смысл выносится, таким образом, за пределы человека. *Психологическая проблема* разворачивается внутриличностно, и, чаще всего, содержит в своей основе внутриличностный конфликт, в котором одна из составляющих личности ограничивает свободу другой [21]. Психологическая проблема мешает реализации какой-то актуальной потребности, она – барьер на этом пути. По мнению Р.Х. Шакурова, «барьер всегда является элементом какой-то системы» [26, с. 5]. Барьер – «такое отношение между элементами системы, которое ограничивает свободу одного из них» [26, с. 5]. Личность представляет собой систему. *В экзистенциальном подходе речь не идет о внутриличностных границах экзистенциальных проблем. Но тогда в основе экзистенциальных проблем не лежит внутриличностный конфликт между составляющими личности. В основе психологической проблемы лежит внутриличностный конфликт.*

В понимании науки быть живым Д. Бьюдженталь обращает внимание на внутреннее осознание [3]. Он указывает, что «внутреннее осознание – экзистенциальное чувство, оно обеспечивает осознание внутреннего опыта» [3, с. 23]. Д. Бьюдженталь отмечает, что «наиболее важными последствиями настройки на внутреннее чувство являются следующие: большая интеграция различных аспектов нашего бытия, возрастание ощущения жизни, большая готовность к действию, более осознанный выбор и большая искренность в отношениях» [3, с. 27]. Осознание экзистенциальной проблемы, включает осознание негативного влияния экзистенциальной проблемы на свой жизненный путь, осознание внутреннего опыта (невозможность реализации потребности, переживаний, предыдущих способов решения проблем или выхода из переживаний, осознание невозможности решения проблемы или выхода из переживаний, прогнозирование последствий). Осознание – характеристика *экзистенциальной* проблемы. Психологическая проблема также осознается, возможно, с меньшей степенью интегративности, чем проблема экзистенциальная, так как ограничена определенным ментальным полем и не относится ко всему жизненному пути и жизни субъекта в целом. В остальном осознание *психологической* проблемы включает те же составляющие, что и при экзистенциальной проблеме [27]. *Осознание – общая характеристика и экзистенциальной, и психологической проблемы.*

Как пишет Ж.П. Сартр, «всякое восприятие сопровождается аффективной реакцией» [28, с. 88]. Осознание экзистенциальной проблемы и осознание переживаний при *экзистенциальной* проблеме – взаимосвязанные характеристики *экзистенциальной* проблемы как феномена сознания [2]. Осознание психологической проблемы и осознание переживаний при *психологической* проблеме – взаимосвязанные характеристики *психологической* проблемы как феномена сознания [27]. *И экзистенциальная, и психологическая проблема являются феноменами сознания. Переживания и осознание, как психологической, так и экзистенциальной проблемы взаимосвязаны.*

В. Франкл разделяет толкование смысла для врача и его толкование для самого пациента [8]. Относительно болезни В. Франкл пишет, что «больной – вот кто придает своей болезни смысл» [8, с. 63]. *Экзистенциальной* проблеме, например, страха смерти при неизлечимом заболевании смысл придает субъект – ее носитель. *Психологической* проблеме смысл также придает сам субъект, у которого она имеется [27]. *И экзистенциальная, и психологическая проблема – это проблема субъекта.*

В. Франкл пишет о социогенезе, приводящем к патологии [8]. Он отмечает, что ноогенный невроз, как таковой, «возникает вследствие утраты смысла» [8, с. 225]. Вначале возникают факторы, приводящие к утрате смысла, затем – утрата смысла, затем – ноогенный невроз. То есть экзистенциальная проблема формируется поэтапно. По мнению В.Н. Мясищева, «патогенная ситуация, в соответствии с точным смыслом слова, представляет то положение, в котором оказывается личность, с ее качествами (преимуществами и недостатками), с сочетанием условий, лиц, с которыми она взаимодействует, со стечением обстоятельств, создающих неразрешимый клубок внешних и внутренних трудностей [29, с. 239]. Затем возникает сама психологическая проблема, которая в дальнейшем может привести к психосоматике [30]. *Для возникновения и экзистенциальных, и психологических проблем характерна определенная этапность.*

Предпосылки, условия и способы решения *экзистенциальных* проблем или выхода из переживаний находятся в реальном мире, но могут осознаваться, образуя совместно с осознанием составляющих экзистенциальной проблемы феномен сознания – экзистенциальную

проблему. Предпосылки, условия и способы решения *психологических* проблем или выхода из переживаний также находятся в реальном мире и могут осознаваться, образуя совместно с осознанием составляющих психологической проблемы (ее понимания и переживания) феномен сознания – психологическую проблему. *Предпосылки, условия и способы решения и экзистенциальных, и психологических проблем или выхода из переживаний находятся в реальном мире и могут осознаваться в составе феноменов сознания – психологических или экзистенциальных проблем, и в этом сходство этих проблем.*

Субъект – носитель экзистенциальной проблемы осознает себя в жизни и свой жизненный путь, сравнивает его с идеалом, сформированным на основе жизненных ценностей, и приходит к выводу о наличии экзистенциальной проблемы. Психологическая проблема реальности отражается в сознании, трансформируясь под влиянием личностного смысла. *Экзистенциальной проблеме не предшествует какая-нибудь одна конкретная проблема реальности, и в этом ее отличие от психологической проблемы.*

А. Лэнгле пишет о «ценностном содержании жизни» [7, с. 19]. В таком понимании утрату традиций можно, в какой-то мере, включать в утрату жизненных ценностей. По мнению В. Франкла, утрата традиций создает экзистенциальную неуверенность. [8]. В коллективном мышлении современности утрата традиций может создавать экзистенциальную неуверенность не только у одного конкретного человека, но и, возможно, у социальных групп. В. Франкл пишет о «коллективной совокупности мыслей» [8]. Возможно, реакция группирования, о которой пишет А.Е. Личко [31], является уходом от экзистенциальной неуверенности, вызванной ниспровержением ценностей старшего поколения. Экзистенциальная неуверенность может порождать экзистенциальные проблемы одиночества, не нахождения смысла своей жизни, переосмысления проблемы смерти и конечности жизни. «Коллективная совокупность мыслей» [8] определяется и в профессиональных социальных группах [32], и она в ряде случаев является предпосылкой возникновения психологических проблем при определенных условиях [32]. «Коллективная совокупность мыслей» [8] возможна и в социальных группах определенного возраста [33]. Например, в группах подростков она связана бурным биологическим развитием, активным поиском смысла жизни, стремлением к свободе, развитием самосознания, рефлексии, и т. д. [33]. *Одинаковое направление мышления способствует возникновению однотипных психологических или экзистенциальных проблем, характерных для определенных социальных групп.*

В основу этиологии коллективных нарушений психики В. Франкл выдвигает социогенез [8]. Он описывает связанные с социогенезом эндогенные депрессии двадцатых годов прошлого века [8]. Пусковым механизмом возникновения психических заболеваний или психической патологии, в понимании В. Франкла, является сочетание причин и условий их возникновения [8]. *Коллективное мышление как предпосылка, а социогенез как условие в сочетании могут приводить к появлению как экзистенциальных, так и психологических проблем. Сочетание определенных условий и причин их возникновения – то общее основание, которое объединяет психологические и экзистенциальные проблемы.*

В экзистенциальном подходе, в частности, в исследованиях В. Франкла описывается влияние *экзистенциальной* проблемы утраты смысла на поведение, общение и деятельность клиента [8]. В.И. Секун относил поведение, общение, деятельность и рефлексии к активности [34]. *Психологическая* проблема также изменяет активность субъекта – ее носителя. Например, человек с психологической проблемой переживаний из-за тяжелой утраты будет больше направлен на себя [15], будет рефлексировать по поводу своей потери. Все это вызовет изменения общения, может отрицательно сказаться на деятельности и поведении [15]. *По показателю изменения активности экзистенциальные и психологические проблемы сходны.*

Как пишет А. Лэнгле, «смысл не может быть одним и тем же в течение всей нашей жизни, – ведь жизнь изменчива и постоянно ставит нас в новые условия» [7, с. 67]. «Смысл меняется с каждым изменением ситуации» [7, с. 67]. Динамикой смысла является его сохранение, потеря или обретение в процессе продвижения субъекта по линии своей жизни. Указывая, что «смысл – это конкретный смысл конкретной ситуации» [7, с. 67], А. Лэнгле тем, не менее, предполагает дихотомичность смысла ситуации – или есть ее смысл, или его нет [7]. Сам клиент также может выделять динамику экзистенциальной проблемы смысла жизни. В психологической проблеме выделяется динамика проблемы на ментальном поле (например, усиление выраженности про-

блемы, новые проявления проблемы), ее проекции на другие ментальные поля, а также все проявления динамики, характерные для экзистенциальных проблем. *И экзистенциальная и психологическая проблема имеют динамику, и в этом они сходны. Характер динамики экзистенциальной проблемы отличается от характера динамики проблемы психологической.*

Учитывая сходство и различия экзистенциальных и психологических проблем, возникает вопрос об их соотношениях. Рассмотрим три варианта: 1. Это две отдельные психологические категории. Учитывая многие черты сходства между ними, – это не так. 2. Это одна и та же категория. Однако, свести все психологические проблемы к проекции или проявлению экзистенциальных проблем нельзя. Например, утрата смысла какого-то отдельного вида деятельности для конкретного человека, вынужденного заниматься этой деятельностью, является проблемой психологической, если он это осознает и переживает в качестве проблемы, но если все остальные виды деятельности этого человека для него имеют смысл. У него имеется психологическая проблема, а не экзистенциальная. Отсутствует глобальность проблемы, и она привязана к определенному ментальному полю. Противоположный пример – человек не видит смысла своей жизни. Его проблема экзистенциальная. 3. Одна категория входит в другую. Этот вариант основан на понимании и экзистенциальных и психологических проблем как феноменов сознания. В. Франкл, с позиции пространственно-онтологического подхода, отмечает возможность «увидеть связанность некоторого феномена с другими феноменами, несмотря на специфичность феноменов более высокого порядка» [8, с. 223–224]. Феномен «экзистенциальная проблема» является феноменом более высокого порядка относительно феномена «психологическая проблема». Как пишет Б.С. Братусь, экзистенциальные проблемы свободы, познания, ответственности требуют «своего переоткрытия, освоения не в качестве только отвлеченных философских категорий, но как индивидуально – психологические, бытийно-переживаемые реалии...» [35, с. 8]. То есть, в понимании Б.С. Братуся, «бытийно переживаемые реалии» [35, с. 8] (в нашем понимании – психологические проблемы) – это или отражение, или проявление экзистенциальных проблем. Экзистенциальные проблемы в ряде случаев находят отражение в ряде более локальных психологических проблем, но психологические проблемы не сводимы в полной мере к проблемам экзистенциальным. 4. Экзистенциальные проблемы являются разновидностью проблем психологических, но имеющих ряд отличительных характеристик от них. В нашем понимании понятие «психологическая проблема» более широкое, чем «экзистенциальная проблема».

Заключение. Проведенное теоретическое исследование позволило определить составляющие сходства и отличия экзистенциальных и психологических проблем и установить, что не все психологические проблемы являются экзистенциальными, но все экзистенциальные проблемы являются психологическими, несмотря на ряд отличий одних от других. Полученные результаты позволяют прийти к более глубокому пониманию как психологических, так и экзистенциальных проблем, установить сходство и различия между ними как научными категориями.

Литература

1. Мэй, Р.Р. Экзистенциальная психология / Р.Р. Мэй, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс ; пер. с англ. Л.Я. Дворко. – Львов : Инициатива; М. : Институт общегуманитарных исследований, 2005. – 160 с.
2. Бинсвангер, Л. Бытие в мире. Избранные статьи. Я. Нидлмен. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ / Л. Бинсвангер ; пер. В. Хомик, М.А. Собуцкий (греч., лат., фр.). – М. : «Рефл-бук», 1999. – 336 с.
3. Бьюдженталь, Д. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / Д. Бьюдженталь ; пер. с англ. А.Б. Фенько. – М. : Независимая фирма «Класс», 1998. – 336 с.
4. Бьюдженталь, Д. Экзистенциальный анализ / Д. Бьюдженталь ; пер под ред С. Римского. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 272 с.
5. Лейнг, Р. Разделенное Я. / Р. Лейнг ; пер. с англ. Н. Кравченко ; под ред. Т. Ковтун. – К. : Гос. б-ка Украины для юношества, 1995. – 320 с.
6. Лейнг, Р.Д. Феноменология переживания. Райская птичка; О важном / Р.Д. Лейнг ; пер. с англ. Е.Н. Махнычевой. – Львов : Инициатива, 2005. – 352 с.
7. Лэнгле, А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия / А. Лэнгле. – М. : Генезис, 2008. – 128 с.
8. Франкл, В. Теория и терапия неврозов / В. Франкл ; пер. Н.А. Кириленко. – СПб. : Речь, 2001. – 234 с.

9. Долгова, В.И. Экзистенциальный страх смерти / В.И. Долгова, Н.Г. Кормушина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7. – С. 134–138.
10. Коротеева, Е.М. К вопросу об одиночестве подростков / Е.М. Коротеева // Психология в вузе. – 2013. – № 1. – С. 50–59.
11. Нартова-Бочавер, С.К. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования / С.К. Нартова-Бочавер, Н.Б. Астанина // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 1. – С. 16–32.
12. Калина, Н.Ф. Первая книга о dasein-анализе – предисловие к книге / Н.Ф. Калина // Наука быть живым : диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / Д. Бьюдженталь ; пер. с англ. А.Б. Фенько. – М. : Независимая фирма «Класс», 1998. – 336 с.
13. Калинин, Р.С. Социально-психологический аспект феномена терроризма / Р.С. Калинин // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. статей : в 2-х ч. ; Ред. кол. : О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИПО, 2015. – Ч. 2. – 360 с.
14. Константинов, В.В. Расставание с Родиной: социально-психологическая проблема миграции / В.В. Константинов, Н.А. Ковалева // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 5. – С. 3–15.
15. Гнездилов, А.В. Психология и психотерапия потерь / А.В. Гнездилов. – СПб. : Речь, 2004. – 162 с.
16. Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь / С.Н. Бурова [и др.]. – Минск : В.И.З.А. ГРУПП, 2009. – 352 с.
17. Пергаменщик, Л.А. Кризисные события и психологические проблемы человека / Л.А. Пергаменщик. – Мн. : НИО, 1997. – 208 с.
18. Соснин, В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема / В.А. Соснин // Психологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 78–90.
19. Дольто Ф. На стороне подростка / Ф. Дольто. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 368 с.
20. Юнг, К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы / К.Г. Юнг. – СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. – 416 с.
21. Техники консультирования и психотерапии. Тексты. / Ред. и сост. У.С. Сахакиан ; пер. с англ. М. Будыниной [и др.] ; науч. ред. Н. Бурьгина, Р. Римская. – М. : Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000 – 624 с.
22. Изард, К.Е. Эмоции человека / К.Е. Изард. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1980. – 440 с.
23. Блейхер, В.М. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. – М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 512 с.
24. Муздыбаев, К. Стратегии совладания с жизненными трудностями / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 102–113.
25. Василюк, Ф.Е. Психология переживаний (Анализ преодоления критических ситуаций) / Ф.Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. университета, 1984. – 200 с.
26. Шакуров, Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности / Р.Х. Шакуров // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 3–18.
27. Соколова, Э.А. Психологические проблемы человека и социальной группы / Э. А. Соколова. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – 232 с.
28. Сартр, Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.П. Сартр ; пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб. : Наука, 2002. – 319 с.
29. Мясищев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Ленинград : Медицина, 1960. – 427 с.
30. Тополянский, В.Д. Психосоматические расстройства / В.Д. Тополянский, М.В. Струковская – М. : Медицина, 1986. – 384 с.
31. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – М. : Медицина, 1983. – 256 с.
32. Безносков, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносков. – СПб. : Речь, 2004. – 272 с.
33. Божович, Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович ; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М. : Международная педагогическая академия, 1995. – 212 с.
34. Секун, В.И. Психология активности / В.И. Секун. – Мн. : Ред. журн. «Адукацыя і выхаванне», 1996. – 280 с.
35. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 301 с.

УДК 130.2:929*Х. Уайт

Тропология Х. Уайта: спорные моменты

В.В. ЦАЦАРИН

Рассматривается неоднозначно воспринятый в научном сообществе аспект философско-исторической концепции американского мыслителя Х. Уайта – тропология. Философа часто называют автором лингвистического поворота в осмыслении истории. Уайт указал, что историк при написании своих работ пользуется приемами, принятыми не в науке, а в литературе. Важное место среди них он отводил тропам. Споры о тропологии уайтовой концепции ведутся на протяжении второй половины XX и в начале XXI в.

Ключевые слова: философия истории, тропы, историческое исследование, историческое познание.

The article deals with tropology that is the ambiguously perceived in the scientific community aspect of the philosophical and historical concept of the American thinker H. White. A philosopher is often called the author of a linguistic turn in the comprehension of history. White pointed out that the historian, while writing his works, uses techniques not accepted in science but in literature. He considered tropes to be extremely important. Disputes about the tropology of the White concept are being made during the second half of the 20th and the beginning of the 21st century.

Keywords: philosophy of history, tropes, historical research, historical cognition.

Американский мыслитель Хейден Уайт – фигура для философии истории неоднозначная. Его работы оказали значительное воздействие на философское, а также на историческое познание. Кто-то соглашался с философом, находил в его рассуждениях «рациональное зерно». Но большинство историков относится к концепции Уайта довольно-таки негативно.

Постсоветское сообщество историков и философов по большому счёту открыло для себя Уайта после 2002 г., когда была переведена и опубликована его знаменитая монография «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в.» [1]. И, как и на Западе, встретило её неоднозначно. Уже само название книги настораживает. В нашей традиции история непременно рассматривалась как наука. Опираясь на концепцию Маркса, она строилась по чётким общим законам развития общества, смене общественно-исторических формаций, борьбе классов и т. п. Если что-то не вписывалось в схему, то особой проблемы в этом не видели, ведь не бывает правил без исключений. Скажем, Монголия шагнула сразу из феодализма в социализм, удачно минуя тяготы капиталистического способа производства. После утраты марксизмом монополии в определении подхода к пониманию исторического прошлого, отечественные историки могли не использовать подобную терминологию, но были убеждены, что занимаются научной деятельностью, пусть и несколько иного типа, чем физики или математики. А здесь, вдруг, историческое воображение. Углубившись в текст работы, историк получал ещё одни «удар»: по Уайту, выбор средств объяснения, при помощи которых историк создаёт свои произведения, носит внеэпистемологический характер [1, с. 50–51]. Тип построения сюжета, тип формального доказательства и тип идеологического подтекста, которыми пользуется историк при написании работы, не относятся к научным. Уайт прямо заимствует их типологии из литературоведения, политологии, но не из теории научного познания.

Уайтовой тропологии также досталось немало. Уже одно утверждение, что исторические работы можно поделить на основании того, какой троп в них превалирует, вызывает праведный гнев историков, отстаивающих научность своей деятельности. Напомним, что троп – это риторическая фигура, слово или выражение, используемое в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи. Тропы широко используются в литературных произведениях, ораторском искусстве и в повседневной речи. Так это, во всяком случае, утверждает знаменитая «Википедия». Конечно же в науке тропы не нужны. Ведь они только затемняют истинный смысл, ведут к иносказательности, то есть могут быть отнесены к виду идолов рынка или площади по классификации Френсиса Бэкона.

Рассмотрим всё же саму тропологию Уайта. Он использует традиционные четыре тропа, выделяемых в теории языка XX в. – метафору, метонимию, синекдоху и иронию, хотя и отмечает, что всё это – варианты метафоры. Только метафора по существу репрезентативна, метонимия – редукционистична, синекдоха – интегративна, ирония – негативна [1, с. 52]. При этом первые три тропа Уайт называет наивными в том смысле, что тот, кто их использует, уверен в возможности языка схватывать природу мира в фигуративных терминах. Ирония же, по Уайту, сентиментальна в шиллеровском смысле этого слова, то есть самосознающая [1, с. 55].

Далее Уайт приводит примеры применения наивных тропов на простом уровне: роза как репрезентация любимой женщины, указание на её качества и свойства при метафоре; отождествлении паруса как наиболее важной части корабля и всего судна, то есть сведение одного объекта к статусу проявления другого при метонимии; образное перенесение свойств части на весь объект при синекдохе (выражение: «он весь – сердце» как характеристика доброты и отзывчивости человека).

Ирония же или неявно утверждает то, что отрицалось эксплицитно, либо имплицитно отрицает то, что утверждалось на явном уровне (буквально). Поэтому её Уайт называет метатропологичной. Например, при определённом тоне голоса она способна неявно отрицать у человека положительные качества, даже если его охарактеризовать при помощи приведённой выше синекдохы. «В иронии фигуративный язык обращается сам к себе и ставит под сомнение собственные потенции восприятия» [1, с. 56]. Более того, ставится под вопрос сама возможность постичь суть мира при помощи языка.

Данный подход Уайт использовал в собственном анализе произведений известных западных историков и философов истории XIX в.: Ж. Мишле, Л. Ранке, Я. Буркхардта, А. Токвиля, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше и Б. Кроче. Подробности этого исследования можно прочесть в выше названной книге. Отметим только, что этим Уайт показал работоспособность своих теоретических конструкций, в отличие, скажем, от основоположника феноменологии Э. Гуссерля, который так и не смог объяснить и показать, как осуществляется феноменологическая редукция как процесс.

Критики Уайта обвиняли его в том, что он стремится принизить деятельность историка и лишит историю статуса науки [2, с. 38–39]. Необходимо согласиться с В.М. Бухараевым и Г.П. Мягковым, что такого замысла, когда читаешь «Метаисторию», незаметно. Уайт пишет о каждом исследуемом произведении каждого историка уважительно. Конечно, у Уайта нет цели, как, скажем, у его соотечественника А. Данто, доказать (или обосновать), что история – это наука. Последнюю традицию можно рассматривать как реакцию на позитивистское стремление «очистить» все науки от метафизики и заменить традиционную историю наукой об общих законах общества. Как образец брали математику и естествознание. Среди наук о природе ведущую роль в начале первой половины XX в. играла физика. В итоге естествознание было выбрано как эталон науки вообще. Даже определение понятия «наука» можно безо всяких оговорок применять к дефиниции физики или химии. Методы, применяемые в естествознании, также стали эталонными для науки. Традиционно в наших учебниках в разделе «Гносеология» прописано разделение методов научного познания на эмпирические и теоретические. Среди эмпирических методов выделяют наблюдение, измерение и эксперимент. Возникает вопрос, что из этого применимо в историческом познании? То, что перечисляется среди теоретических методов исследования, часто к исторической науке имеет примерно такое же отношение. Получается, что историк в своём исследовании не применяет общепризнанные научные методы. Следовательно, история наукой может и не считаться. Даже в современных определениях науки часто имеется пункт, что наука должна вырабатывать знания, на основании которых происходит преобразование человеком действительности. Это также явный уклон в естествознание. И если он имеется сейчас, то он ещё больше присутствовал ранее, во время «великих побед» человека над природой.

Вместе с теми, кто считал историю ненаукой, были и те, кто стремился обосновать противоположную тенденцию. Что касается нашей традиции, то монополия марксизма не позволяла развиваться дискуссии о научном или ненаучном статусе истории. А все западные размыш-

ления, в лучшем случае, могли представляться как агония буржуазно-капиталистического способа мышления. Отсюда и абсолютная уверенность наших историков в научном статусе истории. Существуют специально разработанные методы исторического исследования, которых каждый историк придерживается. Имеются методы критического рассмотрения источников. Факты, используемые для написания исторических произведений, проверяются. В конце концов, имеется Академия наук, а в ней – Институт истории. Поэтому Уайт, якобы, неправ.

О том, что он не собирается оценивать качество и историческую ценность исследуемых произведений историков, Уайт заявил в начале своей книги. Это он оставил специалистам. Следовательно, как философ истории, он мог не обращаться к методикам критики письменных источников, к допустимости тех или иных выводов в свете данных археологии и этнографии и пр. (хотя книги, которые исследовал и описывал в данной своей работе Уайт, относятся к периоду, когда археология, этнография и иные вспомогательные исторические дисциплины мало использовались). Он исследовал ход мышления и построения исторических трудов в общем.

Здесь возникает новое давнее противостояние: между историками и философами истории. Уже Гегель в своих философско-исторических размышлениях фактически запретил историкам размышлять над открытыми историческими фактами и делать выводы и обобщения. Этим, якобы, должны заниматься только философы истории. В то же время, Гегель считал, что философ не должен замечать многообразие исторических событий, а смотреть как бы сквозь них и выделять общее направление движения истории [3, с. 63]. Получалось разделение совсем в духе более позднего по отношению к Гегелю позитивизма: историк собирает и описывает факты, а философ истории выводит общие законы развития человечества.

Возражений здесь может быть несколько. Первое – чисто техническое. Как писал М. Хайдеггер, человек – это не некий изолированный от мира субъект, который изучает мир как объект. Человек одновременно и живёт в мире, и понимает его. Аналогично и в исследовании прошлого. Сложно представить описание какого-то исторического факта без размышлений, обобщений и выводов. Таким образом, конструкция Гегеля – это полнейшая абстракция, реализовать которую невозможно. Второе – касается самоуважения историков. Найти и описать факт (допустим, что такое возможно) и передать его для анализа и выявления его значимости философу – это очень сложно с точки зрения человеческой гордости. Третье возражение касается вопроса, почему это философы диктуют, что можно, а что нельзя делать историкам? Рационально ответить на это возражение невозможно.

Возвращаясь к Уайту, отметим, что, возможно, такие же мысли подтолкнули некоторых исследователей писать опровержения его концепции, обвинять в том, в чём он не был замечен, в частности, в принижении роли историка. Уайт не диктует историкам, что и как они должны (и не должны) делать. Он сомневается в тезисе, который в качестве ориентира для коллег высказал фон Ранке: исследовать всё так, как оно на самом деле произошло. Но в возможности этого сомневается и множество историков! Не говоря о фальсификациях и умышленном искажении, подлоге источников, игнорировании их и т.п., высказываются идеи о двойной субъективизации, которая присутствует в каждом зафиксированном в источнике историческом факте: 1) события были описаны человеком, который их «пропустил» через собственное мировосприятие; 2) записанный факт получает понимание, а значит и интерпретацию, тем историком, который использует его в своём исследовании. Уайт не пишет в «Метаистории» о том, что историки и исследователи историографии не должны критически осмысливать работы своих предшественников и коллег с чисто профессиональной точки зрения. Его релятивизация, в которой Уайта также нередко обвиняли, не основывается на том, что кто-то проигнорировал определённые факты, а кто-то учёл всё и пришёл к совершенно иным выводам. Релятивизм и равноправие различных исторических подходов проявляется в том, что Уайт не отдаёт приоритет ни одному из выделенных им: тропов, типов построения сюжета, типов формального доказательства, типов идеологического подтекста. То есть, если один историк описал Великую Французскую революцию, используя иронию и сатиру, а другой – метонимию и комедию, если в одном исследовании контекстуализм соединён с либерализмом, а в другом – органицизм с радикализмом, то предпочтение не стоит отдавать ни первому исследованию, ни второму. В этом смысле, то есть как исторические сочинения, они абсолютно равноправны.

Среди серьёзных оппонентов Уайта выделяется Франклин Анкерсмит. Он обвиняет теорию Уайта в амбивалентности. «Метаистория» – это не теория написания истории, а указатель, как необходимо читать исторические произведения. Уайт, по Анкерсмицу, прочитал исторические сочинения так, как если бы они были романами. К тому же, Уайт, высказывая тезисы о релятивизме историографии, (его тезис о том, что выбор между взглядами того или иного историка осуществляется по эстетическим мотивам) сделал историографию более философской, а философию истории – более историографической [4, с. 28–29]. Но более важна, по Анкерсмицу, амбивалентность тропологии Уайта. Именно она сблизила историю с литературой, что и стало причиной многочисленной критики концепции. По словам Анкерсмита, такое сближение, с одной стороны, не оставляет места для размышлений об истине, проверяемости исторических построений, когнитивной деятельности самого историка. Но с другой, философ приводит несколько мыслителей (М. Блэк, М. Хессе), которые, кроме Уайта, размышляли о метафорическом характере формирования понятий в науках [4, с. 30–31].

В качестве возражения Анкерсмицу, как и самому Уайту, можно привести аргумент об амбивалентности самой истории как феномена культуры. Историческое познание и, следовательно, исследование – это нечто особое, расположенное где-то между наукой и искусством (литературой). Историк действительно строит свои поиски, применяя некоторые методы. Самые известные среди них – историко-сравнительный и историко-генетический. Суть первого принято сводить к сопоставлению различных подходов, мнений на изучаемый предмет, применению комплекса (по возможности) исторических источников как письменных, так и иных. И эти источники также подвергаются критике, анализу, касающихся степени их достоверности и пр. Второй – предполагает изучение объекта со времени его зарождения (появления) в развитии. Имеются также иные моменты, сближающие историю с наукой. Однако никто не будет спорить, что историческое исследование – это наука особого рода. Многочисленные попытки применить здесь разные варианты верифицируемости знаний потерпели неудачу. Необходимо отметить, что данный тезис справедлив и для естествознания, кроме его классических разделов. Повсеместно входит в обиход положение о том, что современные естественнонаучные исследования, касающиеся сложных систем с вариативным поведением, всё больше вынуждены обращаться не к собственной классической методологии, а к гуманитарным методикам. Тем не менее, по предмету исследования (изучается то, чего больше в современной реальности не существует) и методологии, методике изучения история отличается от иных наук. А. Данто заметил, что имеется ещё одна наука, изучающая только прошедшие явления, причём нередко прошедшие очень (по человеческим меркам) давно, но относящаяся к точным естественным наукам – астрономия. Но данный аспект выходит за рамки данной статьи и рассматриваться здесь не будет.

Моментом, сближающим историю и литературу, на наш взгляд, является язык. Специфической исторической терминологии, подобной философской, физической, химической и т. п. нет, либо её не очень много. Исторические исследования часто написаны более-менее доступным языком, понятным и неспециалистам. Конечно, разные авторы читаются с разной степенью доступности в восприятии. Например, некоторые монографии по археологии чрезвычайно перегружены описанием найденных вещей, их типологией, выявлением сходных черт. Однако иные работы, не менее научные, то есть историчные, посвящённые схожим проблемам, но написанные другими археологами, воспринимаются легче. Здесь явно разница не в степени научности (и те, и другие авторы имеют заслуженные учёные степени) или значимости, а в стиле того или иного специалиста.

Кроме научных моментов, о которых говорится выше, историк при написании работы пользуется и теми приёмами, о которых писал Уайт. Это и тропы, и построение сюжета, и тип доказательства, и идеологический подтекст. И то, что они ненаучны, не делает историческое познание менее значимым для общества. Наоборот, это придаёт историческим исследованиям большую читабельность, интересность и понятность. Не секрет, что исторические сочинения читают больше людей разных профессий, чем монографии по квантовой физике или органической химии. Причина этого, которая лежит на поверхности, – это сложный специфический язык, перегруженность непонятными терминами последних. Поэтому близость литературе – это не порок, а достоинство истории. Пороком она становится только тогда, когда неспециалисты, видя кажущуюся простоту исторического познания, берутся писать сенсационные псевдоисследования.

Сам Х. Уайт своё предисловие к русскоязычному изданию «Метаистории» начал с того, что сейчас (в начале XXI в.) написал бы книгу иначе [1, с. 7]. То есть, он не считал свою концепцию, а, следовательно, и тропологию, абсолютной истиной. Но он не указывал, что не писал бы книгу вообще, хотя, по факту, она принесла ему сколько известности, столько и проблем. Типология исторических исследований и сочинений Уайта работает. Она предоставляет возможность изучать то, что написано историками не только с позиций истинно/неистинно, но и по иным критериям. И в этом её значимость и для философии истории, и для историографии.

Литература

1. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 528 с.
2. Бухараев, В.М. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы / В.М. Бухараев, В.П. Мягков // Учёные записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149, кн. 5. – С. 33–43.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
4. Анкерсмит, Ф.Р. Тропология и история: взлёт и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.11.2017

Визуализация идентичности в информационном обществе

О.В. ЧЕРНИЕНКО

Рассматривается визуальная деятельность как базовый чувственно-когнитивный фактор в репрезентации идентичности человека. Осмысляются особенности визуального проектирования идентичности социального субъекта. Утверждается исторически новая визуальность идентичности, связанная с современным информационно-технологическим движением.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, визуализация, визуальное, визуальность, видение, информация, информационное общество, история, метафора.

Visual activity as a basic sensory-cognitive factor of the representation of human identity is considered in the article. The features of visual design of the identity of the social subject are comprehended. A historically new visuality of the identity associated with the modern information and technological movement is asserted.

Keywords: identity, identification, visualization, visual, visuality, vision, information, informational society, history, metaphor.

В эпоху историографий (цивилизованной, городской культуры), например, христианских, призмой видения, задающей осмысление мира культуры, является технологический концепт «историчность». Из католицизма этот концепт проникает в европейскую науку с пафосом «нет ни одной науки, кроме науки истории» (К. Маркс). Перефразируя здесь великого философа И. Канта, можно сказать, что в каждой науке столько науки, сколько в ней истории. В методологическом смысле (методология – технология мыслительной деятельности, занимающаяся исследованиями нормирования наших рассуждений) история заменяет философию. Здесь работает метафизическая схема: когда историк *с радостью* пишет историю, он не может не закончить тем, с чего начал.

И у человеческого зрения есть своя история (особенная, но не самодостаточная), история как способ бытия социального субъекта. Зрение (умозрение) человека выполняет и функцию историографии. Любая коллективная историческая картина мира (умозрительная визуализация прошлого) служит самоидентификации сообщества, выявлению его отличия (неидентичности), противопоставлению «своих» и «чужих». Свою аутентичность и легитимность «те» и «эти» находят («видят как в кривом зеркале») в коллективном прошлом. «Ценность истории поэтому и состоит в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет» [1, с. 14]. Социальная визуальная деятельность проецируется зеркалом истории на живущего человека и воплощается в качестве его настоящей, а возможно и будущей идентичности. Человек цивилизации преодолевает не прошлое, а отжившее, старое. Прошлое продолжает жить в настоящем и будущем. Усилим: для цивилизованного человека без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Эта призма видения – *историчность* – есть условие существования мира цивилизации: нет логического без исторического. Но не до фанатизма (см. работу Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни», 1874).

Зрение, умозрение, видение, Визуальное (визуальная деятельность) предстает телесно-интеллектуальной формой – *актом* познания и преобразования мира человеком. Археология Визуального представляет нам множество культурных оптик («культур глаза» – не только созерцательность, но и орудийность), как субъектности («“Я” для других»), так и субъективности («“Я” для себя»). Для каждого общества, для каждой культуры (меры человеческого в человеке) имеем и *данность*, и *заданность* этих оптик. Визуальное многолико, имеет модусы, например, «Визуальность» и «Визуализация». *Визуальность* есть фактор *рутинного* мимесиса – эксплуатации, воспроизводства готовых значений (образов, мифов, конструктов, концептов, социальных практик и т. д.) в деле опредмечивания и распредмечивания труда. *Визуализация* предстает *креативным* процессом проектирования и конструирования новых значений, новых

икон производства человеческой жизни. В обоих случаях речь идет об идентичности/неидентичности как форме нашей социальности, но Визуальность скорее соответствует процессу идентичности – защиты себя как истинного, следовательно, нападение на другого как ложного, а Визуализация – процессу выбора идентичности, т. е. процессу идентификации.

Визуальное в идентичности пронизывает все сферы человеческой жизни, однако оно есть надстроечное, идеологическое явление. С позиций современного материализма развитие общества в конечном счете определяется развитием *способа производства материальных благ*, его объективными законами, т. е. наиболее глубоким источником качественного изменения общества являются противоречия способа производства. Именно разрешение противоречия несоответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил переводит общество на новую ступень развития. Во исполнение тенденции «несоответствия» политика идентичности социального субъекта зачастую выступает реакцией, поскольку идентичность есть не только *концепт*, разделяющий социальные пространства, но и *конструкт* отчуждения, овеществления отношений, механизм действия которого есть социопроекция, где господствующее социальное отношение ментально переносится на мир в целом, а потом возвращается обратно в общество, гипостазируясь «судьбой», «долей», «данностью» и т. п.

Хочется подчеркнуть, что в «идеологическом» (дискурсивном, социолектном) представлении человек *детерминирован* «центром», задающим иерархию структуры представляемого мира. Роль «центра» преувеличивается господствующей идеологией. В социально-философских концепциях «центр» играет роль *универсализированного отчуждения*, когда пороки конкретного общества возводятся в абсолют и превращаются в нечто непреодолимое – «центр», против чего бесполезно бороться. Как известно, *отчуждение* есть социально-философская категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект общественного процесса. Отчуждение связано с *овеществлением*, фетишизацией общественных связей людьми. *Истоки отчуждения – в разделении труда*. Понятие отчуждения выражает сущность исторически преходящих общественных отношений, основанных на разделении труда и частной собственности. Исходный пункт понимания отчуждения – проблема отчужденного труда. Идея о «снятии» отчуждения отражает тенденции социального развития.

Уточним связь материального и идеологического факторов в деле изменения способа производства. Локомотивами истории людей служат именно технологические революции. Технологические революции закономерны и неудержимы. За каждой технологической революцией следует социальная революция. Так, например, технологическая революция контрацептивов в XX в. привела к «женской революции» – эмансипации сознания женщин от комплекса неполноценности: женщины стали экспериментировать со своим телом наравне с мужчинами, следовательно, экспериментировать со своим сознанием, визуальностью, значит, идентичностью (человеческое тело всегда является социальным конструктом; в целом тело более значимо в структуре женской идентичности, поскольку в традиционной культуре женщина репрезентируется через ее тело). Эта технологическая революция спровоцировала феминистическую критику культуры. Однако необходимо знать, что *необратимость* социальной революции определяет победа мировоззренческой, идеологической, следовательно, визуальной революции.

Обусловленность идеологических общественных отношений (политических, правовых, нравственных, религиозных, философских и др.) материальными составляет непреходящее достижение современного материализма. В свою очередь, характер материальных общественных отношений определяется тенденциями роста производительных сил общества, среди которых главная производительная сила – человек. Поэтому для адекватного объяснения исторических изменений необходимо сопрягать анализ материальной, предметной деятельности с анализом деятельности по производству самого производителя материальных и духовных благ. И здесь на передний план выступает проблема метаморфозы самосознания эпохи.

Генезис и становление нового самосознания, мировоззрения представимы результатом двух направлений – «снизу» и «сверху». Метаморфоза мировоззрения вызывается в конечном

счете новыми социально-экономическими условиями, действующими стихийно «снизу вверх», однако укоренение, становление нового способа жизни невозможно без опосредствующего влияния идеологических систем переходной эпохи, действующих организованно «сверху вниз».

Идентичность социального субъекта есть связывающая и организующая метафора (см. подробнее работу Ф. Анкерсмита «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков», 1983). Здесь, по мнению украинского философа В.А. Черниенко (см. его статью «Философия и становление национальной идентичности», 2011), важным является то, что *метафора есть конституирование идентичности (индивидуальности)*, утверждение, посредством которого комплекс идеологических (иллюзорных, воображаемых) качеств становится индивидом, т.е. провозглашает себя действительностью (истинной, правдой). Научное осмысление значения визуализации идентичности субъекта в социальном пространстве глобализирующегося информационного общества долго еще будет оставаться актуальным для современной гуманитаристики.

Визуальное всегда является базовым фактором в репрезентации идентичности человека. Ещё Аристотель в «Метафизике» указывал на то, что зрение есть «интеллектуальное чувство» и «основа познания». Он пришел к выводу, что «видение» как зрительное восприятие человека является социально обусловленным процессом. Зрение человека можно назвать основой и предпосылкой социальности. «Зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах]» ...предпочитаем его «всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать» [2, с. 65]. Но до известного времени Визуальное находилось «за» сознанием. «Визуальный поворот» XX в. есть значимый фактор в осознании *истории зрения человека*, его оптики познания и преобразования мира. Теперь же Визуальное содержится в самом сознании – о Визуальном упоминают не только в обыденности, им пронизан и научный дискурс, например, *социальной визуалистики* как междисциплинарного проекта, предметом изучения которого является социальное визуальное (см. работу Е. В. Батаевой «Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики», 2013).

Коллективная монография под редакцией Х. Фостера «Зрение и визуальность» (1988), с которой, по сути, начались визуальные исследования, предваряется попытками различить зрение как (психо-)физический процесс (*vision*) и зрение как социальный факт (*visuality*). Для Фостера «физическое зрение и социально, и исторично, а визуальность вовлекает и тело, и психику» [3, с. 9]. Но *дискурс истории зрения* не обходится без оговорок. Так, арт-критик и теоретик современного искусства Дж. Крэри полагает: «Если я и упомянул об истории зрения, то только как о гипотетической возможности. Актуальное изменение нерелевантно ни зрению, ни восприятию, поскольку они не имеют автономной истории. Что изменяется, так это многочисленные силы и правила, составляющие поле, в котором происходит восприятие. И что определяет зрение в любой отдельно взятый исторический момент, так это не некая глубинная структура, экономическое основание или мировоззрение, а, скорее, функционирование скопления несопоставимых частей на единой социальной поверхности» [4, с. 6].

Окулярцентризм современной гуманитаристики – «очевидность и безусловность зримого» – хорошо работает в пределах дискурс-анализа как эффективной критики капиталистического *status quo* – товаризации универсума. Исследование идентичности в рамках теории дискурс-анализа предполагает синтез лингвистики, психоанализа и марксизма. Со стороны лингвистики дискурс-анализ учитывает, что к внешним свидетельствам идентификации, которые осваиваются на начальном этапе «культурной инсценировки», принадлежат не только усвоение поведенческого кода и символики одежды (визуальности), не только усвоение заданного социокультурного пространства (эстезис), но и выработка лингвистической компетенции (логоса). Со стороны психоанализа остается эвристика концепта бессознательного («социальной оптики») в его связи с сексуальностью (хотя и освобожденной от гетеросексуальной генитальности), откуда, видимо, черпается энергия воображения идентификации (отождествление с объектом, слияние с ним) и понимание перверсии как «извращенности», такой естественной для нашего сексуального инстинкта. Со стороны марксизма осмысливается генезис, становление и развертывание идеологических, идентифицирующих, куль-

турных форм (визуальных в том числе), когда формируется социальный интерес, происходит его осознание и затем составляется доктринальное оформление этого интереса – стихийно или целенаправленно, в виде группового ритуала (визуальности) и фольклора (мифа – либретто ритуала) или в трудах-доктринах идеологов; марксизм показывает связь материального производства с производством доктрин, с интересами и потребностями людей и, как следствие этого, условиями выработки устойчивых идентификаций. Дискурс-анализ как теория стал возможен как отражение социальной практики современного, информационного общества.

По-видимому, справедливо мнение современного американского социального философа С. Зонтаг о том, что сегодняшнее информационное общество, общество массового потребления особо нуждается в культуре, основанной на изображениях: «оно устраивает множество зрелищ для того, чтобы стимулировать сбыт товаров и делать нечувствительными к классовому, расовому и половому неравенству. Оно нуждается также в сборе *беспредельного количества информации*, чтобы эффективнее эксплуатировать природные ресурсы, увеличивать производительность труда, поддерживать порядок, вести войну и создавать рабочие места для бюрократов» [5, с. 178–179]. Визуальные массмедиа определяют действительность как зрелище (для масс) и как объект надзора (для правителей). Но абсолютный надзор «Большого Брата» невозможен постольку, поскольку кроме знания-власти нам дана и задана *информация как сигнал, имеющий наивысшую степень непредсказуемости*. Всякое знание есть информация, но не всякая информация есть знание. Возможна лазейка в новые социальные режимы за пределами рынка (заметим, что рынок не вечен, будет преодолен, поскольку не универсален, т.е. не удовлетворяет всех своих агентов). Современное противоречие между рыночной «Сетью» и «Я» – это противоречие между становящимся глобальным информационным обществом и ценностями конкретного народа, это угроза исторически сложившимся идентичностям, которые, пытаясь сохраниться, создают сопротивление тенденциям Сети.

Критический анализ кризиса идентичности в контексте противоречивых «информационных» тенденций глобализации представлен работами С. Хантингтона, П. Кеннеди, И. Валлерстайна, У. Бека, П. Химанена, Р. Робертсона, З. Баумана, М. Кастельса, В.Л. Иноземцева, А.С. Панарина, О.Г. Данильяна, А.В. Бузгалина. Современный авторитетный социолог М. Кастельс указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти [6, с. 42]. Информационное, информациональное общество – это такое общество, в котором господствующим отношением во всех сферах социальной практики (визуальных в том числе, например: мода, фотография, кино, реклама) является отношение информационной технологии и которое организовано в глобальном масштабе в информационно-производственную сеть, что позволяет оптимизировать производство и обмен. Глобальная сетевая технологическая революция провоцирует локальные социальные революции, а те в свою очередь становятся успешными благодаря новому мировоззрению, мировоззрению человечества (см. работу К. Маркса «Тезисы о Фейербахе», 1845), в котором Визуальное играет особую роль.

«Жизнь как она есть сама по себе» нам никогда не «дана» непосредственно, а всегда «задана» культурально. Понять жизнь во всей ее полноте невозможно. Жизнь – это неизвестное или непонятное целое. Нам жизнь-как-целое заменяют грёзы о жизни – конструкты и концепты. Грёзы – человеческое, слишком человеческое. Так, например, кино – это грёзы, даже если кино документальное. Вообще понимать, значит, развивать из себя самого то, что услышал от другого. «Непонятного, побольше непонятного! Люди боятся непонятного!» – говаривал Остап Бендер. Все, что люди не понимают, они стараются уничтожить. Другому как понять тебя! Ритуалы, мифы, идеалы – это акты понимания. Понимают, любят не живого человека, а придуманный образ. Так, у В.Д. Дудинцева в его «Белых одеждах» (1988) находим: «Леночка... Я не шляпа, но я обыкновенный. Не идеал. – Ты мне не нужен, если ты не идеал! – прошептала она, шмыгнув» [7, с. 232]. Для человека воображаемая реальность и есть сама жизнь. Советский и эстонский литературовед, культуролог и семиотик Ю.М. Лотман выразил это так: «Зритель настолько уверен, что на экране он видит подлин-

ную реальность, что, даже если ему показывают павильонные съемки и пейзаж представляет собой декорацию, то эта декорация, существующая до съемки, и есть то самое, что он видит на экране. На самом деле кино *создает свою реальность*. Где бы ни снимался фильм – на лоне природы или в павильоне киностудии, – пейзаж, который мы видим на экране, создают не природа и не художники и плотники, а режиссер и зритель. И камера, и монтажный стол, и глаз зрителя активно формируют тот мир, в котором живет фильм. Фильм создает свою реальность. Конечно, не только кино, но и всякое искусство создаст свой художественный мир, пространство своей реальности. Но ни в одном из ныне существующих искусств иллюзия, заставляющая принимать «вторую действительность», создаваемую художественной деятельностью, за нотариально заверенный документ, созданный самой жизнью, не действует с такою силой» [8, с. 16].

Известный вклад в дело визуальной революции нашей современности был внесен так называемым «Новым взглядом» великого дизайнера XX в. Кристиана Диора. Речь идет о коллекции одежды «New look» (русский аналог также «Новый образ»), увидевшей свет практически сразу после Второй мировой войны. Коллекция произвела переворот в сердцах и в умах и ознаменовала начало нового этапа в женской моде того периода. Модный журнал «Вог» писал: «Диор возвратил мечту оскудевшему миру». Мечта визуализировалась, воплотилась в видимые объекты прекрасного. Это был в буквальном смысле новый взгляд на женщину, на ее визуальную идентичность. Модели Диора не отличались практичностью, однако в них отображалась настоящая суть женской природы: нежность, красота, величие, грация. Красота в данном случае конвертировалась в пользу. Многие критиковали коллекцию, но никто не мог поспорить с невероятной оригинальностью ее стиля. «Новый взгляд» Диора – это революция с доставкой на дом. Это тот случай, когда дизайн как эстетизм эпохи потребления выходит на передний план в деле осмысления и проектирования новых, революционных, идентичностей. Эстетизм становится на службу дизайну, когда индивидуальность трансформируется в Сеть.

Таким образом, есть смысл говорить о социальной революции во всемирном масштабе. Эта революция экстраординарна в том смысле, что направлена не против собственности частной монополии, а против монополии частной собственности, т. е. эта революция не только политическая, но и культурная, визуальная, направленная на укоренение *общественной* собственности как альтернативы *общинной* и *частной* собственности. Общественная собственность или обобществленный труд, т. е. наука как универсальное дело человечества меняет и *призму видения* людей, а именно: ни одна из идентичностей (читай: собственности) не может уже являться господствующей; здесь действует закон – наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях наиболее богатого развития, где одно и то же является общим для многих или для всех; теперь идентичность перестает быть мыслимой только в особенной форме, более того, с глобальной мобильностью для многих идентичность становится случайной и потому безразличной. Феномен «цветных революций» современности есть момент исторически новой визуальности.

Литература

1. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 486 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4-х т. / Аристотель ; ред. В.Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
3. Vision and Visuality / Ed. H. Foster. – Seattle : Bay, 1988. – 134 p.
4. Crary, J. The techniques of observer : on vision and modernity in the 19th century / J.Crary. – Cambridge, MA : MIT Press, 1992. – 184 p.
5. Sontag, S. On photography / S. Sontag. – New York, 1976. – 207 p.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Дудинцев, В.Д. Белые одежды: роман / В.Д. Дудинцев. – М. : Советский писатель, 1988. – 512 с.
8. Лотман, Ю.М. Диалог с экраном / Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян. – Таллин : Александра, 1994. – 144 с.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 09.02.2018. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 17,42. Тираж 100 экз. Заказ № 54.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.